КЛЕОПАТРА БОЛОТИНА

БАГРЯНЫЙ ЗАКАТ.

РОМАН

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ.

КЛЕОПАТРА БОЛОТИНА

БАГРЯНЫЙ ЗАКАТ

Роман из революционной эпохи

Сан Франциско

1979

ОБЛОЖКА
ГЕОРГІЯ БЛОНСКОГО

Портрет автора
работа художника Евгения Дункель

ДОЧЕРИ ИОЛАНТЕ
ПОСВЯЩАЮ

"La vita se ne va,
Se ne va, come un fiume
Che fa rapina e non trova il suo mare!..."

Gabriele d'Annunzio

«Жизнь не несется плавно,
Не несется как ручей,
Но производит хаос
И не находит своего моря!...»

Габриеле Д'Аннунцио

Клеопатра Болотина

С детских лет жизнь Клеопатры Михайловны Болотиной была связана с искусством. Внучка академиков: скульптора Михаила Микешина и Афанасия Рокачевского, она рано проявила свои способности в пении и танцах. Восьми лет исполняла детские песни Цезаря Кюи, была ученицей Айседоры Дункан в Петрограде.

Подлинное призвание Клеопатры Болотиной сказалось в литературе. В 1942 году вышла ее первая книга рассказов из эмигрантской константинопольской эпопеи. Вторая книга, издана в 1967 году, «Русская душа в изгнании», серия рассказов из эмигрантского быта, была хорошо встречена читателями. Кроме этого Клеопатра Болотина написала несколько пьес и состоит членом Лиги Американских Драматургов.

«Багряный закат» первая большая работа талантливой писательницы: роман на фоне революции и эмиграции.

Персонажи «Багряного заката» живут, хорошо индивидуализированы, они остаются в памяти. Героиня романа — Катя, с ее скитаниями и приключениями, победой над жизнью и бесконечной тоской за родиной и родной Ялтой, где прошло ее детство. Во всем романе живой ниткой тянется трогательная и грустная любовь Кати, происходящей из хорошей дворянской семьи, и социалиста, студента Саши. Характер Кати психологически написан прекрасно.

Действие романа идет быстро, плавно, картинами и эпизодами. Исторический фон дореволюционного времени, революции и эмиграции исторически точный, логиче-

ский. Политических мотивов нет, нет и кровавых описаний баталий и тюрм, это человеческие переживания, романтическое описание жизни молодой девушки на фоне революции.

Язык романа ясный, простой, выразительный. В диалогах часто употребляется бытовой язык, что и делает повествование ярким, человечески близким, живым. Стиль романа легкий, простой, без ненужного накопления фраз и картин.

Клеопатра Михайловна Болотина эмигрантская бытописательница, она носительница национального духа и хранительница вековой русской культуры. Ее роман глубоко национальный.

В. Ф. Ходасевич сказал об эмигрантской литературе:

«Национальность литературы создается ее языком и духом, а не территорией, на которой протекает ее жизнь, и не бытом, в ней отраженным».

Слова эти прекрасно характеризуют книгу Клеопатры Болотиной. Хотя роман «Багряный закат» писаный в эмиграции, часть действия проходит в Западной Европе и в Америке, и хотя писательница подчеркивает свою любовь и уважение к новой родине — Америке, все же роман чисто национальный и проникнут глубокой тоской по родине.

«Когда и где русский изгнанник нашел свое настоящее счастье на чужбине?», говорит писательница на последней странице своего романа...

Проф. В. Н. Литвинович.

Глава I

Утро

В августе 1902 года Катю крестили в чудесной обстановке ее родной Ялты, еще не вышедшей из утренней дремоты: на горах, укрывая вечные снега, лежали розоватые облака, по зеленым склонам свисали разноцветные головки роз. Море и небо сливались в одно молочное пространство и у берега, на легких едва шелестящих волнах, покачиваясь как в колыбелях, спали чайки. В густых садах спадал спелый, сочный виноград, цвела пряная магнолия и на фоне затуманенного воздуха, перед знойной жарой, миражем выступали стройные кипарисы и нежные тополя.

Под мягкий звон колокола Св. Александро-Невской церкви новорожденную Екатерину вынесла на воздух крестная мать, ее родная тетка, Анна Андреевна Корсакова.

Тетя Анна любила вспоминать этот день; рассказывала о себе, что она тогда была очень хороша собой и переживала платонический роман с одним красавцем-проводником, татарином Гасаном. В это знаменательное утро Гасан со своей лошадью «Джаным» прятались за церковной оградой. чтобы полюбоваться на семейное торжество. Тетя Анна понимала конечно, по опыту, что ее отец никогда не согласится на ее брак с татарином, предугадывала свою судьбу старой девы и переживала сладчайшие минуты, держа на руках племянницу-крестницу, прехорошенькую девочку-младенца со смуглой кожицей, большими карими глазками, шелком темных вьющихся волос, непохожую ни на кого в семье.

У тени Анны было странное чувство: «если бы она вышла замуж за красавца Гасана, судьба бы благословила

ее такой же дочуркой». С этой мыслью она полюбила Катю материнским чувством.

Ее младшая сестра, мать Кати, Мария Андреевна, голубоглазая блондинка, считалась писанной красавицей. Она овдовела всего лишь семь месяцев тому назад и только ко дню крещения дочери переменила свой строгий траур на роскошное платье из кремовых кружев, с такой же шляпой и зонтиком. По выходе из церкви Марию Андреевну сопровождали знакомые дамы, старушки, которые хорошо знали не только двух сестер Корсаковых, но и их родителей: покойную мать, урожденную княжну и здравствующего отца, крымского помещика и дворянина.

Нарядные женщины как бы наконец освободились от церковного напряжения и торжественности, сразу зашумели, заворковали с поздравлениями, поцелуями. Только несколько дам непонятно отделилось, отошло в сторону под деревья церковного дворика и оттуда бросали странные, недружелюбные взгляды на Марию Андреевну. Потому ли, что она нарушила церковный устав, присутствуя на крещении своего ребенка, то ли завидовали ее парижским кружевам... Но и на новорожденную крошку они поглядывали с усмешками, перешептываясь, были похожи на злых волшебниц из сказки... А те, кто окружили прелестную малютку, напоминали добрых фей. Они на перебой сулили ей счастье, предсказывали будущее:

«Родинка за ушком... будет счастлива в жизни»...
«Волосики вьются... будет любима и богата»...
«Смотрит вверх... будет горда и независима»...

* * *

На гористой Аутской улице, на каменистом возвышении, красовался двухэтажный дом с мезонином. Большая терраса выходила в сад. У решетчатой калитки висела дощечка с надписью: «Вилла Дэзи». Этот дом с обширным участком, виноградниками, принадлежал Катиному деду, Андрею Федоровичу Корсакову. Одно время он заведывал удельными имениями, имел несколько собственных домов и земельных угодий в Крыму. Женился поздно на первой красавице Симферополя из обедневшей семьи родовитых князей, потомков далеких и славных тавроскифов, защитников Крыма.

Молодую княжну Евгению называли «Дэзи». Она получила домашнее английское воспитание, но оставалась

своенравной и необузданной; ездила на лошадях без седла, уносилась по гористым и крутым дорогам, оставляя далеко позади себя сопровождающих. Убегала в гости к татарам и плясала на их свадьбах.

Андрею Федоровичу она причинила много огорчения, а под конец разорила его. У него остался только один ялтинский дом на Аутской, в котором подростали его две дочери: Анна и Мария. По желанию и капризу матери образование и воспитание девочек велось дома учителями и гувернантками. Дэзи любила показываться со своими дочерьми, как с куклами, катала их по набережной в собственном открытом ландо, брала их заграницу. Все это оставило заметный след в их натурах. После довольно ранней смерти матери, сестры продолжали жить в беспечном мире грез... Но с годами старшая Анна глубже привязалась к дому и к отцу, а Мария, много красивее сестры и обладая прелестным голосом, мечтала стать певицей. В двадцать лет она своевольно умчалась в Москву, поступила там в Консерваторию, а через год вышла замуж «по безумной любви», как она писала домой.

Молодые приехали в Ялту. Андрей Федорович по доброте сердечной все простил дочери и одобрил ее выбор. Молодой человек, Сергей Михайлович Серебряков, оказался неглупым, образованным, с дипломом инженера. Марья Андреевна вернулась с мужем в Москву, прожила там еще пять лет и вдруг приехала в родной дом в глубоком трауре и в ожидании ребенка: Сергей Серебряков умер скоропостижно, не оставив никаких средств.

Ялтинское солнце и ласка родительского очага быстро осушили слезы молодой вдовы, вернули ее к музыке и пению. Но она долго не снимала своего траура, словно не желала расстаться со своей вдовьей судьбой, к тому же черный цвет платьев удивительно шел к ее внешности. Она вела почти замкнутый образ жизни, редко где бывала, но к ней часто приезжал из Петербурга уже немолодой чиновник министерства. Он как-то быстро стал своим человеком в семье, где его называли «дядя Ники», и подружился с Андреем Федоровичем, который сильно сдал в здоровьи и большую часть времени проводил дома, почти не двигаясь. Приезды петербургского чиновника интересовали старика — тогда столичная жизнь бурлила политическими страстьями. Он задумчиво и молча выслуши-

вал все то, что рассказывал ему дяди Ники — время от времени, поворачивая голову к иконе Спасителя, мысленно молился о спасении России и ее Правителя-Государя.

* * *

После смерти отца Анна и Мария получили поровну ялтинский дом, небольшую сумму сбережений и государственный выигрышный билет, который подогревал мечту сестер о возможном богатстве.

Анна, как более опытная в ведении домашнего хозяйства, заняла положение старшей в доме. Она и внешним видом походила больше на тетку, чем сестру Марии, что случается нередко с незамужними девицами в возрасте. Одевалась она просто, поудобнее, без всякого кокетства, возилась с прислугой, счетами и все ее называли «тетя Анна». Насколько она была экономна в деньгах, настолько Мария, не задумываясь, тратила их легко. Из-за этого между сестрами происходили ссоры. Анна сгоряча называла Марию «транжирка», та со слезами отвечала: «скряга!»... Анна все же уступала Марии. Пользуясь этим, Мария Андреевна, получив деньги, уезжала в Европу, «отдохнуть от страданий»... Дочь она оставляла на попечении сестры. Тетя Анна души не чаяла в племяннице, опекая каждый ее шаг, но при этом давала девочке полную волю резвиться.

Кате шел восьмой год. Тетя Анна находила, что ей еще рано чему-нибудь учиться, кроме, быть может, французскому языку и музыке, но на эти предметы у Кати не хватало терпения и она продолжала «резвиться». Большей частью она проводила время в своем саду, где была как в сказочном плену меж гор, беспредельного моря и верных охранников-кипарисов. В летние утренние часы тетя Анна водила Катю к морю купаться. В воде она крепко держала ее руку, ни на минуту не забывая об опасности Черного Моря: как часто его тихие волны превращаются в свирепые гребни, уносящие с собой жизни...

Тетя Анна не умела плавать, боялась, чтобы Катя не научилась, «а то будет заплывать»... Но море открывалось перед Катиными глазами захватывающей стихией, к которой было страшно подойти и все же оно влекло необъяснимой магической силой, как сама жизнь, начавшая рано волновать Катину душу.

Глава II

Детство

С осени 1912-го года в ялтинском доме впервые заговорили о переезде в Петербург. На этом настаивала Мария Андреевна, убеждая сестру, что «в столице нужно жить из-за Кати, у которой замечаются большие способности и ее необходимо начать учить серьезно»...

— Какие-такие «способности» могут быть у десятилетнего ребенка? — взрывалась тетя Анна, со страхом думая о большом городе.

— Во французский пансион ей как раз пришло время. Ты сама мечтала об этом для Катички, — волновалась мать.

Обычно семейные разговоры и ссоры происходили с должной осторожностью, но часто сестры увлекались, забывались, повышали голоса. Катя без труда узнавала домашние планы. Предоставленная большей частью самой себе, девочка мало что знала, она даже плохо читала и писала. Усвоила несколько книг со сказками, баснями, знала молитву «Отче Наш», и некоторые песни, которые напевала ей мать. Но интересовалась Катя многим и воспринимала быстро, скорее чутьем и любопытством все, что вставало перед ней загадкой. Рано начав интересоваться своей внешностью, подолгу задерживалась у каждого зеркала. В доме она часто любовалась портретом своей бабушки Дэзи, написанным каким-то проезжим художником в расцвете ее молодости, красоты и жизнерадостности: огромные глаза горели веселым блеском, темные волны волос в свободном беспорядке были перехвачены

ярко голубой лентой и вся она, легкая и прекрасная, словно мчалась куда-то, навстречу ветра, бури...

Катя находила в себе нечто общее с бабушкой, она сама хотела бы быть такой же, а потому присвоила ту же моду растрепывать свои волосы. Она любила ложиться на кушетку, притворяться спящей и ждать, что о ней скажут.

Однажды тетя Анна заметила сестре: — Посмотри, как Катюша хорошеет и становится похожей на нашу мать.

— Лишь бы характером пошла в своего отца, — негромко отозвалась Мария Андреевна.

Катя вздрогнула от неожиданности, она никогда ничего не слыхала и не знала о своем отце, кроме того, что он умер. Но ее не раз интересовало одно странное явление: нигде в доме не было его портрета, а на стенах были развешаны или просто стояли в рамках на ломберных столиках открытки и фотографии нарядных дам, мужчин, дедушки в парадной форме, а также много снимков Царской Семьи.

Катя впервые спросила: — Мама, где портрет моего папы, он был красивый?

Этот вопрос вызвал почти испуг. Мария Андреевна поспешно вышла из комнаты, а тетя Анна приблизилась к Кате и тихо сказала ей:

— Детка, никогда не спрашивай маму о нем. Ей очень тяжелы эти воспоминания...

Катя почувствовала как-бы раскаяние, печаль за мать и глубокий прилив своей любви к ней, ко всему ее нежному облику в черных платьях.

Наступил отъезд из Ялты. За все годы, впервые, «Вилла Дэзи» была заперта до следующей весны.

В Петербурге сняли квартиру на Миллионной улице, в четырехэтажном доме строгого вида, с парадным в коврах и с важным швейцаром, стариком немцем, которого звали Иван. Квартира, помещалась на верхнем этаже. И что обрадовало тетю Анну: из окон, выходящих на улицу, виднелся краюшек Царского Зимнего Дворца. Наняли кухарку Феню, латышку, говорящую по-русски. Она потребовала себе помощницу, взяли горничную Пашу. И началась жизнь полная столичного комфорта и благополучия.

Частым гостем был дядя Ники. В Петербурге он являлся своим человеком. Он неоднократно брал Марию Андреевну и Катю кататься на извозчике по большому шумному и замечательному городу, который, по его словам, «не похож ни на какой другой город в России, потому, что Царь Петр и Екатерина Великая внесли в него дыхание мировой культуры».

После прогулок, за обедом, дядю Ники все слушали с большим вниманием и интересом. Заставляли Катю сидеть, не шевелясь, но Катя подчинялась этому с трудом. Необъяснимо, почему она не любила дядю Ники, ничего ей не нравилось в нем: высокого роста, худой, в очках, он вызывал в ней даже некоторый страх. Она особенно была недовольна, когда он оставался до позднего часа в их доме или вдруг уезжал куда-то с ее мамой. Катю душили слезы от какой-то обиды на них и на всех... Однажды она дошла до истерики: за столом дядя Ники, посмотрев на нее пристально, неожиданно спросил:

— Когда же ты пойдешь в школу, Катя?...

За нее, перебивая друг друга, заговорили мать и тетя:

— Все уже устроено... Катя будет жить и учиться во французском пансионе на Конюшенной улице, там начальница графиня. Теперь только обстоит дело за специальной школьной формой.

— А почему Кате не пойти в русскую гимназию? — вдруг повысился голос дяди Ники, но голоса дам также повысились и его какие-то возражения потонули в общем шуме, а Катя вскрикнула вне себя:

— Я никуда не пойду жить и учиться!.. — Рыдая, она убежала к себе. Однако, уже на следующий день, начались хлопоты и приготовления к ее поступлению в пансион, что оказалось для Кати мучительным переживанием. В первый день ей пришлось долго стоять в кабинете директрисы, пока тетя Анна с трудом убеждала по-французски графиню в каких-то исключительных способностях Кати. Маленькая седоволосая начальница, подтянутая со всех сторон, в черном шелковом платье, чем-то похожая на ворону, говорила тете:

— Я рада бы принять мадумазель Катю, но по своему возрасту девочка должна быть уже во втором классе, а по

ее познаниям она подходит лишь в приготовительный класс с малютками.

Наконец сошлись на следующем: Катя поступит в первый класс, но жить будет дома. После школы к ней на дом будет приходить учительница и «подгонять» ее.

Тетя Анна со слезами благодарила директрису, словно вымолила милостыню для своей несчастной племянницы. Когда графиня обратилась к Кате со словами: "Katia, venez a moi, ma pauvre petite",[1]) тетя Анна в волнении прошептала: — Катичка, ручку поцелуй, она теперь твоя начальница...

Следующим испытанием для Кати явилось ее первое столкновение с одноклассницами. Девочки гурьбой налетели на нее, пронизывали острыми иголочками своих глаз. Одна за другой требовали от нее клятв, «что она будет дружить только с ней»... Из-за Кати начались ссоры. Когда она уходила домой, одна школьница поцеловала ее и шепнула: "Je t'aime," а другая больно ущипнула ее за руку и прокартавила: «Ти кивляка»... Вся школьная жизнь показалась Кате трудной и загадочной, она мирилась с ней только как с чем-то неизбежным. Но как душа ее рвалась из класса, от однообразных белых воротничков девочек с их хитрыми, недобрыми глазками, улыбками! Катя тянулась к дружбе: ее особенно интересовали девочки вне школы, она их видела случайно, где-нибудь, во время прогулок в городском сквере. Такие незнакомки, скромно, почти бедно одетые, с грустными личиками, с куклами из тряпок, странно располагали Катю к себе. Ей хотелось подойти к такой девочке, пригласить к себе в гости и показать ей своих кукол. О, она бы подарила ей одну!... Но как только кто-нибудь из своих замечал Катин интерес к такому знакомству. их разъединяли. Катя слышала замечание: "Mais, tu ne dois pas jouer avec cette fille!" [2])

Один случай причинил ей даже страдание. Девочку, которую ей удалось пригласить к себе в дом, горничная Паша не впустила. Катя услышала сердитый голос прислуги:

— Уходи... уходи... у нас таких не пускают к барышне!

---

[1]) Катя, подойдите ко мне, моя бедная маленькая.

[2]) Но ты не должна играть с этой девочкой!

С чувством жалости к бедной, обиженной девочке, Катя раскричалась до слез и припадка. В доме началась суета. Катю уложили в постель, вызвали врача.

Вскоре вместо учительницы для нее взяли гувернантку, с которой она должна была гулять и говорить по-французски. Для Кати вернулись прежние праздничные дни, но они ее не радовали, она рвалась к чему-то... Весной она экзаменов не выдержала и осталась в том же классе, от подруг же она наслышалась не мало колкостей и насмешок. Единственным утешением для нее была предстоящая поездка на лето в ее любимую Ялту.

Глава III

Ялта

«Крым — жемчужина моей короны».
(Имп. Екатерина).

Каждый раз приезд в родной городок приподносил Кате вереницу знакомых, сладостных ощущений; в горячем чистом воздухе сияло море. Извечной таинственностью темнели горы со скрытой в них жизнью маленьких татарских деревушек, правоверных мусульман, а ближе радовали глаз нарядные виллы, цветущие сады на склонах гор. Вдали волновал воображение укрытый сиреневыми глициниями Ливадийский Царский Дворец, где так часто отдыхала Царская Семья.

Однажды происходила торжественная встреча Государя в Ялте. Вся набережная, заполненная нарядной публикой, пестрела живописными костюмами разных народностей, собравшихся на побережье. Тут были татары, грузины, армяне, греки, караимы, турки и совсем уже редкие гости — миниатюрные татарочки укрытые чадрами, в расшитых золотом чувяках.

Ожившая восточная сказка Крыма!

В это празднично-сияющее утро Катя, в новом нарядном белом платье, также находилась на набережной и держала букет роз. Она должна была бросить их на дорогу, как только покажутся Царские Гости, но она так увлеклась общей красочностью, что пропустила нужный момент. Она услышала испуганный шопот матери, кто-то вырвал у нее цветы, колючки царапнули ее руку, но Катя оцепенела, она увидела Царя. Ей почудилось, будто Он посмо-

трел в ее сторону и она увидела глаза, похожие на цвет утреннего теплого моря и глубокую печаль в них. Все это запомнилось ей навсегда, как и день ликующей радости, криков ура, хора чаек, и торжественного звона церковных колоколов.

В Ялте у Кати были друзья: некоторые приезжали, как и она, только на лето, многие же жили там постоянно и учились в местных гимназиях. Весну 1914 года, казавшуюся ей вечностью, девочка провела с матерью во Франции и была счастлива возвращению в Ялту. Катя подросла, стала похожей на барышню, ее подруги также изменились, некоторые стали неузнаваемыми. Выглядели высокими и стройными, как молодые елочки и стали такими же «колючими». Они осматривали Катю с новым, холодным любопытством, знали, что она побывала в Париже. Обращали внимание на ее платья, перешептывались и почему то смеялись, но были и такие, которые с восторгом бросались к ней, восклицая: «Ах, какая ты стала хорошенькая!»... Мальчики молчали, очевидно думая то же самое, заглядывались на Катю и сдержанно улыбались. Потом они стали искать с ней встреч, писали записочки и стихи. Катя, читая их, смеялась, никак не думая о нежных свиданиях с мальчишками, с которыми она привыкла играть в прятки, кегли или проказничать.

Однажды она получила письмо от гимназиста Мити Дуброва, сына местного врача, она знала этого мальчика также с раннего детства. Митя писал Кате, что хочет «целоваться с ней в Городском саду после десяти часов вечером, если не будет дождя»...

Эта записка рассердила и даже обидела Катю. Она чуть не расплакалась, сожгла «послание» и выбросила пепел за окно, но горечь какого-то глубокого задетого чувства осталась в ней. Решила не выходить из дому весь день, но уже утром она вдруг увидела Митю возле их сада. Он явно ожидал ее, посмотрел на нее свысока и насмешливо выпалил:

— Вот ты... не пришла на свидание, а я хотел рассказать тебе одну тайну, которой ты не знаешь, о тебе самой...

— Обо мне? — невольно остановилась около него Катя.

— Собственно говоря о твоей семьи... матери и отце...

Гимназист пощипал пробивавшиеся над губой усики и добавил грубо:

— Твоя мать совсем не вдова! Твой отец и не думал умирать. Он на каторге!...

Катя вздрогнула. Слово «каторга» прозвучало для нее страшно, но она тут же подумала: «Нет ли какой-то доли правды в словах мальчишки?»...

И охваченная испугом, она бросилась бежать к дому, не желая и боясь услышать то, что продолжал кричать ей в догонку Дубров.

Катя умела скрывать свои чувства, но на этот раз у нее не хватило сил владеть собой. За обедом она была сама не своя, с горящим лицом, лихорадочно блестящими глазами, на которые навертывались слезы. Ее уложили в постель и вызвали врача: это был отец Мити Дуброва, при виде которого Катя закричала, угрожая, что она укусит каждого, кто подойдет к ней.

Доктор успокоил домашних, объяснив состояние девочки, как понятное, нервное явление в ее переходном возрасте.

С Катей действительно произошел крутой поворот от ее безмятежного детства. Она не сомневалась, что Митька знает какую-то тайну, связанную с ее отцом. Слово «каторга» все сильнее овладевало ее воображением. Она знала, что на каторгу ссылались люди, провинившиеся в каком-нибудь злодеянии, убийстве. «Неужели мой папа убил кого-нибудь? Быть может в самой Ялте? Об этом давно знают все, кроме меня, потому что меня всегда оберегали от всего»...

Катю обуяло нехорошее, злое чувство к своим. А мысль, что ей придется выйти из дому, показаться всем на глаза, приводила ее в полное отчаяние и вызывала в ней смятение, стыд. Но прошел день, другой, в открытое окно вливался аромат моря, горячего песка, цветов... Зовущая радость лета!... Она начала рассуждать спокойнее, снова поддалась доброму чувству к матери, старавшейся сохранить в ней хорошую память об отце. Но все же оставалась загадка:

— «Какое преступление совершил ее отец?»...

И сквозь страх и ненависть к Митьке Дуброву у нее появилось любопытство, желание узнать от него все. Эти чувства помогли ей встать с постели совершенно здоровой и готовой на любой вызов.

В разгаре лета Ялта дарила множество удовольствий, расчитанных на курортную публику, главным образом,

приезжую со столиц: катание на лошадях в горы, прогулки и экскурсии на небольших пароходиках в ближайшие приморские городки, поездки в фаэтонах. А по вечерам концерты в Городском саду, с нарядными ресторанами, кафе и, наконец, долгие лунные часы на пляжах...

Местная ялтинская молодежь проводила время иначе, у нее имелись свои излюбленные места для купания, прогулок, большей частью на молу в часы прихода пассажирских пароходов или по набережной, а для более уединенных встречь по вечерам их влек Городской сад, не так музыкой, как своими затемненными, душистыми уголками.

Катя часто ходила в сад слушать музыку. Ее отпускали одну. После концерта за ней приходила прислуга и забирала ее домой.

Чтобы встретить Митю Дуброва, Катя пошла на концерт. Был чудесный вечер с легким дуновением ветра с моря. С сильно взбудораженными чувствами, на этот раз не слушая музыки, Катя сидела близко к эстраде, то и дело поглядывая по сторонам. Концерт кончился после десяти часов вечера. За Катей явилась девушка, она прождала Катю на обычно условленном месте больше получаса и с испугом, в слезах, побежала домой, объявляя там, что «барышня пропала». Тетя Анна, готовясь ко сну, с чепцом на голове, как сумасшедшая понеслась с прислугой в Городской сад. К этому времени публика разошлась, кроме нескольких парочек, гуляющих по аллеям или сидящих под деревьями. Кати нигде не было. А пока ее искали обезумевшие тетя и служанка, подозревая что Катечку могли похитить татары или грузины, она находилась в полной безопасности за раковиной концертной эстрады.

Здесь на сгибавшемся к земле суку старого дерева сидел юноша в растегнутой студенческой тужурке, из под которой виднелась белая косоворотка. Перед ним стояла группа: Катя, Митя Дубров и еще две девочки. Все они, как завороженные, слушали то, что говорил им молодой человек, воодушевленно жестикулируя.

До этого момента произошло следующее:

Когда кончился концерт и все музыканты ушли, Катя все еще оставалась сидеть и смотреть на дорожки. Вдруг ее точно подбросило: она наконец увидела Митю Дуброва и рванулась к нему, схватила его за рукав и зашипела: — Иди за мной...

Гимназист испугался, пытался убежать, но Катя вцепилась в него, предупреждая, что если он не пойдет с ней сейчас за раковину, она закричит на весь сад. Митя повиновался. Они очутились наедине в пустынном, полутемном месте за эстрадой. Катя сразу потребовала от Дуброва сказать ей все, что ему известно об ее отце; в пылающих глазах Кати, в ее голосе было нечто пугающее. Митя опустил глаза и мрачно процедил.

— Я сказал тебе все... и если твой отец — каторжник, то в этом и весь сказ...

— Но что он сделал? — вскрикнула она вне себя.

В эту минуту они оба вздрогнули. Мимо них пронеслась чья-то фигура. В некоторых экстренных случаях так часто забегали за концертную раковину молодые люди. Заметив парочку, неизвестный пробежал дальше. А Катя снова набросилась на гимназиста:

— Говори, противный... кого он убил?... зарезал?... Я должна знать, понимаешь!?

— Твой отец каторжник... вот и весь сказ, — повторил как-то глупо Дубров и снова хотел удрать, но перед ним выросла та же таинственная фигура. Это оказался его репетитор, студент, живший у них на даче, Саша Аничков.

— Однако! — бросаешься ты, брат, словами, — сказал он, укоризненно смотря на Митю. Студент перевел глаза на Катю. Она стояла, закрыв лицо руками и плакала.

— О, да у вас здесь настоящая драма! — пошутил молодой человек и добавил Кате мягко:

— Могу я узнать в чем дело? Я старше вас. Разрешите представиться, барышня, Александр Кузьмич Аничков или просто — Саша. Житель Ялты и учитель этого оболтуса, — продолжал он и недовольно, строго посмотрел на мальчика.

Катя отняла руки с лица, схватила Митю за рукав и закричала:

— Расскажи ему все!... расскажи всем!... всем! — Она сверкнула глазами на студента и произнесла взволнованно:

— Митька говорит, что мой отец кого-то убил и он на каторге. Никто никогда мне этого не рассказывал, а

он сказал. Теперь я хочу знать все. — Доверчивость отразилась в ее глазах, глядевших на студента.

— Когда я узнаю правду, я уеду отсюда навсегда... Скажешь ли ты мне, злодей! — Она снова вцепилась в его рукав. У Дуброва появилось презрительное выражение, а его учитель стал серьезнее:

— Когда и где произошло убийство? — тоном следователя спросил он и как-то недоверчиво посмотрел на Митю. Гимназист скрестил руки и сказал с насмешкой:

— Никакого убийства не было, Александр Кузьмич, — Катькин отец революционер. Его еще в Москве поймали и засадили в каторгу на бессрочную. Так, по крайней мере, я слыхал со стороны, и никто не знает, что я знаю.

— Дурак! — «я не знаю, что я знаю!» — передразнил его Аничков и добавил громче:

— Ты вот знай, Митька, что я могу тебя поставить носом в угол, несмотря на твои длинные штаны. Стань ровно.

От этого сурового возгласа репетитора Дубров покраснел, выпрямился и потупил глаза, Катя смотрела на них, словно вдруг забыла обо всем. Ее странно заинтересовал незнакомый молодой человек; его лицо, глаза и голос притягивали своей мягкостью и вместе с тем что-то сильное было в нем, красивое.

Его голос прозвучал, как будто он давно знал Катю.

— Милая Катя, если это правда про вашего отца, то вы совершенно иначе должны отнестись ко всему.

Студент приблизился к ней и пожав ее дрожащие пальчики, продолжал:

— Вы не первая и не последняя героиня на нашей несчастной родине. Теперь я дам вам дружеский совет: не старайтесь ничего больше узнавать о нем, но и не носите печали в своем сердце. Кто знает? В один прекрасный день ваш отец может вернуться к вам. А если его нет в живых, храните светлую память о нем и гордитесь им всю вашу жизнь. Такой человек, как ваш отец, жил не для себя, он жертвовал личным благополучием ради счастья России и ее народов.

Замечая широко раскрытые глаза Кати, оторопелый взгляд Мити, студент заговорил громче, воодушевленно,

как бы увлекаясь своей ролью просветителя. Он стал рассказывать о великих заслугах революционеров.

Неожиданно показались две девочки, местные жительницы. Одна была дочь старожила — генерала Виноградова, одиннадцатилетняя Людмила, другая постарше, Нина Лопухина. Подруги посещали городские концерты, в этот вечер загулялись, но им видимо наскучило бродить вдвоем, а за эстрадой, они знали, иногда собирались свои. Девочки не ошиблись. Узнали Катю, Митю, разглядели хорошенького студента и напросились в компанию.

— Во что играете?... — спросила генеральская дочь.

— В революцию! — рассмеялся Саша Аничков. Он обхватил стоящее дерево, сел на старый сук и, посмотрев на молоденькие лица, произнес громко:

— Вот смотрю я на вас, милые барышни, и думаю, что скоро вы начнете самостоятельную жизнь. А готовы ли вы к ней? Чем наполнены ваши головки?... Живете вы в своих хорошеньких домиках, под крылышками пап и мам, а то и бабушек. Наслушались сказок: — «Жил был дед да баба... была у них курочка ряба, несла яички, не простые, а золотые»... или «Жил был царь и царица, их дочь-царевна красавицей слыла... А про царевича и говорить не приходится, весь в бархате да злате».

Аничков помолчал, опустил глаза и произнес серьезнее и строже:

— Вот такое представление у вас о своей жизни, барышни. Мечтаете вы о богатстве, о знатных людях. Да как может быть иначе? Кто позволил вам знать и видеть правду, страшную бедность на нашей земле? Кто расскажет о людях-труженниках, которые своими силами обогащают города, а сами не знают ничего кроме нужд и унижений... А если их поражают болезни? Разве могут они приехать в нашу солнечную Ялту, лечиться в ее санаториях? Нет! Их бросают в бараки для нищих и только милосердная смерть им помогает...

Студент оглянулся, продолжал тише:

— Знаете ли вы, что в городах, на рассвете мерзлого сырого утра, когда вы нежитесь в своих теплых постельках и над вами висят иконки святых, призывающих к любви и состраданию, мимо ваших окон иногда ведут людей в цепях, кандалах в тюрьмы только за то, что они

посмели сказать что-либо против насилия и несправедливости... А если мы — студенты, заступаемся за несчастных, нас бьют нагайками, выгоняют из университетов, а кто посмелее, тот попадает в Сибирь, на каторгу.

Аничков, как бы невольно, посмотрел на Катю, встретил ее взгляд полный слез и какого-то восторга. Он остановился, отвел глаза в сторону и сказал спокойнее:

— Я хочу добавить вам, мои друзья, что защитников обиженных людей становится все больше... Они идут отовсюду, из всех слоев нашего общества, и над нами собираются долгожданные тучи большой бури, которая скоро разразится на русской земле. Называется она «революцией»... Ждите и радуйтесь ее приходу, потому что она принесет новую счастливую жизнь для миллионов людей. О революции мечтали давно наши великие писатели, поэты, философы. Вот, «чьи» сказки вам полезно читать...

Саша Аничков сделал долгую паузу. Отдаленный свет садового фонаря проскальзывал сквозь зелень деревьев, падал на его растрепавшиеся волосы, зеленил лицо, глаза, отчего он весь стал необычайным, таинственным, непонятно как очутившимся в гуще леса. Лица двух девочек с немигающимися глазами были как у кукол. Они вряд ли оценили красноречие студента. Одна лишь Катя совершенно преобразилась, каждое услышанное слово западало глубоко в ее душу, тревожило, но и отвечало ее собственным мыслям и чувствам. Она боялась шевельнуться, чтобы не вспугнуть чудесное видение — Сашу Аничкова, его голос, слова, снявшие вдруг тяжесть с ее души. «Значит ее отец не каторжник... не злодей... Он в ореоле славы и об этом ей поведал этот Саша». И она снова взглянула на него, окруженного нежно зеленым сиянием.

А он уже читал стихи:

«Шумят березки молодые,
И полный бодрости их шум
Рождает грезы золотые
Среди моих печальных дум.
И снятся мне в дали грядущей
Картины лучших светлых дней,
Где ни нужды нет вопиющей
Ни обездоленных людей!»...

Саша замолк. Спрыгнул на землю. Почти отрезал холодно:

— Пора и по домам!...

Все встрепенулись. Людмила воскликнула: — Ах, нас давно ждут дома! — Не взглянув на «оратора», схватившись за руки, девочки быстро скрылись.

Катя также вспомнила о доме, но эта мысль не встревожила ее, ей хотелось подольше удержать эти минуты, если бы этот удивительный молодой человек в студенческой тужурке всем не сказал:

— Мы проводим вас домой, Катя.

По дороге говорили мало, гимназист вообще не произнес ни слова. Учитель не даром предупредил его, показав в темноте сжатый кулак: — Теперь, смотри, Митька, держи язык за зубами...

Глава IV

Саша... Саша...

В доме узнали, что Катя познакомилась с каким-то «лохматым студентом» из-за которого она так долго пропадала в Городском саду. Катино объяснение, что это был репетитор Мити Дуброва, не помогло. Одно слово «студент» вызвало панику в доме. Девочку сразу предупредили: «Если она не выбросит это знакомство из головы, ее немедленно увезут из Ялты». Катя сделала вид, что подчинилась, но «выбросить Сашу Аничкова из головы» не могла и не хотела, наоборот, она надеялась на новую встречу с ним, но нигде его не видела, она и раньше нигде его не встречала, а теперь терялась в догадках, не представляя себе, как может он, такой умный, серьезный, сидеть все время на даче Дубровых в обществе этого дурака Митьки. И ее утешала мысль, что Саша в полном одиночестве занят чтением своих книг.

Их новая встреча произошла в неожиданной обстановке, в море. Катя купалась. С берега наблюдательному глазу тети Анны было трудно разглядеть, чья мокрая голова очутилась около Кати, гимназиста или студента?

Катя и Саша стали весело перебрасываться словами. Саша удивился, узнав, что Катя не умеет плавать, предложил ей первый урок, посоветывал войти глубже в воду. Она радостно повиновалась. Сильная волна захлестнула ее. Катя, пережив какой-то мгновенный ужас, оказалась в сильных Сашиных руках.

Их следующая и столь же неожиданная встреча была в одно из воскресений, около церкви. Катя любила ходить

на праздничные службы, всегда вносившие особенный подъем, ее увлекала публика, часто нарядная и ей самой хотелось показаться в красивом платье. При этом она сознавала серьезность и красоту церковных служб, сияющих серебром и золотом священных одеяний. Любила иконы, лики Святых, точно чувствуя исходящие от них чудесную силу, милость.

В это воскресенье Катя была необычно рассеянная в церкви, ничего не замечала и, как все последнее время, думала о Саше Аничкове. Он никогда не приходил в церковь, а Митя Дубров всегда присутствовал со своими родителями. Ей было особенно неприятно видеть его теперь. Мальчишка старался придать своему глупому лицу молитвенное выражение, без конца крестился и то и дело искоса поглядывал на нее. Кате хотелось уйти. Вдруг посторонний шум, шепот и шелест платьев привлек ее внимание...

В церковь входили дамы и мужчины. Впереди шел церковный староста, стараясь дать дорогу новоприбывшим. За ним шла высокая статная дама в нарядном шелковом платье и в роскошной шляпе, за ней следовали остальные. Запахло духами и свежестью утра из открывшихся дверей.

— Из Петербурга... княгиня... фрейлина... — услышала Катя чьи-то голоса. Тетя Анна подтолкнула Катю, чтобы она не прозевала важную особу. Но случилось так, что Катя взглянула в открытую дверь и вздрогнула: она заметила студенческую форму. Сердце ее сильно забилось.

— Мне жарко... я ухожу... — простонала она.

— Katia, ou va tu? — почему-то по-французски и довольно громко произнесла тетя Анна, стараясь схватить племянницу за руку, но та не далась и стремительно выбежала из церкви. Катя не ошиблась: это был Саша. Он медленно шагал по дорожке садика, был одет в белую косоворотку с фуражкой на голове. Показался Кате странно одиноким.

«Митьку поджидает» подумала она и, нарочно опустив глаза, направилась к нему.

— Здравствуйте, Катя, — сказал студент просто.

— Саша? Это вы, — притворилась она удивленной и, не останавливаясь, торопливо свернула в сторону. Саша последовал за ней. Они поровнялись на дорожке, где беседкой разросшийся виноград хорошо укрывал их.

— Саша, вы никогда не бываете в церкви, почему? — было первое, что спросила она и, взглянув на него, добавила:

— Вы не верите в Бога?

— Верю, Катя, — отозвался он негромко и продолжал:

— А когда веришь и любишь Бога, то лучше быть с Ним наедине. Церковь это нечто формальное... не для меня.

Он остановился, посмотрел на Катю из-под козырька фуражки, добавляя с улыбкой.

— А зачем я вам это говорю, Катя, я и сам не знаю. — Вы еще такая юная счастливая девочка, благовоспитанная и в церковь должны ходить... Я вот казню себя за излишнюю болтливость с вами... увлекаюсь. И вы меня, пожалуйста, простите.

Катя вспыхнула, проговорила с ноткой обиды.

— Не называйте меня девочкой. И я вовсе не такая счастливая.

Аничков не удержал широкой улыбки. Катя олицетворяла жизнерадостность, с которой порхают ялтинские чайки.

Но в голосе Кати была непритворная печаль.

— Я многого не знаю, Саша, не понимаю, а знания только и делают людей счастливыми. Я хочу, чтобы вы говорили со мной обо всем, как с равной... как тогда за концертной эстрадой... помните? Я была такая счастливая.

Катя заметила его внимательный взгляд, покраснела, но осмелев, встретила его глаза, показавшиеся ей светлее, нежнее, сливавшимися со цветом незабудок, вышитых на вороте его, видимо, праздничной рубашки. Саша также выдержал сияющий взгляд Кати, улыбнулся и сказал как-бы в раздумьи.

— Да, милая Катя, минутами я и сам забываюсь, смотря на вас. Вы мне кажетесь значительно старшей и довольно сильной натурой. Недаром ваше имя — Екатерина, — Царица, — Повелительница! Я, вообще, придаю значением именам, они даются неспроста, продиктованные судьбой...

Кате захотелось рассказать Саше, как в этом же садике старушки-тетушки сулили ей будущее, но почему-то смолчала. А Саша уже рассказывал о себе: как редко

ему удается урвать время для себя, все из-за этого шалопая Митьки. Провалился по математике, латыни, ленив, как объевшийся кот и рычит, если нужно взяться за книги. Отец — человек занятой, мать нервная, бессильная женщина. Вся их надежда на него, репетитора, дабы их «ненаглядный Митенька» перешел в пятый класс и не оставался позади всех со своими усами.

Катя рассмеялась. Аничков продолжал.

— У меня и в Москве много учеников. А ведь и самому нужно заниматься, посещать университет, слушать лекции.

— Почему же вы отдаете столько времени другим? — спросила она.

— Деньги откуда же взять, милая Катя. Мои отец и мать живут в глухой провинции. Отец хороший слесарь, он конечно, зовет меня к себе в мастерскую, но я ушел из дому, чтобы учиться. Стремился получить образование, хотя заранее знал, как трудно добиться цели.

— Почему, Саша?

— Потому, что для этого нужны связи, то есть знакомства. А откуда они у меня, сына простого рабочего?

— Не все ли равно, чей вы сын? — удивилась Катя.

Аничков сдержанно улыбнулся, заговорил как-то проще, по товарищески.

— Нет, не все равно... Сословные предрассудки — барьеры! Вот вы, Катя, внучка генерала, к вам может свататься любой дворянин, даже князь. А не дай Бог, если вас полюбит простой смертный, вроде меня.

— А если я его полюблю! — как-то вспыхнула Катя.

— Несчастная тогда вы девушка, — посмотрел на нее студент и продолжал с повеселевшими глазами.

— Сколько вам придется натерпеться от ваших же тетушек, бабушек... Да и что за счастье «с милым в шалаше?» — Жить без прислуги, в одной комнатушке, хорошо еще, если крылечко есть, чтобы на свет божий взглянуть, а ведь зачастую в эти бедные жилища даже солнышко не заглянет. Все они — как погреба.

— Саша, о чем вы говорите? — с легким укором вырвалось у Кати.

— А слыхали ли вы о петербургских углах? — не унимался он, словно потешался над Катей. — Это тоже нечто вроде человеческого жилья, только вместо целой комнаты сдают углы; в комнате четыре угла, значит —

четыре квартиры, иногда еще посредине сдается место с кроватью, столом. Отлично для писателя! Вообще получается весело, если собирается интересная публика. Идут друг к другу в гости: «Можно к вам в уголок — поиграть в картишки?» Или к писателю подсядешь, конечно, со своим стулом, заглянешь, какой роман или ученый труд пишет. Но бывает хуже: поселится больной, чахоточный, всю ночь кашляет, спать не дает, а в другом углу голодный ребенок плачет...

— Саша!... — остановила его Катя. — Никто так не живет!

— Живут, — отозвался он тихо и продолжал: — Конечно, этому поверить трудно в наших-то столичных городах! А вот в Москве произошел забавный случай. Я тогда жил хорошо, в комнате с двумя товарищами по университету. У нас на троих была одна приличная пара брюк. По утрам, на лекции бегали в своих старых изношенных костюмах, а если кому надо было идти в гости, на свидание, в театр, так тут уже надевалась «парадная» темно-синяя пара.

Саша весело продолжал:

— Однажды ночью забрался к нам вор; видим, лезет он осторожно в наше окно. Вот мы обрадовались! Набросились на него все трое, свалили на пол и сняли отличный костюм. Даже кожаные перчатки нашлись в кармане!... Отпустили с благодарностью.

Саша смеялся, а Кате казалось, что он все фантазирует, хотя его глаза, цвета нежных незабудок, убеждали ее в чем-то правдивом и печальном...

— Кто были ваши товарищи? — спросила Катя.

— Один юрист — Ося Гуревич, другой медик — Миша Липман, оба одесситы, евреи. Они потом уехали учиться в Одесском университете.

— Вы дружили с евреями? — удивилась Катя.

— Почему же нет? — в свою очередь удивился он. — Прекрасные товарищи.

— Саша, почему евреев не любят в России?

— Потому, что у нас никого не любят в России...

Саша остановил на Кате долгий взгляд и продолжал серьезно.

— А судьба евреев у нас прямо-таки трагична. Они, рожденные в России, считают ее своей родной страной, другой у них нет. Здесь они подлежат воинской повин-

ности, как и всякие другие граждане. А их унижают за вероисповедание, держат в самой постыдной, гнустной «черте оседлости», держись от нас мол подальше. Что же может это вызвать в душе еврея, кроме горечи, обиды и несправедливости. Отсюда и общая нетерпимость. А при добрых, справедливых отношениях и уважении к личности, свободе образования, какими полезными, преданными своему государству были бы эти люди, одаренные свыше...

Саша замолк, как будто ему самому стоило каких-то усилий говорить с Катей. И может быть он оборвал себя на мысли: — «Опять я разболтался с этой девчонкой». И вместе с тем, его самого поражало, как неудержимо она влекла его на откровенность. За время их знакомства ему не раз приходила мысль, что он, взрослый человек (ему шел двадцатый год), заинтересовался встречей с Катей и что она в свои двенадцать лет стала чуть ли не единственным женским существом в Ялте, с которым ему хочется общаться и беседовать так, как он любил, от всего сердца и ума, без утайки. С первой минуты их встречи, овеянной драматической тайной ее жизни, он был удивлен до какой степени она, несмотря на свою молодость, выделялась из общей среды хорошо знакомых ему барышень, которых он избегал. Он знал их несложные натуры, интересы, желания. Они рады были познакомиться с ним, «милым студентиком», но насколько интереснее были юнкера и лицеисты! У них и форма наряднее!...

Катя подошла к нему иначе, не как к кавалеру, а с запросами своей души и не по летам развитой головки Если верить в силу наследственности, то в ней также не по летам было заложено чувство самостоятельности и индивидуальности, свободы.

— Вы правы, Саша, — говорила Катя, — ко всем людям нужно относиться одинаково, иначе получается не по христиански... — Она словно извинялась в чем-то, а Саша углублялся в свои мысли: — «Если бы вот такую просветить надлежащим образом, какая получилась бы яркая личность-народница!»

Он спросил: — В какой гимназии вы учитесь, Катя?

— Не в гимназии, а во французском пансионе, — чуть растерянно ответила она и добавила:

— Это не плохая школа. Я буду хорошо знать иностранные языки.

— Не сомневаюсь, кроме своего русского, — заметил он.

Кате показалось нечто вроде иронии в его голосе. Она чуть покраснела, насупилась. Саша спохватился, коснулся ее руки.

— Катя... милая, — я не хотел вас обидеть. Ведь не вы выбирали место для своего образования, а ваши родители, о которых я слышал много хорошего. Они не могли иного желать для вас, светской девушки. Мне же простительно мое замечание, потому что я считаю вас исключительной... Вы умница и перед вами раскрывается большая дорога жизни, только хотелось бы, чтобы вы шли по ней более просвещенной.

Они подошли к самой решетке, отгораживающей сад. Нужно было возвращаться. Катя остановилась в странной нерешительности.

— Где бы вы хотели, чтобы я училась, Саша? — вдруг спросила она таким тоном, что он, как бы пораженный, не нашелся что ответить. Повернулся и пошел в обратную сторону. Катя поспешила за ним. Звон церковных колоколов несся навстречу.

«Служба кончилась» — подумала Катя. Сердце ее сжалось. С каждой минутой близилась их разлука. Сквозь виноградные листья замелькали платья выходящих из церкви дам. Саша обернулся к Кате и торопливо сказал:

— Если вы хотите моего совета, со временем старайтесь попасть в университет. Станьте курсисткой, у вас все данные для этого. А пока читайте книги, читайте все! Книги это откровение, в них мы находим то, что слепо носим в наших душах...

С этими словами, Саша приподнял фуражку, негромко бросил:

— Теперь я бегу, Катя... Простите, что я не могу проводить вас домой.

— О нет, нет... я должна вернуться одна.

— Я знаю, мы не должны...

Не договорил он, глубже надвинул козырек, из-под которого блеснули чуть улыбающиеся светлые глаза.

Он быстро ушел. Катя зашептала ему вслед: — Саша... Саша...

* * *

Дни для нее понеслись иначе, полные взбудораженности, ожидания и счастья. Катя искала уединения, понимала, как осторожны и редки должны быть ее встречи с Сашей, чтобы никто не догадался о их дружбе. Но прошло всего три дня после их прогулки у церкви, как она помчалась на набережную с небольшим поручением от тети и с горячей надеждой на встречу.

Обычно в знойный полдень набережная пустовала: купание заканчивалось, близилось время завтрака и отдыха. В прогретом душистом воздухе царила нега беспечного лета. Катя как никогда ощущала эту сладость дня и почему то была уверена, что именно в этот неурочный час затишья встретить Сашу. Но ее ожидало нечто непредвиденное. На набережной царило непонятное возбуждение, непривычно много народу, точно все кругом высыпали из гостиниц и домов. Мальчишки-газетчики, постоянно выкрикивающие какое-нибудь экстренное сообщение, сейчас надрывались из всей силы, сообщая нечто важное и сразу трудно уловимое, газеты расхватывались. Катя не знала, не понимала откуда до нее вдруг донеслись слова:

— Германия объявила войну России!

В летние дни редко кто из курортных жителей читал газеты, предпочитая умственный отдых от государственных и политических интересов. И вдруг, с сияющих июльских небесных высот громовым ударом ошеломило — Война!...

Для некоторых она явилась как бы давно ожидаемым «завершением» давней вражды двух величайших Империй Европы — России и Германии. С этого дня жизнь Ялты резко изменилась, до поздней ночи не утихала приподнятая атмосфера, в ресторанах громче играла музыка, отовсюду слышалось пение, крики «ура», в городском саду торжественно звучал гимн — «Боже, Царя Храни».

Со всех ближайших селений стали съезжаться щегольски одетые грузины, татары, турки, но большинство русских быстро отхлынуло. Опустели пляжи. Уезжали, главным образом, военные и их семьи. Саша Аничков также срочно уезжал в Москву. Он сказал об этом Кате, столк-

нувшись с ней на улице. Вид у него был, как у всех, взбудораженный и скорее довольный.

— Спешу... спешу... — говорил он и словно боялся задержаться. И тут, что-то вспомнив, достал из кармана записную книжку, карандашом сделал несколько быстрых штрихов и протянул Кате листок.

— Я записал вам некоторые книги, советую приобрести и прочитать их.

Он также обещал прислать ей несколько книг по почте. Взял адрес ее французского пансиона в Петербурге.

Катя не сразу сообразила, что она расстается с Сашей. И когда он воскликнул: — Прощайте, милая Катя! — она вздрогнула, испуганно спросила: — Вы идете на войну, Саша?

— О, нет!... — Студент наклонился к ней и прошептал:

— Мы переживаем великие времена, Катя. Помните, я говорил о приближающихся тучах? Война это первый предвестник надвигающейся грозы, долгожданной революции! Вот, когда будет нужна наша помощь!

Весь какой-то растерянный, но и восторженный, Саша прижал к губам ее дрожащую ручку и убежал.

❖ ❖ ❖

Глава V

Книги

Вскоре из Ялты уезжала Катя.

«Вся лучшая публика разъезжается, никакого удовольствия оставаться»... ворчала тетя Анна. Мария Андреевна сама была не прочь вернуться в Петербург. Она не любила оставлять их столичную квартиру надолго без присмотра. Прислуга была отпущена до осени. Катя ждала этого отъезда с нетерпением. Ялта и для нее вдруг потускнела без Саши, никуда больше не влекло, а в Петербург хотелось поскорее уже потому, что она только там могла купить те книги, которые ей рекомендовал Саша. Ждала от них каких-то чудос, а пока читала все, что попадалось. В их доме был мезонин, который не был жилым местом; снаружи красивый, а внутри обычный чердачек, удобный для склада старых вещей. С ранних лет Катя любила забираться туда, рыться в коробках, свертках. Могла часами заниматься рассматриванием и распарыванием каких-то старых платьев, кружев и комбинировать что-то оригинальное, свое.

Теперь она пошла на чердак в надежде найти какие-нибудь книги, но в их доме они вообще не водились. В свалке старых вещей Катя ничего не нашла, кроме книги по садоводству и еще одной на французском языке — «Искусство окраски и завивки волос». Было много нот, романсов. Катя пришла в отчаяние. Подумала о местной библиотеке, но никто из домашних не был абонирован. Она решила пойти в книжный магазин и тут неожиданно к ней пришла Людмила Виноградова. Узнав,

что Катя собирается уезжать, девочка принесла ей в подарок книгу — «Принц и нищий» Марк Твена. Катя заглянула в Сашин список: в нем такой книги не значилось. Все-же книга ее обрадовала и доставила большое удовольствие. Впервые в жизни она отнеслась с особенным вниманием, даже с некоторым трепетом к печати. Вкусила сладость длинной увлекательной повести. Катя закончила книгу за день до отъезда и, очутившись на пароходе, спохватилась, что у нее ничего нет читать в дороге. Она почти с завистью замечала книги в руках некоторых пассажиров. Находясь уже в пути Катя зашла в салон. Там никого не было. На одном из диванов лежала кем-то забытая книга. Первым импульсом было пройти мимо соблазна, но через минуту она неслась с находкой в свою каюту. Очутившись одна, открыла довольно объемистый том, оказавшийся сборником рассказов в русском переводе Гю -де-Мопассана. Первый рассказ назывался «Жизнь».

Катя увлеклась чтением. Понятным и легким бисером слов рассказывалось об одной молодой девушке — Жанне, только что окончившей монастырскую школу. С восторгом всей своей юной, как бы освобожденной души, она стремилась к новой жизни, полной для нее таинственных и сладких чар.

Красиво описывалось путешествие Жанны по морю, чудно сливалось с действительностью Катиного окружения, и сами переживания героини, ее грезы, надежды на жизнь, любовь, становились как бы ее собственными. Катя не могла оторваться от захватившего ее повествования. Но постепенно что-то новое появилось в рассказе, как бы искажая его первоначальную прелесть. Это началось с появлением мужчины, которому нравилась Жанна. Этот герой сразу стал Кате неприятен, крупный, грубый, он вызывал прямо-таки отвращение. Катя понимала, что прелестная и робкая Жанна не могла полюбить такого, а если согласилась стать его женой, то только потому, что вся жизнь перед ней сияла в ее собственном воображении.

Роман французского писателя продолжался сильными описаниями.. Катя уже многое пропускала, спешила и все больше убеждалась, что она читает какую-то гадость...

Кровь прилила к ее щекам, когда она дошла до описания, как после свадьба скромная Жанна ложится в

постель с этим человеком, ее мужем: она скорее его боится и со стыдом вдруг ощущает его голую волосатую ногу подле себя. Это было уже слишком! Катя с отвращением отбросила книгу и ее осенила мысль: «тотчас же уничтожить ее, чтобы никто никогда больше не прочел ее»!... Она выскочила с книгой из каюты и поспешила в уборную. Кто-то прошел мимо, заботливо спросил: — Вас укачало, барышня?

Катя, не отвечая, скрылась. В уборной она со злорадством порвала Мопассановский сборник и кусочки вы бросила через сидение в просвечивающуюся морскую глубь. Однако чувство почти мучительного стыда не оставляло ее, ей даже не хотелось быть при людях, особенно видеть мужчин, а неожиданная мысль о Саше Аничкове смутила ее и вызвала раздражение. Она вспомнила его слова: — «Читайте все... книги это откровение»...

Катя достала из своей дорожной сумки Сашин список книг, перечла его: Мопассан там не упоминался, но ей не стало от этого легче. Каким-то подсознательным чутьем она подозревла, что в прочитанном романе «Жизнь» есть доля правды, о чем открыто не говорят, потому что об этом говорить стыдно...

Катя отошла на корму, стараясь не попадаться никому на глаза. Она облокотилась на поручни и застыла в неподвижности. Море слегка волновалось, переливало мягкими синими тонами с чуть розовеющей пеной от заходящего солнца. Было красиво... Но Кате казалось, что все сплылось в одну бесцветную и непроглядную мглу. Вдруг мужской голос заставил ее вздрогнуть.

— Барышня, если вас тошнит, идите лучше в каюту и ложитесь животиком на койку, помогает.

— Меня не тошнит, — не оборачиваясь, холодно ответила она.

— О, сердится, — продолжал тот же голос. — Это не хорошо.

— Мне все равно, — бросила она в досаде и хотела отойти, но столкнулась со взглядом заговорившего с ней господина. Он был пожилой, статный, с бородой. Его вид почему-то удивил Катю и, словно из уважения к его бороде, она осталась на месте.

— Почему же вам все равно. Такой чудесный вечер на пароходе, — произнес незнаконец таким тоном, как

им обычно говорят доктора с детьми. Катя это почувствовала и свысока сказала.

— Ничего чудесного нет! Все противно.

Он добродушно рассмеялся: — Вот те на, — такая прелестная барышня и все противно. — Он посмотрел на Катю и добавил с улыбкой.

— В ваши годы только бы радоваться. Читать вам, молодежи, нужно: книги учат любить жизнь, людей.

У Кати вырвался злой смех. — Я читаю книги!

— Что же вы читаете? — поинтересовался он.

— Все! — Катя чуть покраснела.

— Это напрасно, — отозвался он. — Книги нужно читать по возрасту. Вам, милая, теперь пришла пора читать наших классиков: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, а там можно за Гончарова взяться.

Катя мигом заглянула в Сашин список. Были ли там эти авторы?. Но она же знала их почти на память: Максим Горький, Леонид Андреев, Скиталец. У Кати появилось пренебрежение к своему соседу, она сказала ему спасибо и быстро отошла. Навстречу ей неслась тетя Анна.

— Катя, кто тебя познакомил с ним? — она через голову племянницы смотрела на господина с бородой.

Катя пожала плечами. — Сам познакомился. Хотел похвастаться своими знаниями русского языка, книгами.

— О чем ты говоришь!... Катюша, ведь это знаменитый на весь мир русский ученый, профессор Иван Петрович Павлов!

Был ли это на самом деле мировой ученый или нет, Кате было безразлично, в ее голове лишь пронеслась гордая мысль: «Он и четвертушки не знает того, что знает Саша»!

❦ ❦ ❦

Глава VI

Война

«Конец Петербурга можно предсказать. Это может случиться завтра, в момент восторженных криков его славного народа».
(Маркиз Дэ Кустин).

Петербург жил волнующими событиями. Жаркий воздух накалился горением общего патриотизма. Лето было забыто. Широкие проспекты и улицы наполнялись людьми: офицерская форма чередовалась со скромным обмундированием новобранцев, вольноопределяющихся. Выделялись видные фигуры в штатском и элегантные дамы, мелькали белые косыночки сестер милосердия. В эти дни в столице происходили огромные перемены многолетних порядков и законов: отмена продажи спиртных напитков, запрет всего немецкого настолько строгий, что однажды на Невском проспекте городовой арестовал бойкую барышню за разговор на немецком языке. Вспыхнул скандал, но выяснилось, что барышня была англичанка, служащая в английском посольстве и говорящая только на своем родном языке. Самым значительным событием явилось переименование Петербурга в Петроград.

Катя не успела ознакомиться с новыми порядками, как она сама подверглась «крутым переменам». Ей запрещалось выходить на улицу одной, даже не отпускалась с прислугой, — только во время прогулок с матерью или тетей она замечала городскую суету. После Ялты ее жизнь стала как в клетке и, уж конечно, она не могла приобре-

сти нужные ей книги. К тому же подошло время ее возвращения в пансион. Теперь ей предстояло там жить и лишь праздники проводить дома.

Катя никогда не считалась примерной ученицей, не поддавалась никакой дисциплине и умудрялась выводить из терпения начальство, за что часто оставалась без сладкого. А за беспорядок в библиотеке, где она постоянно рылась в книгах, не прочитав ни одной, ей грозило остаться и вовсе без праздничных каникул.

Незадолго до Рождества Катя неожиданно получила по почте пакет, в эти дни многие девочки получали подарки. Посылка для Кати оказалась коробкой конфет. Но когда она открыла ее, вместо сладостей в ней были книги. Никакого письма не было приложено. Имя отправителя осталось неизвестным. Но Катино сердце дрогнуло от радостной догадки: студент Саша Аничков из Ялты не забыл ее... Она притаилась с подарком в своем дортуаре, девочки же пришли в недоумение и обиделись. Катя не угощает их шоколадом! А Катя, находя подходящий момент, бралась за чтение присланных ей книг, потом прятала их под матрац. Всего было три книги. Одна со стихами: первое стихотворение называлось — «Каменщики-кузнецы». Другая книга, вроде повести, была с очень печальным содержанием. Катя прочитала ее дважды: в ней описывалась большая бедная семья, в которой единственным работником и кормильцем был старший сын. Его вдруг арестовывают, полиция находит в его вещах какие-то книги и вскоре его отсылают далеко и надолго в тюрьму. Последний старенький томик назывался — «Россия и крепостное право». Эту книгу Катя читала особенно внимательно, терпеливо, и ей минутами казалось, что это говорит с ней Саша, стараясь объяснить ей нечто важное, трудное и тяжелое о русских людях. Она глубоко задумывалась о прочитанном, и в ее душе росло желание всегда защищать слабых и бедных, бороться за их счастье на земле, как поступал ее отец и к чему стремился Саша.

«Конфетная коробочка» однако подвела Катю. Подруги, уверенные что она прячет от них лакомство, сделали обыск в ее вещах. Какое же было их удивление и разочарование, когда они нашли под матрацом конфетную коробку, а в ней книги! Случайно вошедшая классная дама, наоборот, очень заинтересовалась находкой. Коробка тот-

час же была доставлена в кабинет директрисы, а затем и сама Катя предстала перед графиней.

Разговор с начальницей был лаконичен.

— Мадемуазель Серебряков, от кого вы получили «Bon-bon»? [1])

Бледная, как цвет воротничка своей формы, Катя молчала. Графиня продолжала допрос в более мягком тоне.

— Кто вам прислал «bon-bon», Катия?

— Не знаю, — проронила она.

— Они вкусные?

Катя слегка покраснела, начиная ненавидеть воронье лицо директрисы, у нее вырвалось непроизвольно:

— Очень вкусные!

Графиня растерялась от этой дерзкой выходки воспитанницы, ее голос сразу повысился.

— Мадемуазель Серебряков, ваша танте очень огорчилась тем, что вы остаетесь здесь на Рождество, но вы можете сейчас же собираться домой!

Ее рука легла на злосчастную коробку. Она добавила тише.

— Знаете ли вы, мое дитя, что вас ждет от чтения таких книг?

— Знаю, я стану курсисткой! — не дала договорить ей Катя.

На этом закончился последний Катин разговор с начальницей. Впрочем это был и последний день ее пребывания в пенсионе.

Тетя Анна привезла Катю домой на извозчике, нагруженном вещами и книгами. Конфетная коробка находилась у тети на руках, как вещественное доказательство Катиного «позора».

* * *

Стояли мягкие зимние дни. Петроград всегда хорошел от снежного убранства, в ранних сумерках со светом электрических фонарей просторные улицы казались особенно приветливыми, со сверкающими алмазными снежинками.

Людская волна, движение трамваев, извозчичьи санки придавали всему празднично-живописный вид, делали

---

[1]) Конфеты.

неощутимой нависшую в воздухе черную тучу войны. Даже отряды солдат, навьюченных походными вещами, направляющихся к вокзалам, не нарушали привлекательности зимнего Петрограда.

Катя теперь отбывала наказание дома, у нее отобрали все книги, включая «Принц и нищий».

Ее дальнейшее образование долго находилось в полной неизвестности, но у нее снова появилась гувернантка. На этот раз бойкая бельгийка мадемуазель Лорр. Она немного говорила по-русски и Катя с удовольствием поддерживала в ней интерес к русскому зыку. Они постоянно смеялись, это почему то не устраивало родных и бельгийку вскоре рассчитали. Ее сменила молоденькая русская учительница. Катя узнала, что она курсистка и это привело девочку в восторг. На первом же уроке Катя приятно удивила «педагогичку» своими способностями, прочитав ей на память стихотворение — «Каменщики-кузнецы».

«Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет
И по полям родным и ярым
Народ измученный встает...»

Курсистка с большим интересом взялась за обучение талантливой девочки. Катя готова была привязаться к ней всей душой, но один неприятный случай разбил в самом начале эту неуспевшую окрепнуть дружбу.

Во время урока с курсисткой перед Катей лежала книга «Греческая мифология». Учительница объясняла ей о зарождении классического театра. В комнату вошла Мария Андреевна, она обратила внимание на раскрытую перед дочерью книгу с изображением Аполлона, схватила книгу и, со вспыхнувшим лицом, спросила преподавательницу:
— Что это такое?

— Греческая мифология, мадам, — ответила барышня.

— А при чем здесь совершенно голый мужчина?

Учительница также вспыхнула и ответила немного свысока:

— Это Аполлон, мадам. Греческий бог красоты и любви!

Мария Андреевна смерила негодующим взглядом учительницу и почти выкрикнула:

— Я, может быть, не так образована, как вы, маде-

муазель, но все же это голый мужчина. Я не позволю учить таким вещам мою дочь.

На крик прибежала тетя Анна. Курсистку попросили немедленно оставить дом.

Катино образование прекратилось, к тому же она начала хворать какими-то запоздалыми детскими болезнями: корью, ветряной оспой, коклюшем.

Первое весеннее дыхание с едва уловимым запахом Невы освежило их душные комнаты. Катя встретила эту пору с легким головокружением и с подсознательной радостью вернувшегося к ней здоровья. Теперь каждая прогулка в город, чаще всего в сопровождении матери и дяди Ники, доставляли ей наслаждение: красивые петербургские особняки, дворцы, памятники, не так давно ей казавшиеся холодными, недоступными, стали ближе, родней и увлекательней. Дядя Ники рассказывал многое о прекрасной столице. Катя иногда сама обращалась к нему с вопросами и однажды услышала от него:

— Ты удивительно повзрослела своей головкой, Катя.

В дни этих приятных прогулок мимо них проходили полки, уходившие на фронт. Катя обращала внимание на молодые, бодрые лица солдат, офицеров, замечала на себе их улыбающиеся взгляды и ее сердце наполнялось сладковолнующими чувствами, точно и она была причастна к происходящим событиям. Ей хотелось подольше оставаться в Петрограде и это желание осуществилось, но горькой ценой!

Она узнала, что их ялтинский дом продан. В первую, как бы ошеломившую ее минуту, с болью потери чего-то самого близкого, дорогого, вспомнив друзей и особенно студента Сашу Аничкова, все, что так тесно и неразрывно связано было с Ялтой, она все-же спокойно спросила:

— Почему продали?

Простой вопрос озадачил мать и тетю. Ей боялись об этом сказать и как бы освободившись от долго сдерживаемых чувств, они сами разрыдались.

Позднее Кати объяснили, что из-за войны трудно содержать землю и дом, не имея верного человека, чтобы присматривать за всем. К тому же им очень нужны деньги, а тут как раз нашелся подходящий покупатель, местный купец-караим, он дает им сорок тысяч наличными. Окончательная сделка продажи дома должна была состояться со дня на день.

Катя все выслушала с довольно легким сердцем, словно она находилась во власти вдохновляющих ее переживаний города, ожидала для себя чего-то нового, чувствовала возможность быть свободнее; с ней и так нянчились меньше. Но настроение дома неожиданно изменилось, между матерью и тетей возобновились ссоры из-за денег.

Мария Андреевна требовала себе большую часть от продажи ялтинского поместья, ссылаясь на то, что она вдова и у нее ребенок, а тетя Анна находила, что с легкомыслием Марии ей и трети денег достаточно. Дядя Ники, постоянный и мудрый советник, верный друг, находился в отъезде и ссоры сестер приняли угрожающий характер. Под конец Мария Андреевна объявила, что она возьмет адвоката, который защитит ее интересы.

На некоторое время в доме наступила тишина, впрочем, не предвещающая ничего хорошего. Мария Андреевна куда-то таинственно исчезла и вдруг заявила, что у нее есть адвокат, известный в Петрограде присяжный поверенный, господин Соловьев. Однако позже выяснилось, что все старания г-на Соловьева угодить Марии Андреевне оказались тщетными. По завещанию отца, Андрея Федоровича, все имущество должно было быть разделено поровну между его дочерями, итак, после продажи усадьбы в Крыму, каждая из них получила по 15 тысяч из тридцати полученных от караима. Следуемые от него еще 10 тысяч он не додал, обвиняя владетельниц в обмане. По его утверждению «дом и виноградник оказались в запущенном состоянии и ремонт обойдется ему в крупную сумму».

Тетя Анна с тяжелыми вздохами примирилась со своей долей, а деньги Марии Андреевны почему-то задержались у г-на Соловьева. Его ожидали каждый день с волнением и нетерпением, и, когда он наконец приехал без предупреждения в визитке и белых перчатках, Мария Андреевна бросилась к нему, как к долгожданному жениху. В гостиной свидание наследницы с адвокатом происходило со странной таинственностью около часа. Затем он вышел тем же франтом, но побледневший, а в гостиной Мария Андреевна лежала в обмороке. Прийдя в себя, она в рыданиях рассказала, что Соловьев без ее ведома, желая увеличить ее капитал, вложил деньги, все пятнадцать тысяч, в одно очень выгодное предприятие, которое лопнуло... В доказательство своей честности он принес всякие бумаги, вполне сознавая свою вину перед вдовой, умолял

се об одном — дать ему знать, если она соберется подать на него в суд. Он должен успеть застрелиться, так как ему грозит лишение прав и тюрьма... Адвокат также дал ей понять, что после его смерти останется без всяких средств его семья: старуха мать, жена и пятеро детей, мал мала меньше другого.

Мария Андреевна рыдала несколько дней, она готова была собственноручно его убить, но подать на него в суд у нее не хватало духа. Перед ней, как она говорила, страшным видением вставали голодные старуха мать, жена и пятеро крошек г-на Соловьева.

Возвращение дяди Ники внесло некоторое облегчение и даже оживление в дом. Но война затягивалась, петроградская жизнь полностью была поглощена событиями фронта, да и тыла. На переполненных улицах, с появляющимися все чаще инвалидами, первыми героями, выделялись щегольски одетые союзники: англичане, французы, бельгийцы и итальянцы.

Напротив их дома находился особняк княгини Л. Както княгиня познакомилась с тетей Анной, увидела ее с Катей и попросила присылать к ней племянницу на час, другой для нарезания бинтов. Многие дамы и барышни отдавали свое время на помощь княгине: в ее доме на двух первых этажах был расположен небольшой офицерский лазарет. Третий этаж оставался для княгини. Ее муж и сын находились на фронте. Теперь Катя приняла горячее участие в деятельности «Красного Креста» и каждое утро посещала особняк княгини. В эти дни она выглядела неузнаваемой в скромном синем платье, с красным крестиком на рукаве.

После работы у княгини она уносилась дальше в город. Обычно ее тянуло на Невский проспект и на Морскую улицу, здесь она как рыбка плыла в бурном потоке. Сколько интересных лиц, костюмов, живых слов подхватывал ее любознательный взгляд и слух! Катя знала, что дома ее ждет выговор за опаздывание, и участившиеся исчезновения, но она также знала, что ей многое теперь говорят по привычке, она перестала быть в доме ребенком. Часто после выговора к ней обращалась с вопросами:

— Что говорят у княгини о войне? Кто этот Распутин? На самом ли деле он святой?...

А Катя, находясь бок о бок с некоторыми придворными дамами, слышала о многом. Все чаще упоминалось имя

«Григория Распутина», его называли чудотворцем и провидцем. Рассказывали об одном из «чудес» во Дворце: старец приехал внезапно и заставил немедленно увести Наследника из комнаты, где тот находился. И только-что успели забрать мальчика, как большая люстра рухнула с потолка...

Эту историю Катя услышала, когда проходила по коридору, где обычно беседовали и курили выздоравливающие офицеры.

Один просто-таки кричал: — Распутинские поклонники готовы на всякий шантаж, включая эту комедию с развинченной заранее люстрой, только бы доказать ясновидение Гришки-расстриги.

Другой офицер подхватил с не меньшим раздражением:

— Удивительно, как у нас всегда носятся с юродивыми и проходимцами! А теперь кто знает, куда нас еще заведет эта «распутинщина». Мы уже летим в бездну!

Катя умела подражать нервным крикам офицеров, вызывая ужас на лицах своих родных.

— Что это значит: «мы летим в бездну»?... Неужели немцы победят нас?... — шептала побледневшая тетя Анна и умоляюще говорила Кате:

— Прислушивайся, детка, оставайся у княгини на лишний часок. А что говорят о Государыне? — Неужели она немецкая шпионка?...

В один из таких дней после приготовления бинтов, как всегда переполненная всякими скандальными новостями и сплетнями, Катя была на Невском. Вдруг она увидела свою бывшую гувернантку, м-ль Лорр. Бельгийка неистово обрадовалась Кате, она быстро затараторила по-французски, уверяя Катю, что только за минуту до их встречи она думала о ней. Вид м-ль Лорр был смешон: ее шляпка сползла набок, редкие рыжие волосы торчали, некрасивое лицо было покрасневшим, возбужденным, но и счастливым. Она поведала Кате, что состоит председательницей клуба «Матерей войны», и что в ее обязанности входят поиски молоденьких барышень «матерей» для солдат бельгийцев. М-ль Лорр стала умолять Катю пойти с ней вместе в этот клуб, который не имеет своего помещения и очередная встреча происходит теперь в кафе Филиппова.

Катя не совсем понимала, что от нее хочет гувернантка, а та продолжала говорить с увлечением:

— О, как счастливы будут мои солдатики, если я приведу им такую хорошенькую Mere de la guerre [1]).

Катя не смогла избавиться от бельгийки и вскоре вошла с ней в знаменитое кафе Филиппова, заполненное военными, шумом их голосов, табачным дымом. Разносилось пение:

"Marietta, ma petite Marietta"
"Allons enfants de la Patrie"...

Появление Кати произвело эффект. Послышались возгласы:

— Ah! Quelle belle maman!

Катя была смущена, но ее захватила оживленная атмосфера, присутствие военных. М-ль Лорр стала поспешно объяснять ей, что забота «матерей войны» заключается в том, что они должны писать письма и посылать посылки с папиросами, шоколадом и теплыми вещами своим «сыновьям-солдатам» на фронт. Она подвела к ней юношу с большими светлыми глазами. Его звали Пьер Ребакур. М-ль Лорр отвела их обоих к столику. У Кати однако мелькала мысль, как бы избавиться от не совсем понятного ей положения, но все пошло гладко и даже весело. Она пила вкусный шоколад, чувствуя на себе улыбающийся взгляд прехорошенького солдатика, разговорилась с ним и обещала посылать ему сладости. Пьер, не спуская с нее очарованных глаз, также обещал писать ей, рассказал о своей родине, о доме в деревне и о своей любимой собачке «Suzanne».

В тот же вечер его отправили на фронт.

Первую посылку своему «сыну» Катя готовила не торопясь. Ей самой хотелось сделать что-нибудь приятное для солдатика — союзника России. Она с удовольствием тратила свои сбережения, но прежде чем была закончена укладка посылки, к ней пришло письмо от Пьера, который объяснял, что пишет ей еще по пути к месту назначения на коленях, потому что в вагоне теснота и неудобство. Солдатик хотел сказать ей то, что почувствовал с первой минуты встречи с ней: она самая красивая «Mere de la guerre», которую он видел и что теперь он будет стремиться вернуться в Петроград, но раньше постарается отличиться на

---

[1]) Военная мать.

войне, получить звание «Corporal» и тогда женится на ней.

Катя растерялась от такого послания, оно принесло ей странное чувство разочарования в ее «сыне». Несколько дней девочка не могла собраться отослать ему гостинцы, а когда, наконец, решилась, то м-ль Лорр известила ее, что имя солдата Пьер Ребакур было одним из первых в списке убитых в «Alsace-Lorraine».

Впервые Катю близко задела война своим страшным крылом смерти. Трудно было поверить, что тот юноша с прекрасными глазами, весь полный надежд и мечтаний о ней (ей уже было дорого это думать), ушел из жизни навсегда...

Ее перестала занимать оживленность города, не замечала она больше нарядности толпы, красивых военных форм. Кате уже бросались в глаза только серые фигуры солдат, калек. Некоторые скрючивались на костылях, потеряв человеческий облик. Они не выглядели героями, их лица были неподвижны, взгляд отсутствующий. Скорее машинально они отдавали честь офицерам и проходили мимо, стороной, подпрыгивая на костылях и на груди у них подпрыгивали крестики и медали. Слезы навертывались на глазах Кати и куда-то высоко неслась ее мольба «чтобы война скорее кончилась»... ей вспомнились чудные слова студента Саши о скором мире и счастье... «Когда же»?

Так пронесся страшный наэлектризованный 1916 год. За ним наступил роковой 1917-ый, накануне отмеченный убийством Распутина.

По Петрограду стали расползаться страшные слухи совершенного злодеяния над «старцем», но для большинства русских это было геройским подвигом двух прекрасных князей, отомстивших обуреваемому сатаной лже-монаху за поругание чести Царского Дома.

Новые события врывались в столицу. Война разгоралась, но интерес к ней ушел, как ни странно, на второй план. То что происходило вблизи захватывало сильнее, носились слухи об «ошибках на верхах». Смутная и тревожная атмосфера сгущалась с каждым днем, пока самым потрясающим ударом не сразила всех весть об «отречении Государя от Престола».

Столичные улицы, площади запрудились толпами разного люда и над всей этой взбаламученной массой взвилось имя нового государственного и политического «гения»

— Александра Керенского. Всеобщее возбуждение коснулось и тихой элегантной Миллионной улицы: расположенная между Зимним Дворцом и Марсовым Полем, она точно судьбой была намечена стать непременной участницей последних событий.

Катя много видела из окна своей квартиры. Ей хотелось самой понестись с толпой, куда бы ее не занесло... Но она снова находилась под строгим наблюдением, ее визиты в особняк княгини прекратились, вся жизнь их дома омрачилась разными переменами. Прислуга ушла, каждая не без истории. Кухарка Феня стала заметно грубить, а когда тетя Анна сделала ей замечание, предупредив, что ее могут рассчитать, то латышка подбоченилась и ее лицо, напоминающее сморщенную тыкву, налилось кровью, стало смешным и страшным. Она выпалила:

— А мне плевать, буду я у вас или нет! Мы сами скоро будем барынями! Леворюция идет, свобода народу!

Тетя Анна только и нашлась крикнуть: — Вон!

Мария Андреевна испуганно шептала: — В самом деле, что это с ней?

А Катя, едва сдерживая смех, убежала к себе.

Горничная Паша поступила иначе, она не сказала ни слова, но ее вздернутый веснушчатый носик выглядел красноречиво дерзким, — «Мол, плевать мне на всех вас»!. Она исчезла из дому, даже не захватив с собой своих накрахмаленных фартучков.

Тетя Анна не пыталась нанимать другую прислугу, она решила сократить расходы. Редко кто из посторонних навещал их, только визиты дяди Ники участились. Раньше каждый его приход вызывал в доме радостную суету, приготовлялись его любимые блюда к обеду, а теперь велась лишь тихая беседа. Катиного присутствия не требовалось, но у нее произошел особенный разговор с дядей Ники. Он уже собирался уходить, когда посмотрел на нее своим обычным спокойным взглядом и спросил:

— Ты любишь театр, Катя?

Она не нашлась, что ответить, но радость коснулась ее сердца.

Он добавил: — Тебе пора стать театралкой, я это устрою.

Через несколько дней, как по волшебству, у Кати появилось «свое место» на некоторые дневные спектакли Малого Театра. Катя ходила одна, что уже создавало для

нее особую прелесть. После представлений она долго находилась под чудесным впечатлением увиденного и слышанного, приятно отрываясь от всего окружающего и грустного.

А жизнь в доме осложнялась. Мария Андреевна стала хворать, жаловаться на боли в желудке и много времени лежала. На тетю Анну взвалилась вся домашняя работа, тяжесть базарных кульков. Обычно она любила ходить на рынки, где кроме покупок она могла наслушаться всяких интересных новостей, но теперь все чаще она возвращалась домой раздраженная, жаловалась, что из-за каких-то сборищ трудно добраться до нужных мест, она даже слышала выстрелы... Однажды она пришла радостно оживленная, рассказывая, что людской поток унес ее на митинг, где она, наконец, увидела этого знаменитого Керенского. Тетя Анна говорила в волнении:

— Он произвел на меня чарующее впечатление. Тонкий, стройный, в галифе, голос у него невероятной силы. О чем он ораторствовал, я не могла расслышать, но каждое его слово покрывалось криками «ура». А лицо у него, как у Архангела Гавриила, такое же бледное. Одна дама сказала мне, что у него что-то с почками неладно... Я думала об одном домашнем средстве. Можно прямо занести ему в Зимний Дворец, он там имеет свою штаб-квартиру. Так и сказать: «Для почек товарища Керенского».

Вид счастливой, разрумянившейся тети Анны, влюбившейся в министра революционеров, насмешил Катю. Она не сомневалась, что тетя вряд ли отдавала себе отчет, кто ее кумир!

Через несколько дней Кате также довелось пережить волнующую встречу. Она была одна в доме, в кухонном фартуке Фени, и убирала свою комнату, мать и тетя куда-то ушли. Эти дни были полны тревожными слухами, что под видом каких-то официальных осмотров квартир происходят дерзкие вторжения хулиганов, грабителей. Неожиданно послышался звонок в дверях. Из предосторожности, не открывая дверь, Катя тихо спросила: — Кто там?

— Саша Аничков, — послышался ответ.

Катя вздрогнула, не поверила. Но тотчас же сорвала фартук и дрожащей рукой открыла дверь. Перед ней стоял ее ялтинский друг, студент Саша.

— Мне сказали внизу, что вы одна дома, — начал он слегка конфузливо и снял фуражку.

Катя отступила и попросила его войти, от волнения не зная что сказать. Она закрыла дверь и быстро пошла вперед. Саша последовал за ней. В первой комнате, в гостиной, он присел на кончик кресла и сказал, как бы извиняясь:

— Я, собственно, случайно в Петрограде, проездом на несколько часов... Вечером обратно в Москву.

— На несколько часов? — эхом отозвалась она. Ее глаза остановились на Саше, словно она хотела убедиться, тот ли это Саша.

Вся окружающая обстановка их петроградской квартиры делала его другим. Он был в старой студенческой форме, с очень бледным исхудавшим лицом и заметно давно не подстриженными волосами.

Катя растерянно произнесла: — Вы наверно устали, Саша? Хотите чаю?

Тут же она с испугом подумала, — «скорее бы ушел, пока они не вернулись»...

Саша молчал, почувствовал ли он, что Катя смущена его приходом, или сам был не свой, но он поднялся и сказал:

— Я должен спешить, Катя, — уже стоя, добавил официально:

— Рад был увидеть вас в цветущем здоровьи. Следующий раз при встрече обязательно расскажите мне о своей жизни. Что нового?

Непонятное чувство охватило Катю, стеснило ее сердце, она уже испугалась, что Саша уйдет. Но тут донесся шум из передней, Катя вскочила и потянула его за собой.

— Скорее... сюда... Саша!

Слезы были в ее глазах. Они очутились на кухне.

Катя шептала суетясь: — Идите через эту дверь, вы попадете прямо на двор, оттуда на улицу. Мы увидимся опять...

Она волновалась и в то же время что-то теплое, радостное засветилось в ее плачущем взгляде. Саша также просветлел, посмотрел на нее, улыбнулся и вдруг сказал:

— В пять часов приходите к Мариинскому Театру, там будет митинг. Мы встретимся.

Он скрылся за дверью черного хода.

В этот же вечер Катя сидела за столом со своими, не притрагиваясь к еде.

Во время обеда ее не было дома, а на вопросы — «куда она ходила»? Катя молчала, не поднимая глаз. Мать и тетя сами были чем-то озабочены и особенно не донимали ее. Ждали дядю Ники, который обещал приехать, но запаздывал. В городе происходили серьезные беспорядки, Мария Андреевна часто глубоко вздыхала, говорила:

— За что... за что... столько несчастья на нас.

Тетя Анна, стараясь успокоить сестру, заметила, что ей нельзя волноваться. Она напомнила, что подобные революционные вспышки не новы для России, их всегда тушили, а зачинщиков наказывали строго. И теперь им не сдобровать!

Катино лицо вдруг вспыхнуло, она подняла глаза и несдержанно вскрикнула:

— Теперешняя революция будет праздником для всех нас!

Словно забываясь, она продолжала горячо.

— Конец Монархии принесет великое облегчение всему русскому народу! — (Она вспомнила эти слова, услышанные сегодня на митинге.)

Тишина, которая последовала после этих слов, заставила ее взглянуть на мать и тетю. Она увидела их оторопелые взгляды, заговорила опять:

— История Царской России всегда изобиловала несправедливостью по отношению к народу, рабочим, крестьянам, вот почему происходили восстания против власти. Да, прекраснейших людей, революционеров судили очень строго, даже казнили... Но на этот раз революция победит. Ее хотят все!

— Катя, детка, о чем ты говоришь! Бедная глупышка!.. — раздались удивленные, ласковые возгласы.

Катя их перебила: — Я знаю, о чем я говорю! Я также знаю, за что пошел на каторгу мой отец!...

Тихий стон сорвался с губ Марии Андреевны. Тетя Анна с криком «Мери»! — бросилась к ней. Катя, ничего не замечая, кричала:

— Вы всегда скрывали от меня правду о нем, а моим отцом нужно гордиться, он один из тех великих людей, которые страдают за других. За такими мужьями жены уходили на каторгу, разделяя их участь...

Катя посмотрела на мать и, ничуть не смутившись ее глаз, продолжала в упоении:

— Если сейчас вы видите на улицах плохо одетых людей, простых баб, вроде нашей Фени, то вы должны понять, что наступает время полного равноправия, когда они, как и мы, будут пользоваться всеми земными благами. Да, вы об этом никогда не задумывались. Вы и многие подобные вам заняты только своей жизнью.

Катя особенно горячо произнесла следующее:

— Когда наступит революция, а это произойдет скоро и мой отец вернется героем, тогда...

— Катя! — крикнула во все горло тетя Анна. Она заслонила перед Катей сестру и посмотрела на племянницу незнакомым злобным взглядом.

— Ты дерзкая и неблагодарная девчонка! Если от тебя скрывали что-либо, то только чтобы пощадить тебя, твою молодость. Подросла бы, сама все бы узнала! Ты обвиняешь нас в том, что мы заняты только собой, а ведь только ты одна и являешься нашей постоянной заботой. Только о тебе печется твоя мать, иначе насколько интереснее сложилась бы ее судьба. Знаешь ли ты, что именно из-за тебя она не вышла замуж за ненавистного тебе дядю Ники, который любил ее всю жизнь!

Катя вздрогнула, хотя то что она услыхала не было для нее тайной. Но сейчас, в пылу раздражения, у нее вырвалось:

— Мама не может ни за кого выйти замуж. Она не вдова!

Мария Андреевна отстранила сестру и в ее словах к дочери послышалась сила:

— Катя, его уже нет в живых... Он умер четыре года тому назад в Иркутской тюрьме от воспаления легких. Я могу показать тебе официальное извещение и удостоверение.

Пораженная этими словами, Катя уставилась на мать. В ту-же минуту она вдруг заметила насколько изменилась она, похудела, будто состарилась, и страшная мысль, что она чем-то серьезно больна, обожгла ее. Не видя уже ничего кроме этого дорогого ей лица, с поднявшимся в душе раскаянием, Катя бросилась к ней со словами.

— Мама... прости... прости меня... Я не то хотела сказать...

Мария Андреевна прижала к себе головку рыдающей Кати, сама в состоянии глубокого потрясения и недоумения: «Как ее дочь добралась до их семейной тайны»?

Глава VII

Жертвы

«Как вы называете нас? Бандиты! Подождите, пока мы вырежем вам языки за такое оскорбление»...
(Чернецкий).

Катя переживала радостное чувство возникшей глубокой близости с матерью. Она всячески старалась быть ей полезной, затаив в себе все то, что могло бы внести раздор между ними. Она и сама не так уж интересовалась многим, не тянулась на улицы с их сборищами и волнениями. Она знала, что Саши нет в Петрограде, а их недавняя встреча осталась сильной в ее памяти, да и сердце. Ярко запомнились ей минуты у Мариинского Театра, куда она пробралась не без труда сквозь людскую массу. И вдруг увидела и узнала Сашу: он стоял на каком-то возвышении, размахивая своей студенческой фуражкой и произносил речь громким голосом оратора, которого она как-то не подозревала в нем. Он называл всех «товарищи» и призывал к борьбе за свободу, за конец Самодержавия!

Катя слушала и смотрела на него так же, как когда-то в Ялте, за концертной эстрадой. Только на этот раз она его неожиданно потеряла, толпа внезапно отхлынула, поредела, показалась конная полиция и Саша скрылся. Но Катя не горевала, она была в восторге от Сашиного публичного выступления как революционного героя и была уверена, что он на воле и в безопасности.

В один из этих вечеров все сидели в гостиной. Тетя

Анна читала газету, мать вышивала, а Катя помогала ей с нитками. С улицы доносились голоса, крики, к которым уже привыкали жители, стараясь не обращать внимания, но неожиданный звонок в дверь заставил всех вздрогнуть. После некоторого колебания тетя Анна пошла в переднюю. Оказалось, что к ним неожиданно пожаловал их сосед по квартире, отставный полковник Семенов.

Он говорил с возмущением: — Слышите, какое безобразие творится? У Зимнего Дворца собралась кучка бандитов, сцепилась с охраной, один раненый попал к нам в парадное. Нужна помощь, Ивана нет.

Катя первая выскочила на лестницу, помчалась вниз, за ней поспешил полковник и тетя Анна, Мария Андреевна осталась у дверей. В парадном собрались почти все жильцы дома. Они окружили жертву. Это был мальчик лет тринадцати в форме гимназиста, из его носа капала кровь. Сильно распухла рассеченная губа, большая ссадина с кровоподтеком темнела у левого, почти закрытого глаза, другой глаз был в слезах. На его изорванной шинельке не хватало несколько пуговиц. После всеобщего испуга начались расспросы, сожаления. Появилась вода и пошли в ход белые носовые платочки, кое-кто из дам плакал. А гимназист уже старался улыбнуться и все происходящее в парадном приняло настроение некоторого развлечения. Этой перемене помог и вернувшийся швейцар, который сказал, что толпу около дворца разогнали. Старик посмотрел на мальчика и с деланной строгостью заметил:

— А этому мальчугану урок хороший. Я его принес оттуда, да не было времени возиться с ним, сам хотел посмотреть, что там будет.

Иван подмигнул публике, продолжая:

— Барчук, видите ли, тоже решил пойти против власти. И откуда они теперь берутся такие шальные? Ведь из хорошего дома будет.

Гимназист с трудом повернул к нему голову и сказал слезно:

— Я не успел подойти туда... господин швейцар. Какой-то человек схватил меня за воротник и спросил:

— А ты чаво здесь, барский щенок?

— Я ответил вежливо: — Иду со всеми за общее народное дело, за правду, — а он меня кулаком в лицо, в грудь, кричит:

— Получай за правду и за свои серебрянные пуговицы! И вырвал несколько штук с мясом.

Как ни был печален рассказ мальчика, как ни жалок его вид, но все рассмеялись. Только Катя, как бы чем-то пораженная, посмотрела на пострадавшего, подошла к нему ближе, проговорила, сдерживая слезы:

— Как они смели! Ведь вы хотели с ними... Это несправедливо и грубо.

Тетя Анна дернула ее, прошептала: — Не твое дело, сейчас же уходи. Мальчишка фантазер.

Катя повиновалась, ей уже самой хотелось уйти, укрыться от нахлынувших на нее горьких чувств.

Через час к ним опять зашел полковник и сообщил, что гимназиста благополучно доставили на извозчике домой. Он оказался сыном важного чиновника.

— Получит хорошую трепку от папаши, — злорадно сказала тетя Анна.

Было поздно. Мать и тетя готовились ко сну, а Катя все еще не могла успокоиться, ей хотелось плакать. Снова неожиданный, испугавший всех звонок послышался в дверях, приехал дядя Ники. Он узнал о происшедшем у Зимнего Дворца, безуспешно пробовал им телефонировать и решил приехать. Дамы забросали его вопросами. Дядя Ники выглядел непривычно взволнованным, говорил, что сегодняшний бунт толпы это очередное проявление всеобщего недовольства, и дело совсем не «в недостатке хлеба», о чем кричат на каждом углу, а вот-вот может произойти политический переворот... И что будет дальше, даже страшно подумать.

Визит дяди Ники затянулся; за ужином он очень оживился и вдохновился. Говорил, какие трудности выпали сейчас на долю России: ей приходилось бороться не только с внешним врагом, но и с внутренним. И это самое ужасное с народом, что он так легко поддается гнуснейшему обману врагов России, людей без Бога. А как можно забрать Бога у русского человека! Но враги, как одержимые, ослепленные захватом власти, им совершенно безразлично, куда заведет пропаганда русскій народ-Богоносец...

Дядя Ники точно забыл о времени и о том, что его слушают две деликатные и мало осведомленные в политике дамы и девочка. А к ней, казалось, особенно отно-

сились его слова, точно ей он хотел разъяснить многое и, пожалуй, чувствовал, что на этот раз она жадно хватает каждое его слово:

— Весь мир есть создание Божие... — звучал его голос сильно, убедительно.

— Царь есть помазанник Божий и слуга народа, вверенного Ему. Наша история подтверждает, что много Царей-Самодержцев было в своем роде новаторами, двигателями и преобразователями своей страны. Даже Грозный Царь Иван, являясь образованнейшим человеком своего времени, произвел ряд важнейших реформ. При Петре I Россия превратилась из полуазиатского царства в Империю, он облегчил судьбы простых людей, давая им возможность учиться, выдвинуться. Александр II освободил крестьян, ввел самый справедливый суд в мире, дал деревням самоуправление. Но русских Царей, чтобы они ни делали, ненавидели, называли зверьми. Теперь ненависть направлена на Императора Николая II, а, пожалуй, не было еще русского Царя, который бы так любил свою Родину...

Дядя Ники просто уже не мог остановиться, рассказывая до какого могущества и расцвета дошла Россия за годы царствования последнего Царя, как много было сделано для просвещения ее народа, для молодежи всех слоев общества, вероисповеданий. Он ставил в пример Императорскую Петербургскую Консерваторию, где получала высшее музыкальное образование, большей частью на казенный счет, неимущая еврейская молодежь. Многие из них стали мировыми артистами, гордостью России.

— Пойми все это, Катя, — уже прямо обращался он к ней, — и тебе будет ясно, что нашему русскому, очень даровитому и темпераментному народу, надо терпеливо двигаться вперед вместе с великой историей своей родины и разумно постепенно прийти к истинной демократии. А пока мы еще не подготовлены к таким порядкам, вооруженные не знаниями, а ножом, с этим словом «свобода» мы можем оказаться только страшной необузданной силой, уничтожающей все на своем пути...

Смысл этих слов, их правоту, Катя поняла значительно позднее, а в этот вечер она слушала дядю Ники с растерянностью в душе, даже испугом, будто он знал, угадывал все ее затаенные размышления и чувства.

* * *

В середине зимы Петроград находился в разгаре революционного смятения. Жизнь каждого человека была в опасности, стрельба стала обычным явлением, пули метались в воздухе, щелкали по фасадам домов. Горели правительственные учреждения, грабили и разбивали магазины. Днем и ночью ревели гудки куда-то мчавшихся грузовиков, автомобилей и повсюду в беспорядке двигались взбаламученные толпы, шли процессии с красными флагами, с пением «Марсельезы». Однажды во время этого хаоса Катя и тетя находились в больнице на Владимирском Проспекте. Они переживали огромную радость: в это утро Мария Андреевна подверглась серьезной операции, которая прошла благополучно. Теперь Катя ежедневно навещала мать, несмотря на крайние трудности передвижения в городе: отсутствие трамваев, извозчиков, такси. К счастью Мария Андреевна поправлялась быстро. Видеть Катю подле себя ей доставляло большое удовольствие, хотя каждый раз она упрекала дочь с лаской в голосе:

— Ну, зачем ты пришла опять? Я скоро вернусь домой. На улицах опасно, я слышала выстрелы. Но доктор говорит, что беспорядки утихают... Дай-то Бог!

Она не раз спрашивала о дяде Ники, удивляясь, почему он, зная о ее операции, до сих пор не навестил ее.

Катя не хотела огорчать мать и не говорила, что они неоднократно звонили ему по телефону и не получали ответа. Ей многого не хотелось рассказывать, а каждый день приносил им тяжелые переживания. В их доме почему-то арестовали доктора, жившего этажем ниже. Катя видела, как его вывели из квартиры какие-то вооруженные винтовками люди. У доктора шла горлом кровь. В одну из этих ночей куда-то увезли полковника Семенова. Трудно вообразимая сцена разыгралась перед их окнами: в сумерках дня к особняку княгини Л. подошла группа простолюдинов, похожих на рабочих. Некоторые из них стали назойливо звонить, стучать в двери, но никто не отзывался. Княгиня находилась в отъезде, слуги отсутствовали, лазарет давно эвакуировался. На всех окнах были спущены шторы. Из толпы кто-то крикнул, за ним другие — все рванулись вперед. Парадные двери поддались и распахнулись, обезумевшая ватага хлынула внутрь

дома. Визги, хохот стали доноситься из открывающихся окон. Посыпались стекла. Вдруг с грохотом раскрылось окно верхнего этажа, гостиной княгини. Оттуда показались вихрастые головы, руки и что-то большое, белое. Это был рояль. И прежде, чем Катя успела понять дикий замысел хулиганов, мощный инструмент странно повис в воздухе и затем рухнул вниз на мостовую, издав страшный передсмертный аккорд...

За день до того, как Мария Андреевна собиралась оставить больницу, Петроград переживал большое событие, — похороны «первых жертв революции». Город был объят трауром, но и бурей людских страстей; с раннего утра по Миллионной улице хаотично двигалась толпа, неслось пение — «Мы жертвою пали в борьбе роковой». Гремела музыка, а в продолжительном шествии несли гробы.

Катю мучила мысль о матери, она хотела поскорее увидеть ее и конечно скрыть происходящее в городе. Тетя Анна посоветовала ей добраться до Невского, откуда должна была отхлынуть тысячная толпа участвующих в похоронной процессии. Катя так и сделала и благополучно прибыла в больницу. Она застала мать в прекрасном состоянии. Мария Андреевна радостно предвкушала свое завтрашнее возвращение домой. О «городских похоронах» она ничего не знала, а некоторую тишину вокруг воспринимала, как чудесную перемену...

Она опять говорила о дяде Ники, до сих пор не давшего о себе знать, предполагала, что он куда-то срочно уехал, что делал и раньше. Вспомнила свой последний разговор с ним, когда он сказал, что из-за политических осложнений в Петрограде им лучше всем уехать на юг.

— Возможно, что мы и уедем... — грустно сказала она.

Катя приятно встрепенулась, подумала: «Как хорошо бы было вернуться в Крым.. в Ялту!»

Неужели возможно... И ее словно обдало теплом родного моря.

Около десяти часов вечера Мария Андреевна всполошилась:

— Катенька, спеши домой. Поздно и тетя одна. И где же все эти бабки, сиделки, хотя бы одна провела тебя.

Катя рассмеялась со словами: — Мне никто не нужен, мама. Я знаю отсюда самый кратчайший и безопасный путь до дому, через Марсово Поле.

Попрощавшись с матерью, она убежала. По выходе из больницы также ощутила необычную тишину, весь город странно утихомирился. С легким сердцем Катя направилась к Марсовому Полю, огромной площади, ей и раньше приходилось этим путем добираться до своей улицы. В этот вечер она даже решила перебежать широкое пространство. Обычно это место выглядело великолепным и нарядным в вечернем освещении фонарей. Незадолго до этого времени здесь был построен роскошный «Skating-Rink», привлекающий публику. Также было много проходящих и гуляющих людей. На этот раз, непонятная тьма и безжизненность царила вокруг, лишь откуда-то со стороны скудный свет пробивался сквозь пелену сырого мартовского вечера. Катя невольно приостановилась. Тут она заметила огонек, за ним мелькнул другой, похожие на язычки ручных фонарей, которыми пользуются рабочие. Катя поняла, что тут происходят какие-то работы и уже смело пошла вперед. Огоньки участились, бодрили ее. Но постепенно она стала различать ямы, темные, глубокие. Катя перескочила одну, довольная, что заметила во-время и не упала в нее. Перескочила другую, уже удивляясь, «зачем они здесь?» И вдруг в следующей яме увидела гроб. Катя рванулась в сторону и наткнулась на свежую насыпь могилы, теперь ясно различая множество могил. В охватывающей ее панике, она бежала, перескакивая все эти бугры, ямы. Кое-где на поверхности земли стояли ящики-гробы, некоторые без крышек. При свете фонарика в них виднелись лица мертвецов, серые, искаженные, с черными пятнами. От колебания огненных язычков лица мертвецов точно содрогались. У некоторых в открытых глазах отсвечивался блеск и они казались живыми... Катю поразила догадка: она находилась на «поле смерти», куда только в это утро свезли на погребение несколько сот убитых, не всех успев закопать...

Пережитый ужас Катя не смогла скрыть дома, весь ее вид говорил о чем-то страшном. Она разрыдалась в объятиях тети.

Следующий день озарился возвращением Марии Андреевны. Она подолгу лежала на диване, но была

заметно на пути к выздоровлению. Единственно чего не хватало всем для полного счастья, это вести о дяди Ники. Оставаясь одна в своей комнате, Катя молилась перед образом Христа, только Ему открывала свое сердце полное тревоги и любви к самому дорогому человеку в их доме.

В один из этих вечеров, в дверях черного хода, раздался негромкий звонок.

«Кто бы мог это явиться в столь поздний час со двора?»...

— Телеграмма?! — радостно всполошилась тетя Анна и быстро вышла на кухню. Отуда довольно долго не доносилось ни звука.

— Катя, узнай, кто там? — попросила Мария Андреевна.

В ее лице отразилась радостная надежда.

Катя вышла из гостиной. В кухне она увидела тетю Анну и перед ней незнакомую девушку в платке. Обе стояли странно неподвижно и испугались появления Кати.

— Что такое? — спросила Катя. Тетя вдруг порывисто привлекла ее к себе, хотела что-то сказать и не могла. Катя оторвалась от нее и обернулась к незнакомке.

— Кто вы такая? — уже с испугом сорвалось с ее губ.

Тетя Анна, заслоняя девушку, произнесла дрожащим голосом:

— Катя... детка... это сестра милосердия из Николаевской больницы... Туда привезли дядю Ники еще десятого марта... Его избили на улице за то, что он заступился за полицейского, которого убили... В больнице дядя Ники начал поправляться. К нему вернулась память и он дал этой девушке наш адрес... А вчера ночью... — Тетя Анна не договорила и как подкошенная упала на пол. Девушка бросилась к ней, а Катя нашла в себе силы крикнуть в гостиную: — Мама, я сейчас!...

Сестра милосердия чуть приподняла тетину голову, прошептала: — Дайте воды... ничего, пройдет... обморок.

Она посмотрела на Катю, принесшую воду, произнесла громче:

— Вы Катя?

Катя сама была в полуобморочном состоянии, в ее глазах мутилось, сердце порывисто колотилось.

— Вы знаете меня? — взглянула она на бледное

лицо девушки. Та приблизилась к ней.

— Он говорил мне о вас... о вашей матери... он очень любил вас... А последние его слова были, «поцелуйте мою Катю».

— Кто он? — вздрогнула Катя.

— Ваш отец!

— Какой отец?

— Вы знаете, Катя...

Катя отшатнулась, почему-то хотела крикнуть — «Он не мой отец!»... Однако, глубоко подсознательное чувство, что она услыхала то, о чем, догадывалась давно больно поразило ее сердце и мозг.

— Где он?... дядя Ники, — прошептала она.

— Дядя Ники, — улыбнулась сквозь какую-то муку в своем лице девушка и добавила:

— Вы так называли его... он мне говорил...

— Не надо... не надо ей больше ничего говорить, — простонала тетя Анна. Она уже была на ногах и словно хотела уберечь Катю от чего-то беспощадного... Но Катя не нуждалась в пощаде. Она спросила спокойно: — Мой отец погиб? — Я должна знать.

— Да, вы должны знать все, Катя. — Также более твердым голосом сказала девушка и продолжала:

— Прошлой ночью пьяные матросы, большевики, ворвались в больницу, стали многих добивать. А его спросили:

— Это ты хотел спасти городового?

— Он ответил: — Да, это я! и буду так действовать и впредь!

— Его ударили, сбросили с постели и поволокли, как звери. Он только один раз мог повернуть голову ко мне и я услыхала: «Поцелуйте мою Катю»... Его стали бить, топтать... так он и умер...

Она заплакала. Не раз видевшая страдания, смерть, сестра милосердия переживала сама нечто невыносимое. Едва слышным голосом она продолжала:

— Его тело в больнице. Если вы, Катя, желаете похоронить вашего отца, то заберите его не позже завтрашнего утра. Гроб у нас найдется и вы отвезете его на извозщике прямо на ближайшее кладбище. Помните, все должно быть сделано с большой осторожностью, в тайне.

— Я все сделаю... — ответила Катя, лицо которой сделалось неподвижным, восковым.

— Нет... нет... она не может... бедная девочка, — стонала тетя Анна. Но Катя и девушка, не слушая ее, уже сговаривались, где им встретиться завтра на рассвете. Девушка наконец ушла, поцеловав Катю, как бы исполнив последнюю просьбу дяди Ники.

Когда Катя и тетя Анна взглянули друг на друга, у них была одна и та же мысль: «скрыть от матери»...

Но Мария Андреевна стояла в дверях, смертельно бледная и вся дрожала.

Глава VIII

Крылья

К весне революционная атмосфера в Петрограде дошла до удушья. Гордого красавца города не стало... Широкие площади, проспекты померкли от общего смрада, повсюду господствовала чернь. Устраивались шумные митинги, всюду виднелись красные флаги, плакаты с лозунгами «Долой войну!» «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

Всем было известно, что Царская Семья арестована и находится под стражей в своем Царскосельском Дворце. О их судьбе ничего не было известно, все находились в жутком неведении и тревоге. Многие, кто мог, оставляли обреченную столицу.

Катя уезжала вскоре со своими и эти последние прощальные дни она подолгу застывала у окна, устремляя взгляд в беспредельное пространство прозрачного неба, как в какой-то иной и зовущий ее мир, нежные тона небес, от голубого до синего, напоминали ей море и оно звало ее...

Она вспоминала студента Сашу, к которому у нее набралось много мучительных вопросов: «Почему с приходом революции нет той радости, о которой он говорил ей? За что убивают ни в чем неповинных людей?».

К ней возвращалось то раннее холодное утро, когда они с тетей Анной перевозили из больницы на кладбище грубосколоченный деревянный гроб, в каких хоронят бездомных бродяг, а в нем был ее отец... Ящик лежал поперек извощичьей пролетки, приходилось упираться в

него, класть на крышку ноги и только думать о том, чтобы никто не заметил. «Довести бы поскорей до кладбища»...

Минутами она удивлялась себе, — «откуда у нее брались сила? Да еще воодушевленность, мечты? Что она такое? Бездушное существо?»...

И единственное объяснение она могла бы найти в своем пятнадцатилетнем возрасте с «его крыльями» — они несли ее вперед...

Мария Андреевна решила уехать на юг, как советовал ей ее бедный жизненный друг. С сестрой они пришли к соглашению и заключению, что лучше всего им уехать в Киев. По слухам, там жизнь ничуть не изменилась. А главное там были какие-то их родственники по отцу, Корсаковы. Раньше не было никакой надобности сноситься с ними, но в такие времена сам Бог велел!

Когда в доме начали укладывать вещи, Мария Андреевна и тетя Анна делали все со слезами, а Катин голосок раздавался оживленно:

— Берите только летние вещи! В Киеве нас ждет жара. — (Ей уже было безразлично, куда и зачем уехать, лишь бы уехать...)

Мать и тетя повиновались ей, сами не зная, на какой срок они оставляют Петроград. Мария Андреевна, не раздумывая, брала с собой лучшие платья, шляпы, перчатки и три драгоценных кольца, с которыми она не расставалась: память от отца и дяди Ники. Они блестели на ее тонких пальцах, как дорогие сувениры прошлого счастья...

Тетя Анна, верная своему практическому уму, прятала в чемоданы ценную посуду, серебро. Из банка она забрала только две тысячи рублей, по ее расчету, вполне достаточную сумму на несколько месяцев жизни в «городе-деревне», как она почему-то представляла Киев. В такой неопределенности перспектив, расчетах и полной растерянности, они оставляли свою квартиру на Миллионной улице, замкнув на английский замок парадную дверь ключом, которому суждено было заржаветь в сумке тети Анны.

Ранним майским утром, под веселое чириканье воробьев, стаями понасевшими на электрических проводах, переполненный до отказа пассажирский поезд уносил их на юг.

В проходах и на площадках было очень тесно: кругом военные, офицеры, солдаты стояли вместе, в каком-то непривычном сближении и со странной непринужденностью между собой. Слышались шутки, смех, но все это казалось притворным, показным. Видимо каждый хотел похвастаться красной ленточкой или тряпицей, торчавшей в его петлице или на фуражке. Густой папиросный дым дополнял картину.

В купе второго класса наши путешественницы устроились сравнительно удобно. Здесь находилась еще одна пожилая пара, муж и жена. Неожиданно появился молодой офицер. Из его погона также виднелась красная ленточка.

Он вошел с вежливым, но слегка насмешливым замечанием:

— К сожалению я должен уплотнить ваше комфортабельное купе до следующей остановки.

К таким офицерам-товарищам уже привыкли глаза и души петроградцев, его соседство приняли молча. Старый господин, около которого он сел, слегка съежился и придвинулся к жене.

У Кати было место у окна. Она могла с приятным сознанием — «наконец двинулись» — смотреть на замелькавшие мимо домики, телеграфные столбы с теми же воробушками на путях, своим оживленным щебетанием успокаивающих сердце и мысли...

Однако, появление «красного капитана» неприятно задело ее. Она не ждала такого соседства; все же ее тянуло смотреть на него, прислушиваться к его опять таки странным замечаниям, усмешкам, как будто он старался вызвать в купе скандал. Но все, как-бы сговорившись, молчали.

Постепенно перед Катей все затуманилось, поплыло. Почти что не спавшая последнюю ночь, она неожиданно, сидя, заснула. А когда открыла глаза, не поняла, что происходит. Было чему удивляться! Офицер не оставил их купе, сидел глубже, удобнее и говорил негромко и деликатно. К нему прислушивались все с напряженным вниманием. Иногда перебивали тихими голосами. Разговор шел о положении в Петрограде. Капитан, обращаясь к пожилому господину, называл его «Ваше Превос-

ходительство». Он говорил, что, к счастью, в Петрограде еще много осталось своих надежных офицеров, преданных монархии, подготовляющих почву для спасения Государя. Он же сам, под видом «красного» умело воспользовался этим поездом, чтобы проскочить к своим. Офицер встал, сорвал красную ленту и выбросил за окно; алой змейкой она завертелась в воздухе и бесследно исчезла. Разговор возобновился. Катя, сквозь полуопущенные веки, не пропускала ничего. Она притворилась спящей. Но ее любопытство разгоралось. Капитан с увлечением говорил о своих планах как можно скорее связаться с добровольческими силами на юге.

У Кати с испугом мелькнула мысль: «Как он неосторожен, вдруг подслушают?».. Ей уже нравился молодой капитан. Она обрадовалась, когда генерал заметил ему:

— Будьте осторожны, молодой человек. Не так легко отделаться от этих негодяев. Сколько их вокруг...

Офицер заметил спокойно: — Я сумел войти к ним в абсолютное доверие, Ваше Превосходительство. Со мной имеются самые дружеские письма революционных главарей.

Тетя Анна со вздохом прошептала сестре: — Прелестный молодой человек...

Генерал заерзал на месте и, словно сам забываясь, выкрикнул громко: — Эх, капитан, понесся бы я с вами, стать во главе карательного отряда. Уничтожать их всех без пощады, без суда и проволочек.

Лицо офицера странно омрачилось, он проговорил, как бы задетый: — Простите, но я не стремлюсь к мести... убийствам. Эта мера не искоренит зла. Нужно искать другие пути. — Он опустил голову и продолжал понизив голос:

— В этом то и все несчастье, Ваше Превосходительство, что мы недостаточно приглядывались к нашему человеку, солдату, к народу вообще... не интересовались, что происходит в его темной голове и простой душе. Держались в стороне от них. А вот к западному жителю стремились охотно. Наслаждались тамошним комфортом, лакейской любезностью, принимали это за уважение к нам и преклонение перед Россией, ее Царем. А наш

мужичек, пожалуй, в этой-то своей темноте, любил свое отечество по настоящему. И нераздельна для него была Троица: Бог, Царь и Земля! Но все это было для него недоступно и никто не старался пояснить ему многое... Народ же — это сердце земли, сильное, доброе и терпеливое. Но доколи, Господи?! Вот и всколыхнулось оно, а теперь — держись земля.

Голос офицера смолк. Старик уставился на него оторопело и у него вырвалось раздраженно:

— Значит, вы готовы идти на мировую с ними?

— Никак нет, — посмотрел на него прямо офицер, продолжая:

— Придется пролить не мало невинной крови, чтобы уничтожить главных виновников и всех захватчиков. Но найти общий язык с народом также надо. Потому, что он не враг России. Если большевики ворвались в деревню, убивая помещиков и бросая клич: «Земля твоя! Грабь награбленное!»... Мужик, привыкший подчиняться, только слепо поддался этому злу и силе.

— Бросьте, капитан! — вспылил генерал. — Я дольше вашего прожил на свете, на своей земле. Скажу одно, ничего не сделаете с народом, в котором сидит зверь.

— Зверь от неграмотности! — также взорвался офицер, — в чем опять таки наша вина!...

Он забылся или вовсе уже не придавал никакого значения, с кем он говорит. Старик почти грубо перебил его:

— А вы хотите образовать его?

— Я не говорю о себе лично, Ваше Превосходительство, — смягчил свой тон капитан, — но это единственный путь к русскому мужику. И, конечно, пока что только в области мечтаний...

— Очень даже мечтаний! — подхватил генерал с улыбкой и добавил: — А на практике, учтите прохвостов наганом!...

Он закашлялся. Его жена озабоченно наклонилась к нему, потом посмотрела на капитана и произнесла умоляющим голосов:

— Не нужно об этом говорить, молодой человек.

— Не пора ли нам закусить? — нашлась тетя Анна и обратилась к Кате.

— Проснись, Катенька, вот уж уснула-то...

Катя не шевельнулась. Но как она была далека от сна, когда перед ней разыгрывалась театральная сцена! Превосходными артистами были старый господин, вначале выглядевший скромным штатским-дедушкой и вдруг ставший важным «Его Превосходительством» А офицер, замаскированный дерзким новоиспеченным «товарищем», оказался славным героем. Каждое его слово звучало смело и честно. Все же, внимание и симпатии были на стороне старичка. Но пьеса еще не закончилась, выступали новые комичные персонажи: тетя Анна, неравнодушная к «высоким чинам», рассыпалась в любезности перед генеральской четой, вставляя в разговор французские слова. И Мария Андреевна с удовольствием рассказывала им о своих поездках в Париж.

Когда же тетя Анна начала доставать из корзинки еду, наступила та легкая, непринужденная атмосфера, какая обычно возникает у попутчиков. Тетя Анна, чуть покосившись в сторону капитана (она изменила свое мнение о нем), предложила тартинку с сыром, «ешь мол, несчастное заблудшее существо». Она тут же спросила его имя. Офицер не без некоторого смущения вспомнил, что никому еще не представился, встал и назвал себя:

— Петр Андреевич Шувалов.

Генерал чуть привскочил. — Граф Шувалов?

Капитан слегка нагнул голову и сел на свое место, негромко заговорил: — Моих родных уже нет. Благодарю Бога, что они умерли до революции. Хорошие они были, научили меня любить Россию. И по сей час я чувствую их поддержку за спиной. Как сила крыльев, они несут меня вперед...

Он смолк и занялся бутербродом. Наступило общее и какое-то неловкое молчание. Тетя Анна с глазами полными слез тормошила Катю: — Да проснись же!

Катя открыла глаза. Видимо наступил черед ее появления в пьесе. Все смотрели на нее. Генеральша ласково сказала:

— Я любовалась вами, деточка. Вы настоящая спящая красавица.

Капитан попросил у тети Анны разрешения представиться ее дочери. Тетя Анна, зардевшись от удовольствия, воскликнула:

— Граф, большая честь!...

Он сел рядом с Катей и у них тотчас же завязался разговор. С его лица не сходила улыбка, Катя также оживилась, разрумянилась, смеясь закидывала свою голову так, чтобы задеть плечо офицера. Она чувствовала, что у нее это получается, как у настоящей артистки. Недаром, при прощании на Киевском вокзале, он задержал ее руку в своей, поцеловал и сказал, как будто давно знал ее:

— Милая Катя, трудно предугадать, что ждет меня впереди, но вас, безусловно ожидает слава большой артистки. Вот будете с ума сводить каждого...

* * *

Глава IX

Киев

Ослепительным солнечным утром, душистым воздухом благоухающих акаций, каштанов и блаженной тишиной Киев встретил петербуржанок. По неровной булыжной мостовой извозчик вез быстро и легко. Показывались первые дома с тротуарами, заборами и видневшимися цветущими палисадниками; широкие дворы с колодцами и огородами, все выглядевшие не по городски. Но постепенно дороги расширялись, появились более высокие дома, особняки с балконами, садами, все еще напоминая предместье большого города. И только из окон гостиницы на центральной улицы, Крещатике, Киев открывался всей своей цветущей панорамой. Окруженные бархатом холмы, выступали купола церквей и монастырей. А совсем близко на горе стоял памятник Святого Владимира с крестом.

Весь священный Град-Киев на лицо!

Улицы блестели асфальтом, как бы продолжением сияющего Днепра. Повсюду царило весеннее оживление, публика выглядела нарядной, мелькали большие дамские шляпы, белые костюмы и точно праздничным шествием появлялись полки с музыкой, пением и свистом солдат, отбывающих на фронт: «Соловей... соловей... пташечка»...

К вечеру картина менялась, становилась фантастической. За рекой зажигались огни, на гористой поверхности Крещатика огромный сад укрывался зеленью, цветами; оттуда неслись звуки симфонической музыки.

Катя застывала у окна.

Чего только она теперь не ждала от этого, казавшегося ей волшебным, города.

На следующий день после их приезда произошла интересная встреча с родственниками. Увы, «родство» оказалось сомнительным. Семья, которую разыскала тетя Анна в Киеве, носила двойную фамилию — Корсаковы-Сапежко. Однако тетю Анну это не смутило. Она настаивала на том, что им необходимо иметь близких людей в совершенно незнакомом городе. К счастью семья Корсаковых-Сапежко оказалась гостеприимная, что, вообще, было в нравах хлебосольства киевлян.

На первом же семейном обеде стали разбираться в возможных родственных связях. Сестра хозяина, вдова, глуховатая Глафира Николаевна Зеньчикова, сказала, что она как будто помнит в их семье красивого старика с длинной бородой. Мария Андреевна тихо заметила, что ее отец не носил бороды... А хозяйка сказала золовке, что она вероятно спутала со знаменитым композитором Римским-Корсаковым, чья карточка висит у них в гостиной. На этом разговор о возможном родстве был исчерпан, но никто не был разочарован. Все были довольны встречей. Те, кто не имел ни одной близкой души в Киеве и те, кто любил согреть каждого у своего очага.

Такими были Корсаковы-Сапежко, Владимир Николаевич и его жена Серафима Семеновна. Оба коренные украинцы и их две дочери, Тамара и Лариса.

По настоянию Серафимы Семеновны, новые «родственники» оставили гостиницу и переехали к ним в дом. Это был барский особняк в два этажа с большим двором и садом. Вся эта собственность находилась в отдаленной части города, в узком тихом переулке, который упирался в ворота, ведущие в женский Покровский монастырь.

Серафима Семеновна, лет тридцати, полноватая, круглолицая, с прекрасными синими глазами, была душой всего дома. Обычно она весь день занималась хозяйством. При первой встрече Серафима Семеновна не понравилась Кате. Она довольно бесцеремонно притянула ее к себе, как какого-то цыпленка и произнесла своим слегка грудным голосом, напирая на букву «о»:

— А она у вас прехорошенькая, да с характером.

Вскоре, с начавшейся жизнью вблизи этой женщины, Катя поняла, что более мягкого существа она еще не встречала. Серафима Семеновна одевалась просто, в широкие цветные платья, перевязывала голову косынкой и в таком виде не отличалась от своей прислуги. Но она меня-

лась; на ней появлялись немного старомодные, дорогие платья, которые она носила умело. Такие перемены с ней происходили редко, как она сама говорила «по необходимости». То ли она уезжала в город, то ли принимала кого-то в гостиной.

Владимир Николаевич был почти тех же лет, что и его жена, только весь его облик выглядел строже. Он служил в Киевском окружном суде. Возвращался со службы поздно, обедал и уходил в свой кабинет, находящийся на втором этаже дома. Иногда ему туда относили ужин. Изредка Владимир Николаевич показывался в своей судейской форме: высокий, стройный, с темными глазами и пышными усами, он выглядел представительным и красивым.

Тетя Анна призналась сестре, что если бы она встретила в своей жизни такого мужчину, вся ее жизнь сложилась бы иначе...

На одном из обедов всей семьей и несколькими гостями, разговор естественно коснулся тревожных событий в Петрограде. Расспрашивали обо всем у вновь прибывших. На все интересующие вопросы отвечала только Катя. На следующий день тетя Анна сказала, что Владимир Николаевич назваю Катю «умницей», Серафима Семеновна отозвалась о ней, как о «сокровище».

Тетя Анна поспешила предупредить Катю, «что такие комплименты не делают ее взрослой и самостоятельной. И в Киеве она должна вести себя исключительно осторожно, особенно с военными. Ее место только в доме, где она может дружить с прелестными дочерьми Серафимы Семеновны». Это были на самом деле очень интересные девочки: старшая, пятнадцатилетняя Тамара, брюнетка с глазами своей матери, была хороша и умна. Она училась в гимназии и посещала художественную школу. Младшая сестра, двенадцатилетняя Лариса со светлой курчавой головкой, напоминавшей Рафаэлевского ангелочка, училась в балетной школе, собираясь стать профессиональной балериной. Изредка она садилась с матерью за книжки, но школьные предметы ей давались нелегко. Катя узнала, что Лариса не была родной дочерью, а взята грудным ребенком из детского приюта. Между неродными сестрами чувствовалась близость и некоторая ревность друг к другу. Заметно рано проявились теневые стороны их темпераментных артистических натур.

К Кате, в их доме, девочки отнеслись с любопытством, «она приехала из Петрограда, одевалась красиво и была хорошо воспитана». Им, пожалуй, даже льстило быть с ней в дружбе. Вначале, каждая показывала Кате свою комнату; спальня Тамары с мягкой шелковой мебелью выглядела, как мирок взрослой барышни, но и неряшливой артистки: рисунки, краски были повсюду, здесь же небрежно валялись платья, шляпы. Комната Ларисы находилась рядом с сестрой и выглядела так, как будто ее хозяйка еще не вышла из младенческого возраста: вместе с развешенными балетными пачками, туфельками с розовыми ленточками, помещались игрушки, куклы. На стульце сидел большой плюшевый, немного потрепанный медвежонок — Мишка. Было много и других безделушек.

Катя была в восторге от всего, не подозревая, что дальше своих комнат девочки не введут ее в свой мир.

Многое ей становилось непонятным в них. Зато совсем неожиданная близость у Кати возникла с чудесной Серафимой Семеновной. Катя проводила много часов с ней в саду, который с каждым днем становился гуще и душистее. Приближалось роскошное южное лето, Катя с удовольствием возилась в цветнике и ягоднике. В эти часы между ними и завязывались душевные беседы. Серафима Семеновна обожала свой сад, рассказывала, что все это поместье Владимир Николаевич приобрел в начале их супружеской и очень счастливой жизни. Многое сделано его руками, посажены фруктовые деревья, орешник, а ее заботой были ягоды, виноград, который вился по ограде и совершенно скрывал садовую беседку. Здесь в тенистой прохладе бывало спали ее малютки-дочери.

В доме постоянно держалась прислуга из четырех человек. Иногда бралась помощь со стороны, нанимались девушки из монастырского приюта; они пололи огород, собирали ягоды и фрукты.

Тамара и Лариса не принимали участия в домашнем хозяйстве. Они возвращались домой после школ, иногда поздно, к обеду. А в праздничные дни или во время каникул предпочитали отдых, сон. Серафима Семеновна както заметила своим гостям, что, к сожалению, они приехали к ним в трудные времена... Многое изменилось в Киеве: война, революционные волнения и начавшееся внутреннее брожение украинских националистов, внесшее осложнение и разрушительное влияние на самые сплоченные

семьи, все это изменило привычный ритм их жизни. Молодежь перестала учиться, вместо школ стала искать другие интересы на стороне, недоучившиеся гимназисты убежали на фронт или, примыкая ко всяким политическим и часто опасным организациям, попадали под пули. Девушки также разбегались подальше от дома, от семейных устоев, религии... Говоря это, Серафима Семеновна посмотрела на Катю своими чудесными глазами и ласково добавила:

— Вот почему так радостно чувствовать подле себя такую цельную душонку, как твоя, Катя...

О своих дочерях она выразилась, что счастлива и спокойна за них. Они обе преданны искусству.

В подходящую минуту тетя Анна обмолвилась насчет «задержавшегося» пребывания в их доме и попросила брать с них плату, хотя бы за пропитание, на что Серафима Семеновна только всплеснула руками и воскликнула: «Милые мои! Да разве в большом хозяйстве считается разница в три человека. Даже если и дольше будете у нас, не беспокойтесь, поделимся».

Из Петрограда приходили тревожные вести. Одна из них была страшная: «Всю Царскую Семью вывезли неизвестно куда»...

Катя, до странности ставшая равнодушной ко всем событиям, подумала: «Чем хуже там, тем дольше мы останемся здесь»...

Ее увлекала киевская жизнь.

Тамара и Лариса, живя с ней под одной крышей, постоянно с ней сталкивались. Лариса душила ее в своих порывистых объятиях, называла «куколкой», «красоткой»... Тамара также была с ней ласкова. Обе девочки обещали свести ее куда-то, показать какие-то диковины Киева, но тут же ускальзывали из дому. У Тамары начинались вечерние классы по рисованию, а у Лариссы, — подготовка к балетным экзаменам. Обе возвращались поздно.

Летние дни и вечера стали знойными, притихшими и до скуки однообразными. Катю тянуло в город. Серафима Семеновна убедила Марию Андреевну и тетю Анну в полной безопасности отпускать Катю одну на прогулки. Ведь проводят же ее девочки в городе целые дни. Она весело говорила:

— Когда-то Киев считался опасным для молоденьких

девушек, их крали кочующие цыгане себе в невесты... но вся эта красочность и романтика давно исчезла и цыгане разбежались...

Прежде всего Катю потянул соседний женский монастырь.

Огромные ворота с иконописью по сторонам стеной отгораживали переулок с его особняками. А за воротами начинался иной мир, монастырской земли, казалось, не было конца. Все здесь было благоустроено: среди зелени стояли часовеньки. На просторных площадях были школы, больницы, столовки и другие богоугодные заведения. Главный собор с голубыми куполами виднелся отовсюду.

В строго уединенной монастырской жизни чувствовалось нечто особенное, не мирское и волнующее. Кате все казалось, что здесь может произойти нечто сверхъестественное и чудесное.

В один очень жаркий день она набрела на небольшую церковку, увидела богомольцев. В стороне находился колодец с привешенной на цепочке кружкой для питья. Кате захотелось пить. Но не успела она поднести ко рту кружку, как около нее очутилась нарядная дама, она вскрикнула: — Барышня, как вы можете прикасаться к этой посуде? Вы получите заразу! Посмотрите, он только что пил из нее. — И она показала Кате на стоящего вблизи старика в лохмотьях.

Нищий услыхал ее слова, вытер рукавом рот и сказал Кате с улыбкой: — Пей, пей, девушка, не бойся и желание задумай. Ничего худого к тебе не пристанет на святой земле. А вот ей-то... — он посмотрел на даму, — за язык, по всему телу бородавки повыскакивают.

Катя убежала домой с испугом и со смехом.

Ее следующие прогулки начались в город, на Крещатик. Разгоряченный дневной воздух здесь охлаждался дуновением синего Днепра. Под навесами продавались фруктовые напитки, мороженое. Публики всегда было много, молодежи; гуляли барышни, гимназисты, офицеры. А к вечеру, когда река розовела и воздух наполнялся сладкими запахами цветов, уличная жизнь притихала, публика тянулась в городские сады, наслаждалась летней негой и музыкой.

Катя любила также посещать городской сад «Купеческого Собрания». Она приходила туда в любые часы дня и неизменно держала в руке книгу, которую ей давала

тетя Анна, считая, что с книгой барышня выглядит благороднее и скромнее. Катя книги не читала, но ее пользу испытала не раз: сидя на скамейке, она замечала на себе взгляды посторонних, слышала комплименты. Вот тут-то она якобы углублялась в чтение, не понимая ни одной строки. Некоторые молодые люди, видимо желающие заговорить с ней, присесть рядом, оставляли ее в покое, не без сожаления принимая хорошенькую барышню за несчастную гимназисточку, принужденную терять золотое летнее время на осеннюю переэкзаменовку... Часто Катя оставалась в саду до вечера, чтобы послушать симфонический концерт. Тогда вся ее душа наполнялась восторгом сладких воспоминаний. Она возвращалась домой возбужденная и счастливая.

Однажды она вернулась позднее обычного, сама не своя: бледная, усталая, в странно разорванном платье. Добралась до своей комнаты и упала на постель. Пережитое ею происшествие осталось для всех тайной.

Находясь в городе, она почему-то никогда не встречала Тамары или Ларисы. Их жизнь и здесь тонула для нее в странной неизвестности. Нечто похожее на обиду начинало затрагивать ее: «Почему они так сторонятся меня?».. Кате даже не было известным, где находятся их школы, студии.

И вот произошла внезапная встреча!

На Крещатике, в окне одного большого кафе, Катя увидела Ларису. Она обрадовалась ей, словно давно не видела, но тут же ее поразило лицо Ларисы; прелестное, по-детски округленное личико девочки выглядывало из-под густо взбитых волос. Глаза были сильно подведены темными красками, губы ярко накрашены. После минутного остолбенения, Катя почти ворвалась в ресторан, направляясь к Ларисе, но вдруг ее заслонила высокая фигура солидного военного. Он подсел к Ларисе, а она потянулась к нему с поцелуем, произнося капризно: — Ты опоздал, Сержик.

— Потому что я зашел купить подарочек моей куколке, — ответил он и протянул ей коробочку. — Ах, духи! — восхитилась она.

Катя замерла на месте. Военный заметил ее и спросил Ларису:

— Твоя знакомая?

Лариса взглянула на Катю, заметно вздрогнула, но

ответила сдержано и дерзко: — Понятия не имею, кто это такая, да еще с книжкой.

Пораженная Катя мучительно перенесла эту минуту и в смятении выбежала из кафе. На улице ее охватили стыд и боль за Ларису, она готова была вернуться за ней, увести домой, пристыдить, но к ней пришли другие мысли: «Вправе ли я вмешиваться в жизнь артистки? Может быть она загримировалась для балета.» И стараясь заглушить в себе какие то неожиданные и тяжелые чувства, вспомнив вдруг Серафиму Семеновну, Катя решила остаться в городе, пойти в сад, прийти в себя...

Еще до начала концерта она ходила по дорожкам, и постепенно к ней возвращалось спокойствие. Вдруг она увидела: навстречу к ней шла Тамара. — Неужели ты? — тихо вскрикнула Катя.

— Неужели ты и без тетушек! — ехидно ответила ей Тамара, потом, оглядев Катю, добавила мягче:

— А ты всегда выглядишь хорошенькой и нарядной.

— Ты пришла на концерт? — радостно спросила Катя.

— Что ты!.. мне ли до концертов!.. — Тамара заговорила быстро:

— Я обычно оставляю здесь, в садовой конторке, свои книги, тетради, а сама мчусь дальше, на сеансы художников. Хочешь пойти со мной? — И не дожидаясь ответа, она схватила Катю за руку и потянула за собой. Катя оторопело повиновалась, как маленькая девочка, да ей и хотелось быть с ней вместе, наконец-то. Тамара вела ее куда-то в сторону, через сад, потом по узким улицам, почти безлюдным. В воздухе темнело.

— Ты туда ходишь одна? — спросила Катя, оглядываясь по сторонам.

— Конечно, это знаменитые сеансы, о них не все знают, но их нельзя пропускать. Художники — футуристы.

Катя промолчала, хотя точно не поняла о ком идет речь. Но также не желала показаться невеждой. Она споткнулась о камень и чуть не упала. Они спускались с горы.

— Мы у цели — прошептала Тамара.

Среди разросшихся кустов показался двор и небольшой дом. Бледный свет фонаря освещал вход.

— Почему такая таинственность? — невольно вырвалось у Кати.

— В этом то и вся прелесть! — восторженно сказала Тамара и добавила с раздражением: — Выбрось свою дурацкую книгу! — Она тут же сама швырнула томик в темноту. Они быстро подошли к дверям, Тамара постучала привешенной здесь белой костью. Вход открылся, блеснул свет, послышался шум голосов. Девушки очутились в большой комнате переполненной людьми. Многие сидели с тетрадками в руках на полу, поджав ноги, другие стояли у мольбертов. В центре комнаты на возвышении стояла совершенно обнаженная женщина-модель. Катя оглянулась на Тамару, которая видимо находилась в привычной для нее обстановке. Здоровалась со знакомыми. Она подтолкнула вперед Катю, сказала: — Я обещала привести вам красотку! Вот она.

Один из мужчин, с бородкой, бесцеремонно обхватил Катю за талию, другой взял ее за подбородок, приподнял лицо и, дохнув запахом табака, воскликнул: — Сама невинность!...

Раздался смех и чей-то голос: — Господа, внимание!

На возвышении, где только что стояла женщина, очутился огромного роста мужчина оголенный до пояса. На его густо волосатой груди болтались две луковицы, а ниже висела красная морковь Катя услышала голос Тамары:

— Это и есть наш гений — футурист...

Катя оторопело уставилась на знаменитого художника. Он менял позы, застывая в каждой с минуту и вызывая взрывы смеха.

Горячая волна заливала Катины щеки, Тамара куда-то исчезла. Новый взрыв смеха, визги послышались вокруг. Катя вздрогнула: «гений» стоял голый и теперь присутствующие словно потеряли последнюю сдержанность. Все стали сбрасывать свои одежды. Одна девушка очутилась возле Кати, у нее была открыта грудь и она старалась сорвать Катино платье.

Катя вскрикнула, — Тамара!... — и тут же увидела ее, обнимающую художника-футуриста. Она была в нижнем белье. У Кати помутилось в глазах. Она рванулась в сторону, оттолкнув от себя рыжего мужчину, погнавшегося за ней. Повидимому к таким выходкам на «знаменитых» сеансах никто не был подготовлен. Катя легко выскочила за дверь во двор. В темноте ветки цеплялись за ее платье,

больно попадали в лицо, но она бежала, точно все еще вырываясь из тех же рук и глаз страшных мужчин.

После этого дня злополучных встречь и переживаний, прошло довольно долгое время. Обе сестры, как бы сговорившись, не затевали каких-либо разговоров с Катей, не то из-за страха, не то из-за некоторого презрения к ней. Они даже приняли новый надменный вид. Катя, никогда и раньше не чувствуя к себе их доброго отношения, теперь сама потеряла к ним всякое уважение, тем более стремление к дружбе. Зато она еще теснее сблизилась с Серафимой Семеновной, стараясь во многом помогать ей по хозяйству, особенно после происшедших перемен в доме. Дворник Михайло, прослуживший у них двадцать пять лет, заявил, что он уходит. Следующий сбежал со двора садовник Дмитро. Серафима Семеновна не растерялась, хотела было нанять других людей, но Владимир Николаевич повысил тут голос, запрещая брать новых слуг, пока в городе думают о сепаратизме. Он сам уволил двух служанок, застав их за чтением письма от дворника Михайло, тот звал их куда-то к своим «за Днипро»...

Тяжесть всего хозяйства Серафима Семеновна взяла на свои плечи. Предложение Кати помогать ей во всем тронуло ее до слез, а Катя похвасталась, что ей приходилось в Петрограде заменять первоклассную прислугу. Насмешила рассказом о Фене и Паше, закончив его, что «все политические перевороты начались с переворота кастрюль на кухне»... Тетя Анна и Мария Андреевна также были готовы помогать, но всякая работа валилась у них из рук и сопровождалась слезами.

В Петрограде революционные события развивались с чудовищной быстротой и трагическими последствиями; вся Царская Семья была убита... С приходом к власти неведомых доселе народных комиссаров — Ленина и Троцкого — началась волна репрессий, казней.

В Киеве наступили сухие, прохладные дни. В воздухе носился горьковатый запах умирающих листьев, падавших на дороги. И отовсюду подуло тревогой. В широких степях юга началось крупное добровольческое движение, а вблизи, то и дело, вспыхивали восстания крестьян. Гибли помещичьи усадьбы, происходили дикие самосуды, убийства. В самом городе процветал дух сепаратизма, но против этого многие восставали. Владимир Николаевич

Корсаков-Сапежко был одним из негодующих. Однажды он обрил свои пышные усы, свисающие книзу, они всегда как бы подчеркивали характер его украинского происхождения. Серафима Семеновна ужаснулась, а тетя Анна прослезилась, находя, что вся его мужественная красота исчезла... Для самого же Владимира Николаевича сбрытые усы, пожалуй, были выражением протеста русского человека против шовинизма. Но это удивительно омолодило его лицо, хотя оно выглядело суше, строже. Он весь как бы ушел в себя, реже отправлялся на службу, подолгу оставаясь у себя в кабинете. И что раньше не случалось, просил его не тревожить...

В доме создалось напряженное состояние. Для Серафимы Семеновны все шло к тому, что она должна была расстаться со своими дорогими гостями. Те также почувствовали нависшую тяжесть и необходимость разлуки. И вместе с тем каждый, как никогда, нуждался друг в друге. Исключением лишь были Тамара и Лариса, по-прежнему занятые собой.

Вскоре Катина помощь в доме приняла неожиданный оборот: стало заметно, что Владимир Николаевич в ее присутствии смягчался, а то просто обращался к ней с личными небольшими просьбами. Однажды он попросил ее перевести ему несколько строк с французского.

— Вы свободно владеете французским языком, Катя? спросил он.

— Лучше русского... — вырвалось у нее шутливо, что вызвало его улыбку.

Случилось так, что в эти дни, когда никто не мог предвидеть судьбы Киева, над городом показалась вереница аэропланов. Жители, не привыкшие к такому явлению и шуму, скорее охваченные любопытством, чем страхом, выбегали на улицы. Быстро разнесся слух о восстании местных большевиков. Около городского арсенала начались беспорядки, стычки коммунистов с украинскими войсками, было уже много раненых и убитых. По приказу домовой охраны публику возвращали по домам. Кое-кто не подчинялся, большей частью молодежь, напролом неслись к месту происшествий. Непонятно почему, никого не предупредив, ушел из дому Владимир Николаевич и не показывался три дня, пока Киев все еще находился в тревожной неизвестности. Внезапно наступило затишье,

по слухам большевиков отбили, загнали далеко за Днестр. Владимир Николаевич вернулся.

Несмотря на утешительные новости, его лицо выглядело окаменевшим. Он отказался от ужина и поспешил уйти к себе. Серафима Семеновна, обрадованная его приходу, посмотрела мужу вслед озаренными глазами, произнесла тихо:

— Ну, вот, совсем упал духом...

Она держалась удивительно стойко, не теряясь. Обе дочери находились дома, а о муже ей не приходилось беспокоиться. На тревожные расспросы домашних, она спокойно отвечала:

— До нашего монастыря ни одна пуля не долетит...

Все же настроение Владимира Николаевича действовало на всех удручающе; старались говорить тихо, не шуметь. В один из этих дней он не вышел к обеду. Серафима Семеновна решила сама отнести ему обед в кабинет, но почему-то передумала и, посмотрев на Катю, спросила:

— Ты это сделаешь за меня, Катюша?

Катя сильно покраснев, ответила: — Да, конечно...

Она почувствовала, что все глаза установились на нее и все догадывались о ее тайне.

В последние тревожные дни и ночи, в отсутствии Владимира Николаевича, она переживала страх и жалость к нему. Отдаленная стрельба и волновавшие всех слухи очень напоминали ей петроградское время. Среди ночи она становилась на колени перед иконой Христа, молилась, чтобы Владимир Николаевич вернулся. Сама не понимала, почему он так сильно занимает ее мысли. Ей вдруг приснился странный сон, как будто он пришел домой, как-то секретно от всех встретился с ней и долго говорил о чем то важном, таинственном. Весь день она находилась под впечатлением этого волнующего сна. Старалась припомнить, что он ей хотел сказать.

Как только Владимир Николаевич вернулся домой, она вспомнила о странном сне и у нее было чувство какой-то возникшей между ними тайны... Она согласилась отнести ему обед, непроизвольно следующая мысль уже смутила ее: «увидеть наяву его одного»...

Отвернувшись от всех, она вышла из комнаты с обедом.

Кате случалось заходить в кабинет Владимира Николаевича в его отсутствии. Большая комната с тяжелой мебелью вызывала в ней приятное ощущение уединенности и уюта. Большое окно выходило в переулок, из него открывался вид на монастырь: высокие деревья, купола церквей. Сейчас, когда она вошла в кабинет, он весь тонул в мягких осенних сумерках. Катя не сразу заметила Владимира Николаевича; подумав, что он уснул на диване, бесшумно поставила еду на стол, готовая осторожно выйти и тут услыхала его голос:

— Катя...

Она вздрогнула и увидела его в кресле, поодаль от окна.

— Катя, подойдите сюда, — произнес он громче.

Она повиновалась с каким-то необъяснимым волнением. Владимир Николаевич встал, посмотрел на нее внимательно и сказал негромко:

— Барышня, вы пожалуй уже хорошо знаете наши монастырские места? — Не дожидаясь ответа, он приблизился к окну, продолжая:

— Вам попадалась на глаза маленькая голубая часовенька за кладбищем? Подойдите ближе, Катя.

Но она стояла в каком то мистическом испуге, подумав: «Совсем как во сне»...

— Конечно, редко кто из посторонних ее знает. Часовенька имени св. Пантелеимона, скрытая за могильными памятниками...

— Я знаю ее, я заходила туда, — вырвалось у Кати и она подошла к Владимиру Николаевичу. Его взгляд был направлен в окно и во всем его облике была какая-то напряженная тревога. Он заговорил торопливо, тихо:

— Милая Катя, я хочу доверить вам одну тайну. Можете вы ее хранить?

Катя вздрогнула и молча кивнула головой.

— Я должен буду уйти из дому надолго, скрыться. Никто из домашних не должен этого знать, кроме вас. Я буду находиться близко отсюда и мне нужна услуга, от которой будут зависеть мои набеги домой...

— Почему? — почти беззвучно произнесла Катя, что то заставило ее смелее взглянуть на него и сказать:

— Что вас беспокоит, Владимир Николаевич? Ведь в городе стало спокойно. Большевики не страшны. Добро-

вольческие армии близко и есть слухи, что немцы придут на помощь.

Владимир Николаевич круто повернулся к ней, словно желая сказать ей: «Славная ты девушка».

Но углы его рта сжались в горестно ироническую улыбку. Он произнес: — «Немцы!» Сколько лет они добиваются победы над Россией... И если это не удавалось им войной, то хоть с любым чертом... украинцы... большевики... это только прицелы Германии, добиться окончательного развала нашего государства. Вот их цель! И они добьются своего. Большевики будут здесь! А пока работают их верные агенты. Охотятся за нами. Но мы должны, не теряя времени, объединиться для последней борьбы, для спасения... Действовать мы будем с помощью монастырей. Я буду находиться здесь, в церкви у отца Афанасия. В нашем распоряжении монастырские типографии...

— А если большевики укрепятся и будут обыскивать монастыри? — спросила Катя.

— К святым местам они еще не скоро доберутся, — ответил Владимир Николаевич и добавил шопотом:

— Теперь помните главное, никто в доме не должен знать, где я нахожусь. Особенно Серафима Семеновна. В тяжелую минуту она побежит ко мне, она ведь отчаянная. Большевики могут проследить за ней. А за вами слежки не будет. Во всяком случае первое время. Вы же продолжайте ваши прогулки по городу и заходите на монастырскую землю, как делали это раньше. И вот моя просьба к вам: посещайте часовеньку св. Пантелеимона и оставляйте мне записочку о положении и настроении Киева. Кто у власти? Какие и где беспорядки, забастовки? Пишите эти записки по-французски, если кто найдет, не всякий поймет, подумает, что это любовная весточка. Оставляйте ее за иконой Святого при входе. Но будьте и вы все время настороже. Даже если по городу будут вывешены плакаты о полной безопасности и наши солдатики запоют веселые песни.

Он замолк.

В сгустившихся сумерках у оконного стекла красиво выделялся его тонкий профиль. Он заговорил не оборачиваясь, как бы сам с собой:

— Наши сентиментальные души легко поддавались унынию в дни благополучия и праздности. А когда под нами сотряслась родная земля, мы сдаемся нелегко. Мы

оказались фанатиками русской идеи, а не знали этого...

Владимир Николаевич произнес тише с теплотой:

— Простите, милая барышня, что я принужден был обратиться к вам. Но вы единственная, о которой я подумал... Если же моя просьба неприемлема...

Катя отшатнулась, ее лицо пылало от волнения. Она была уже далека от какой-либо таинственности. Каждое слово Владимира Николаевича напоминало ей о жуткой действительности. Неожиданная, сладкая гордость наполнила ее сердце — идти на помощь ему: прогулки по городу, наблюдения, письма за иконой...

Она произнесла почти восторженно: — Я хочу это сделать для вас...

— Спасибо, Катя, — отозвался он во тьме и после минутного молчания добавил: — Я оставляю здесь письма для моих...

— Когда вы уходите?

— Сегодня ночью...

Он протянул ей руку, а Кати хотелось броситься к нему, обнять его и сказать то, что рвалось из ее сердца, но почему то она с испугом попятилась к дверям. Вышла из кабинета вся взволнованная и в слезах. Она не знала, куда ей идти? Вернуться в столовую, увидеть Серафиму Семеновну было выше ее сил... Своя, какая то большая вина перед этой чудесной женщиной, неожиданно поразила ее сознание.

На следующее утро Серафима Семеновна первая узнала об уходе мужа. Она долго сидела в столовой, перечитывая несколько раз его записку. Когда она ушла к себе, оставив листок на столе, все домочадцы набросились на него.

В нескольких словах, обращенных к жене и дочерям, Владимир Николаевич просил простить его и понять опасное положение в Киеве, грозящее многим невинным людям, которым он должен помочь. Он обещал вернуться при первой возможности, заканчивал строкой:

«Господь не оставит вас»...

Его поступок, однако, тяжело отразился на Серафиме Семеновне. Она вся ушла в себя. Мало с кем разговаривала. И прекрасная синева ее глаз выражала одну мольбу: «Не тревожьте меня»...

Весь дом погрузился в тишину, как бывает после смерти дорогого члена семьи. Но со смертью примиряют-

ся, а Владимир Николаевич был жив и о нем напоминало все окружающее. Это заставляло думать и тревожиться о нем беспрестанно. Каждый шум снаружи волновал надеждой: «не он ли?»...

Волнение и мысли о муже заметно подкашивали здоровье Серафимы Семеновны. Тамара и Лариса также приуныли, но только по той причине, что они не могли уйти из дому. В городе шла непрерывная стрельба. Лариса слонялась по комнатам со скучающим видом, останавливалась в гостиной у большого трюмо и делала свои балетные «па». Тамара подолгу читала, держась от всех в стороне. Обе девочки не делали никакой попытки стать ближе к страдающей матери, чем-нибудь успокоить ее. Этот шаг должна была бы сделать Катя. Серафима Семеновна видимо и ждала этого. «Ведь Катя последняя видела Владимира Николаевича в его кабинете. Он говорил с ней!»

Глаза Серафимы Семеновны часто останавливались на ней. Катя это чувствовала и ее мучило раскаяние, она хотела сказать:

«Он здесь... близко... в монастыре. Я видела его». И тут она вспоминала его просьбу: «ни слова дома»...

Катя, как только вырывалась из дому, освобождалась от мучившего ее состояния притворства и стремилась в монастырь. Она успевала нахватываться всякими происшествиями. Очень подходящим местом для этого был ближайший большой базар, где, как на барометре политической погоды, то и дело менялись настроения мужиков и баб. Торговцы были на редкость осведомленными, и пожалуй, никакая киевская газета не могла опередить те новости, которые мигом накоплялись здесь в зловонии всякой снеди, среди крика птиц и ругани толпы.

Катя приходила в монастырь с наскоро подготовленной записочкой на французском языке. Некоторые слова она затруднялась перевести и писала их латынскими буквами, например: «бунт», «казаки». В эти дни киевские улицы неожиданно заполнялись украинскими войсками в красочных национальных костюмах. По слухам они прибыли из Германии в качестве избавителей от большевиков.

Каждый раз попадая в монастырь и исполняя свой святой долг перед Владимиром Николаевичем, она надеялась встретиться с ним. Но прошло не мало времени, прежде чем она увидела его. Тонкие ветки тополей уже белели от инея. Их встреча и разговор произошли в пол-

ном уединении. Катя замечала чудесную перемену в лице Владимира Николаевича. Его глаза блестели и улыбались ей. Он благодарил ее, говоря, что ее сообщения оказали огромную пользу. Несколько человек, за которыми гоняются большевики, благополучно оставили Киев.

Ему явно хотелось подольше удержать Катю. Он снял с ее руки перчатку, сжимал ее похолодевшие пальцы, поднес их к своим губам со словами: — Моя хорошая, красивая Катя... вы сделали для меня так много. Вы вернули мне надежду на жизнь...

Он вдруг стремительно прижал ее к себе. Катя замерла в какой-то сладкой, счастливой истоме. Но все же она сделала попытку освободиться из его объятий, с радостью прислушиваясь к его словам:

— Я вернусь домой скоро... к тебе, Катя...

И тут же она почувствовала его мягкие горячие губы на своих. В беспамятстве она вырвалась от него и унеслась, все же крикнув на прощанье: — Я буду завтра здесь!

Но следующий день принес непредвиденные события. Начался тяжелый обстрел Киева... Катя застряла в городе. Она очутилась в чужом дворе, куда ее затянула мятущаяся толпа. Сюда забегали перепуганные люди, женщины плакали, кого-то искали и кричали, что большевики хватают всех, забирают и убивают...

Катя рвалась в монастырь, но домовая охрана никого не выпускала, пока не выяснилось, что большевистские банды, под натиском появившихся отрядов белых, отступили.

Беспорядочные события развертывались с невероятной быстротой, оставляя в полном неведении жителей. Никто толком не знал, в чьих руках Киев? Его судьба...

Зловеще понеслись месяцы. Наступил март, солнечный, душистый. Во чувствовалась близость весны, но воздух содрогался от взрывов снарядов тяжелой артиллерии. Обывательская жизнь совершенно замерла в предчувствии конца... И вдруг в обреченный город стали входить немецкие полки. Теперь «тевтонцы» во всем блеске своих организованных войск пришли не как завоеватели, а как друзья, на помощь России...

Немцы!... каждый день только и говорили о них. «Киева не узнать, повсюду наведен порядок, чистота. На базарах продукты стали лучше, дешевле, всего вдоволь».

Но мужики и бабы снова заголосили, старались спрятать товар от проклятой немчуры. А немцы в свою очередь держали себя в высшей степени корректно, за все платили. Дисциплина у них была во всем.

Утренние, залитые солнцем улицы оглашались немецкими маршами. За оркестрами показывались офицеры на лошадях, один другого красивее. Потом следовали похожие на грибы солдаты, низкорослые, с железными касками на головах. По вечерам они оставались в казармах, разбросанных по городу, а начальство веселилось. Элегантные лейтенанты появлялись всюду: в театрах, в садах, ресторанах, на симфонических концертах, где теперь звучал Бетховен, Шуберт, Вагнер...

Немцы появлялись с барышнями-киевлянками. Разговоры, большей частью, велись на французском языке и носили характер невинного флирта. Только странным диссонансом в этой обстановке были скандалы, особенно в публичных местах, в садовых кафе, где немцы сидели за столиками, а им прислуживали бывшие русские офицеры, не состоящие больше на военной службе по причине ранений или других дефектов. Эти «лакеи», издерганно-нервные, выходили из себя. Между непримиримыми врагами возникали ссоры. И насколько «пруссак» казался злым и сдержанным, настолько русский, теряя самообладание, готов был разбить стаканы с пивом о голову любого немецкого гостя.

О подобных настроениях в домах рассказывали со смехом, но и критикуя своих за дикость.

Популярность немцев росла. Их приглашали в лучшее киевское общество. Многие мамаши начали мечтать о каком-нибудь «бароне», как о возможном женихе для дочери.

Одна гимназисточка восторженно выразилась: «Если я встречу немца с моноклем, я сразу влюблюсь в него!»...

В доме Серафимы Семеновны было несколько иначе. Тетя Анна смертельно боялась немцев, много начитавшись о них во время войны называла их варварами. Они ни одной девушки не пощадят! Она умоляла Серафиму Семеновну спрятать девочек в подвал, пока немцы хозяйничают.

Едва заслышав звуки немецких маршей с улицы, она тотчас же спускала на всех окнах шторы.

Избавителем от всех этих страхов неожиданно явился Владимир Николаевич. Он вернулся домой и с ним вошел весь свет весеннего дня. Серафима Семеновна встретила мужа с радостным волнением. Счастье засветилось на ее усталом лице. А Владимир Николаевич вошел в свой дом как то странно смущенно, будто посторонний. Он сел на кончик первого попавшегося стула. С криком радости подбежала к отцу Лариса: «Папочка!... папочка!... наконец-то»...

И она начала поспешно рассказывать ему, что из-за беспорядков в городе опера была закрыта, но сейчас, с приходом немцев, все наладилось. В этом сезоне она будет танцевать солисткой. Тамара подошла к отцу лишь после того, как он первый протянул ей руку и заметил:

— Тамарочка, как ты выросла! Похорошела. Жениха уже пора искать.

Он с любовью прижал ее к себе. Жену он поцеловал. Она, сияя, смотрела на него. Владимир Николаевич, находясь большей частью на свежем воздухе монастырского поместья, поздоровел и был хорошо одет. Замечая на себе теплые взгляды, чуть не проговорился: «За мной хорошо присматривал церковный служка». Но сказал другое: — Я обещал вернуться...

Он подошел к Марие Андреевне и тете Анне, сидевших в стороне. Катя явилась позднее всех, она радовалась как и все, но внутренне была смущена сознанием, что за последнее время почти и не думала о нем. А в эти дни возвращение Владимира Николаевича не только смутило ее, но она боялась остаться с ним наедине. Сама не зная, не понимая, почему, но многое в доме начинало ее тяготить. И как будто она сама была в чем то перед всеми виноватая...

Она старалась почаще проводить время в саду, который был сейчас в пышном расцвете лета, но и странно печалил ее...

Почти невероятным событием в доме стало появление немцев, как гостей. Владимир Николаевич, находясь несколько часов в отсутствии, увидел в передней наваленные немецкие шинели, фуражки. Из гостиной доносились веселые звуки рояля. Серафима Семеновна ожидала мужа с объяснениями:

— Сейчас почти невозможно избежать их общества, — говорила она, — ко мне пришел немецкий полковник и

вежливо попросил принять в наш дом его офицеров, познакомить с нашими барышнями. Их казармы вблизи нас. Лариса уже познакомилась кое с кем и вчера после балета ее привез домой немец-лейтенант. А Тамара рисует портрет их адъютанта.

Стараясь избежать взгляда мужа, она продолжала с улыбкой: — Ведут они себя исключительно корректно. Сегодня у нас вечеринка с танцами. Мария Андреевна чудесно играет вальсы... Тетя Анна хозяйничает. Я им благодарна, так как сама хочу быть в стороне. А девочки пусть потанцуют..

Владимир Николаевич ничем не проявил себя внешне и лишь сухо проронил: — Надеюсь и я могу быть оставлен от непрошенных гостей... — И он быстро поднялся к себе в кабинет.

Вечеринки с немцами участились. Были конечно прогулки по ароматному саду при лунном освещении, создавая восхитительные минуты давно неиспытанного покоя и веселья. Смягчали отношения сестер к Кате. Теперь у них было много общего для обмена впечатлениями.

За обедом в присутствии Владимира Николаевича барышни безудержно хохотали над каким то хорошеньким Гансом, который объяснялся каждой из них в любви, пользуясь одной и той же фразой по-французски: — «Je vous aime». [1])

— Фердинанд намного интереснее его, — сказала Катя, — хотя и он говорит глупые комплименты.

— Потому что они здесь только подставные фигуры от своего правительства, — негромко произнес Владимир Николаевич, добавляя: — Им дан приказ, как вести себя с русскими барышнями и о чем говорить с ними...

— Совершенно верно, папа, — подхватила Тамара. — Когда я пишу портрет адъютанта Шульца Вальтера, на его красивом лице всегда одно и то же каменное выражение.

Владимир Николаевич усмехнулся дочери, сказал:

— Их и называют — «каменные гости»...

— Мне одно нравится в них, — воскликнула Лариса. — Немцев вдохновляет музыка. Вы бы видели их лица, когда они в опере. А как горячо апплодируют! А вот на

[1]) Я вас люблю.

ужины они скупятся до противности. Все наши балерины это заметили и неохотно принимают их приглашение в ресторан пить горькое пиво...

Лариса скривила свой ротик и все расхохотались, кроме Владимира Николаевича. Он встал, посмотрев строго на дочерей, на Катю, почему-то заставив ее покраснеть, заметил с иронической улыбкой: — Вижу, что эти «Фрицы» вскружили вам головки.

В один из этих вечеров Катя вальсировала в гостиной с голубоглазым Фердинандом. Она забывалась в танце, минутами ей казалось, что она где то витает в новом, прекрасном окружении. Позднее, гуляя с ним в саду, она спросила:

— Как долго вы еще останетесь в Киеве?

— Фройляйн, поговорим лучше о любви, — как бы отрезал он. И Катя невольно вспомнила слова Владимира Николаевича о «немцах»... Почувствовала вдруг презрение к их скрытности и неясности их миссии в России. Однако, отказаться от их общества не могла, да и не хотела. Эти вечеринки с танцами возвращали ее к жизни, к себе, она увлекалась мыслью о нарядных платьях, которых, увы, так мало осталось у нее.

Через несколько дней тот же лейтенант, который дал совет говорить только о любви, серьезно заболел. Солдат немец пришел за чем то на кухню к Серафиме Семеновне и сказал, что его офицер, Херр Фердинанд Герц, находится в лазарете.

Чувство искренней жалости к молодому человеку, быть может умирающему на чужбине, прилило к Катиному сердцу. Она уже вспоминала его только, как галантного кавалера, уносящего ее в танце и забытье... В секрете она в тот же вечер срезала в саду распустившиеся чайные розы и незаметно ускользнула из дому.

Вечер выпал беззвездный и душный, похоже было на приближение грозы, но Катю ничто не останавливало. Жалость к умирающему в летний вечер, запах чайных роз, волновали ее сердце; она мчалась, как на свидание. Она хорошо знала то место, где были квартированы немцы. Однако, найти больничный барак оказалось не легкой задачей. К счастью ей никто не попадался на пути и она могла с осторожностью присмотреться к небольшим деревянным постройкам. В бледном освещении одного из боль-

ших окон было что то похожее на больницу. Окно находилось невысоко от земли и Катя, с легкостью бабочки, порхнула в него. Запах йода, лекарств, сразу дали ей понять, что она не ошиблась. Очутившись в пустынном коридоре, она заглянула в первую открытую дверь палаты: группа молодых людей в халатах сидела вокруг пожилого немца. Он держал книгу и читал вслух какие-то стихи по-немецки. На всех лицах была сосредоточенная внимательность, нежность и она невольно подумала: «Вот, где они настоящие»...

Фердинанда в этой группе она не увидела и пошла дальше, стараясь заглянуть в другие палаты. Вдруг, в самом конце коридора, в маленькой каморке, она увидела своего лейтенанта. Он лежал вытянувшись на больничной койке с побелевшим лицом и обострившимся носом, похожий на мертвеца. Катя рванулась к нему и, о радость!... Голубые живые глаза Фердинанда смотрели на нее, на розы... Он силился улыбнуться. А у Кати выступили слезы, она вдруг подумала: «а я могла бы его полюбить»... Она наклонилась над ним и зашептала по-французски: — Дорогой... дорогой... мой Фердинанд, все будет хорошо, и я... я хочу уехать с вами...

Больной посмотрел на нее с видом удивления и сделал слабое движение рукой, показывая на угол. Там висел его военный китель. Он прошептал: — Фройляйн, достаньте в кармане карточки...

Катя мигом исполнила его просьбу. Несколько фотографических снимков очутились в ее руках. Она подала их больному. Он судорожно прижал их к губам, прошептал:

— Майн либлих... майн либлих... — Он показал Кате фотографию молодой, крупной женщины, окруженной детьми, произнося громче и с блеском в глазах: — Майне фрау... майне киндерхен... (мои любимые жена — детки...).

Лейтенант Фердинанд Герц, как Катя узнала вскоре, совершенно оправился и был отправлен домой в Германию. Она по нем не грустила. А свой визит в больницу теперь не могла вспомнить без ужаса и смеха. Когда она вышла из палаты больного, поцеловав его на прощанье в бледные губы, в дверях она столкнулась с больничной сиделкой. Та посмотрела на Катю с ужасом и неудивительно: на дверях была надпись: «Вход воспрещен. Палата тифозных».

Несмотря на пребывание немецких полков в Киеве и укрепившейся власти украинцев, во главе с гетманом Скоропадским, большевики буйствовали. В пригородных местечках нападали на немцев, убивали их. Тевтонцы жестоко мстили за это. Черные тучи набегали на сияющее летнее небо. Киевляне, сильные верой и духом, не теряли надежды, верили в скорую и полную победу над красными. Носились добрые слухи о надвигающейся значительной поддержке и помощи. Откуда и от кого? — никому не было ясно. Гетман Скоропадский, с символичным именем и как легендарный герой, которого почти никто и никогда не видел, не слышал, по слухам воспитанник Пажеского Корпуса, сам вскоре бежал, по тем же слухам приняв последнюю услугу от немцев, согласившихся вывезти его из Киева, как своего раненого офицера.

Вскоре и все «каменные гости» исчезли из города. Наступила пора совершенно непонятных происшествий, вольностей и злодеяний. В Киев врывались новые «атаманы», от которых жители разбегались в ужасе, как от разбойников; на лошадях, в папахах с обнаженными шашками, они носились по улицам, неизвестно за кем гоняясь. Но много жертв, после их набегов, оставались лежать на дорогах... Город превратился в вооруженный центр. Образовались разные враждующие между собой силы: украинские повстанцы, большевики, добровольцы, какие то анархические вольнодумцы и просто головорезы...

Повсюду вспыхивали вооруженные столкновения, рукопашные схватки. Власть над городом с молниеносной быстротой переходила из рук в руки, а в чьи, опять таки не было известно. Пулеметный треск и одиночные выстрелы слышались днем и ночью.

Дом Корсаковых-Сапежко снова окутался мраком. Владимир Николаевич, на этот раз никого не предупредив, исчез. Катю это поразило, точно она имела право знать. А предположение, что он опять в монастыре, пугало ее. Теперь туда часто направлялись жуткого вида вооруженные солдаты. Серафима Семеновна на этот раз отнеслась спокойнее к уходу мужа, сказала с улыбкой:

— Он знает, что делает и вернется вовремя...

С ней произошла и другая перемена. Она стала часто рассказывать о своей счастливой супружеской жизни, вспоминать те годы, когда будучи бедной девушкой, меч-

тала о собственном доме, о саде, где будут цвести редкие цветы, астры, глицинии...

От ее голоса веяло странным вдохновением, а в чудесной синеве ее глаз горел свет. И никому не приходило в голову, что Серафимы Семеновны коснулся тяжкий недуг. Но появившееся в ней равнодушие, с которым она стала относиться к окружающему, беспокоило всех. Хозяйство было запущено. Наступила зима, комнаты по несколько дней не отапливались, запас дров уменьшился и все труднее было их добыть. Исчезли другие необходимые продукты, как мука, сахар, жиры. Когда в доме ощущался острый недостаток чего нибудь, Катя незаметно от домашних ловила моменты затишья и выбегала на улицу, пробираясь в лавки. Ей удавалось кое-что купить. Но все чаще она слышала шепот лавочников:

«Барышня, если вместо бумажных денег вы принесете нам какую-нибудь домашнюю утварь — посуду, белье, серебро, то получите взамен сахар, муку...

На такую сделку Катя не могла согласиться. У нее ничего не было своего. А попросить в доме было бы напрасно, ее просто не пустят в лавки. Однако нужда приучает к хитрости. Однажды Катя появилась на базаре в широкой юбке Серафимы Семеновны, со старым платком укрывающим ее голову. В своем собственном кожаном чемоданчике она принесла яблоки из их сада. Какая то бойкая баба сразу согласилась на обмен. Дала Кате кулек муки, несколько картошек и вырвав из Катиных рук дорогой чемоданчик с яблоками, мигом исчезла.

На следующий день Катя принесла на базар три картины в позолоченных рамах. Она нашла их в погребе дома: красивый зимний пейзаж, море и детская головка похожая на Ларису. Возможно, что эти картины были написаны Тамарой и не плохо. Но бородатый мужик, взглянув на них, предложил Кате взамен ломоть темного хлеба и кусок сала, тут же одним взмахом кулака выбил рисунки, смял их и выбросил. А рамы обхватил и унес. В этот же час Катя на базаре узнала тетю Анну. Она также была укрыта большим платком и с корзиной. Что то продавала. С минуту обе «торговки» удивленно смотрели друг на друга, потом со смехом бросились себе в объятия.

Все заботы о доме теперь легли на их плечи. Тамара и Лариса возобновили свои частые отлучки в город. Сера-

фима Семеновна с тем же безразличием относилась ко всему, но если по комнатам шло тепло и распространялся запах жареного картофеля, печеной булки, она становилась живее. Только одна приунывшая Мария Андреевна при виде дочери вскрикивала:

— Катя! на кого же ты стала похожа...

— На принцессу-замарашку! — отвечала весело тетя Анна.

Называя Катю «принцессой-замарашкой», тетя Анна не знала, что это прозвище окажется пророческим.

После нескольких особенно тревожных дней и ночей, когда Киев подвергся сильному обстрелу, стало известно, что в город вошли части белой армии. Как светлый праздник киевляне встречали победителей. Городская жизнь быстро налаживалась и, казалось, каждый житель теперь искал какого то забвения. Начались балы, устраиваемые военными организациями с благотворительными целями: в пользу «Красного Креста», участников «Ледяного похода», бал «Белой ромашки». В один из таких дней, в лавке, старая представительная покупательница помогла Кате купить свежий хлеб. Она оказалась генеральшей, недавно приехавшей из Харькова. Старушке Катя понравилась, она спросила ее: — Не хотели бы вы, барышня, принять участие в предстоящем балу, продавать цветы? — Бал состоялся в честь «Мальтийского Креста».

На всех этих балах закружилась Катя. Она имела большой успех. На последнем балу она сначала продавала программы, а потом очутилась на эстраде с бумажной короной на голове, избранная «царицей бала». От восторженных комплиментов и приглашений на танцы она чувствовала себя словно в волшебном царстве. Увы, не надолго... Знакомый пулеметный треск вдруг потряс зеркальные окна городского зала. Взрыв орудийного залпа пошатнул все здание. Зал быстро пустел...

Катю провожал на извозчике один из ее последних кавалеров, молодой корнет. Он успокаивал ее и сам чуть вздрагивал от доносившихся взрывов. Катя зажимала уши. Но почему то ей было не страшно, а скорее приятно находиться с молоденьким красивым офицером: он нежно целовал ее руку, называл «очаровательная принцесса» и сам походил на принца.

Все было, как в сказке...

На утро стало известно, что многих военных, находившихся ночью в городе, банды красных зарубили шашками. Катя заплакала от испуга, «не случилось ли что с ее принцем?»... С этого дня весь Киев был охвачен паникой. Снова повсюду бесчинствовали большевики. Солдаты, обвешенные пулеметными лентами, врывались в дома, кого-то увозили с собой. А при малейшем сопротивлении убивали тут же на месте.

Гостиная Корсаковых-Сапежко стала похожа на вокзальный зал, со свернутыми узлами, корзинками. Серафима Семеновна сказала, что они все должны бежать из Киева. Во сне ей послышался голос мужа. Он намечал ей путь через Покровский монастырь, куда им надо двигаться и где он будет их ждать...

Слышала ли она голос Владимира Николаевича или это было воображение ее больной души, осталось неизвестным. Но взволнованные, измученные женщины согласились на бегство. Дочери Серафимы Семеновны запротестовали против оставления Киева, объясняя, что большевики им не помешают. Лариса будет иметь хороший сезон в опере, Тамара заявила, что она уживется с любой властью...

А Катя? Ее не так беспокоило внезапное решение уезжать, как само состояние Серафимы Семеновны. Торопившая всех к отъезду, она сидела на месте с неподвижным лицом. С улицы доносились выстрелы, а в доме все оставалось в неопределенном выжидании и неизвестности. Тетя Анна принесла бутерброды, все ели без аппетита. Тамара читала книгу, Лариса занялась маникюром. Катю все это раздражало и мучило. Несмотря на мольбы своих, — «не подходить к окнам», она то и дело смотрела на улицу, вдруг вскрикнула:

— В дом напротив вошли люди с винтовками! Наверное придут и к нам. Что мы скажем, если они будут спрашивать о Владимире Николаевиче?

Сестры молчали. Мария Андреевна перекрестилась, тетя Анна засуетилась, прятала, куда могла, сложенные вещи, чтобы скрыть подготовляемое бегство. Серафима Семеновна вдруг судорожно схватила свою дорожную сумку. В ее руке очутился небольшой сверток. Дрожащим голосом она сказала:

— Дорогие мои... слушайте меня. Это я упаковала мои деньги, три тысячи золотом и некоторые драгоценности...

Если большевики меня уведут, поделитесь между собой. А сейчас спрячьте..

Всех охватила паническая мысль: «куда спрятать сверток?» Тетя Анна, чуть вскрикнув, выбежала из комнаты и вернулась с плюшевым медвежонком Ларисы. Она быстро распорола его туловище, оттуда посыпались светло-желтые опилки. Тетя Анна взяла драгоценный пакетик и втиснула его глубоко в медвежонка, зашила ниткой и бросила игрушку на пол.

Все пришли в восторг от тетиной выдумки.

Катя, опять заглядывая в окно, тихо произнесла: — Так и есть, идут сюда.. их четверо... Хорошо, что парадная дверь открыта, нам нечего бояться их...

Ей никто не ответил. Глухие голоса стали доноситься с лестницы. Катя направилась к дверям, но они внезапно, с шумом распахнулись. На пороге показался грубый солдат с лицом обросшим темными волосами. Пулеметная лента пересекала его грудь. За его спиной, как-то смущенно, ежились солдаты помоложе.

— Оружие в доме есть? — зычно спросил первый и вошел в комнату, тяжело ступая грязными сапогами по ковру.

— Есть! — нашлась Лариса и протянула ему пилочку для ногтей. Солдат ухмыльнулся, подмигнул своим товарищам. Те вошли смелее.

— Выйти всем! — скомандовал тот же волосатый солдат и добавил в сторону Ларисы: — А, ты, девица, оставайся. Без хозяйки трудно. Ключи от шкафов есть?

С Ларисы слетела ее задорность, чуть побледнев, она проговорила: — Я здесь не хозяйка.. — И она быстро побежала вслед за всеми. Прижалась вдруг к Кате, та ее обняла, шепнув:

— Не бойся, они скоро уйдут...

Она не ошиблась, солдаты оставались в доме недолго. Но учинили буквально погром: открыли столовые ящики, выбросили содержимое на пол. В кабинете Владимира Николаевича взломали книжные шкафы, хотя те и не были заперты, так просто, из-за революционного ухарства. Щепками разлетелось дорогое красное дерево. Но видимо солдатье ничего не нашло нужного и вышло прочь, через ту же парадную лестницу. Все молча ждали, пока они совершенно скрылись. Тетя Анна первая понеслась к

медвежонку. Он лежал на том же месте. Мария Андреевна сказала тихо:

— Пусть еще лежит... могут вернуться.

Начались тревожные ночные часы, не спали, не раздевались, все прислушиваясь, но минутами забывались, как бы в обморочном состоянии. Город свирепо сотрясался от орудийной канонады. Под утро Серафима Семеновна напомнила, что нужно бежать. И опять таки она не трогалась с места. А в городе чувствовалась какая-то перемена, наступило продолжительное затишье. Люди начинали выбегать на улицы. С блеском солнца пришла и радостная весть: в Киев вошли добровольцы!

Мария Андреевна подняла с пола медвежонка, закружилась с ним, восклицая: — Ах, ты мохнатенький! Вот и перехитрил их!

Серафима Семеновна также пришла в себя, улыбнулась и взяла Мишку, начала быстро распарывать шов. Из прорехи посыпались те же светло-желтые опилки и больше ничего. Пакетик исчез. На всех лицах застыло недоумение, испуг. Каждый стал вырывать плюшевую игрушку, рвали ее на части. Драгоценного пакетика не было...

Серафима Семеновна обвела всех глазами, громко и страшно засмеялась и грохнулась на пол.

Непонятное исчезновение пакета было конечно для всех трагичной загадкой, а для Серафимы Семеновны оказалось роковым. В тот же день ее отправили в больницу для душевно-больных.

Была Пасха. Звон церковных колоколов оповещал верующих о ниспосланном благословении многострадальному Киеву. «Христос Воскресе!» В эту пору все великие праздники, раньше приносящие одни радости, проходили почти что незамеченными. Дом Корсаковых-Сапежко стоял приунывшим. Праздник был совершенно забыт. По последним сведениям из больницы Серафима Семеновна находилась в безнадежном состоянии, она никого не узнавала. Дочери не горевали, не навещали мать, продолжая жить своими личными интересами. Часто уезжали надолго в город. Для Кати и ее родных оставаться в доме без хозяев стало невыносимо, а переехать было некуда и не на что. По их подсчету, денег у них оставалось немного и неизвестно на сколько еще вре-

мени. Правда, с переменами в Киеве, появилась надежда на возвращение Владимира Николаевича. Катя, при первой же возможности, оставила ему записку в часовне. Но он не возвращался. В один из этих теплых, душистых дней, по главной улице, мимо переулка проходили военные полки с русскими знаменами. Катя стояла на крыльце в домашнем платье, непричесанная и грустная. Неожиданно она увидела, как из ворот монастыря вышло несколько вооруженных солдат. Они кого-то конвоировали. Когда группа приблизилась, она заметила двух юношей. Один был с тонким лицом, вьющимися растрепанными волосами, выглядел веселым задорным мальчуганом. Он посмотрел на Катю, улыбнулся. Она, почему-то вздрогнула и с инстинктивным отчаянием рванулась к солдатам, крикнула со всей силой:

— Куда вы их ведете?

— Нас ведут на виселицу, прощайте барышня! — ответил ей юноша.

— А ты, помалкивай, большевистское отродье, — огрызнулся на него солдат и, сдерживая шаг, сказал Кате:

— Эти вихрастые студенты свили пулеметное гнездо на церковной крыше, ваше благородие.

Они пошли дальше. Катя хотела бежать за ними, молить о пощаде этих совсем еще мальчиков. Но она застыла на месте, слезы душили ее.

Вдруг она заметила, как к ней быстро приближался какой-то молодой офицер. Скорее чутьем она угадала, кто это. Пойманная врасплох, Катя хотела скрыться в доме, но веселый голос несся ей в догонку:

— Мадемуазель Катя, я к вам!

Корнет, ее последний кавалер на балу, герой этого сияющего праздничного дня, легко прыгнул на их крыльцо. Она все же успела крикнуть:

— Сейчас я позову барышню!

Катя умчалась в комнаты, от радостного волнения не могла привести себя в порядок и вышла к своему гостью лишь набросив легкий шарф.

— Катя, мне не нужна другая барышня, я приехал к вам! — смеялся молодой человек, горячо целуя ее ручки.

С этого дня девятнадцатилетний корнет Александр Филиппович Коллен, или, как все его называли, Алик, стал навещать Катю во время свободное от службы при Генеральном Штабе.

Вне службы, родом Петербуржанин, воспитанник Пажеского Корпуса, он был совершенно одинок в Киеве. Как многие другие, потерял всякую связь с родными.

В доме Алика полюбили. Он мило пел романсы под аккомпанемент Марии Андреевны, играл с тетей Анной в «дурачки», был почтительно вежлив с Тамарой и Ларисой. Но только одну Катю ловил его молодой и пылкий взгляд. Стояли жаркие летние дни. Укрепившиеся добровольческие силы восстановили в городе сравнительное спокойствие. В публичных садах снова зазвучала концертная музыка, в закрытых помещениях возобновились вечера и балы. Катя появлялась повсюду в сопровождении корнета. Его внимание к ней, пылкие слова: «Катя, я вас люблю безумно... Катя, хотите я застрелюсь на ваших глазах», — все это давало ей право распоряжаться Аликом, как ей хотелось. А у нее было серьезное задание к нему, как к офицеру при Штабе. Несмотря на, казалось, улучшившуюся жизнь в Киеве, она не забывала слов Владимира Николаевича о вечной опасности со стороны большевиков. В один из этих дней она гуляла с Аликом в их саду, который изменился до неузнаваемости; лишенный прежнего ухода он зарос до дикости. А вместе с тем, нечто новое, волнующе-прекрасное, было в этом благоухающем запустении.

На Кате было летнее легкое платье, при каждом ее шаге выделялись ее тонкие бедра и маленькие ступни ног. Открытая шея и руки золотились от загара. Катя заметила влюбленный взгляд офицера, улыбнулась ему и сказала:

— Мне нужно о чем-то серьезно поговорить с вами, Алик. — Она потянула его за рукав к своему любимому месту в саду, к кустам белых пахучих пионов. Здесь тень холодила траву. Катя растянулась на душистом ковре. Он сел рядом и закурил. Катя спросила:

— Алик, кто сейчас находится в Киеве из самых влиятельных военных лиц? — Он посмотрел на нее с удивлением и она добавила:

— Я ищу возможности уехать...

— Не верите нам? — обидчиво прозвучал голос молодого человека.

Катя вспыхнула. — Нет, нет, Алик... я не собираюсь

оставить России, но в Киеве все так изменчиво. Вы сами должны это знать...

— Да, будущее действительно неизвестно, — произнес он задумчиво и сжав ее локоть, прошептал страстно:

— А когда выпадают вот такие минуты, Катя, ни о чем другом не хочется думать, быть бы только вместе... — Он сильно притянул ее к себе, обнял за талию и произнес пылко:

— Теперь вы вся в моей власти...

Катя испугалась, стараясь вырваться, разжимая его пальцы, и вместе с тем ее словно забавляла эта борьба.

— Катя, я тебя люблю... ты моя... — продолжал шептать он, с силой склоняя ее на траву, покрывая поцелями ее лицо, впиваясь в ее губы. Катя грубо оттолкнула его:

— Как вы... вы... смеете, — бормотала она, вырываясь от его горячих поцелуев.

Алик отпустил ее, странно, почти грубо отбросил в сторону, а сам откинулся на траву и замер. Его лицо сильно побледнело, на нем выступил пот. Глаза закрылись, растегнутые китель и рубашка обнажили его тяжело дышавшую грудь. Катя вскочила на ноги, сорвала пышный пион, прижала к своему пылающему лицу, потом опустилась на колени перед Аликом и стала прикладывать к его лицу прохладный цветок, испуганно шептала:

— Алинька... очнитесь, бедный... это от жары...

Он открыл глаза, стряхнул с себя лепестки и улыбнулся Кате.

Ее неприятно поразила эта быстрая перемена в нем, особенно его улыбка обидно уколола ее. С чувством странной обиды или досады, она бросилась бежать из сада. Он погнался за ней, крича:

— Катя, прости... прости... — Что еще он кричал, она не услышала. Ее пронизывала странная мысль с болью: «О, как я хочу ему отомстить»...

Она вбежала в дом, попалась на глаза тети Анны, которая испуганно поспешила за ней в комнату, вскрикивала:

— Что случилось?!... где Алинька...

Катя рыдала на постели, уткнувшись в подушку.

— Вот те на! — поссорились? — такой милый мальчик.

— Милый мальчик! — почти отгрызнулась Катя. — Я от него буду иметь ребенка! — вот что...

Тетя Анна остолбенела, едва произнесла:

— Что ты говоришь? Где вы были... что случилось? О Боже, доигралась девочка!

Она подбежала к двери, закрыла ее на ключь и вернулась к Кате с грозным видом: — Говори мне все, это убьет твою мать...

— Мне все равно, — произнесла Катя спокойнее и со злым лицом заговорила: — Мы гуляли в саду, на траве шутили. А потом он стал меня целовать. Ужасно... Меня никто так не целовал. Прямо в рот... Вот и все... — бросила Катя коротко и вопросительно-растерянно посмотрев на тетю добавила:

— Разве этого недостаточно, если мужчина целует так? — Краска разлилась по ее щекам, а у тети Анны расплылась улыбка. Но тут же она сердито взглянула на племянницу, не то укоризненно, не то насмешливо бросила: — Дура...

У дверей она обернулась, спросила: — Тебе сколько лет?

— Вы прекрасно знаете сколько, шестнадцать! — уже истерично выкрикнула Катя и когда тетя вышла, она разрыдалась.

А вечером ее уже мучил вопрос: «Вернется ли к ней Алик?»

На следующее утро она получила от него записку снова с объяснением в любви и белые пионы...

Как сумасшедшая, она стала кружиться по комнате. Это напомнило ей о предстоящем бале. Катя с ужасом подумала, что у нее нет больше подходящего платья, нового ей не купят. Она решила прибегнуть к помощи сестер. За последнее время они накупили себе много новых нарядов. Но они одевались не по ее вкусу, а ей хотелось на этот раз одеться понежнее, воздушнее... Несколько дней она ходила по всему дому, словно в поисках выхода из своего затруднительного положения. И вот, случайно, ее взгляд остановился на окне в передней. Оно было завешено кисейной занавесью, некогда голубого цвета, а от времени и пыли ставшей серо-дымчатой. Что-то замечательное показалось Кате в этой кисее. Пришла идея сделать из нее бальное платье. Она быстро сняла занавес вместе с крючками, гвоздиками и со всей этой пышной и пыльной массой поспешила к тете Анне. Та ужаснулась.

Но, под конец, поддалась Катиным мольбам сшить ей платье, которое сможет выдержать один только бал. Катя ликовала. Она нашла еще вещь для контраста цветов, — бархатную подушку с довольно хорошо сохранившимися красными розами. Вырезала цветы и сказала тете нашить их на дымчатый фон платья. Под конец, получилось настолько красиво, что тетя Анна уже восхитилась Катиному вкусу и сказала:

— А ведь у тебя талант, станешь законодательницей мод!

Все же она предупредила Катю, быть очень осторожной с этим платьем...

В бальный зал, переполненный публикой, военными, Катя приехала с Аликом. Она сразу же обратила на себя внимание, слышала комплименты. Ей улыбались солидные гости, генералы, сидящие в стороне за столиками буфета. Ее расхватывали на танцы. Алик то и дело терял Катю из виду, а она восторженно носилась по залу. Одна дама громко заметила: — Какая прелестная барышня и как одета!

«Ее платье?»...

Катя сама была им горда, если бы, вдруг, не почувствовала, что кисея начинает расползаться на плече. Все же она протанцевала в нем мазурку с распорядителем бала и произошло нечто неожиданное. Ее попросили подняться на эстраду. Заиграли туш и объявили публике, что первый приз за туалет получает мадемуазель Екатерина Серебрякова! Приз заключается в том, что присутствующий на балу известный художник будет писать ее портрет для выставки. Под аплодисменты к Кате подошел художник, статный с добродушным лицом, поцеловал ей руку и вручил карточку с адресом своей студии. Также было указано время для первого сеанса.

Опьяненная триумфом, Катя увидела возле себя Алика, хотела сказать ему что то, но о ужас! Она уже безошибочно почувствовала, как ее платье рвется на ней. Во избежание катастрофы, она ринулась прочь из залы, как «Золушка» и ее принц-Алик понесся за ней.

В извозчичьей пролетке все стало проще. Катя, усталая и счастливая, откинулась на сиденье, Алик сидел молча насупившись.

— Вы на самом деле будете посещать этого худож-

ника?... — наконец проговорил он, как бы проворчал с ревнивой ноткой в голосе.

— Алик, как можете вы?.. он же великий художник! — воскликнула она, но поняв его чувства, нежно прижалась к своему принцу.

В студию художника она стала ходить аккуратно. Артист жил в красивом особняке на возвышенной части города, из балкона студии открывалась чудесная панорама Киева, в бархате зелени, с золотом выступающих церковных куполов, а издалека виднелась синева Днепра. Студия пестрела роскошью дорогих вещей, ковров, гобеленов. Было много ваз, зеркал и картин.

Позируя художнику, Катя сидела на мягком пуфе, повернув лицо к балкону и замирала надолго, приятно отрываясь от печалей и тревог. Несколько дней назад пришла весть о смерти Серафимы Семеновны. Алик навещал ее все реже, оставался недолго и выглядел озабоченным. На все ее вопросы отвечал крайне уклончиво. Но как-то, крепко сжав ее руку, произнес тихо:

— Что бы не случилось, Катя, вы уезжаете со мной...

Катя не нашлась что ответить, у нее только пронеслась испуганная мысль: «А мама... тетя?»...

Она была уверена в одном: «Киев снова на краю пропасти»...

Только здесь, у художника, в окружении уюта и красоты, она чудесно забывалась и наслаждалась отдыхом.

Однажды она застала в студии незнакомого мужчину. Это был близкий друг художника: худощавый, лет пятидесяти, с тонким умным лицом, писатель, приехавший в Киев откуда-то издалека. Каждый раз, находясь в студии, Катя невольно наблюдала его; он сидел у стола и работал над своей книгой.

Несмотря на то, что Катя теперь довольно часто проводила время в обществе этих двух солидных мужчин, сблизилась с ними, она очень мало знала о них, кроме того, что они оба были знаменитостями. Она сказала о них Тамаре, назвав каждого по имени и та буквально онемела от удивления. Потом спросила:

— Как ты встретилась с ними?

В этот же вечер Тамара пригласила Катю в свою комнату на чашечку шоколада. Позднее пришла Лариса,

вернувшись после своего очередного выступления в специальной серии летних балетных спектаклей. Она выглядела настоящей артисткой в новом роскошном платье, даже невольно вызвав зависть в Кате, которой захотелось тут же похвастаться «первым призом» за свой туалет. Но сестры забрасывали ее вопросами о художнике и писателе. «Где они живут? Надолго ли писатель приехал в Киев?»...

— А почему ты так долго держишь в «черном теле» этого хорошенького Алика? — почему-то переменила разговор Лариса. Катя не совсем поняла ее вопроса, хотя как-то подсознательно уколовшего ее.

— Боишься завести с ним настоящий роман? — не унималась девочка, болтая своей балетной ножкой.

— Лариса... — с заметным укором остановила ее Тамара, но тут же сама расхохоталась.

Катя поднялась и, не взглянув на них, быстро вышла из комнаты. Ее глубоко задели колкие слова сестер. И она дала себе слово больше не попадаться на их лесть и угощения.

В минуты особенно приятного покоя в студии художника Катя слышала мягкий голос писателя, он словно жалел ее за принужденность позы, старался развлечь ее, рассказывая о себе, о своих интересных приключениях во время войны, о своем бегстве от большевиков, которые обещают крупную награду за его голову.

В Киев он попал чудом, благодаря случайно подхватившему его штабному поезду, в котором один из генералов был его другом. Имя этого генерала было довольно известно и Кате. Живо заинтересовавшись таким совпадением, она спросила писателя:

— Этот генерал еще в Киеве?

— Да, мы только вчера обедали с ним.

В этот день художник разрешил наконец Кате взглянуть на ее портрет. Она была приятно поражена сходством с «бабушкой Дэзи». Та же волна темных волос, огромные блестящие глаза, смотрящие куда-то вдаль и вся она смело стремящаяся вперед...

Трудно было оторвать глаза от этого прекрасного портрета.

«Неужели это я?»... радостно подумала она.

— Удивлены, Катя, что вы такая красавица? — произнес художник.

— Чудесный бесенок... — заметил писатель.

— Бесенок? — художник посмотрел на друга и сказал:

— На этот раз, ты ошибся. Бесенком Катю назвать нельзя. — В его голосе послышалась серьезность, он продолжал:

— Я достаточно присмотрелся к ней. Катя прекраснейшее и чистейшее дитя в образе женской коварной красоты. О, на ней обожгутся многие...

— Ай, ай... я, кажется, первая жертва! — весело воскликнул писатель и стал дуть на свою руку. Все рассмеялись. В студии стало необычно оживленно. Катю оставили обедать. Откуда-то из ресторана принесли горячую еду. Пили вино за успешный портрет. Обедали на балконе; сквозь потемневшие небеса заалела полоса заката, потянуло предвечерней прохладой.

Катя задумалась, ее коснулась печаль: «Портрет закончен... значит, это был ее последний день с этими интересными людьми, ставшими ей дорогими».. Ей хотелось бы продолжить знакомство с ними, дружить с писателем, ведь он мог оказаться для нее очень полезным. Как раз в этот момент он обратился к ней с вопросом:

— Катя, вы любите музыку?

— Очень!

— А балет?

— Я вообще люблю театр!

— Хотели бы вы закончить сегодняшний вечер «Лебединным озером» в Оперном Театре? У меня есть билеты.

Катя с радостью согласилась, но сказала, что ей нужно вернуться домой, чтобы переодеться.

— Совершенно не нужно! — воскликнул писатель, весело продолжая: — Если вопрос идет о туалете, то здесь в студии найдется все! Каких только красавиц не отражали эти зеркала и чего они только не находили у нашего художника. — Он лукаво посмотрел на друга. Тот только махнул на него рукой. Писатель вошел в студию, остановился около тяжелого сундука, сбросил с крышки расшитую ткань и сказал негромко подошедшему другу:

— Если хочешь знать, у меня на душе тоска... Хочу немного развлечься...

У него в руках появилась пелерина из белых лисиц.

— Вот, барышня, — обернулся он к Кате, — вечер прохладный и вас укроет всю.

Катя оторопела. Но ее глаза заблестели от восторга. Писатель набросил мех на ее плечи. Друзья невольно переглянулись. Катя не только стала ослепительно хороша, но и сразу как-то повзрослела. Писатель не унимался. Откуда-то принес пару серег: длинные, усыпанные брильянтами, они ярко засверкали в Катиных ушах. Вскоре художник провожал их с улыбкой, покачивая головой.

Юная, скромная Катя была перевоплощена в легкомысленную красавицу. В этот вечер съезд к Киевскому оперному зданию был большой, извозчики, автомобили сгущались у ярко освещенного подъезда. На фоне блестящих офицерских форм туалеты дам отличались скромностью. Преобладали платья черного цвета. Появление Кати, окутанной роскошными белыми лисицами, со сверкающими брильянтами, и в сопровождении пожилого известного писателя, произвело эффект. Некоторые мужчины, здороваясь с писателем, целовали ей руку, задерживая на ней восхищенный взгляд. Дамы также оглядывали ее, но и сдержанно улыбались, перешептывались. Писатель сам заглядывался на Катю, говорил ей комплименты, и она предвкушала свою победу над ним. В этот вечер она решила добиться от него нужной ей протекции для выезда из Киева.

Очутившись в ложе, Катя вспомнила, что в этом же оперном театре, в балетной труппе выступает Лариса. Она схватила программу и, о радость! Имя прима-балерины было Лариса Корсакова.

Интерес увидеть впервые на сцене танцующую девочку-подругу вытеснил из ее памяти и сердца все обиды на нее, она готова была выбежать из ложи, успеть повидать Ларису, сказать ей, что она сегодня здесь, в театре!...

Но оставалось всего несколько минут до начала. Раскрасневшаяся, взволнованная Катя взяла бинокль, направляя его в зал, увидела входящую группу русских танкистов, выглядевших картино-рыцарски в «шортах», с голыми коленями (английское обмундирование). За ними неожиданно показался Алик. Он был в парадной форме с аксельбантами. Катя знала, что он получил в штабе повышение. Но ее поразило то, что Алик явился один.

— Кого это Катя увидела, что у нее задрожала ручка? — заметил писатель.

— Никого... — смутилась она, но ее сердце уколола обида.

«Почему он не сказал, что собирается пойти на балет. Один?... без меня... или он заезжал за мной домой?»...

Эта мысль успокоила ее. Свет в зале потух. Оркестр заиграл увертюру. Катя, углубившись в кресло, смотрела на сцену, но Алик не выходил из ее головы. Она уже злорадно предвкушала удовольствие показаться ему в антракте во всем своем блеске.

Наконец, занавес взвился. Открылось феерическое видение: на нежном фоне серебристого озера плавали лебеди. А балерины в белоснежных пачках с перышками на головах сами плыли, как птицы в танце, полном грации. Мелькали хорошенькие лица, руки, прелестные улыбки. Появление прима-балерины вызвало бурю аплодисментов. Имя — «Лариса Корсакова» проносилось в публике. Катя с восторгом и гордостью смотрела на Ларису с золотой коронкой на распущенных волосах, невольно недоумевала, «да неужели это она, моя маленькая шалунья!»...

Она шепнула своему кавалеру: — Лариса Корсакова моя близкая подруга, мы живем вместе.

Он, видимо, не расслышал или не понял. Но задержал Катину руку и поцеловал.

В конце первого акта Ларисе и ее балетному партнеру публика устроила овацию. Катя сама аплодировала до боли в руках. Не дожидаясь пока опустится занавес, она решила сделать сюрприз Ларисе, пробраться к ней за кулисы. Писатель предложил сопровождать ее. Они очутились в пустынных коридорах. Из зала все еще доносились аплодисменты, крики «браво». Катя вошла в артистическую комнату Ларисы одна. Театральный мирок маленькой артистки окружил и восхитил ее: яркий свет лампочек, зеркала, цветы, всякие безделушки напоминали ту же девочку-неряху; как и дома, здесь валялись туфли, трико, пачки. На туалетном столике, словно с него никогда не сметали пыль, было наставлено много склянок, баночек с гримом. Катя заметила это с улыбкой и потянулась было смахнуть своим платочком со столика рассыпанную пудру. И тут, вдруг, ее взгляд замер, ей бросилась в глаза горсточка светло-желтых опилок. Катя схватила их рукой: сомнений не было. На ее ладони лежали памятные опилки из игрушечного медвежонка...

Она выскочила из уборной, как обожженная. Ниче-

го не видя перед собой, бежала вперед, теперь наталкиваясь на балерин и до ужаса боясь увидеть Ларису. Она очутилась в своей ложе и безсильно упала в кресло. Вошел писатель, посмотрел на нее и обеспокоенно сказал:

— Я вас ждал в фойе. Что случилось, Катя, на вас лица нет...

— Отвезите меня домой... — едва произнесла она и закрыла лицо руками.

На улице ей стало легче. Душистый воздух, тишина и мягкое подрагивание извозчичьей пролетки действовало успокаивающе. Но так неожиданно открывшаяся тайна пропавшего пакетика Серафимы Семеновны все глубже ужасала ее. Она была уверена, что Тамара также была соучастницей кражи.

Писатель долго молчавший, тихо спросил Катю:

— Не хотели бы вы еще немного покататься по городу?

— Да... да... — в некотором забытье ответила она, но ей самой хотелось куда-то нестись в темноту и тишину этого для нее рокового вечера...

— Катя... — опять услышала она голос своего солидного друга и его рука нежно обвила ее талию.

— Катя, — повторил он уже слегка дрогнувшим голосом и его горячее дыхание коснулось ее лица. Он говорил:

— Скажите мне, что с вами происходит, детка. Доверьтесь мне. Я сделаю все, чтобы оградить вас от всяких невзгод... Вы стали для меня дороги. Я полюбил вас с первой же встречи. Я ведь очень одинок, да и сама жизнь потеряла для меня всякий смысл. Все основы, которые были ценны, святы, — все пошатнулось и исчезло... Только один луч еще может спасти... согреть и вернуть счастье, и он исходит от вас. У меня есть возможность уехать куда угодно, где жизнь может дать комфорт: — Франция... Италия... вы будете со мной. Ведь вы, Катя, созданы для красивой жизни, поклонения и любви... Ответьте мне одним словом — «Да».

Но этого слова не последовало. Катя растеряно и с трудом собравшись с мыслями, произнесла:

— Мне очень жаль вас... я не знала... я никогда бы не подумала, что вы несчастный. У вас большое имя, много друзей, вы — писатель. А моя жизнь всецело связана с моей матерью и тетей...

Что еще говорила Катя, она соображала плохо. Единственно, что ей хотелось, это поскорее вернуться домой. Она напомнила ему о позднем часе.

Извозчик поехал быстрее. Катя повернулась к своему соседу. Его лицо стало грустным, задумчивым, какимто вдруг постаревшим. Она поверила его словам, чувствам, у нее вырвалось с теплом:

— Я обещаю вам приходить в студию... мы будем беседовать, как и раньше. Вы будете читать мне свои книги. Я знаю, вы пишите о политике, когда то я увлелась ею...

Подъезжая к своему переулку, она попросила остановить извозчика. — Отсюда мне недалеко. Я пройду пешком... Спасибо за все.

Она тут же сняла серги, мех и протянула ему, но он сказал:

— Не отдавайте, оставьте себе... они никому больше не нужны. А вам еще пригодятся. Спасибо и вам за все...

— Нет, нет... что вы? — почти вскрикнула она и уже торопливо соскочила с пролетки и, не оглядываясь, быстро пошла по каменному тротуару. Единственный фонарь был разбит. Дорогу освещали звезды. Чем ближе Катя подходила к своему дому, тем становилось темнее. Ей оставалось сделать несколько шагов до крыльца, как вдруг до нее донесся тихий шепот. Кто-то скрывался за густыми листьями у крыльца. Катя остановилась, прислушалась. До нее ясно донесся звук поцелуев и голос Ларисы:

— Иди же скорее ко мне, Алик... никого нет...

Катя остолбенела: «Алик и Лариса!»...

В смятении, она рванулась вперед и увидела Ларису, обнимающюю Алика. Они оба оцепенели при ее появлении. Алик опомнился первым, сбросил с себя руки Ларисы, хотел что-то крикнуть Кате, но она понеслась от них, от дома, Алик за ней. Он уже кричал ей в догонку: — Не убегай, Катя... одно слово!...

Но она бежала как безумная, поняла, что попала на монастырский двор. Обычно по ночам ворота закрывались, но не на этот раз. Кате легко было скрыться здесь. Но он догнал ее.

— Что вам от меня надо? — вскрикнула она с глазами полными гнева и слез.

— Катя, выслушай меня! — сам едва сдерживая слезы, говорил он. — Я ни в чем не виноват перед тобой...

— Почему же вы ее целовали? Вы из-за нее пришли на балет. Я была там... вы ее любите...

— О, нет, нет, Катя, это не то... Просто грубое чувство к которому она сама влечет. Лариса не может быть на твоем месте... А за последнее время я страдал из-за тебя, Лариса говорила мне, что ты влюбилась в художника, пропадаешь часами у него, а также сходишь с ума по каком-то писателе... Она утешала меня, приглашала на их собственную квартиру в городе...

— В собственную квартиру? — изумилась Катя.

— Да, ее и Тамары. — Алик опустился у дорожки на траву, закрыл лицо руками, говорил словно через силу:

— Ты многого не знаешь, они живут там роскошно. У них бывают мужчины низкого пошиба, не военные. Один рябой, рыжий, похожий на кокаиниста. Там у них происходят попойки, оргии. Лариса танцует нагая...

Алик продолжал с тоской в голосе: — Как я мог верить им? — моя светлая Катя...

Он встал, стал целовать ее руки и плакал уже открыто.

— Где их квартира? — с неожиданной строгостью вырвалось у Кати.

Алик зашептал: — Умоляю, не спрашивай меня. Это противно. Ты так далека от всего этого. Поверь мне, я больше туда не пойду.

Он замолчал, посмотрел на Катю с внезапной переменой в лице и, оживляясь, сказал: — Катя, ты хотела уехать из Киева. Теперь время. Ожидаются серьезные бои, наступления, оставаться здесь опасно. И я уже все устроил, как для выезда моей семьи. Твой путь с твоими будет — Таганрог, Ростов на Дону, Новороссийск. А там морем Крым, твоя Ялта!...

— Алик!... — радостно вскрикнула Катя.

Он продолжал взволнованно: — Но Катя.. если я сказал, что все устроил, как для моей семьи, это значит, что ты должна стать моей невестой.

Катя без слов бросилась к нему на шею.

В воздухе светлело. Предутренний туман поднимался с земли, с цветочных клумб и рассеивался по монастырскому саду, укрывая моросящим покрывалом Катю и Алика, притаившихся на скамье. Доносились мягкие удары церковных колоколов, ранних служб. В этот укромный уголок они набрели ночью. Здесь их никто не мог увидеть и услышать. А они говорили много, с прорвавшимися

чувствами любви и верности. С приходом утра наступил и конец их сладкого уединения; они оказались на людном месте, недалеко от главного храма. Стали появляться люди, старцы, богомольцы, нищие, те, кто всю ночь укрываются под монастырским покровом. Показались монашки. Катя и Алик поспешили уйти, направились к воротам. У самого выхода Катя вздрогнула, — перед ней очутился высокий монах. Он сразу же отошел, удаляясь в монастырь. А Катя, дрожа от холода и испуга, зашептала:

— Это он... он...

— Кто он, Катя?...

— Владимир Николаевич. Его глаза...

Она не ошиблась, это был он, выглядевший до неузнаваемости страшным: на нем была старая монашеская ряса, обросший волосами, на исхудавшем лице свисали усы и борода. Только глаза, темные, прекрасные и тяжело-грустные, взглянули на Катю. Она и узнала их...

— Кто этот Владимир Николаевич? — прервал ее мысли Алик.

Катя удивилась, как это до сих пор она не рассказала ему о Корсаковых-Сапежко, приютивших их. Сейчас, направляясь к их дому, она говорила ему все, как помогала она ему, когда он скрывался здесь и повидимому продолжает находиться тут же в монастыре.

— Но почему у него теперь такой страшный вид. Он не похож на себя... и почему он так быстро скрылся... он же меня знает... — чуть не плакала Катя.

Алик, нежно обняв ее, сказал: — К этому нужно привыкать... Если большевики удержатся, этот страшный маскарад дойдет до того, что русский человек побоится открыть свое лицо родному брату...

— А большевики удержатся?...

— Возможно. Но и им придет конец. Мы оружия не сложим. — В голосе молодого человека прозвучали бравые нотки. Послышался взрыв артиллерийского снаряда. Взявшись за руки они побежали к дому. У крыльца их видимо поджидала Мария Андреевна и тетя Анна. Обе были в сильном волнении, закричали: — Где вы были? Что творится в городе! Говорят, что целые районы оцепляют... но кем, неизвестно...

Катя старалась улыбаться. — Мы ничего не знаем... мы ночевали в монастыре.

Ее слова остались без внимания. Мария Андреевна нервно говорила: — Сегодня, в четыре часа утра сюда подъехал автомобиль с мужчинами в штатских костюмах. Они увезли с собой Ларису и Тамару. Похоже было, что девочки ждали этих людей и не ложились спать.

Алик тихо проронил: — Я предчувствовал это...

Катя смотрела на него испуганно.

— Вот почему Лариса клялась мне в любви, — продолжал он чуть побледнев. — Она упрашивала меня остаться с ней на ночь. Да, Катя, прелестная «царевна лебедь» ничто иное, как предательница. Она собиралась выдать меня, белого офицера, в руки большевиков. Они-то и приезжали сюда. Это их компания. Один рыжий с рябью на лице, кокаинист и чекист...

Крик сорвался с Катиных губ. Алик продолжал:

— Этот визит был предупреждением не только для меня, но и для вас. Вы должны сегодня же оставить Киев. — Он сжал Катины руки, сказал с нервной поспешностью:

— Сегодня ночью отходит специальный поезд на юг. В Таганрог, без пассажиров, кроме нескольких лиц. Если не ошибаюсь, семья моего личного друга, начальника этого поезда, оставляет также Киев. — Он повернулся в сторону Марии Андреевны и тети Анны, произнеся веселым тоном:

— А теперь, благословите нас с Катей и поздравьте!

Начались расспросы, слезы... Алик давал последние инструкции: он будет их ждать на вокзале к десяти часам вечера.

После его ухода, Катя заторопилась пробраться в город. Она хотела забрать свой портрет. И ей также хотелось попрощаться со своими друзьями.

На улицах было тихо и тревожно. Трамваи не ходили, не было извозчиков, немногие прохожие куда-то спешили, кое где собирались кучки людей.

Приблизившись к знакомому дому, Катя заметила у подъезда группу штаских и солдат с винтовками. В студию художника ее не впустили. Один из мужчин в штатском, оглядев ее пристальным взглядом, грубо спросил: — Вам зачем сюда?

— Я к художнику...

— Вашего художника здесь нет, мы его не застали. А находившегося там писателя арестовали.

— Где он?! — вскрикнула вне себя Катя.

— В тюрьме. А в студии сейчас обыск.

— Пустите меня, я должна... — рванулась вперед Катя, но ее схватили за плечо.

Противный голос говорил ей: — Неблагоразумно, барышня, если не ошибаюсь, ваше имя Катя Серебрякова. Я хотел бы получить от вас некоторые сведения.

Катя успела заметить рябое лицо незнакомца, его рыжие волосы и с криком пустилась бежать.

Обратный путь страшил, каждый встреченный пугал, напоминая только что виденных людей, каких-то жутких, беспощадных. И она понимала свою полную беспомощность сделать что-нибудь для спасения писателя. Она не сомневалась, что его арест — результат доноса сестер. Не хотели ли они также выдать Алика?...

Дома она застала мать и тетю за укладкой вещей. Они двигались как тени, на их лицах отражалось полное бессилие. «О, только не это!» В Катиной душе, утомленной и измученной, поднялась буря решимости. Скорей отсюда!...

Она спешно собрала свои вещи, переоделась в изящный голубой костюм, который прикрыла старым пальто. На голову набросила платок, а в карман спрятала голубую шапочку-берет, «может быть пригодится», как сказала ей тетя Анна, показывая на чемоданчик с серебром, еще вывезенном из Петрограда: «Может быть пригодится»...

Задолго до назначенного времени и наступления темноты, они пробрались через сад к соседнему участку, не оглядываясь назад. А им вслед смотрел чудесный дом зияющей пустотой окон, веющий холодом, смертью...

Удача сопутствовала беглянкам. На главной дороге им попался извозчик. При виде трех баб в платках с вещами он хотел было унестись прочь, но заметив, что с головы Кати вдруг сорвался платок, открыв ее лицо с прядями волос, извозчик что-то сообразив, остановился и вежливо спросил: — Куда, барыньки, на вокзал?

По дороге на станцию старик рассказывал, что народ бежит, поезда переполнены, но порядок есть. Распоряжаются военные.

В мягком темнеющем воздухе слышались отдаленные глухие щелчки выстрелов. Извозчик перекрестился и сказал тихо: — Вот оно... с каждого угла летит. А то говорят в расход кого-то выводят...

Никто ничего не ответил. Всех охватило сильное волнение, «скорей бы»...

Тяжелое настроение царило на платформах. Теснота. С трудом нашли место, где-бы можно было дождаться Алика. Все же лучше и спокойнее было здесь, чем находиться в доме. Алик появился во-время.

Он зашептал Кате: — Все устроено. Поезд стоит на запасном пути.

Он помог нести вещи. И все шли за ним, куда то в сторону от станции. На отдаленных путях, окутываясь тьмой, едва был заметен большой товарный поезд, как оказалось, наполненный поврежденным оружием и танками, отправляемый в Таганрог. Единственный вагон был предназначен для выезда одной генеральской семьи. Этим же вагоном должна была уехать Катя со своими.

Обстановка этого специального вагона была неожиданной: на широких, длинных скамьях лежали дорогие пледы, подушки. Посередине теплилась чугунная печечка, на ней кипел чайник. В вагоне хозяйничал солдат, деньщик генеральского дома, Николай. Он знал Алика и обещал «его благородию» приглядывать за барышней. Марию Андреевну и тетю Анну он заботливо усадил на нары. Потом выскочил из вагона и помог взобраться на площадку полной женщине. За ней показалась высокая тонкая фигура молодой барышни и последним прыгнул военный.

— Николай, закрывать!... — скомандовал он, и тут же заметил притаившихся в темноте площадки Алика и Катю.

— Здравствуй, Кирилл! — приветствовал его корнет.

— Ах, это ты? — ответил офицер и посмотрел внимательно и как бы удивленно на Катю. Она также удивилась, ей показалось знакомым лицо молодого человека. Алик их познакомил:

— Моя невеста, Екатерина Сергеевна Серебрякова, прошу любить и жаловать.

— А это, мой друг, поручик лейб-гусарского полка Кирилл Михайлович Ильяшенко. На него одного возложена вся ответственность за благополучную доставку этого поезда и вас, Катя.

Ильяшенко? Катя приятно поразилась.

Она сказала: — Я хорошо знаю вашу маму. — Катя

протянула офицеру руку, добавляя с улыбкой: — Ведь и мы с вами встречались на балах...

Поручик быстро козырнул ей и тут же отошел.

— Катя, прощай, — тихо проговорил Алик.

И они забылись в последнем долгом поцелуе.

Алик успел пожать руку другу и легко соскочил с площадки.

Поезд медленно тронулся. Слабый свет сквозь щели вагона пополз по фуражке Алика, по его поднятой руке и вся его тонкая фигура потонула во тьме. Катя не двигалась, безотчетные чувства сковали ее, хотелось плакать, но прорывалась и радость. Ее мечты осуществились. Она вырвалась из Киева!...

Громкий голос поручика Ильяшенко привел ее в себя.

— Прошу войти в вагон.

В вагоне царила приятная атмосфера. Было светло, все пили чай. Мать и тетя, согретые вниманием, выглядели счастливыми, поджидали Катю. Она прежде всего подошла к своей старой знакомой, генеральше. Олимпиада Константиновна Ильяшенко подставила Кате щеку для поцелуя и произнесла холодно: — Здравствуйте, барышня!

Катя была готова воскликнуть: «Как все это получилось чудесно!» Но слова замерли на ее губах. Генеральша холодно отстранила ее рукой и обернулась к кому то в сторону, обращаясь по французски: — Tania, apportez moi le chale. [1])

Выступила молодая девица, та, что показалась в вагоне, высокая, худощавая с рыжими волосами и с тонким недобрым лицом.

Генеральша их познакомила: — Княжна Татьяна Миусова, невеста моего сына, — произнесла она с заметной гордостью.

Княжна бросила на Катю быстрый взгляд тоже каких-то рыжеватых глаз, похожих на кошачьи.

Катю странно удивило, что она была невестой Кирилла. А в генеральше она совершенно не узнала прежней милой дамы, она показалась ей теперь чопорной, заносчивой.

— Что это все значит? — подумала она, принимая от Николая чашку чая.

---

[1]) Таня, принесите мне шаль.

Поезд мчался. Офицер то и дело выходил из вагона, через площадку, исчезал куда то, а когда возвращался, все взоры обращались к нему. Генеральша нервничала и все приставала к сыну с вопросами: — Все благополучно, Кира? Не будет ли дуть из щелей?...

Татьяна Миусова поглядывала на жениха, но оставалась подле его матери, которая, видимо, обожала ее, но и третировала.

— Ты будешь спать со мной рядом, Танюша, иначе я не усну. Достань мне валерьяновые капли. Мерси, ма шер.

Катя чувствовала себя все больше отчужденной в их обществе. Досадовала, что ей приходится разделять с ними столь приятный для нее путь. Она увидела, что мать и тетя занялись распаковкой вещей, хотела достать кое-что и для себя. Но генеральша вдруг заговорила с ней: — Как жаль, что корнет Коллен не поехал с нами. А ведь он мог, если бы хотел...

Катя замялась, ответила растерянно: — Он очень хотел, но не мог. Его служба в штабе. Мы должны были даже отложить нашу свадьбу.

Генеральша переглянулась с княжной и, улыбнувшись, заметила:

— Да разве, барышня, у него это серьезно?

— Алик, вообще, очень серьезный, — чуть вспыхнула Катя. Весь вид Олимпиады Константиновны стал для нее отталкивающим и вместе с тем, она готова была на любой отпор в случае новых колких замечаний, которые и последовали позднее.

Поручик стал распределять места для сна; нижняя нара была предоставлена для его матери, невесты и тети Анны. Верхняя для остальных. С его помощью туда первой взобралась Мария Андреевна, затем он бросил в угол единственного оконца свой сверток и обернувшись к Кате, спросил: — Может быть бы предпочтете у окна?

— Мне все равно, — тихо ответила она и, как то нерешительно, приняв его руку, вскочила наверх. Мария Андреевна заснула, едва коснувшись подушки. Катя только сейчас увидела в противоположном углу вагона почерневшую икону Чудотворца Св. Николая. Приятное чувство коснулось ее сердца. Она перекрестилась и закрыла глаза, но заснуть не могла. Вспоминала Алика, возвращались непонятно недружелюбные слова генеральши о их друж-

бе, любви. За что?... Сквозь охватившую ее печаль, обиду, она слышала, как все устраивались на ночлег. Кирилл давал распоряжения Николаю, тот отвечал тихо, почтительно: — Слушаю, ваше благородие.

На Катю приятно действовали эти слова неизменившегося отношения солдата к своему офицеру с должным почитанием, да и любовью. «Вот остался же таким»...

Постепенно она начала поддаваться убаюкивающему ритму колес, засыпала. Вдруг вагон резко вздрогнул, с нар упали какие-то вещи. Звякнула посуда. Поезд круто остановился. Поручик тут же исчез. Николай рванулся к дверям. Посмотрел в щель. Генеральша спешно надевала туфли, схватила Таню.

— Что это случилось? Почему стали? Где мы?... Кира! Николай! — вскрикивала она.

— Зги не видать, ваше превосходительство. Но все тихо, сейчас господин поручик вернется, — успокаивал солдат. И как бы ответом послышался снаружи голос Ильяшенко.

— Николай, открывай.

Солдат изо-всей силы раздвинул двери. Струя ночного душистого воздуха обдала всех. Показалась верхняя часть лица офицера, его глаза весело светились.

— Что испугались, а всего-навсего стоим у леса. Хотите погулять? — говорил он. У всех пропал сон.

— Воздух-то какой!... — протянула Мария Андреевна, не трогаясь с места.

Остальные поспешили к дверям. У Кати было желание спрыгнуть из вагона, но Кирилл придержал ее рукой.

— Я пошутил. Мы будем стоять недолго. Но двери надо держать открытыми, пока я не вернусь.

Он быстро пошел по направлению тяжело дышавшего паровоза. Катя опустилась на пол вагона, свесив ноги. Вокруг была чарующая тишина и какая-то таинственность, пахло смесью зелени, грибов, влажного моха. Ощущалась близость реки или болота, квакали лягушки. И во всем этом было столько неожиданной прелести, что Кате не хотелось ни о чем думать, тем более говорить. Но рядом очутилась генеральша. Ее голос резанул Катин слух: — Мечтаете, барышня?

Катя сдержалась от слов. А старушка, усевшись на складном стулике, заговорила:

— Вы, милая девочка, подумайте серьезно над моими словами; Алика не ждите. И устраивайте свою жизнь иначе. Вы еще так молоды, вы встретите еще не одного жениха.

— Почему же не Алика! Если мы любим друг друга, — вспылила Катя — почти дерзко посмотрела в лицо старушки. В суженных морщинками глазах отразилась улыбка. Но и какая-то серьезность, она произнесла уже с поучительной ноткой:

— Видите, барышня, брак в России и во всем мире нелегкая задача. Только любовь свободна. А брачные узы, это нечто положительное, связывающее, обязывающее и принципиальное. Вот почему о браке нужно думать и говорить, все взвешивая. — Рука Олимпиады Константиновны легла на Катины плечи, словно придавила ее всю.

Но она не двигалась, слушая старуху.

— В хороших, благородных семьях, милая барышня, — продолжала та, — существуют принципы во имя сохранения своего рода, имени, крови и религии, которые не должны нарушаться браками детей. Так принято во всех сплоченных семьях, купеческих, крестьянских, мещанских и аристократических. Не знаю, барышня, известно ли вам, что Алик Коллен по своему происхождению француз, граф Коллен де ля Риш. Его прабабка была уже чисто русской, отсюда и пошла русскость их дома. Отец Алика занимал высокий государственный пост, и графом себя не называл. Я была близкой подругой матери Алика. Они были очень богаты. Алика сестра, Светлана, вышла замуж за атташе бельгийского посольства. Так что вы должны понять, если Алик и женился бы, то только на девушке из своего круга. Вы понимаете?

— Понимаю! — почти оборвала ее Катя. И хотя направленное на нее жало больно ее задело, она сказала со смехом:

— Значит, я не пара графу Коллен?... — Катя не могла остановиться от смеха, вспоминая своего жениха, его скромность, простоту и любовь к ней. Она уже, как змейка, выползшая из этой таинственной ночи, готова была сама ужалить зло и больно. Стряхнув с себя руку генеральши, она произнесла открыто и смело:

— Если семья Коллен не носила своего титула, значит у них были какие-то принципы, пожалуй возвышенные,

человеческие, что есть у Алика. Воображаю, как бы он восстал, если бы я его назвала графом!... Особенно несвоевременно это теперь, в дни революции!

Глазки Олимпиады Константиновны сверкнули, все ее лицо выразило возмущение. Она произнесла высокомерно:

— Барышня, вы подтверждаете плохую молву о вашем происхождении, дочери бунтовщика, революционера.

Генеральша тут же хотела привстать. Но Катины последующие слова словно сразили ее:

— Пустая молва, своего отца я похоронила в Петрограде. Он был убит большевистской чернью, как монархист. Он служил при Министерстве Народного Просвещения. — Катя назвала полное имя дяди Ники.

— Ваш отец? — опешила Олимпиада Константиновна, для которой имя дяди Ники видимо было небезизвестным.

— Да, он мой отец! — неожиданно загорячилась Катя, продолжая:

— Вот почему мы жили в Петербурге. Мама и он не могли жить в разлуке, они очень любили друг друга. А почему мама не хотела выйти за него замуж, не знаю,... может быть из-за тех же принципов, — так что я даже незаконнорожденная.

Катя вскочила на ноги, лицо ее горело, но она была довольна собой. С лица генеральши сошел ее надменный вид. Сжав губы, она отошла. Тетя Анна сказала Кате с улыбкой:

— Вы так мило беседовали.

В вагон прыгнул поручик. Он крикнул:

— Николай, закрывай! — Мы трогаемся.

Скрипнули тормоза. Катя тихо вернулась на свое спальное место.

Она постепенно впала в забытье, но не надолго. Но короткий сон подкрепил ее, успокоил. Она открыла глаза, прислушалась, все спали. Изредка доносился шорох мешков, на которых спал Николай. Катя ощутила кого-то вблизи себя. Это был поручик. Он спал укрывшись шинелью. Катя вспомнила, что это было его место, но от этой близости вдруг смутилась. Одним неловким движением она могла прикоснуться к нему. И вместе с тем к ней подступила нежность к уснувшему молодому человеку, несшему всю заботу о них... Ее снова охватывала дремота, как вдруг

она почувствовала около своего лица легкое горячее дуновение и чьи-то губы коснулись ее глаз. С ужасом мгновенной догадки, она замерла; — «Ее целовал Кирилл Ильяшенко»... Испуг и стыд заставили ее притвориться спящей. Поцелуи офицера стали смелее.

Катя сделала быстрое движение рукой. Поручик отстранился и стих, снова весь ушел в свою шинель. Катино сердце учащенно билось, она не знала, что ей думать, как принять это?

Но одна мысль, похожая на злорадную, овладела ею:

«Кирилл влюбился в меня... как хорошо она отомщена за все обиды его матери и невесты»...

Глава X

На перепутьи

«Все бродит, сталкивается,
перекрещивается»...
(Гессен).

До Таганрога добрались на четвертые сутки, ранним утром. Товарный поезд «специального назначения» остановился не доезжая до вокзала, на путях. По сторонам была зелень, виднелись придорожные цветочки. Все походило на дачный полустанок. Сквозь нависший угар и дым пробивалось солнце, чуялся свежий воздух.

Поручик Ильяшенко сразу же куда-то ушел, остальные стали гулять, не отходя от поезда и с радостью оглядываясь по сторонам, как бы не веря концу своего томительного и не совсем благополучного пути. У Кати были свои соображения, заставившие ее отделиться от всех. Не чуждая хитростям и притворству, она была вовлечена в трудную игру с Кириллом, начавшуюся со следующего утра, после его ночных поцелуев... И сам молодой человек из-за нее был втянут в игру. Когда он находился со всеми, он не обращал на Катю внимания, а стоило им очутиться наедине, он неузнаваемо менялся. На одной дневной остановке, где можно было немного размять ноги, походить межь рельс, они столкнулись лицом к лицу. Кирилл взволнованно произнес: — Екатерина Сергеевна, я о вас думаю все время, — сегодня ночью я должен говорить с вами...

Он словно назначал ей свидание в саду...

Но среди ночи, они снова лежали рядом на своих

спальных местах и Катя не без некоторого волнения сама ждала каких-то слов от Кирилла. Не от любви к нему, а от того же торжествующего чувства победы.

В вагоне царил глубокий сон; под ритм и скрип колес она наконец услыхала шепот: — Катя... я вас люблю...

Она вздрогнула от такого открытого признания, даже смутилась, но нашлась, что сказать:

— О чем вы говорите, Кирилл? — Ваша невеста, Таня...

Взволнованные слова послышались в ответ: — Она не помешает нашему счастью. Я хочу, чтобы вы остались в Таганроге со мной. Мать и Таня направляются во Францию. Я также поеду туда и вы со мной... я все устрою.

Горячий приток каких-то неясных чувств коснулся Катиного сознания. Беспечная «игра» унеслась прочь, она произнесла сухо:

— Но вы женитесь на ней.

Он ответил не сразу, с запинкой: — Я должен жениться на княжне, из-за моей матери.

Катя словно услыхала отголосок лекции генеральши «о браках» и чуть было не рассмеялась, но сказала сдержанно.

— Вы же знаете, что я невеста Алика и я его люблю.

— Вы его не любите, вы только сейчас вспомнили о нем, — заметил как то холодно и безжалостно Кирилл и внес смятение в Катину душу. Она с испугом ощутила правоту его слов. Алик, оставшийся далеко позади, стал для нее лишь сладким дорогим воспоминанием, нераздельно связанным с цветущим Киевом, музыкой и балами... Дивная сказка, мечта... Кирилл вдруг жестоко оборвал в ней эту сладость. И она поняла не так свою вину перед Аликом, которому клялась в любви и верности, как внезапную пустоту в себе. Одиночество, несогретое больше никакой надеждой, вызвало в ней тоску и полное охлаждение ко всем и ко всему окружающему ее. Кирилл это почувствовал на себе. К нему невольно пришли на память слова корнета Коллен, который рассказывал ему о Кате Серебряковой. «Она захватывает тебя всецело, как властительница, а сама остается недоступной... Но когда-нибудь она полюбит одного...»

— Да разве это не ты? — удивился Кирилл.

— Боюсь, что нет, — ответил Алик.

При встрече с Катей в поезде, Кирилл подумал, что корнет Коллен не только потерял из-за Кати покой, но и разум. Правда, красивая девушка, которую он приметил на киевских балах, обладала всеми чарами обольстительницы, с глазами притягивающими своим игривым блеском, но чем ближе он видел ее, тем более недоумевал. Обычно, влюбляясь, он испытывал гордость легкой победы, наслаждался романом, а когда начинал им тяготиться, становился холодным и жестоким, заставляя страдать свою жертву.

С Катей он, непонятно для себя, терял свой «Дон-Жуанский апломб». Заметив в ней перемену, он не знал, как вернуть к себе ее внимание, хотя бы улыбку. К нему мучительно неприятно возвращались его собственные слова, сказанные о Тане. «Я должен жениться на ней из-за моей матери»...

Если Катя тогда открыто не засмеялась над ним, то ему казалось, она сейчас смеется и презирает его. Но он сам вдруг встал в тупик от неожиданного вопроса: — «Почему он жених княжны Миусовой?» — девушки, которую он никогда не любил. Ее навязывали ему, как прекрасную партию. Хлопотала мать, постоянно приглашая Таню к ним в имение. Он также часто ездил к ней в семью, там было много детей, сестер, братьев Тани. Она была старшей и на выданьи. За ней давали большое приданое. Об этом ему намекали постоянно. Но разве он когда-нибудь высказывал желание разбогатеть благодаря браку? А если это нужно было для его семьи, то разве не погибло все состояние князей Миусовых от рук большевиков? Зачем же нужна теперь от него эта жертва?

Последние годы, призванный на войну, лишь вскользь думая о таких жизненных проблемах, как брак и карьера, он впервые осознал свою сыновью покорность и властную руку матери. С лучшими чувствами вспоминал об отце, генерале. Из-за ранения в бедро, он был временно отстранен от боевой службы, но у него теперь вспыхнула страстная надежда встретить отца, находящегося при Штабе Главнокомандующего и просить вернуть его в полк. Почему-то ему думалось, что это вполне возможно и исправит многое, да и приблизит к нему Катю. Странная ночь неслась к ним навстречу: Катя не спала на своем месте, пожаловалась, что у нее от верхней полки кружится голова. Тетя Анна с удовольствием поменялась с ней, кстати,

попросив у Катички немного духов, если уж ей предстоит лежать рядом с офицером. С помощью Николая она неловко полезла наверх. Ночь выпала холодная, горящие угольки в печечке бросали красноватый отсвет вокруг, вносили немного тепла. Катя долго не спала. Рядом с ней находилась Таня. Кате было почему то жаль княжны, но заговорить с ней не могла. О чем?

И вот опять внезапная крутая остановка всполошила всех. Первым на ноги вскочил солдат и бросился к дверям, заглянув в скважину и повернувшись к вагону, произнес тихо:

— Тьма, а народ какой-то стоит... много их. Не подходите, ваше благородие, — вырвалось у него, заметив, что поручик спрыгнул с нар. В его руке блеснул револьвер, генеральша застонала:

— Кира... Кира... прячься...

Снаружи послышались глухие голоса, раздался стук в двери. Кто то грубо крикнул: — Эй, ну, открывай! Кто там?

— Не двигайтесь, — повторил Николай в сторону офицера. Кирилл вдруг повернулся к Кате, она крестилась. Он схватил ее руку и прижал к губам. Подскочил к дверям, отталкивая солдата. Но тот не дался, весь взъерошился, отчего стал шире и выше. С силой раздвинул двери и, заслонив собой поручика, закричал в темноту:

— Отступи назад! Поезд бронированный! Не для людей!

Обдало тишиной, а затем раздался визгливый женский крик:

— Сами видим, что для свиней!

От этого голоса у всех отлегло на сердце. Николай захлопнул двери и стал искать глазами офицера. Тот быстро исчез. Солдат растерянно произнес: — Видимо, те же беженцы...

Он добавил озабоченно: — Я за господином поручиком пойду. Гляди, там на паровоз налезают...

Никто не ответил ему, но тут показался навстречу Кирилл.

Николай попятился от него, проронил смущенно: — Ваше благородие... голову потерял...

Поезд медленно тронулся. Кирилл молча вернулся к нарам, стал укладывать револьвер в кобуру, опустил голову, чтобы скрыть улыбку. Все смотрели на них, не пони-

мая, что собственно произошло между ними, когда Николай показал себя таким молодцем.

Генеральша воскликнула: — Николай, голубчик, спасибо тебе! Обязательно доложу генералу.

Мария Андреевна добавила: — На самом деле, какой бесстрашный. Ведь там могли оказаться красные банды...

— Я бы расцеловала его, если бы не сидела так высоко, — донесся веселый голос тети Анны.

Однако, эти похвалы не доходили до солдата. Он понимал вину перед своим офицером, которого он не только толкнул, но дал приказ — «не двигаться». Николай уныло направился в свой угол, к мешкам, с покрасневшими ушами.

Последовала напряженная тишина. Катя сидела неподвижно с взбудораженными мыслями: «Кирилл при всех поцеловал ее руку. Был ли это порыв его прощанья, если бы на самом деле это оказались большевики? Его первая мысль была о ней»...

Княжна не бросилась к нему при его возвращении, сидела как мумия, бледная и злая. И Кате опять ее было жалко...

Никакого торжества не было больше в ее душе. Только она жаждала двигаться дальше в свой путь...

На станции Таганрог, пока все гуляли в ожидании своего начальника — Кирилла, Катя помогала Николаю убрать вагон. Денщик выглядел повеселевшим, поручик его простил. Они оба смеялись над ночным эпизодом с беженцами и словом: — «бронированный»...

Николай разговорился с Катей и вдруг прослезился от того, что она их покидает и тут неожиданно сказал:

— А мы с господином поручиком может быть очутимся в ваших краях, барышня, в Крыму.

Катя словно ослышалась.

— Разве он что-нибудь говорил?

— Так точно. Если его благородию будет велено лечиться, то он завместо заграницы поедет в Ялтинскую санаторию. У Кирилла Михайловича, — понизил он голос, — сурьезная рана в бедре.

Катя испугалась, поняла, что если Кирилл решил ехать в Ялту, то только из-за нее. Это настолько ее взволновало, что она решила, не дожидаясь его, поспешить на станцию. Она спросила, донесет-ли Николай их вещи на

вокзал. «Нам ведь нужно еще запастись билетами на Ростов».

— Донесу, ваше благородие, и в поезд помогу усадить, — ответил солдат.

Тетя Анна, узнав о Катиной спешке, удивилась.

— Катичка, надо же попрощаться с Кириллом Михайловичем.

— Николай передаст ему наши поклоны и извинения, — сухо сказала Катя, и, чуть покосившись на гуляющих генеральшу с Таней, добавила:

— Я и их хочу освбоодить от обременительных любезностей...

По дороге к вокзалу тетя Анна заметила сестре:

— Я не понимаю Катеньки, с ней все были так милы, а она совершенно бесчувственна.

Большой перрон Таганрога окружил их многолюдием. Заметно выделялись иностранные формы, слышался оживленный говор, смех, откуда-то раздавалась музыка.

— Как на заграничном курзале, — восхищенно заметила Мария Андреевна. Тетя Анна подтолкнула Катю.

— Смотри, это ведь настоящие французы! — Она указала на группу элегантных военных в круглых фуражках с золотом.

Николай сложил вещи, проговорил ворчливо:

— А зачем нашей барышне на хранцузов глядеть? Они, поди, только и рыщут, чем у нас поживиться... Англичане тоже... знаем мы их.. тудыть...

Мимо прошел офицер в форме цвета хаки с хлистиком в руке, Николай буркнул ему вслед:

— Он самый и есть, англичанин...

Мария Андреевна, недовольно посмотрев на солдата, заметила ему:

— Николай, голубчик, это нехорошо. Не забывай, они наши союзники, помогают нам.

Николай преобразился, вся сдержанность сошла с него, но и грусть выразилась в глазах, послышалась также и в его голосе:

— Эх, барынька, да разве ихнее барахло нужно сейчас России? Одеяла, батинки... А пушки где?

Катя отошла в сторону. Ей все вдруг напомнило Петроград в дни войны. И хотя присутствие нарядных офицеров западных государств на скромном, еще уцелевшем клочке русской земли, могло показаться ирончес-

ким, она была далека от таких размышлений. Ей хотелось пройтись по перрону, приблизиться к звукам музыки, несущимся из зала, но мать и тетя напомнили ей о необходимости справиться о поездах на Ростов. Катя послушно поспешила с Николаем к кассам. Увы, на все ее вопросы, ей вежливо отвечали «нужно ждать». Точного расписания отправления пассажирских поездов вовсе нет, следовательно и билетов нет. Катя пришла в отчаяние. От кого же ждать помощи? Но и тут выручил Николай. Он подтянул свою старую гимнастерку и по строевому подошел к вокзальному служащему. Что-то сказал ему внушительное; Катя услышала «генеральская дочка»... Служащий приостанился, подошел к Кате и почтительно взял под козырек, обещая дать ей своевременно знать о прибытии поезда. Однако прошло около трех часов, пока она с помощью уже самого железнодорожного начальника и откуда-то взявшихся двух молоденьких юнкеров, наконец села со своими в купе второго класса старого поезда, уносящего их на Дон.

В купе было жарко, за мутным стеклом окна, сквозь дым и сажу, проносились скучные, поредевшие леса, мелькали полустанки. А Катины мысли уносились куда-то вверх. Она следила за полетом птиц и ей казалось, что она сама несется подобно веселой пташке в желанные края, ее душа наполнялась радостью.

В Ростов они прибыли без опоздания, вынесли вещи, носильщиков не было. И, о Боже... снова повеяло беспокойной атмосферой. Вокзал был сплошь заполнен простым народом, на привязи держали собак, в корзинках — поросят, уток, все это галдело, шумело, создавая тяжелую картину того-же бегства, еще памятного с Киева.

— Мы отсюда никогда не выберемся, — простонала тетя Анна. Мария Андреевна столкнулась глазами с какой-то бабой и у нее вырвалось:

— Милая, откуда столько народу?

Та оглядела ее и в ее ответе явно послышалась насмешка:

— А вы сами, барынька, откедова?

Катя дернула мать за рукав. У нее самой напрашивались вопросы, трудно было освоиться с такой неожиданной переменой после нарядного Таганрога. Здесь во всех залах ожидания диваны и скамейки были заняты. Многие тут же спали на них, слышался тяжелый храп. Наконец

на полу нашлось небольшое пространство, куда они свалили свои вещи. Кто-то привстал с дивана и предложил им место, — это был молодой священник в старенькой рясе, без креста. У него была светлая бородка, а на глазах тяжелые очки. Мария Андреевна поблагодарила и села, тетя Анна устроилась на вещах. а Катя стояла растерянная и встревоженная. Внимание молодого священника подтолкнуло ее к нему:

— Батюшка, как насчет поездов в Новороссийск? Ходят?

Он ответил тихо:

— Как вам сказать. Поезда идут, но очень нерегулярно и редко, а когда приходять, мест не хватает. Ведь многие направляются на Новороссийск.

— А как же ночью? — спросила Катя, оглядываясь по сторонам.

— Спят здесь и на перронах. Там лучше, больше воздуха. Я советую и вам перейти туда. Кто знает, сколько времени вам придется ждать. Здесь по неделям выжидают...

— А нельзя ли переждать в гостиннице? — Катя умоляюще, точно от него что-то зависило, посмотрела в глаза священника и вдруг наткнулась на странно знакомый ей взгляд. Но прежде чем она могла догадаться, кого ей напоминали глаза священника, он отошел от нее.

Чужой голос вывел ее из замешательства. Благообразный мужичек, откусывая яблоко, ответил на ее вопрос:

— С гостиницами в городе плохо, барышня. Все реквизировано военными, да можете и поезд пропустить. А я вот слыхал, что нынче ночью ждут курьерский в Новороссийск. Может и попадете?

Раздался другой голос, это был пожилой, прилично одетый господин, сидящий близко на чемоданчике, который обратился в их сторону:

— Как я слышал, этот поезд будет для французской миссии. Остановится на две, три минуты, чтобы взять своих офицеров. Эти иностранцы всегда там дожидаются, — он указал на дверь с надписью «Ресторан».

— Вот оно что... — протянул мужичек и заметил с ехидством:

— Ясно, курьерский не для нас.

Катя уставилась на сидящего господина. Вдруг какая-

то мысль осенила ее, она подошла к нему ближе и тихо спросила:

— Вы сказали, что этот поезд будет только для французов?

— Так точно, барышня, — ответил он вставая и вздохнув сказал:

— Я хорошо знаю начальника станции, он хотел устроить мне место, а потом извинился, объясняя, что поезд предназначен только для официальных французских лиц и их семейств.

Катино сердце учащенно билось. Она невольно вспомнила Николая, умеющего фантазировать в трудную минуту и сама уже была готова на выдумку, взволнованно зашептала господину:

— Простите, могли бы вы мне сказать, где я могу увидеть этого начальника станции? Со мной есть одно письмо по-французски. Его нужно передать на этот поезд. Очень важно...

— Это легко, — улыбнулся он и объяснил Кате, как найти контору начальника.

Катя, почти что опьяненная задуманным ею планом, что-то сказала своим и исчезла в толпе. Ей предстояло снова пройти через весь перрон. В воздухе темнело, становилось душно. Огни еще не зажигались и Катя с трудом пробиралась сквозь живую человеческую массу. Некоторые в своей неподвижности казались свернутыми вещами. Она наталкивалась на кого-то, извинялась и с пылающим лицом неслась к начальнику. Из кармана она вынула смятый голубой берет, одела его, приподняв одну сторону, что придало ей задорный вид и в таком виде явилась в контору ростовского вокзала. Там оказался седенький старичек, занятый за письменным столом. Когда она вошла, он, не обернувшись, довольно резко крикнул:

— Кто там? Что нужно?

Катя смутилась. Вид и голос старика, да и вся комната, темная, пропитанная дымом, погасили ее порыв, а приготовленная фраза выскочила из головы.

Старик заёрзал на стуле, проворчал нетерпеливо:

— Ну, чего там?

Катя очнулась, у нее сорвалось с губ:

— Муа, мама и тант не имей билет пур вуяж а Новороссийск...

Старичек круто повернулся, уставился на весело приподнятую шапочку и, что-то сообразив, крикнул в открытую двер:

— Мить! Подь сюда. Здесь француженка.

Катя невольно улыбнулась, а он снова закричал:

— Митька, дрянь ты этакая! Опять дрыхнеш...

Начальник видимо не стеснялся в выражениях в присутствии иностранки.

В дверях, наконец, показался заспанный юноша лет семнадцати. Его рот раздирался от зевоты. Он лениво протянул:

— Чего орете, Митрофан Данилч. Я матери пожалуюсь. — Тут он, заметив Катю, покраснел.

— Вот, поговори по-французски. Чего она хочет? — сказал начальник.

Юноша смущенно оправил брюки, рубашку, пригладил волосы и произнес в сторону старика:

— Я, собственно говоря, мало понимаю по-французски, Митрофан Данилч.

Тот, подпрыгнув, обернулся к нему:

— Что-ж ты брехал мне, что знаешь хорошо по-французски!

— Может несколько слов и знаю... — пробормотал юноша и, как бы боясь смотреть на Катю, подошел к ней. Она закартавила:

— Пожалст... ми француз, должен иметь пасс на ночной поезд. Муа, маман и тант... пожалст.

Катя кокетливо, умоляюще посмотрела на белокурого помощника начальника.

Он неуклюже поклонился ей и, повернувшись к столу, сказал:

— Это, значит, насчет курьерского, Митрофан Данилч. Значит, насчет разрешения на проезд, потому, что француженка.

— А бумага у нее есть? Паспорт, спроси, олух, — гремел старик. Юноша стал крутить рукой перед Катиным лицом, приговаривая:

— Паспорт, маузель, паспорт.

Катя хотела сделать вид, что не понимает, но тут же спохватилась, вспомнила, что «паспорт» было французское слово. Она сказала с деланным отчаянием:

— Паспорт потерял... потерял сегодня здесь...

Юноша неожиданно просиял и со злорадством произнес:

— Ее паспорт потерян, это значить у нее тоже сперли его на вокзале. Это пятый по счету, Митрофан Данилч, как объяснить ей?

— Мон Дье!... — подхватила Катя с радостью. Она испугалась, что ее уличать во лже, но юноша с внешностью херувимчика спас ее. Она нежно улыбнулась ему, а он, уже подмигнув ей смелее, подошел к начальнику.

— Митрофан Данилч, достаточно, значит, будет вашей бумаги с печатью. Значит, на три места, муазель, ее мамаша, а вот, кто третий не разобрал. Может быть, собачка, да все равно, ведь французы, а не мразь какая... — говорил он с новым апломбом. Обернулся к Кате и начальствующим тоном добавил:

— Ваша фамилия?

Катя ответила без запинки:

— Симон. Мадемуазель Симон.

Начальник молчал. Быстро что-то записал на листке бумаги, прихлопнул печатью и отдал помощнику, мол, отстань...

Обратный путь к станции для Кати был легким и веселым. У нее было разрешение на поезд, за ней несся херувимчик в тужурке железнодорожного служащего, звали его Митя. Перед Катиным уходом он сорвался с места, заявив начальнику, «что он должен проверить, чтобы все, значит, было в законном порядке».

Он смешил Катю своей, какой-то еще мальчишеской неуклюжестью, и очевидным старанием произвести на нее впечатление важности своей персоны. Забывая, что Катя француженка, едва говорящая по-русски, он успел ей похвастаться, что Митрофан Данилч, как начальник, для него ничего не значит, потому, что он ему родной дядька.

Катя награждала Митю улыбками, он не раз произнес слово «шарман» и это давало ей почувствовать свою силу над ним и право на курьерский поезд.

В ожидательном зале она оставила Митю в стороне, подошла к своим и радостно поведала о своей удаче, кстати, предупредила мать и тетю не произносить ни одного слова по-русски. Когда она подвела к ним Митю, обе женщины от волнения совершенно потеряли дар речи. Митя предложил всем перейти в ресторан, он теперь сам

спотыкался на каждом слове, помогая себе жестами и его руки то и дело вылезали из коротких рукавов старенькой форменной тужурки.

В ресторане ужинали, наслаждаясь за долгое время прекрасной горячей едой, кофе с пирожными. Херувимчик за все расплатился, вел себя, как галантный кавалер, хотя и рассыпал деньги на пол.

До прихода ночного поезда оставалось несколько часов. Митя предложил Кате погулять по городу, она охотно согласилась. Во время ужина она снова увидела молодого священника, он смотрел на нее. Испуг, что он может подойти к ним, заговорить по-русски, заставил ее почти бежать с Митей. Они гуляли по плохо освещенным, но оживленным улицам, кое-где светились ресторанчики, магазины с массой свежих фруктов и ягод. Митя купил фунт вишень и это спасало от слов. Они, вообще, не знали о чем говорить и на каком языке, к тому же Катя не могла освободиться от сильно навязчивой мысли: «Кто этот священник?» Она не могла вспомнить ни одного знакомого духовного лица. Ей припомнился монах, оказавшийся переодетым Владимиром Николаевичем и также вспомнились слова Алика о «страшном маскараде». Не был и это кто-то переодетый священником?

Она с трудом оторвалась от этих мыслей, прислушиваясь к тому, что говорил ей Митя. Он опять путался в словах, вставляя неожиданные признания по-французски:

— Тре жоли... ма шер. — Не забывал прибавлять и свое излюбленное словечко «значит». Потом он сделался серьезным и стал более толково рассказывать Кате о себе, о своей жизни и о скучной работе со злым дядькой. Его, как будто, уже не смущало, понимает ли она его, видно, сильно ему хотелось излить свою душу.

Когда вишни были съедены, Митя со вздохом пожал Катину ручку. Пора было возвращаться на вокзал, там в ресторане прибавилось народу, появились французы. Катя посмотрела на мать и тетю, стараясь напомнить им об осторожности с языком. Но при виде Кати и Мити тетя Анна воскликнула радостно по-русски: «Наконец-то!...»

Как только подошел поезд, Митя сумел прежде всех пассажиров вывести их на платформу и усадить в свободное купе первого класса. Он остался с ними до отхо-

да поезда и, как только тот тронулся, он сказал, что спрыгнет на ходу. Катя поспешила с ним на площадку, а тетя Анна закричала в догонку:

— Митя... Митенька, спасибо за все, осторожно!

Митя хотел что-то сказать Кате, но смешался, а она с порывом поцеловала его, попав в спешке губами в ухо. Херувимчик ловко соскочил на еще медленном ходу поезда. Освещенный откуда-то блеснувшим фонарем, он стоял растерянный и улыбающийся, смотря на удалявшуюся Катю, случайно, на миг, озарившую его жизнь на ростовском вокзале...

В роскошном купе вагона «Международного Общества» путешествие до Новороссийска промчалось как сон. Они ехали на каком-то особом счету, никто их не тревожил, только изредка молчаливый проводник вносил питевую воду или клал свежие подстилки на подушки. Катя подолгу лежала на бархатном диване, наслаждаясь комфортом, отдыхала и набиралась свежих сил: кто знает, какие еще предстоят затруднения в пути.

И вот, уже самый вид Новороссийска, этого огромного портового города, мог привести в замешательство любого новоприбывшего. Главная гавань была сплошь запружена пароходами, русскими и иностранными. Ревели трубы, раздавались крики грузчиков, матросов, стоял гул скопившегося многолюдия.

С набережной открывалась широкая площадь базара, с лотками, лавченками и той же шумной толпой. Люди смешивались; были прилично одетые, и торгаши восточного вида, заметными фигурами выделялись рослые мужчины одетые в черкески с белыми барашковыми папахами: это была местная полиция. Какие-то смешные, быстроногие типы в котелках суетились, что-то продавали, в их руках мелькали бумажные деньги, тогда в ходу были «керенки-колокольчики», и повсюду шныряли мальчуганы, оборванные подростки, с исхудавшими грязными лицами. Они словно обшаривали каждого своими хитрыми, вороватыми глазенками.

Один такой мальчуган сразу предложил Кате донести их вещи до ближайшей гостиницы. Он ловко справился с их поклажей, даже рассмешил всех. Тетя Анна щедро дала ему на чай. А когда мальчишка скрылся, они спохватились, что одного чемодана недоставало... Какой-то господин, в котелке, взялся поймать воришку. Но прежде

чем погнаться за ним, он тихо спросил Катю: — Не продает ли она чего ценного? кольца... золотой крест. — Он добавил вежливо:

— Если вы направляетесь в Крым, то лучше всего запастись валютой, я заплачу хорошо...

Катя растерялась с ответом, а тут неожиданно к ним подскочил полицейский в белой папахе, с плеткой в руке. Угрожая человеку в котелке, он закричал:

— Ты опять здесь, спекулянтская сволочь! — Котелок вмиг исчез. А полицейский, нагнувшись к Кате, прошептал:

— Что вы собирались ему продать? Я даю двойную цену, барышня...

Катя отскочила от него и кинулась к своим. Тетя Анна как раз неслась к ней навстречу, она жаловалась, что в гостинице нет свободных номеров, но публике разрешается сидеть в приемном зале, похожем на проходной двор, со снующей толпой; собирались и какие-то шумные кучки. Здесь были вывешены расписания отходящих пароходов, на которые можно было получить места, даже каюту. Объяснялось это тем, что кроме обычных пассажирских пароходов были частные компании, забирающие беженцев на свои судёнышки и бравшие небольшие суммы за проезд. Такие поездки по Черному Морю считались небезопасными, но никто об этом не думал. Старые, покривившиеся шхуны, годные для перевозки табака, угля, стояли в стороне набережной, украшались цветными флажками, как бы приглашая на приятные экскурсии. Сколько людей, навьюченных своими пожитками, с детьми и со скудными средствами, налезало на них с одной надеждой унестись подальше в какие-нибудь незабытые Богом места...

Обо всем этом Катя узнала от старого моряка, бывшего капитана. Он сказал Кате, что у пристани стоит большой пассажирский пароход «Керчь», отходящий в тот же вечер к берегам Крыма, — можно было попытаться достать билеты.

Катя, не теряя времени, помчалась к кассам и, действительно, вскоре в ее руках оказались три билета в каюту второго класса до самой Ялты. Это была удача на несчастьи других: билеты были возвращены неожиданно в кассу, заболел пассажир купивший их для себя и

семьи. Его отвезли в больницу и семья осталась в Новороссийске.

С драгоценными билетами и в самом прекрасном расположении духа Катя решила прогуляться к морю. Посадка на пароход начиналась вечером, нужно было как-то убить несколько томительных часов. Мать и тетю она оставила в гостинице.

Ей снова встретился старик капитан, он был рад ее удаче, кстати уведомил, что старший помощник капитана его крестник, Валентин Георгиевич Окунев, который может оказаться ей полезным в пути. Хотела бы она познакомиться с ним?

Катя поблагодарила, но отказалась, ей хотелось уединиться, опьяняющий запах моря захватил ее, вызывая сладкие воспоминания о родном доме. Ей тут же пришла печальная мысль, что их собственная земля, ялтинский сад, больше им не принадлежат, но все же это не мешало ее сердцу радоваться возвращению. Катя набрела на совершенно пустынное место у воды, здесь стояла большая старая барка, на ней был какой-то груз в бочках. Легко плещущиеся волны качали барку и она издавала стонущий скрип, а связанные одна с другой бочки ёрзали и кряхтели, как какие-то пузатые живые существа. Катя устроилась на переброшенном мостике, и задумавшись, не сразу заметила, что одна бочка отбрасывала тень, она невольно вздрогнула, когда оттуда показалась небольшая человеческая фигура. Это был старик, одетый в меховой полушубок, какие носят зимой мужчины. Он словно был разбужен ее появлением, потягивался после сна. А Катя в испуге не двигалась с места, почему-то даже заинтригованная, облик старичка был не совсем обычным: добрый дедушка, как на детских картинках. Его маленькое розовое личико, выглядывающее из-под белой пушистой бороды, казалось приветливым. И тут послышался его ласковый голос:

— Испужал я тебя, девушка?

— Нет, нисколько, — нашлась Катя, но появление старика за бочкой, на безлюдной барке, было не только неожиданным, но и немного пугающим. Она увидела его ближе, — старую одежду, ноги обмотанные тряпками, хотела уже подать ему милостыню, но старичек, приблизившись к ней, вскинул маленькие глазки и опять произнес ласково:

— Вот и встретились мы с тобой, красавица, на перепутьи...

Катя насторожилась, «не сумасшедший ли перед ней?».

Эта мысль заставила ее соскочить с мостика и вдруг она увидела, что старичек крестит ее широким благословляющим жестом. Катя смутилась и поняла; она не раз встречала вот таких же старичков еще в Киеве в монастырях, на церковных папертях, среди них попадались мудрецы, Божьи люди, они умели предсказывать удивительные вещи. Она посмотрела на старичка теплее, подумав: «о чем бы мне спросить его?». Но он снова заговорил первым и в его словах послышалась загадочность.

— Уедешь далеко... девица, в невидимый край...

— Я еду в Крым, на мою родину! — вырвалось у нее.

Старичек повернулся к морю, потом опять взглянул на нее и тихо произнес:

— Дальше унесешься... конца невидно. Благодари Бога, Он тебя любит.

«Так и есть... предсказатель», подумала Катя и смело сказала:

— Никуда я, дедушка, не уеду дальше России... А если Бог меня любит, почему Он не вернет меня обратно в Петроград? — Она оборвала себя и добавила:

— Скажи о моей судьбе, дедушка, что меня ожидает в Крыму, в Ялте?

— Я не колдун, — прозвучал не-то сердито, не-то мрачно его голос. И он продолжал:

— А если хочешь знать, нет тебе обратной дороги домой...

Он опустился на мостик, где раньше сидела Катя, а она стояла, не двигаясь, чувствуя уже какую-то тайну, веющую от старичка, будто неспроста появившегося перед ней. Он заговорил негромко, потупив взор:

— Я странник земли русской. Я был везде, совершал пути по пятьсот верст, через дремучие леса, болота, ходил в большие города. Моя душа металась в искании праведной жизни, правды и любви, моим учителем был Христос, с юных лет я сам научился читать святые книги и горел любовью к ближнему. Но куда-бы я не приходил, я всюду видел отвержение слова Божьего. Среди людей — несогласие и грех, даже церкви казались мне непри-

миряющими и недоступными. Ушел я из городов с чувством скорби, считая себя отверженным и пренебреженным в высоком деле любви и спасения. Сказал я тогда, — пойду ближе к Богу моему, в монастырь.

Старичек помолчал, вздохнул и, не поднимая глаз, продолжал:

— Нужно было пройти мне, семнадцатилетнему, слабосильному из Киева в Кременец, через Воронеж в Задон. В Задонском Монастыре меня не допустили к Митрополиту, а, выслушав мое желание, сказали:

«Иди, доучивайся в семинарии, потом придешь».

— Опять думаю — отвержение, и, со многими слезами ушел на Волынь, в другой монастырь. Прошусь, но отец игумен отказал, не лгу, прогнал... Узнаю, что в Святых Горах есть живой затворник, отец Макарий, устремился я опять охотно за сто верст к нему. Всю Тамбовскую губернию прошел, пока не достиг Святых Гор. Послужил там два месяца помощником трапезного и с трудом был принят затворником в его келии. Но быть руководителем моего послушания он не согласился, сказал мне: «Чего ищешь? У нас любви нет...» Ушел я тогда в самую далекую пустынь, Саровскую. Игумен был из крестьян. Отверг мое прошение, сказав: «Ты, богослов, даром будешь у нас хлеб есть? Иди в Сергеевскую Лавру». Еще сказал: «Проси Владыку, прикажет — приму». Но Владыка, блаженной памяти Феофан, не пожелал меня видеть, а только через келейника передал десять копеек.

Старичок смолк. Катя тихо спросила:

— А дальше что?

Его голова опустилась низко на грудь. Не то он стал молиться, не то беззвучно плакать. Его жиденькие седые волосы упали на сморщенный лобик и весь он стал махоньким и жалким. Но заговорил ясно:

— С тех пор хожу по земле русской, нигде не останавливаясь надолго. Отдохну маленько и опять в путь... Возвращался в большие города, к тем же людям, и о Боже! Что вижу?... Кругом смятение и горе, беззаконие и гибель, Церкви оскверняются и тьма наступает, как от прихода Антихриста. Сказано — наступит его царствие и все погибнет от огня и меча, брат на брата пойдет. И, что самое страшное, понял я: Господь, наш Спаситель, кроткий и милостивый, не слышит воплей, мольбы, ушел и

оставил нас, а потому суждено теперь нашей земле нести великие испытания и страдания, пока не опомниться человек и не поймет Слова Божьего — любви. — Он замолк. Пароходный гудок прорезал воздух. Катя вздрогнула, заплакала, стала инстинктивно в суеверном страхе отходить от старичка, а тот весь ушел в себя, в свою печаль.

Катя очутилась на набережной. Опомнилась при виде огромного пассажирского парохода «Керчь». Встрепенулась от мысли: «скорей... скорей...»

Она была уже недалеко от гостиницы, когда увидела свою мать. Мария Андреевна быстро шла от базарной площади, при виде Кати поспешила к ней, видно, вся взволнованная и довольная и воскликнула:

— Катичка!... Какое чудесное приключение произошло со мной! Я удачно продала мои кольца!

Она поспешно стала рассказывать:

— Послушай только... Я пошла к лотку за фруктами, тетка меня заела из-за трат и я подумала, не продать ли мне кольца? И вот, такая удача: я встречаю одного милого господина, оказывается он из Киева, всех нас знает, бывал в доме Серафимы Семеновны. Удивился встрече и похвалил, что мы направляемся в Ялту, говорил, что там сохранилась прежняя жизнь, только все вздорожало, а потому посоветовал запастись деньгами. Он сам предложил мне помочь. Я показала ему кольца, он пришел в восторг и оценил их около двух тысяч золотом. Он их купил сам и заплатил пока что только тысячу бумажными деньгами, объяснив тем, что мне будет легче выкупить у него кольца, когда мы вернемся из Крыма. Он сказал между прочим, что по последним новостям большевики не удержатся больше месяца...

— Мама! — вскрикнула Катя, — что ты наделала? Ты никогда его больше не увидишь! Как и своих колец...

У Кати даже выступили слезы, Мария Андреевна побледнела.

— На самом деле, не жулик ли он? — пробормотала она.

— Как ты можешь сомневаться, посмотри, что здесь творится!

— Детка, беги скорее к базару, он высокий в белых брюках. Вот возьми его деньги... бумажки-колокольчики,

отдай ему, нет, приведи его ко мне... — беспомощно горячилась Мария Андреевна.

Катя помчалась на площадь, к базарной толпе, но нигде не было видно киевлянина в белых брюках. Она вернулась в гостиницу усталая и злая. Увидела мать и тетю в компании каких-то неизвестных лиц, пожилого военного и дамы. Видимо говорили о ней, тетя Анна воскликнула:

— Вот и она!

Военный поцеловал Катину руку, дама улыбнулась. Но эта новая встреча с посторонними сейчас была для Кати мучительной. Тетя Анна, похоже, еще ничего не знала о несчастьи с кольцами, оживленно представляла ей пару:

— Василий Кузьмич и Елена Ивановна Поповы. Помещики из Харькова, наши попутчики до самой Ялты. — Она нагнулась, прошептав Кате:

— Нам нужно помочь им... но об этом после.

Катя готова была закричать: «Оставьте меня в покое!...» но она сдержалась и посмотрела на Поповых: он был почти страшен с наголо обритой головой и болезненно бледным лицом с маленькими быстро бегающими глазками, его жена с широким лицом и вздернутым носом как нельзя подходила к нему. В обоих было что-то неприятное и простоватое.

Мать и тетя принимали горячее участие в них, о чем-то шептались, сказали Поповым:

— Мы все устроим, не беспокойтесь.

Наконец начались сборы на пароход. Поповы не отходили, выяснилось, что у них были билеты на проезд без каюты. Весь их багаж был сдан, кроме ручных вещей и одного довольно большого сундука, с которым они не хотели расстаться. Попов секретно уведомил Катю, что в сундуке находятся весьма важные бумаги, документы, которые должны быть доставлены лично одному генералу в Ялте. Доставка этих бумаг равносильна спасению тысяч русских военных. И так, как им не удалось получить каюту, они и обратились к ним за помощью.

Серебряковы взяли сундук под свое покровительство, он был перенесен на пароход, но в каюту второго класса не влез из-за узкой двери. Матросы посоветовали оставить его подле кабины, говорили, что многим пасса-

жирам пришлось потесниться и держать некоторые вещи на палубе. Попов волновался, Катя также начала беспокоиться. Она вспомнила о крестнике старого моряка, помощнике капитана, к счастью запомнила его имя и спросила матроса:

— Могу ли я повидать старшего помощника капитана, Валентина Георгиевича?

Матрос оторопел, козырнул Кате и обещал немедленно доложить начальству о их затруднениях.

В вечернем воздухе повсюду стали зажигаться яркие огни. Свет, исходящий от парохода «Керчь», освещал спокойную поверхность моря, предвещая приятное путешествие. На палубах была суета, слышались голоса, смех все прибывающих пассажиров, откуда-то с нижних палуб зазвучала веселая гармошка.

Катино внимание было отвлечено появившейся вблизи небольшой группой, говорящей не по-русски. Это были три молодых человека в черных формах с золотыми нашивками на рукавах. Они окружали изящную высокую барышню, похожую на русскую, которая кокетливо принимала их комплименты. Попов, заметив Катин взгляд, сказал ей, что это американцы, моряки с большого коммерческого парохода, который стоит сейчас в Новороссийском порту. Катя впервые видела американцев и ее заинтересовало то, что только форма делала их похожими, а в сущности они были совершенно разными по типу: один рослый блондин, другой смуглый брюнет, а третий совершенно рыжий. Она сказала об этом Попову и услышала от него интересные подробности о этом народе:

— Они и есть разные, барышня, блондин может быть по своему происхождению немец или швед, рыжий очень возможно ирландец, а брюнет типичный итальянец. Все они, рожденные и воспитанные в Америке, являются полноправными американцами, а коренные американцы — это индейцы, давно выродившиеся там племена.

Катя продолжала удивляться: страна, населенная разными народностями и, по словам Попова, во многих случаях сохраняющая традиции своих предков, казалась чем-то трудно вообразимым.

«Как они уживаются между собой? А религия, церковь?»... напрашивались у нее вопросы, пока что оставшиеся без ответа. К ним подходил высокий, видный молодой человек, моряк. За ним следовал тот же матросик,

обещавший помочь Кате и она догадалась, что перед ней был Валентин Георгиевич. Он вежливо выслушал Катину жалобу относительно сундука. Негромко заметил:

— Ваш сундук настолько солидный, что его можно оставить снаружи. Простите, чем он заполнен? — Катя невольно обернулась к Попову, но его не оказалось рядом. Она немного растерянно ответила:

— Здесь мои книги... редкие книги. Ради Бога, они должны быть в сохранности.

Офицер отнесся хладнокровно к Катиному пылу, посмотрел на нее немного свысока, как на маленькую капризную девочку, беспокоившуюся о своих куклах и чуть улыбнулся ей со словами:

— Мы поставим ваш сундук на корме между труб, покроем брезентом. Будет в сохранности. Согласны?

Катя кивком головы дала свое согласие, оборачиваясь по сторонам, ища глазами Попова. Появился второй матросик и «ценный» сундук был немедленно перенесен. Катя пошла за всеми; укрытый брезентом сундук, на самом деле, стал едва виден, слился с трубами. Лучше и придумать нельзя! Но где же Попов?

Она поблагодарила милого Валентина Георгиевича и, как только он удалился со своими подчиненными, Попов словно вырос перед ней из под палубы. Он сразу произнес:

— Отлично... я все видел. Спасибо.

Он погладил брезент, добавляя:

— Получилось уютное сидение. Вот, приходите сюда любоваться морем...

Катя с непонятным раздражением и испугом смотрела теперь на выступающее из темноты, бледное как у мертвеца, лицо Попова, а его сундук уже показался ей вдруг похожим на укрытый гроб.

— Господи! — сорвалось у нее с губ, и она стремительно побежала в свою каюту. Там, с трудом сдерживаясь, чтобы не наговорить каких-нибудь дерзостей, она сразу поднялась на предназначенную для нее койку и отвернулась к иллюминатору. Разнесся рев отходящего от набережной парохода «Керчь». Стекло оконца заволоклось туманом, выступили водяные капельки, похожие на слезы, которые также вдруг потекли из Катиных глаз, слезы неожиданного для нее приятного успокоения и новых надежд.

У нее появилось что-то детски капризное в лице и, повернувшись к каюте, она проговорила:

— Ой, хочу кушать!

Тетя ответила:

— Так слезай, а то начнет качать. Тогда будет не до еды.

Она занялась ужином, Катя осталась на месте, чуть свесившись с койки. На ее лице блуждала улыбка, она как-то по новому засмотрелась на своих дорогих, словно давно не видела их, не замечала, а сейчас вдруг обратила внимание, насколько они всегда внешне разные, да и натурами другие, стали схожи: обе похудевшие, поседевшие, состарившиеся. И Кате пришла мысль, что они обе, как листья, сбитые бурей последних лет жизни, стали ближе друг к другу, нашли в ней свою единственную опору, как у крепкого деревца. Она давно знала и чувствовала, что на нее одну теперь возложена огромная ответственность и забота о родных, но иногда ей так хотелось, как бывало прежде, быть свободной и беззаботной девочкой, окруженной родительским вниманием и лаской.

Пароход сильно качнуло. Тетя Анна вскрикнула, схватилась за койку, Мария Андреевна успела придержать посуду и еду.

Неожиданно появились Поповы.

— Не найдется ли у вас кусочка лимона? — спросил он. Его жена добавила.

— На палубе невозможно стоять. Нам стало плохо.

Им дали лимон, воду. Они сели, Попов стал сосать лимон, а его жена пила воду, откинувшись назад, показывая свой вздернутый мясистый нос.

— Спасибо, — проговорил Попов и, облегченно вздохнув, заговорил:

— Мы очень хорошо устроились около сундука. Думали всю ночь проспать там, но началась качка, как мертвая зыбь. В открытом море скоро отойдет.

— Наше Черное Море всегда считалось самым изменчивым и опасным для жизни, — проронила тетя Анна.

— Да, оно особенно оказалось неблагонадежным во время восстания Черноморского флота, — сказал Попов с какой-то неуместной улыбкой. Мария Андреевна произнесла тихо:

— Неужели это правда, что матросы бросали своих офицеров в море живыми, привязывая к их ногам тяжести?

— А как же! — снова со странной усмешкой вырвалось у Попова, но он тут же оборвал себя:

— Качка утихает...

Они оба встали и поспешили выйти на палубу. Тетя Анна как-то нерешительно спросила:

— Предложить им плед? Ветренно...

Ей не ответили, а Катя, после ужина скоро и крепко заснула. Среди ночи поднялся сильный шторм, волны ударяли о борт и сквозь их шум Кате почудился страшный сон. Она видела белое лицо Попова, оно показалось из-за связанных шатающихся бочек, которые оказались морскими офицерами, сброшенными на дно моря. Они были живые, невнятно говорили, толкая друг друга, будто умоляя Катю спасти их...

Катя проснулась и долго лежала с открытыми глазами и тяжелым сердцем, вспоминая тяжкое сновидение. В каюте никого не было, через занавеску иллюминатора проскальзывали солнечные нити. Катя приподнялась и вздрогнула, — кто-то вошел в каюту. Это была незнакомая барышня, она довольно непринужденно и весело сказала:

— Простите, но ваша тетя просила меня разбудить вас и сказать, что в столовой сервирован утренний завтрак. Ваше имя Катя?

Через несколько минут Катя, в сопровождении этой веселой барышни, вошла в столовую, где застала своих. Было много других пассажиров, неизвестно откуда только взявшихся, но с теснотой было и приятное оживление. Катя получила свой завтрак с помощью той же барышни, которая, нагнувшись к Кате, ласково сказала:

— Вы Катя, а я Женя.

Они как-то сразу подружились и вместе вышли на залитую солнцем палубу. Полное имя барышни было Евгения Аркадьевна Сверчкова, с милой откровенностью и простотой она рассказала Кате о себе. Ей было двадцать три года, с восемнадцати лет она ушла на фронт сестрой милосердия, была ранена, награждена, а теперь получила специальный отпуск в Крым, отдыхать. Ей хотелось попасть в Ялту; узнав, что Катя тоже направляется туда, она умоляла Катю не оставлять ее одну, она не

имела там никого близкого. Женя понравилась Кате, она не поражала красотой, изяществом, но вся простенькая и милая, с прямотой взгляда светлых глаз и такой же прямотой в натуре, чем-то притягивала к себе. Катя еще не успела хорошо с ней познакомиться, как Женю неожиданно отозвали в пароходный лазарет, где понадобилась помощь. Катя видела, как она, уже в белом халатике, пронеслась мимо, замахала рукой и крикнула:

— Я скоро вернусь, Катюшенька!

«Она славная»... подумала Катя и решила остаться на палубе, поджидая ее. Безветренный день освежал и бодрил. Катя пошла на корму, невольно вспомнила Поповых, их сундук; ей показалось вздорными, смешными ее предыдущие страхи, подозрения. Она без труда нашла то место, где скрывался сундук и с удовольствием уселась на него: отсюда поистине можно было любоваться морем, его красотой и безбрежным величием.

Мимо проходили пассажиры, также освежаясь прогулкой, появились члены команды. Катя издалека узнала Валентина Георгиевича. Заметила, как к нему подошла какая-то девушка, о чем-то спросила его, он ей ответил и она направилась в ту сторону, где сидела Катя. Это была прехорошенькая миниатюрная брюнеточка, лет шестнадцати. Они поравнялись, и девушка, посмотрев на Катю, сказала:

— Мне кажется, что я вас знаю.

— Откуда? — удивилась Катя.

Незнакомка подошла ближе, посмотрела на Катю с нескрываемым восторгом и сказала:

— Я видела вас часто в Киеве на симфонических концертах. Можно сесть около вас?

— Конечно! — Катя подвинулась и хорошенькая киевлянка прыгнула на сундук.

— Вы едете в Ялту? — поинтересовалась Катя.

— Да, наша каюта в первом классе, но там ужасная скука, а здесь веселее, и мне сейчас сказал моряк, что к вечеру будет музыка и танцы. Когда я ездила заграницу, мы всегда танцевали на пароходах, дамы и кавалеры одевались по вечернему. Ах, если бы все это вернулось! А вы тоже киевлянка? — блеснула она своими живыми глазками на Катю и добавила:

— Вы такая красивая!

Катя сделала вид, что не расслышала комплимента, немного смутившего ее, ответила коротко:

— Нет, я не киевлянка.

Они разговорились; обе, оказалось, любили и хорошо знали музыку. Узнав, что Катя едет в Ялту, девушка захлопала в ладоши, сказала:

— Мне говорили, что там бывает музыкальный сезон. Как ваше имя?

— Катя Серебрякова, а ваше?

— Верочка Маршак. У нас на Крещатике был большой ювелирный магазин.

— Вы здесь с вашими родными? — спросила Катя.

— Только с моей мамой. Ах, вы должны познакомиться с ней. Она такая же маленькая, как и я! Пойдемте к ней.

Верочка соскочила с сундука и потянула за собой Катю, которую забавляла уже восторженная девушка. Она, видимо, была из богатой еврейской семьи, немало избалованная, но в ее лице отражалась печаль, особенно в больших глазах, которые смотрели на Катю почти с мольбой, словно она боялась, что та уйдет от нее. Но Катя охотно согласилась на приглашение. Они вскоре вошли в каюту, сильно пахнувшую духами, сразу раздался женский недовольный возглас:

— Вера, сколько раз я тебя просила стучать в дверь, прежде чем ты входишь.

— Мамочка, прости! Я не одна. Прости, мумчик, — восклицала Верочка, обнимая женщину, которая лежала на широком диване, укрытая дорогим меховым пледом. Она слегка отстранила от себя дочь и посмотрела на Катю, прищуривая глаза, потом взяла лорнет.

— Это Катя Серебрякова. Мы только что познакомились и сразу влюбились друг в друга. Она красотка, правда, мама?

Госпожа Маршак не разделяла пыла дочери, сдержанно улыбнулась и, откладывая лорнетку, произнесла:

— Очень миленькая. А теперь идите гулять, девочки, погода чудесная.

Верочка, ничуть не обидевшись на холодный прием матери, воскликнула:

— Идем!... идем!... — Она потянула Катю с собой.

Вид госпожи Маршак, укрытой меховым одеялом, с сильно накрашенным лицом, произвел на Катю совсем

другое впечатление, чем ее дочь, о которой Катя подумала: «Бедная девочка!»

Как только они вышли на палубу, Верочка толкнула Катю, указывая ей на высокого молодого офицера курящего у борта. Она шепнула ей на ухо:

— Это мамина любовь.

Она хихикнула и добавила:

— Мамочка не может жить без царских офицеров, вот почему ее потянула Ялта.

Катя покраснела, замялась и, поспешив к лестнице, разделяющей классы, сказала, что она должна вернуться к себе в каюту. У Верочки снова возник грустно-умоляющий взгляд.

— Но встретимся сегодня после ужина? — воскликнула она.

— Да, на том же сундуке! — рассмеялась Катя.

Она застала мать и тетю крепко спящих, отдыхающих, а в себе Катя чувствовала приплыв бодрости, интереса, ее радовало знакомство с двумя милыми барышнями, она конечно будет встречаться с ними в Ялте, но пока что ей хотелось увидеть их снова после ужина. Вечер обещал быть спокойным и лунным, однако с первым налетом сумерок над морем поднялся густой туман, в воздухе стало сыро и холодно. Говорили, что где-то на побережье выпал снег. Постепенно туман заволок все, сквозь мглу движение парохода стало бесшумным, минутами казалось, что судно стоит на месте. Только гудки участились, и сверху совершенно невидимого капитанского мостика мигал глазок света.

После ужина Катя, Женя и Верочка уютно устроились на сундуке, им было тепло и весело вместе. Из кают-компании стала доноситься музыка. О чудо! Послышалась симфоническая поэма «Шехерезада». Катя и Верочка в один голос воскликнули от приятного сюрприза, обе узнали одну из своих любимых вещей. Женя созналась, что она совершеннейший профан в серьезной музыке и любит больше всего музыку «танго». Красота мелодий, все сильнее охватывающая юные души, навевала мечты...

Каково же им было оторваться от этих минут из-за внезапного вторжения: из завесы тумана на них блеснул свет ручного фонаря, выступила фигура помощника капитана, а за ним еще двое моряков. Свет был направлен на Катю, она вздрогнула от какого-то тяжелого предчув-

ствия. Валентин Георгиевич неузнаваемым голосом обратился к ней:

— Мадемуазель Серебрякова, я должен поговорить с вами, буьте любезны следовать за мной.

Катин испуг сменился возмущением:

— Я никуда не пойду!

Верочка и Женя, не менее испуганные, соскочили со своих мест, попятились в сторону и исчезли в тумане.

— Почему вы так беспокоились за сохранность этого сундука? — последовал вопрос помощника капитана.

Катя уже стояла перед офицерами в полной растерянности, чувствуя в себе некоторую вину и стыд. Она ответила тихо:

— Я хотела помочь этим... этим людям... — От волнения она забыла фамилию, Валентин Георгиевич подсказал:

— Поповым?

— Да... Поповым.

— Как давно вы знаете этих Поповых?

— Моя мать и тетя познакомились с ними в Новороссийске. Мы их не знали раньше. — У Кати было желание тотчас же убежать, но ее парализовали слова моряка:

— Попов арестован, а вы, мадемуазель Серебрякова, находитесь под подозрением за укрытие очень опасного человека.

— Но я его совершенно не знаю! — взмолилась Катя, в ужасе представляя, как на нее сейчас наденут наручники и поведут по пароходу. Она готова была упасть на колени перед офицерами, но ее осенила счастливая мысль, она произнесла:

— Валентин Георгиевич, перед моим отъездом на этом пароходе, ваш крестный отец, бывший капитан, который отлично знает нас, благословил меня на этот счастливый путь...

Помощник капитана, пораженный Катиными словами, покраснел, не нашелся, что сказать. Эффект получился полнейший. Он проговорил после паузы, смягчая тон:

— Я постараюсь сделать все возможное, чтобы освободить вас от ответственности, тем более, что ваши показания соответствуют словам вашей матушки и тети. Они сами не знают, что находится в сундуке гражданина Попова.

— А что в нем? — испуганно прошептала Катя.

В это время моряки открыли сундук. Катя успела заглянуть в него, увидела что-то блестящее, расшитое золотом, а под этим ей почудилось нечто другое, скрытое и страшное. Она застыла на месте, а моряки, забывая о ней, рассматривали каку-то маленькую вещицу, блеснувшую бриллиантовой гранью.

— Что это? — едва спросила она.

Ей не ответили, только когда Валентин Георгиевич отвлек ее от сундука и повел под руку к ее каюте, он сказал:

— По полученным нами сведениям этот Попов, уголовный преступник, выпущенный из тюрьмы большевиками, примкнул к их бандам. В этом сундуке вещественное доказательство недавно совершенного им убийства одного высокопоставленного государственного лица и его жены. Выдавая себя за офицера белой армии, он хотел проникнуть в Крым, а оттуда, запутывая пути, бежать дальше к своим...

Он добавил тихо:

— То, что я держал на ладоне, мадемуазель Серебрякова, был драгоценный перстень на почерневшем пальце, срезанным с убитого сановника...

У Катиной каюты Валентин Георгиевич пожал ее руку, пожелав крепко заснуть. Он уведомил ее, что Поповы будут сняты с борта в Севастополе и отданы в руки военной разведки.

Катя их больше не видела.

❖ ❖ ❖

Глава XI

Остров любви

В Ялту прибыли поздно вечером, подойдя вплотную к молу. Все вокруг тонуло во тьме, только море искрилось от света, исходящего от парохода, в мягком воздухе носились капельки дождя с пушинками снега. Большинство пассажиров, впервые прибывшие в Ялту, наслышавшись о южной красавице, с удивлением и разочарованием всматривались в невидимый берег с кое-где мелькавшими редкими огоньками. Ялта поразила и Катю, памятный широкий мол, на котором обычно царило оживление, встречал молчанием и безлюдием.

С помощью пароходных служащих публика осторожно, растерянно сходила по трапу, словно на необитаемый остров.

Катя не спешила оставить палубу, она поджидала Валентина Георгиевича, обещавшего дать ей некоторые адреса своих знакомых в Ялте, которые могут оказать им приют. По его словам, жилищный вопрос в Ялте сильно обострился из-за реквизиции квартир для военных и их семей.

Рядом с Катей стояли мать, тетя и Женя. В этот злополучный вечер эта совершенно чужая девушка, сестра милосердия, сильно переволновавшись за Катю, готова была выручить ее из любой беды, а теперь счастливая, что все обошлось благополучно, не отходила от нее. Верочка Маршак так же вначале сочувствовала какой-то Катиной неприятности, но почему-то нервничала, обещала повидать ее на пароходе, но не показалась.

Мария Андреевна и тетя Анна чувствовали себя вино-

ватыми перед Катей из-за Поповых, едва говорили. Катя и не скрывала своего недовольства ими, а вместе с тем начала беспокоиться о них. Она шепнула Жене (они уже обращались друг к другу на ты):

— Лишь бы их пристроить в теплом доме, а мы с тобой не пропадем.

Женя ответила ей радостно-благодарным взглядом.

Спуск пассажиров происходил медленно. Появилась Верочка под руку со своей мамочкой. Мадам Маршак, кутаясь в меховую шубку, тянула за собой дочь, видимо боялась, чтобы девочка не вырвалась от нее и не побежала к своим подругам. Катя и Женя, помахивая ей, переглянулись с улыбками и, пожалуй, с той же мыслью: «бедная Верочка».

Катя тут же забыла о ней. Она увидела, что к ним подходит Валентин Георгиевич с матросами. Они тут же взяли их багаж, а молодой человек протянул Кате листок и сказал:

— Это адреса моих близких друзей: дом генерала Исаева на Виноградной улице и господина Иваненко на Николаевской. — Пожелав всем счастливо оставаться, он поспешно ушел.

Как только Катя почувствовала под собой твердую почву родного камня, у нее закружилась голова. Она тут же крикнула вне себя своим: — Скорее!

Женя смеясь побежала за ней.

— Куда ты так спешишь? Тебя словно ждет карета!

— У меня именно такое чувство! Ведь это Ялта! Ялта! — восторженно ответила Катя.

За ними едва поспевали мать и тетя. Матрос донес их вещи до того места, где стояли извозчики, фаэтоны с покрышками. Возницы - татары запрашивали большие деньги, слышались тысячные цифры. Катя торопила тетю Анну, начавшую торговаться. Наконец извозчик с потрепанным фаэтоном согласился взять их на Виноградную улицу, сбавил цену и даже помог сесть, напоминая прежнего доброго татарина в потертой тюбетейке.

— Садись, хороший барышня!

По дороге Женя, как бы опомнившись, воскликнула:

— А я-то почему к вам прицепилась?

На нее замахали руками, Катя тепло обняла ее, сказала:

— Мы все едем неизвестно куда, и ты с нами...

Всем стало весело. Извозчик быстро вез их по набережной. Здесь была та же непривычная полутьма, скупой свет исходил из окон гостиниц, небольших кафе. По тротуару двигалась публика, было много военных.

— Голубчик, — обратилась тетя Анна к вознице, — почему это так темно? Экономят на электричестве?

Татарин помедлил с ответом, надвинул свою шапочку на глаза и, чуть обернувшись, сказал:

— Правда, добрый барыня, нужно экономно, а еще потому, что время военный. — Подняв хлыст, он указал в сторону гор, добавляя:

— А там зеленый разбойник водится...

Его слова встревожили всех, ведь стремились сюда в самые, как им казалось, безопасные места! Но доносившийся родной плеск волн, словно давно знакомая музыка, постепенно успокаивал душу. Кате вспомнился ее дом, Аутская улица... городской сад... И вдруг, неожиданным толчком ее ударила мысль: «Саша»... Она вздрогнула от голоса тети Анны:

— Мы подъезжаем к Виноградной...

Извозчик тут же замедлил ход, сделал крутой поворот и остановился перед массивной решетчатой калиткой: Катя почти-что на ходу соскочила с фаэтона, взглянула на привешенную дощечку и радостно объявила:

— Это и есть дом Исаевых!

Все столпились у калитки, запертой на замок. Виднелась дорожка, ведущая к большому дому, донесся лай собаки, обрадовавший всех. Какой-то признак жизни! Показался большой белый пёс, подошел ближе, продолжал лаять все реже и, посмотрев на неожиданных гостей большими выразительными глазами, с какой-то человеческой грустью повернул обратно, унося с собой всякую надежду на приют. Не кричать же?

Извозчик уехал. Воздух стал холоднее, зачастили снежинки; Женя посоветовала искать другое пристанище. Они оглянулись, из каких-то домов виделся свет. Подруги решили попытать счастья и пошли наугад. Мария Андреевна и тетя Анна уселись на обрубок дерева и унеслись в приятные воспоминания; они хорошо знали эту усадьбу Исаевых, барышнями проводил тут веселые дни с молодежью. Кто же теперь здесь? Живы ли? С этими мыслями к их сердцам подступало горестное чувство наступившего

сиротства на своей земле, вблизи своего когда-то уютного дома.

Катя и Женя пропадали не долго, вскоре они издалека закричали:

— Все устроено!

Они появились в сопровождении военного, который поздоровался с дамами и, оставляя им легкие ручные вещи, взял остальной багаж. Катя объяснила, что они попали в домик одной милой старушки вдовы, у которой живет этот офицер. Там есть комнатушка и ее могут сдать.

— Одна комнатушка? — переспросила тетя Анна.

— Да, только для вас обоих, обо мне и Жене не беспокойтесь, у нас другие планы.

Хозяйка, Варвара Онуфриевна Бондаренко, приняла приезжих радушно. Предложила чай и осведомилась: — Свой сахар есть? — Квартирант, представившись всем как ротмистр Сергей Константинович Еленев, принес к столу свой сахар и разговор о «сахаре» и других продуктах первой необходимости стал главной темой. Приезжие узнали о заведенной в Ялте карточной системе продовольствия, — все это было новым, чуждым и непривычным. Все же, согретые вниманием, гости скоро пришли в себя и стали устраиваться на ночлег. Мать и тетя даже пришли в восторг от отведенной для них комнаты, похожей на чуланчик! Девушки оставили домик старушки в веселом настроении, обещав вернуться на следующее утро. Куда они стремились? Какие могли быть у них свои планы? Катю потянула набережная, она надеялась еще застать там движение, жизнь. Она хорошо помнила некоторые гостиницы, где они могли бы переночевать. Час был поздний, и приморский центр заметно пустел, гасли последние огни. Погода угрожала ненастьем, поднялся ветер, грохотали волны, оставаться на улице становилось невозможным. Большое окно одного кафе еще светилось, в нем было выставлено объявление о сдаче комнаты. Подруги обрадовались, Катя уже записывала адрес, как вдруг позади они услыхали мужской голос с явно восточным акцентом:

— Ищешь комнату, милый барышня, не найдешь.

Обернувшись и увидев двух рослых военных в барашковых шапках, подруги инстинктивно подались назад. Женя резко ответила:

— Да, мы ищем комнату и это вас не касается!

— Вах, какой сердитый барышня, — рассмеялся тот же военный и продолжал учтиво:

— Видим, стоит два приличный барышня, наверно только приехал в Ялту. Ну, хотели быть полезный. Просим извинения.

— Спасибо, мы не нуждаемся ни в чьей помощи, — так же резко сказала Катя и шепнула Жени:

— Главное, не разговаривать и они отстанут.

Но военные не двигались, заговорил другой:

— Не хорошо так поздно быть на улице приличной барышня. Много нахалов есть.

— Вроде вас! — вспылила Женя.

Незнакомцы промолчали, Женя сделала Кате знак уйти. Та открыто посмотрела на мужчин, заметила:

— А еще с погонами!

— Так точно, — почти вместе ответили они и взяли под козырек:

— Честь имеем представиться: хорунжий Абдул Яшиб.

— Прапорщик Селим Затырь. Крымские татары, верный сыны родины.

Подруги не удержались от улыбки. Военные показались им уже смешными и симпатичными. Катя сказала просто:

— Можете-ли вы достать нам извозчика, мы поедем по этим адресам насчет комнат.

— Никакой комнат не найдеш, барышня, — как то строже произнес тот, кого звали Абдул и добавил:

— Все равно, нужно имей разрешение на комнату от коменданта города.

Его товарищ перебил:

— В такой час никакой хозяйка говорить не будет. — Он посмотрел на Катю, добавляя:

— Лучше слушай наш добрый совет, мы поможем.

Катя вспыхнула:

— Нам лучше всех поможет полицейский. Где они?

Татарин широко улыбнулся:

— Сам, барышня, будешь смеяться. Мы оба полицейские, военные.

Катя и Женя переглянулись, потом удивленно посмотрели на них.

— Вы полицейские?

— Так точно, днем служим в участок, а вечером на улице, чтобы порядок был.

Подруги громко рассмеялись. Им определенно начали нравиться молодые татары, в которых было нечто примитивное, но и рыцарское.

— Чем же вы поможете нам? — спросила Катя.

Полицейские, заметив перемену в барышнях, подошли к ним ближе, прапорщик Селим сказал:

— Здесь недалеко, близко к молу, есть гостиница «Ницца», самая сырой и бедный. Но наш комнат отличный, теплый, а сам бываем редко. Вот вы можете там спать, пока найдешь другой.

Катя невольно покраснела, взяла Женю за руку, бросила едко в сторону татар: — Офицеры!

— Совершенно верно, офицеры! — В свою очередь вспылил старший. — И вам стыдно, русский барышня! — Хорунжий круто повернул в сторону, Селим двинулся за ним, проворчав:

— Приглашал, как родной сестра, чтобы гостя была, а сам хотел служить, как верный собак...

Они стали отходить. Катя и Женя растерянно смотрели им вслед и вдруг обе в один голос закричали:

— Не уходите!

Через несколько минут Абдул и Селим стали по обе их стороны; в своих больших внушительных шапках с кокардами они, как охранники, вели двух усталых, полузамерзших девушек. Но шутки татар не смолкали, смягчая официальность. Особенно стали все смеяться, подойдя к гостинице «Ницца», домику с облупившейся белой краской, неизвестно как державшемуся на деревянных подмостках. Абдул сказал, что из-за больших дождей здесь обвалилась земля, образовались ямы с водой.

— Эту гостиницу нужно назвать «Венеция», — неудержимо хохотала Женя. Казалось, теперь всякий пустяк вызывал в молодеже взрывы смеха. Но Абдул вскоре попросил воздержаться от шума, — в гостинице все спали.

По шатким скрипучим мосткам они дошли до узкого балкона со многими дверьми, ведущими в отдельные номера. Стекло в дверях комнаты было разбито, при входе Селим сразу же заткнул зияющее отверстие овечьей шкуркой. Все остальное в комнате поражало убранством: скатерти, коврики, картинки с видами моря, гор,

цветов, большое место занимала широкая кровать, покрытая пестрым ковром.

Полицейские повесили свои шинели, шапки и занялись хозяйством. На столе появилась бутылка вина, брынза, хлеб и халва. Барышни предложили свою помощь, но получили строгое наставление:

— Татарский гость — не слуга.

За ужином Катя и Женя узнали многое о своих новых друзьях. Оба были товарищами с детства, оба родом из Бахчисарая. Отец Селима был владельцем табачных плантаций, Абдул происходил из более бедной семьи, у него было много сестер. Указывая на сотканные вещи, он хвалился, что это сделано их руками.

К трем часам ночи друзья всполошились, им надо было возвращаться в часть. Они успели убрать со стола, а перед уходом Абдул сказал:

— Занимайся собой, джаним. А выйдешь в коридор, найдеш другой место для удобства с зеркалом. Мыло принесешь обратно.

Вскоре оставшись одни, девушки с комфортом расположились на большой кровати Женя сразу уснула, а Катя долго не могла закрыть глаза, вглядываясь в темноту и вдыхая в себя какой-то особенный аромат. Со сладкими мыслями она забылась только под утро.

Яркие солнечные лучи, прорывающиеся сквозь разбитое стекло и овечью шкурку, приветствовали их пробуждение. В комнате было тепло, пахло дымящим самоваром. Откуда? Они быстро поднялись и увидели накрытый стол. Все, несомненно, приготовлено их хозяевами, видимо, заходившими сюда во время их сна. Придя в себя от изумления, девушки решили подождать Абдула и Селима, но те не возвращались. Катя подошла к двери, открыла, ее обхватила прохлада морского утра. Донесся шум моря, крик чаек, а вдали блестели макушки гор покрытые снегом. Катя вскрикнула от памятной ей красоты:

— Вот, моя Ялта!

После завтрака подруги все же убрали комнату и оставили записку с благодарностью добрым татарам. Они не могли больше ничего сказать им о себе, сами не зная, как они устроятся в дальнейшем. Пока что, Катя хотела поспешить к своим, а Женя должна была посетить

военный госпиталь. Она обещала заехать за Катей в домик старушки Бондаренко.

Девушки вышли на набережную, горячо обнялись, поцеловались, и Женя, подозвав извозчика, крикнула Кате:

— Катинька, без меня не гуляй по Ялте!

Но как только Катя осталась одна, радость охватила все ее существо, словно что-то новое и желанное наконец наполнило ее; она еще не знала, что это? Ее сердце безудержно рвалось вперед, она устремилась к городу.

С налетевшими счастливыми чувствами, находясь на набережной, она теперь наслаждалась встречей со всеми памятными ей местами. Ничего здесь не изменилось! Вот роскошная гостиница «Россия» с белыми лестницами, ведущими в сад с фонтанами и клумбами. Перед воротами городского сада Катя остановилась и радостно замерла: те же дорожки, деревья, скамеечки, выступающая из глубины концертная — раковина.

Ее потянуло в сад, но другое, еще более сильное желание, заслонило все: увидеть их дом... Катя побежала на свою Аутскую улицу. Зачем? Почему?... она не размышляла, а сердце билось учащенно и сладко. Поднимаясь по родной гористой дорожке, она видела перед собой яркую синеву неба, пока вдруг на нем не показались заостренные верхушки кипарисов их бывшего сада...

От волнения и быстрой ходьбы ее шапочка свалилась с головы, зацепилась за воротник пальто, волосы растрепались. Она приостановилась и тут увидела фигуру спускающуюся вниз, это был молодой человек с книгами. Поравнявшись с Катей он мельком взглянул на нее, а она успела заметить его очень худое бледное лицо и странно хмурый взгляд светлых глаз. Он показался ей знакомым, она обернулась, он тоже остановился и быстро пошел дальше. Катя вспомнила священника из Ростова...

«Вот на кого он похож»... подумала она и вздрогнула. «А кого же напоминал ей священник? Те же глаза...» Краска ударила ей в лицо.

«Да ведь это Саша Аничков!...»

С ослабевшими ногами Катя остановилась у калитки бывшей «Виллы Дези». Но здесь ничего больше не напоминало прежнего нарядного места: дом был выкрашен в зеленый цвет, терраса исчезла, сад, почти вырубленый,

выглядел как пустынный двор, на котором стройные кипарисы стояли грустными одиночками. Уже с окаменевшими чувствами Катя отмечала во всем перемену, но ее заинтересовало вдруг то, что калитка была полуоткрыта, она подумала:

«Не Саша вышел сейчас отсюда?»

Неожиданная встреча на дороге не выходила у нее из головы. И казалось, родной дом и сад не так поразили ее своей переменой, как Саша, когда-то цветущий здоровьем юноша. Приподнятое настроение Кати мгновенно исчезло, она хотела уйти, но чей-то голос остановил ее. На крыльце дома показалась высокая фигура дамы. Она крикнула Кате:

— Вы кого здесь ищете, барышня?

— Комнату! — ответила Катя.

Дама направилась к ней. Она остановилась за калиткой, вглядываясь в Катю и сказала:

— К сожалению, все мои комнаты заняты. Ваш муж военный?

— Я незамужем, со мной мать и тетя. Мы только вчера прибыли в Ялту.

— Мне очень жаль, барышня, но я не могу вам помочь, — с милой улыбкой говорила дама, продолжая:

— Еще совсем недавно я могла распоряжаться своим домом, а теперь все зависит от городских властей. Ялта фактически на военном положении.

Катин взгляд невольно притянулся к мезанину дома. Она спросила:

— А верхний чердачек также занят?

— Вам знаком этот дом? — с удивлением посмотрела на нее хозяйка.

— Да, он был наш до 1914 года.

— Неужели? — оживилась дама и открыла калитку. — Зайдите ко мне, познакомимся. Мое имя Любовь Семеновна Муравьева. А ваше?

— Серебрякова, Катя.

Хозяйка всплеснула руками, воскликнула:

— Катя Серебрякова? Да ведь я много знаю о вашей семье, о вас, Катя. Милочка, будьте моим гостем.

Катя последовала за хозяйкой, которая продолжала говорить оживленно:

— Вы, конечно, не узнаете вашего прежнего поместья. Я купила его в прошлом году от караима в ужас-

ном состоянии. Потеряв своего мужа, я открыла здесь пансион и у меня хорошо пошло дело, но постепенно осложнилось все, началась дороговизна и не все жильцы могли платить даже за комнату.

Хозяйка взглянула на верх дома, вздохнула и продолжала:

— Вот вы поинтересовались комнаткой на чердаке, а это мой самый наболевший вопрос...

Она села на скамейку, приглашая Катю сесть рядом. Катя села и с каким-то тяжелым предчувствием слушала хозяйку:

— Там давно живет молодой учитель, некий Аничков, Саша, как его все называют. Он очень симпатичный, но трудный, непонятный. Иногда исчезает по месяцам. Спросишь: «Где вы были, Саша?» Отвечает: «На луне...» Мне говорили о нем, предупредили, что он не совсем надежный в политическом смысле, советовали даже выселить, к тому же он платит неаккуратно, но уроки дают ему гроши, да и нет у него учеников, он сам по целым дням за книгами, сам еще учится.

Она рассмеялась, Катя также хотела улыбнуться, но почему-то не могла.

Она спросила тихо:

— А он здоров, этот Саша?

Хозяйка вздохнула:

— Об этом его также нельзя спросить. Иногда он выглядит, как мой покойный муж, который умер от чахотки, а если я заикнусь: «Как вы себя чувствуете, молодой человек?», он отвечает: «Чудесно, мадам, особенно когда меня оставляют в покое».

Теперь Катя рассмеялась, у нее отлегло от сердца, она узнавала «своего друга». Хотела побольше слышать о нем.

Но дама встала, извиняясь, что ей нужно спешить в дом. Она ласково посмотрела на Катю и сказала восхищенно:

— Мне говорили, что вы красавица. Сама вижу, в ваших глазках можно затонуть, как в нашем море... Вы обязательно приходите ко мне, выпьем чай с вареньем из виноградника вашего дедушки.

Катя обещала прийти. Но она не могла понять, что у нее творилось в душе: жизнь Саши в их бывшем доме, в любимом когда-то ею уголке, казалась ей странной, символичной, она знала, что ее снова потянет сюда...

К своим она вернулась успокоенная и даже повеселевшая, она скрыла от матери и тети многое. Мария Андреевна и тетя Анна были в прекрасном настроении. Они подружились с Варварой Онуфриевной, отзывались с восторгом о ротмистре Еленеве. Женя приехала тоже с хорошими новостями, ей предложили временную службу у одного доктора. На радостях подруги приняли приглашение ротмистра, чтобы пойти с ним на прогулку по набережной.

В девять часов вечера они очутились в кафе «Родэ», месте, считавшимся самым популярным для встречь военных. За «чашечкой чая» можно было лучше всего ознакомиться с новостями и событиями этих дней. Некоторые офицеры, за неимением свободного столика, подсаживались к знакомым. Здесь почти каждый знал друг друга, как выразился ротмистр: «Топчемся на одном и том же месте».

Катя только сейчас за столом пригляделась к их кавалеру. Сергей Константинович Еленев был не высокого роста, плечистый, средних лет, с заметной сединой, идущей к его большим серо-синим глазам. Их взгляд, мягкий, глубокий, делал все его лицо теплым и привлекательным. Он пережил не мало. Иногда, задумавшись, становился грустным, но тут же видимо отгонял от себя всякую мрачную мысль, которая могла нарушить его покой и приятное времяпрепровождение; по натуре он был жизнерадостным. Друзей у Еленева было много, в кафе офицеры подходили к нему запросто, Сергей Константинович знакомил их со своими барышнями. Под конец их столик тесно заполнился. Играл небольшой струнный оркестр, подруги раскраснелись и похорошели. Женя увлеклась беседой с молодым корнетом Жигулевым, его называли Ваня. Катя много смеялась, отвечая на комплименты. Поручик Валериан Лесснер, молодой человек с восково-бледным лицом, смотря на нее сверкающим взглядом, воскликнул:

— Наконец-то в нашу Ялту прибыла красавица!

Катя гордо заметила ему:

— Ялта моя со дня рождения, поручик!

Тогда он предложил тост за «черноморскую королеву».

Появились откуда-то маленькие стопочки и бутылка водки. Катя не пила, но от общего приподнятого весело-

го настроения чувствовала себя опьяненной и ей хотелось подольше удержать эти минуты, но близился час закрытия. Первыми ушли музыканты, им кричали «бис», но те, прикидывались глухими, спешили уйти, тушилось электричество, медленно пустели столики. Не только Кате хотелось продлить безмятежное время: Сергей Константинович и его друзья столпились, перешептываясь. Поручик Лесснер о чем то упрашивал ротмистра, указывая на Катю. Еленев, похоже было не сразу согласился, но наконец передал барышням приглашение всей компанией ехать ужинать к некой баронессе Тарло. Катя хотела было отказаться, ее уже тревожила мысль: «Где же мы будем ночевать сегодня?»... Она напомнила об этом Жене, но та ответила с жаром:

— Катичка, не расстраивай компании. Так весело!

В извозчичьей пролетке Еленев, сидя рядом с Катей, сказал ей:

— Мы будем там недолго.

Он рассказал ей некоторые подробности о баронессе, — она была русского происхождения, вдова поляка и в своей вилле устроила нечто вроде клуба, где можно было провести приятно время за музыкой, картами и у буфета. Теперь в Ялте каждый искал забвения, будь это в кафе, ресторане или в салоне баронессы...

На двух извозчиках компания лихо понеслась куда-то в сторону Ливадии. Во мраке вспыхивали огоньки папирос, изредка прорывались голоса, все находились в некотором опьянении. Поручик Лесснер начал декламировать свои стихи, он был поэтом. Одно стихотворение он посвятил Ялте, назвав его: «Остров любви».

Молодой капитан Виноградов прервал его замечанием:

— Вы хотите сказать: «Любовь на ялтинском полуострове?»

Все рассмеялись, а поручик ничего не ответил и начал с вдохновением:

«Я пленником попал в чудесный край,
Где цепи гор и стража кипарисов,
Где для любви укрытый рай
В ущельях роз и алых барбарисов»...

— Превосходная рифма! — воскликнул тот же Виноградов, добавляя:

— Только ваша любовь, поручик, на сплошных колючках.

Поэт не смущаясь продолжал, из темноты выступало его бледное лицо с горящими глазами. У Кати появилось нежное и грустное чувство к нему, да и ко всем этим сидящим около нее молодым военным, из которых каждый, несмотря на подъем духа, переживал личную глубокую драму, был оторванным от дома и службы. Как выразился Еленев: «Топчемся на одном и том же месте»... Но не была и она также причастна к этой осиротевшей семье... жизни? Ей особенно по душе пришелся ротмистр Еленев. «Такому человеку можно довериться, как близкому другу», подумала она и тут же услыхала его голос:

— А наша королева уснула. Екатерина Сергеевна, очнитесь. Мы у цели.

На густо сером фоне неба, у самого моря, выступал силуэт красивого дома. Издалека от стоявших на причале судов несся бледный мерцающий свет. Тьма и тишина никого не смутила, шли к дому, как по хорошо знакомой тропинке. Катя, сойдя с извозчика, хотела обождать другого, на котором ехала Катя. Но прибыли все, кроме нее и корнета Вани Жигулева. Катя улыбнулась какой-то своей веселой мысли и пошла с остальными. Блеснул свет открывшихся дверей, в передней с набросанными военными шинелями, шапками, гостей приветствовала сама хозяйка, высокая, худощавая блондинка с пышно взбитыми волосами и бойкими глазами. Она быстро оглядывала каждого, церемонно подавала руку мужчинам для поцелуя. На Катю посмотрела с заметным неудовольствием. Еленев, едва прикоснувшись губами к ее изогнутой ручке, сказал:

— Баронесса, разрешите вам представить мою племянницу, мадемуазель Серебрякову, она только вчера прибыла в Ялту.

Баронесса сделала равнодушный вид и со сдержанной улыбкой попросила всех в зал. Это была нарядная гостиная с зажженными свечами, не очень освещающими комнату, а потому она тонула в полумраке, создавая какую-то таинственность. Здесь уже находилось человек пятнадцать мужчин, большинство сидело на коврах, по татарски поджав под себя ноги и курило. Не слышно было громких голосов, никто не смеялся и не было музы-

ки. Все выглядело, как в интимном мужском кругу, где каждый чувствует себя свободно и где не бывает женщин. Катя хотела сказать Еленеву, что ей здесь не место... но она вспомнила, что он ее представил, как свою племянницу, улыбнулась и в ожидании «что же будет дальше?», уселась на удобное место возле тяжелых портьер, тут же увидела свое собственное отражение в трюмо. Одетая в один из своих лучших костюмов, с лентой в волосах, она, казалось ей, выглядела почти картинно. Она заметила, что Сергей Константинович оборачивается по сторонам, будто ищет ее и в шаловливом настроении подумала: «Вот, спрячусь от них»... Вдруг от неожиданности вздронула: за ее креслом очутился высокий молодой человек в штатском.

Он произнес по-французски:

— Мадемуазель, почему вы так уединились?

Катя, после минутного смущения, ответила так-же по-французски:

— Я случайный гость в этом доме и чувствую себя потерянной.

— Вы потерянная? — Он улыбнулся и спросил:

— Вы француженка, мадемуазель?

— Да, — ответила она в том же игривом настроении и уже желая разыграть незнакомца. Спросила его:

— А вы, месье?

— Я грек.

Катя не без удивления уставилась на светлого блондина с изящной фигурой и заметила:

— Вы больше похожи на англичанина.

— Я это не раз слышал, но представление, что мы греки черные и толстые, не всегда верно.

— Вы здешний, крымский?

— Нет, я только бываю наездами в Крыму. Я связан с делами греческого консульства в Севастополе. Мой родной город Афины, а живу я большей частью в Париже. А как давно вы в России?

— Я жила в Петербурге с десятилетнего возраста.

— Значить, вы говоришь по-русски? — перешел он на русский язык, владел им слабо.

— Немножко, — почти что перекривила его Катя, едва сдерживая смех.

Молодой человек оживился, сказал:

— Я предпочитай говорить по-русски. Разрешить

представиться: Георгий Георгиевич Власополло. Ваш имя, мадемузель?

— Екатерина Сергеевна Серебрякова, — уже чисто по-русски ответила она, добавив:

— Просто, Катя.

Он чуть покраснел, и, поцеловав ее руку, заметил:

— Вы замечательный артист, я поверил вам, я рад, что вы русский барышня. Я обожай русский красота.

Они стояли в затемненной части гостиной, никем не замечаемые и их разговор, который снова перешел на французский язык, как более легкий для него, принял оживленный и интересный оборот. Молодой грек стал рассказывать Кате о себе; кроме своей деловой связи с греческим консульством, он состоял в чине лейтенанта греческого флота. Был ближайшим другом своего сверстника и тезки, греческого короля Георга. Внезапный шум прервал его. Открылись двери следующей комнаты с большим, нарядно накрытым столом.

— Могу я сопровождать вас к столу, мадемуазель Катья? — спросил молодой человек, низко склонившись перед ней.

Катя не успела ответить, как перед ней появилась Женя. Она почти грубо спросила:

— Как долго ты будешь здесь?

— На вечере баронессы? — слегка смешалась Катя.

— Ах, какая там баронесса! — бесцеремонно сказала Женя и наклонившись к Кате зашептала:

— Уходи отсюда скорее... это притон наркоманов... Ваничка все знает.

Катя покраснела, посмотрела на своего кавалера, который вряд-ли что разобрал, к тому же он учтиво отошел в сторону.

Катя обернулась к нему и объяснила, что должна немедленно уехать. Он посмотрел на нее мягким взглядом, а она уже подумала: «Неужели я его больше не увижу?»...

Как бы в ответ он спросил:

— Могу я надеяться увидеть вас в мой следующий приезд в Ялту, мадемуазель?

— Конечно... конечно, — обрадовалась она и тут же замялась, вспомнив, что у нее еще нет определенного адреса.

Женя, прислушавшись, подхватила:

— Пригласи его к старушке...

Катя ужаснулась, «вот уж неподходящее место!» Она отделалась шуткой:

— Наша встреча может произойти только случайно, месье.

В передней Катя набросилась на Женю:

— В чем дело? Говори!

Женя сжала ей локоть и указала в сторону, где стоял худенький мальчик лет восьми.

— Ты закроеш за нами дверь, малыш, — сказала она.

Мальчик послушно подошел к дверям, открыл их и, пугливо озираясь, выпустил барышень из дому. Сразу же на дорожке показалась высокая фигура корнета Жигулева. Он подхватил их под руки.

— Извозчик ждет! — сказал он.

В пролетке Катя горела нетерпением скорее узнать какую-то тайну о «баронессе». Он поспешила заметить:

— Там все было очень прилично...

— Послушай Ваничку! — горячилась Женя.

Тот заговорил:

— Разве вы не удивились, что я не зашел со всеми в «салон» баронесси?

— Нисколько, я поняла, что вы хотели погулять с Женей.

— Пожалуй, что это так, — произнес корнет тихо, — но я также хотел предупредить ее, а потом вас. Я бывал там достаточно, некоторым новичкам, вроде меня, льстило попасть в дом великосветской дамы, якобы вдовы барона Тарло, а на самом деле, она никогда не была ничьей женой. Жила в Одессе и зарабатывала большие деньги на наркотиках. Теперь она занимается этим здесь, к ней приходят многие, встречаются со своими коллегами и долгое время никто не подозревал, что это просто-напросто клуб курильщиков кокаина, опиума и еще какого-то гашиша.

— Расскажите, как она достает эту отраву, — перебила Женя.

— Все по порядку, — произнес корнет и ближе наклонился к Кате. Его лицо, казавшееся в кафе очень молодым, юношески оживленным, теперь выглядело взрослым, серьезным. Он продолжал негромко, внушительно:

— В Ялту часто заходят разные торговые шкуны,

барки, стоят на рейде. Привозят уголь, табак, а контрабандой кокаин, морфий... Продавцы, большей частью греки, под видом приличных моряков или штатских появляются в гостиной баронессы.

Катя вздрогнула, невольно вспомнив свою встречу с молодым греком.

— Но вы же говорите, что туда приходят ничего не подозревающие люди? — прошептала она.

— Совершенно верно, там все шито-крыто. А если кто и догадается, то не донесут полиции...

— Почему? — уставилась на него Катя, — вы считаете своим долгом оберегать подобные места?

— Катя... милая Катя, — чуть дрогнул голос корнета, — поймите, что наркотики облегчают нестерпимые душевные страдания. — Он опустил голову.

— Как бы мы не утешали себя, согретые здесь солнцем, мы сознаем, что в Крыму последний этап нашего славного белого движения... Вот и рады наши затмить разум.

— Все? — сорвалось с Катиных губ и как-то невольно она добавила:

— Сергей Константинович?

— Я рад, что вы спросили о нем, сам хотел предупредить вас о ротмистре, какой это волевой и устойчивый офицер. Если он и бывает там, то только, чтобы быть со своими... помочь. Благодаря его стараниям я лично освободился от всяких одурманивающих средств.

— А вам знакомо имя Власополло, грека? — Непроизвольно вырвалось у Кати.

— Как же? — воскликнул Жигулев. — Вот этот-то меньше всего догадывается о проделках баронессы, чистейшей воды греческий аристократ, морской офицер. Мне рассказывали, как баронесса подцепила его в Ялте. Она постоянно катается по морю на своей собственной яхточке «Чайка», это дает ей возможность причаливать к торговым лодкам для встречи со своими партнерами. По обыкновению и для отвода глаз она берет на эти прогулки своего сынишку, неизвестно от кого приобретенного — Жигулев рассмеялся и продолжал дальше:

— Ребенку в рот кладут шоколадку, а в карман пакетики... у этого грека также есть своя замечательная яхта «Hellas», что значить «Греция». Баронесса завела с ним

знакомство на море, была приглашена на его яхту, а там и он начал посещать ее салон...

Жигулев остановился. Возница обернулся к ним, чтобы узнать, в каком направлении ехать дальше. Они уже находились в центральной части набережной. Вдруг татарин-возница круто сдержал лошадь, посередине дороги что-то случилось. Корнет спрыгнул на землю.

— Похоже на обыкновенный уличный скандал, — сказал он.

Катя и Женя очутились около него.

— Пойдем, посмотрим! — заинтересовалась Женя.

Катя не протестовала, видимо взбудораженные нервы этого вечера тянули ее к новым приключениям. Корнет расплатился с извозчиком и все пошли вперед. Донеслись крики и удвоили любопытство. Подруги легко проникли в собравшуюся толпу, увидели сцену: какой-то бедно одетый молодой человек и худенькая девица, как петухи бросались друг на друга. Его кто-то старался сдержать, а она, жалкая, растрепанная, кричала, что он, Петька Горшков, почтовый чиновник, был с ней весь вечер, а когда дело дошло до денег, стал удирать.

— Тогда она вырвала у меня документ! — хрипел он.

— А ты отдай мне деньги, которые обещал, — она стала трясти какой-то бумажкой.

— Я тебя изобью! — схватил он ее за волосы, но его оттянули:

— Э... э... женщин не бьют!

— Она девка, воровка.. я ничего ей не должен, нет у меня денег! — кричал он.

— А зачем с такими знакомство заводите? Сами не маленький, — сказал тот, кто держал пострадавшего за плечи. Обращаясь к девице, добавил:

— Отдайте документы, иначе ответите полиции.

— Не боюсь я полиции, а документы разорву! — кричала она. В этот момент из толпы кто-то вышел, подошел к ней и сказал громко и строго:

— Вот берите деньги. Довольно будет? А чужие документы не имеете права брать. Отдайте мне.

Вторжение постороннего лица было настолько неожиданным, что девушка растерялась, сразу отдала бумаги и схватилась за деньги. Незнакомец передал бумагу чиновнику, который тоже растерялся, не зная, как реагиро-

вать на такой поступок. Вокруг послышался смех и чье-то замечание:

— Тому удовольствие, а этому расплата!

— Безобразие! Сколько этих девок развелось здесь! — раздался громкий голос статного военного.

Незнакомец посмотрел на него и крикнул вызывающе:

— А по вашему, это вина женщин, загнанных нищетой на улицу? И разве проститутки не узаконенная профессия нашего уважаемого общества?

— Что вы сказали, сударь? — вспылил голос того же военного и он двинулся на незнакомца. Кто-то крикнул вовремя:

— Господа, расходитесь! Полиция!

Героиня скандала рванулась в толпу, споткнулась, чуть не упав возле Кати. Та успела ее подхватить, взволнованно прошептала:

— Куда вы... не бойтесь... бедная...

Девушка посмотрела на Катю непонимающим взглядом. Но и Катя не понимала себя. Вся уличная свалка разыгралась перед ней, как невероятный сон. Незнакомец из толпы был Саша Аничков. Она узнала его с первой минуты появления. Когда девушка очутилась возле нее, прежде чем какая либо другая мысль пришла к ней, она захотела защитить ее. Потом она увидела Сашу, он прошел мимо и она услышала его негромкий голос:

— Спасибо, Катя...

К этому времени все почти разошлись. Катя пообещала девушке, ее имя было Галя, что они ее доставят домой. Жигулев, наблюдая, как Катя почти что обнимала уличную девчонку, недовольно заметил ей:

— Сюда направляются полицейские. Теперь объясняйтесь с ними. — Катя и Женя переглянулись, к ним подходили Абдул и Селим.

Татары приятно удивились, увидев знакомых барышень. Не добившись ни от кого толкового объяснения, что здесь происходит, они обратились к ним. Катя, быстро сообразив, желая освободить всех от ответственности скандала, сказала, что их компания, человек тридцать, возвращались после вечеринки и здесь была общая остановка и прощание друзей.

— Выпили мы много вина! — закончила она весело.

Гали уже не было, Ваничка Жигулев, который с неко-

торым удовольствием ждал Катиной расплаты за ее сердобольность, был наказан тем, что она поручила ему отвезти несчастную Галю домой. Женя, насупившись, сказала с возмущением:

— Как ты могла отослать Ваничку с этой дурной девицей?

Пожалуй, что Катя чего-то не учла и не знала, что ответить подруге, к тому же у нее сильно разболелась голова, словно пережитое ею за весь день странно отозвалось на ней, отняло силы. Она едва произнесла:

— Женя... мне нехорошо...

Та схватила ее за руку и с тревогой сказала:

— Катя, у тебя жар... Ты больна!

С появлением друзей полицейских подругам ничего другого не оставалось, как признаться им, что у них все еще нет пристанища.

Как и в прошлую ночь, Абдул и Селим стали по обе стороны барышень и повели их, как арестованных. Ни одного извозчика не попадалось на пути, шли пешком. Недалеко от гостиницы «Ницца» Катя почувствовала себя настолько плохо, что Селим, без всяких слов, поднял ее и понес на руках. Она не сопротивлялась. Вскоре, очутившись на той же постели, укрытая одеялами и какой-то шкурой, она сразу уснула или впала в беспамятство.

Жар ее повысился. Женя хотела пойти за доктором. Абдул предложил подождать до утра, а пока натереть Катю травяным настоем и напоить чаем из сухой малины. У хозяев оказалась целая аптечка разных трав, семян. Лечение Кати началось этими домашними средствами; несколько дней она лежала в комнатке татар, казавшейся ей уютной саклей с узорчатыми ковриками, пропитанной душистыми травами, приятно усыпляющими ее. Просыпаясь, она не сразу приходила в себя и сквозь дымку каких-то сновидений, миражей, узнавала окружающее: около нее чаще всего была Женя, показывались лица добрых Абдула и Селима. Катя обрадовалась Еленеву и Лесснеру, принесшим ей цветы. Приходили мать и тетя с кулечками лакомств. И вдруг Катя услыхала тихий голос Жени:

— Катичка, какой-то молодой человек пришел к тебе, его имя Саша...

Произошло это во сне или на яву?

* * *

Через неделю после выздоровления от сильной простуды Катя находилась на чердачке их бывшего дома, где жильцом теперь был студент Саша Аничков. В этой комнатке-каморке помещалось мало мебели: узкая постель, укрытая суконным одеялом, столик, стул и комод. Из оконца виднелся сад, кипарисы, межь которых просвечивала полоса ярко синего моря. С детства памятная и любимая картина...

В эти минуты Катя ничего не замечала, хотя и стояла подле оконца, глубоко взволнованная тем, что пришла сюда, к Саше, не могла не прийти, не предупредить его об опасности...

Чуть ли не с первых ее слов Саша, сидя на постели, оставаясь невозмутимым, улыбался. Если в нем и было заметно некоторое смущение, то только из-за ее присутствия. Он сказал ей об этом, добавляя:

— Но я подозревал, что вы придете ко мне именно с этим...

Катя покраснела. Саша как-бы напомнил ей о своем недавном визите к ней в гостинице «Ницца».

Еще в постели, слабая, растерянная, она рассказала ему о «волшебных травах», лечивших ее и о своей дружбе с татарами. Теперь он напомнил ей это, продолжая улыбаться:

— Не с помощью ли волшебных трав узнали вы обо мне?

Катя поспешила защитить молодых людей, которые честно несут свою службу, оставаясь удивительно добрыми и отзывчивыми, как братья.

Девушка однако утаила от Саши, что Селим на днях спросил ее: «не вышла бы она за него замуж?» Вспомнив это, она отвернулась к окошку, чтобы скрыть невольную улыбку. Саша подошел к ней. Теперь явное волнение и грусть отразились на его лице, он заговорил негромко:

— Может быть в порядке «полицейского надзора» я являюсь опасной личностью. Но ведь вы, Катя, знаете меня давно. Мне всегда казалось, что вы чутко понимали мои мысли, стремления, когда я еще только мечтал о переменах в России... А когда мы уже стоим на пороге великой революции, верьте мне, что всякие мелкие и грубые стычки с полицией, это лишь жалкие истерические

конвульсии умирающего порядка... За годы, что вы меня не видели, Катя, я не только вырос в своих убеждениях, но и стал активным участником революции. Я не редко пробираюсь в воинские части белых, убеждаю солдат и даже офицеров в бесполезности их борьбы, напрасного пролития братской крови.. Я разъезжаю по городам, распространяю листовки, воззвания. Часто маскируясь до неузнаваемости. Вы должно быть помните нашу совсем недавнюю встречу на ростовском вокзале.

— Катя вздрогнула: — Вы!

Он будьто не слышал и продолжал:

— Наши корабли разошлись в море. Я прибыл в Ялту на два дня раньше вас. Пожалуй, я не должен был возвращаться, уже потому, что принес вам огорчение...

Катино сердце билось учащенно, она чувствовала, что все, что он говорил, непосредственно относилось к ней А он продолжал:

— Я люблю мою Ялту. Долгая разлука с ней мне тяжелая, Ялта мой дом и она приносит мне счастье. Меня многие любят здесь и выручают. И разве ваш сегодняшний приход сюда, Катя, не доказывает, что и вы не только готовы помочь мне, но сочувствуете нашему общему делу. Вспомните ваше увлечение революцией!

Что-то вдруг ее осенило и она вскрикнула:

— Ваша революция, Саша, это величайшая беда для всего человечества. И для меня эти годы не прошли бесследно, многое увидела, поняла. И не раз хотела спросить вас: о каком счастье, равенстве и справедливости на русской земле вы говорили, когда с появлением большевистской свободы восторжествовали самые низкие инстинкты людей, зло и безбожие... Жалость к вам, Саша, привела меня сюда. И если вы знаете, что вас ждет арест, то покажите и на этот раз свою ловкость. Бегите отсюда, замаскируйтесь!

Катин голос прозвучал насмешкой, зло.

Он ответил задето, резко:

— Нет, прятаться я не буду! А за вашу жалость, Катя, благодарю, но я в ней не нуждаюсь. Меня не раз хотели засадить. Знаете-ли вы, что во дворе здешней комендатуры поставили клетку для политических преступников? Вы будете меня навещать?

Он выглядел теперь как помешанный, с блеском в глазах сделал прыжок к стене, крикнул:

— Я сказал, мне везет счастье! Вот что придумала моя хозяюшка, — эта милая вдовица знает обо мне все и старается хранить меня в покое и безопасности. Смотрите! — Саша быстрым движением вытянул из стены большую паневу, обклеенную теми-же обоями. Катя тут же вспомнила, как эта комнатка удлиняется под самый свод крыши. Сейчас в этом отверстии показались груды книг, бумаг. Саша восклицал:

— Это мой тайный запретный мирок! Полицейские приходили сюда с обыском. Но попробуйте-ка сдвинуть эту стенку! — С этими словами он снова закрыл тем же куском отверстие.

Катя стояла застывшая. У нее промелькнула мысль: уйти. Вдруг одна маленькая вещь приковала ее внимание: — Вот вы так и попались, Саша! — со смехом заметила она — из подвижного куска стены скользнул свет солнечного зайчика, это внесло неожиданный радостный исход, они посмотрели друг на друга и в их глазах также зажглись солнечные искорки смеха.

Произошла и другая перемена, ясный день внезапно потускнел, порыв ветра рванул ставню. Саша подошел к окну, сказал:

— Жаль, погода испортилась, а то бы мы с вами покатались на лодке. Но я ведь помню, какая вы трусиха на воде...

— А я помню, какой вы смелый! И ничуть бы не боялась.

— Значит, покатаемся?

— Согласна!

Катя набросила на голову шарф и они торопливо вышли. Внизу в передней их словно поджидала хозяйка, та милая дама, с которой Катя познакомилась в свой первый приход сюда. Теперь на ее лице было холодное выражение.

— Любовь Ивановна! Разрешите представить вам мою гостью, Екатерину Сергеевну Серебрякову!

— Мы знакомы, — как-то пренебрежительно ответила хозяйка и сразу отвернувшись, пошла в комнаты.

Саша, чем-то раздраженный, с силой раскрыл перед Катей двери. Ветер сорвал с ее головы шарф, Саша погнался за ним. Погода не предвещала ничего хорошего, начиналась буря. Надо было бы отказаться от прогулки, но

бывает, что непогода как нельзя лучше подходит к чувствам и настроению.

Саша подхватил шарф, протянул его Кате, воскликнул в упоении:

— Как хорошо!...

Катя остановилась, сказала с тревогой:

— Саша, а не рискованно ли вам показываться теперь на улице?

Он сжал ее руку.

— Нам незачем идти в город. Разве вы не помните отсюда окольный путь к морю, через дачу князя?

Катя отлично помнила этот княжеский участок. Дом, огромный сад и крутой спуск к берегу. Сколько раз этим путем она сама носилась к морю, просто из озорства, наталкиваясь на садовников, ленивых татар, мирно спящих под деревьями. Вся красивая усадьба всегда выглядела безлюдной и спящей, по слухам, княжеская семья жила где-то заграницей. Сейчас, по словам Саши, дом был заколочен.

Для Кати этот путь с Сашей представлялся привлекательным и полным жизни. Желание очутиться с ним где-нибудь наедине, вдали от всех, пришло к ней еще со дня его неожиданного визита к ней во время ее болезни. Тогда Саша оставался с ней не больше десяти минут, он куда-то спешил, а уходя, столкнулся в дверях с Селимом. Они обменялись быстрыми взглядами, как будто знали друг друга.

Катя, с подсознательным чувством испуга, притворилась перед друзьями, что она смутно помнит этого молодого человека, кажется учителя...

Селим не расспрашивал; он посмотрел на Катю внимательно, заметил, что она хорошо выглядит и посоветовал теперь почаще выходить на крыльцо, поскольку погода стала прекрасная и солнечная.

У него самого вид был усталый, задумчивый, и, пожалуй, грустный. Он удержал Катину ручку и, не сказав вопреки обыкновению ни одной шутки, ушел.

Катя спросила Женю:

— Не показался-ли ей Селим странным?

Женя, вместо ответа, с повеселевшими глазами воскликнула:

— А на самом деле, Катичка, ты сегодня совсем ина-

че выглядишь! Пожалуй, мы с тобой посидим на крылечке.

Вскоре они наслаждались теплым воздухом. Женя, заметив Катин особенно задумчивый взгляд, свидетельствующий о каких-то недоступных ей Катиных мыслях, спросила:

— Кто этот Саша? — (она видимо не узнала его, как участника уличного скандала). Катя чуть покраснела, ответила:

— Я же сказала, учитель... из местной гимназии. — И тут же она поняла, что ей не скрыться от Жени, да у нее самой вдруг прорвалось желание поделиться своими чувствами. Она посмотрела на расстилавшуюся перед ними ослепительную ялтинскую ширь, произнесла с блеском в глазах:

— Вот, видишь это нежно волнующееся море, могучие горы, лучезарное небо... Он весь в этой красоте, мой Саша! — Женя смотрела на Катю пораженная, она никогда еще не видела ее в таком состоянии, словно какого-то внезапного глубокого пробуждения в ней, счастья влюбленной девушки.

— Мой Саша, — повторила Катя тише, как бы самой себе.

— Я бы боялась такой любви, — проронила Женя.

— Боялась? — посмотрела Катя на подругу и будто смущенная, опустив глаза, добавила:

— Я не знаю, Женя, любовь ли это? Но каждый раз, когда я вижу его, а это случается редко, я переживаю удивительные чувства радости, но вместе с тем что-то пугающее, непонятное... А что это, я не знаю, я ведь никогда по-настоящему не знала его. Мы встретились давно, очень давно... Я боюсь, что и теперь, если мы будем встречаться, опять во многом не поймем друг друга и разойдемся.

Женя рассмеялась с восклицанием:

— О, как сложно! А зачем, Катя? Главное то, что тебя радует встреча с ним, похоже на то, что и он не равнодушен к тебе. Чего же вы ждете?

— Я тебя не понимаю, — проронила Катя и почему-то густо покраснела.

— В этом и все несчастье, Катичка, — подхватила Женя, продолжая оживленно:

— Ты не понимаешь самых обыкновенных вещей в жизни. А что может быть более ясным и естественным,

как влечение друг к другу. Ты сравниваешь эту живописную красоту с дорогим тебе человеком. Ты права, мы приближаемся к природе, когда любим. Наши чувства — это те-же бури, морские приливы и отливы... И нет сил контролировать их. Вот, тогда ночью, около дачи баронессы, на берегу под мягкий шелест волн, Ваничка Жигулев объяснился мне в любви. Мы провели вместе около двух чудесных часов. Но потом, почему-то он стал другим, и совсем исчез... — Женя рассмеялась:

— Оттого я и сказала, что я бы боялась такой любви. Это уже как болезнь, которая начинает мучить, точить душу всякими сомнениями, загадками, непониманием. Твои же слова, Катя, а потому не мудри. Ничего не жди, а просто люби... И это самое замечательное что, по-моему, должно случиться с тобой здесь, в этой прекрасной Ялте. Иди к нему, к своему Саше, будь с ним наедине, вдвоем и говори о твоей любви, как о самой обыкновенной вещи. Ты и ему поможешь.

— Я не назвала бы это любовью... — вырвалось у Кати.

— А что же по-твоему любовь?

— Не спрашивай меня, Женя. Но мне кажется, что в настоящей любви прежде всего должна быть глубокая мысль, дума... И это не налет волны. Вот такая дума, пожалуй и была во мне все эти годы о Саше, которого я почти потеряла из виду. А сейчас она пришла ко мне еще ярче, понятнее...

Женя не сдержала улыбки:

— Мудрые рассуждения, Катичка, а чем же ты докажешь свои чувства этому влюбленному в тебя Саше? Думой! А ведь вам придется теперь не раз встретиться: наступает весна, самая сладкая пора любви.

Катя встала со стульчика и молча направилась в комнату. Женя последовала за ней и словно хотела ласково бросить подруге вслед: «Какой ты еще ребенок...»

Позже они не возвращались к этой теме. Занялись больше существенным вопросом о переезде. Женя должна была со следующего дня начать службу у врача, она могла там и жить. У Кати была возможность переехать к своим, ротмистр Еленев куда-то срочно уехал и уступил ей на время свою комнату. Подруги взялись за укладку вещей. К вечеру пришли Абдул и Селим. Все были в хорошем расположении духа, за ужином с жареным

барашком, халвой и сладким «мускателем» много смеялись, шутили. Абдул бросился танцевать лезгинку, увлекая Женю, они как дети понеслись по комнате. Селим остался сидеть около Кати. Неожиданно он взял ее руку и просто спросил:

— Выйдешь за меня замуж?

Глаза молодого татарина блестели, согревали своим теплом. Он говорил, что имеет возможность уйти со службы, открыть свое табачное дело, собственную лавочку, где могут также работать ее мать и тетя. А Катя, если покрасит свои волосы «хенной», то станет похожа на коренную татарку.

— Моя хороший, красивый Катя, я твой всегда верный собак...

Катя слушала эти признания Селима, словно вырывавшиеся из его долго стесненной груди и не знала, что ей ответить, чтобы не обидеть доброго Селима. Выручил Абдул, предлагая всем пойти на прогулку. Катя отказалась, ссылаясь на свой первый день на ногах после болезни. Селим также сказал, что ему нужно вернуться в часть. Было похоже, что он просто хотел уйти, так и не дождавшись ответа от Кати. Товарищи однако обещали вернуться утром, чтобы помочь подругам с переездом. Селим перед уходом обратил внимание на небольшую связку книг и, обернувшись к Кате, спросил:

— Ваш книг?

— Это мои, медицинские, — ответила Женя.

— А этот учитель, который пришел сегодня, не принес книга?

— Почему? — удивилась Женя и добавила, смеясь:

— Мы уже вышли из школьного возраста. — Она как бы невольно посмотрела на Катю. Та странно оцепенела. Селим потрогал книги и, не глядя ни на кого, сказал:

— Симпатичный молодой человек, а занимается опасный дел. Он давно на списке ненадежный, а вчера пришел приказ арестовать его на дом.

Катя вздрогнула и, не сдержавшись, вскрикнула:

— Вы этого не сделаете, Селим!

— Приказ есть приказ... — отозвался он странно изменившимся голосом, посмотрел на Катю и, пожалуй, что-то сообразив, замолчал и быстро вышел из комнаты.

Смущенный Абдул последовал за ним. Катя упала на постель и громко разрыдалась.

Женя сидела около нее, не находя слов. Когда Катя немного успокоилась и подняла голову, Женя сказала тихо:

— Забудь этого Сашу навсегда...

Катя ничего не ответила, только в ее голове метнула мысль: «завтра же... я буду у него...»

На следующее утро на извозчике, несмотря на тревожное состояние души, Катя с радостью ожидала встречи с Сашей. Никто не мог остановить ее от этого. Но только лишь очутившись за оградой княжеской усадьбы, в заросшем саду, в сгустившейся тьме нависших туч, она ощутила свою сбывшуюся мечту: была с ним наедине.

В эти минуты Саша выглядел другим, таким, каким она знала его раньше, с непослушными прядями волос, свисающими над его глазами цвета нежных незабудок. Он держал ее руку, пробираясь сквозь узкую, почти невидимую тропинку, будто шаловливо увлекал ее куда-то. А ветер свирепел, точно хотел их разъединить. Упала первая капля дождя, Саша сорвал с себя пальто и укрыл Катю. Прогулка по морю расстроилась, нужно было искать укрытие. Саша вспомнил о доме, находящимся в нескольких шагах. Обнимая Катю одной рукой, другой он расчищал путь. Со всех сторон их уже обдавали водяные брызги.

Катин шарф снова улетел и его теперь было трудно найти. Ее волосы метались по ветру, она смеялась, не поправляя их. Цепь мокрых веток наконец прорвалась, выпуская их на простор. Они очутились перед большой белой дачей. Саша поспешил вперед, Катя нерешительно спросила:

— Вы хотите войти в дом? Он же заколочен!

— Не для меня! — воскликнул он и повел ее через площадку, рассказывая, как однажды он забрел сюда в отсутствие хозяев и пробыл здесь несколько суток. Он знал вход во внутрь через погребок.

— Я часто стал приходить сюда и в приятном одиночестве писал свой «дневник»...

Через несколько минут Катя вошла в полутемное помещение, пропитанное затхлым запахом сырости и кислого вина. В стенах виднелись ниши с бутылками, небольшие боченки стояли на полу. Катю невольно напугал вид

бочек, что-то напоминал, заставляя ее прошептать:

— Уйдем отсюда, здесь страшно...

— Катя, родная, здесь никого нет и вина мало... — смеялся он, подвел ее к лесенке, засуетился:

— Сюда, Катя, наверх...

Они очутились в полутемной, просторной комнате. Свет проникал из щелей заколоченных досками окон. От сильного порыва ветра раздался треск.

— Саша!... — в испуге прижалась к нему Катя.

— Катюша... — дрогнул его голос и она почувствовала на своих губах сильный долгий поцелуй.

Забылись ли они оба, или все странно притихло вокруг, Саша и Катя застыли на месте. Он шептал:

— Понимаешь, Катя, — перешол он ласково на «ты» — ведь я узнал тебя на вокзале Ростова. Я тогда бросил все, не закончив моей миссии и помчался за тобой в Ялту... Я не помню дня, когда бы я не думал о тебе, Катя... Я всегда знал, где ты. Сколько раз, еще будучи в Петрограде, зная, что ты дома, я не мог зайти.. Ведь я уже работал с большевиками. — Сашин голос стал тише:

— Но сколько раз я утешал себя тем, что ты снова очутишься на моем пути, если любишь. Ведь сама судьба покровительница сердец... И я верил, что ты во всем поймешь меня и не будешь укорять...

— Не надо, Саша... — перебила его Катя и почти взмолилась:

— Мы с вами промокли до ниточки!

Он опомнился.

— Да... да... сейчас я согрею комнату и приготовлю чай.

Он стал удивительно легко справляться с окружающим, зажег свечи, принес дрова для камина. Когда он вышел в соседнюю комнату, Катя с интересом стала разглядывать мебель, картины, изящные безделушки, — все говорило о прошедшей счастливой жизни. С грустью отозвалось в ней воспоминание и о ее дорогих вещах...

Появился чай, печенье, разгорался камин, все окружающее ожило и стало уютным.

Катя с наслаждением потонула в глубине шелкового кресла, спросила тихо:

— Саша, где мы?

Он посмотрел на нее улыбающимися глазами, предложил помочь снять ее промокшие туфли, стал перед ней

на колени и сняв одну туфлю, задержал в руке всю ее маленькую ступню. Заметил:

— Какая у тебя чудная ножка.

Она отдернула ногу, отбросила другую туфлю и залилась смехом. Саша, не отнимая от нее глаз, спросил тихо:

— Ты ведь любишь меня? Скажи...

Катино сердце дрогнуло, она поняла, что наступил какой-то особенный момент между ними, который должен решить многое...

И тут же ее поразила мысль: «Да... да... она его любит, любит единственного и навсегда...»

Но она ничего не сказала. Прошло несколько минут молчания. Саша встал и напомнил о чае. За едой он рассказал, что у него здесь есть место, где он прячет еду на всякий случай, — на этой даче он не только пишет, но часто скрывается от шпиков.

Кате хорошо было известно быстро меняющееся настроение Саши. Он уже шутил, смеялся, а ее почему то странно задевала эта веселость. Она старалась что-то угадать в его лице, мучительно уже чувствуя какую-то вину перед ним. Он сел на корточках перед камином и, загребая лопаточкой золотисто-огненную золу, говорил:

— Ты спросила меня, Катя, где мы? Но ведь ты знаешь, что мы на княжеской даче. Разве ты не испугалась, что мы входим в этот княжеский дом без официального приглашения? Я, конечно, понимаю тебя, но та Ялта, которую ты знала с детства и которая все еще в твоей душе, больше не существует. Если хочешь знать, весь этот участок больше никому не принадлежит. Постоит еще немного в заколоченном виде, а потом откроется для новых жителей, для народа...

Саша осторожно взглянул на Катю, она ответила сдержанно, с улыбкой:

— Будет жаль...

— Жаль чего? Всей этой мишуры? Эта дача, Катя, была известная своей веселой жизнью, ночными оргиями с танцами татар и грузин. Огромные деньги тратились на эти приемы.

— Как и у моей бабушки Дези! — воскликнула Катя вся преобразившись и вскочила на ноги.

— Вот была, как вы выражаетесь — «буржуйка»... — Ей словно хотелось дразнить Сашу. Она задорно смотрела на него, продолжая:

— Ну, что плохого в том, что люди любят красивую жизнь? Что может быть веселее татарских плясок, я сама их танцевала под нашим звездным небом!

Катя без туфель стала кружиться по комнате, останавливаясь, показывая Саше какую-нибудь вещь:

— Ах, сколько в этом вкуса, изящества! Кто это оценит, если он не родился окруженный такой красотой? А навалит ваша красная банда, которую я помню по Петрограду, Киеву, бессмысленная, озверелая толпа. Когда-нибудь я вам расскажу о белом рояле.

— Не нужно, Катя. Я сам все это знаю, но и ты должна знать, что при каждом государственном перевороте неминуемо вторжение темных масс. К тому же виновники бесчинства большей частью были солдаты, матросы, измученные и озлобленные долгой войной. Вот и сейчас продолжается бесцельная, изнуряющая борьба добровольцев. А почти на всех фронтах происходят успешные прорывы красных армий. Здесь же то и дело слышишь, как царские офицеры кричат: «До победного конца!...» Не удивительно, что и для тебя, Катя, все остается по-прежнему. Ты постоянно находишься в их компании, живешь теми же надеждами на возврат прошлого. Какой восторг вызвали в тебе эти побрякушки, ты ставишь их мерилом всего человеческого счастья! Конечно, вместо того, чтобы усыпить твои грезы, я открою тебе глаза на истину и добавлю: нет такой жертвы, которую не стоило бы принести на благо народа.

Катя стала серьезной, в ее глазах вдруг блеснули слезы, она близко подошла к нему, проговорила с чувством:

— Я бы поверила в это благо, если бы вся революционная масса состояла из таких, как вы...

— Спасибо, Катя, — дрогнул его голос. Он встал, протянул ей туфли. Оглянулся по сторонам и заметил с улыбкой:

— А я бы ни на что не обращал здесь внимания, если бы ты не показала мне.

Он взял со столика какую-то миниатюрную статуэтку, которая тут же выскользнула из его руки и разбилась. Катя тихо вскрикнула и стала собирать черепки, Саша рассмеялся:

— Вот я, стало быть, тоже вандал!

— Вы разбили чудесную фарфоровую фигурку. Это

только доказывает, как нужно ко всему относиться бережно.

Саша взял ее руку, прижал к себе и проговорил мягко:

— Поверь мне, Катя, я сам враг всякого насилия, не переношу вида крови... Но нужно переждать, улягутся грубые страсти и восторжествует человеческий разум. Не будет темноты и зла, потому, что не будет больше рабства и раболепия. И такой сдвиг в России, как наша великая революция, послужит примером другим порабощенным народам всего мира. Достаточно одному камню свалиться с тысячелетней горы... — Не отпуская Катиной руки, он продолжал увлеченно:

— Как бы я хотел познакомить тебя с нашей работой, Катя, показать тебе письма ко мне революционеров: есть одно от самого Ильича, Ленина!... Все это там, на моем чердаке, вернее на твоем. А я ведь не рассказывал тебе еще, как я стал жильцом вашего бывшего дома.

— Расскажите...

— Когда я узнал, что ваш дом продается, я решил, что ты больше не вернешся в Ялту. Я стал тосковать по тебе, часто прогуливался вблизи. Однажды увидел нового владельца, караима, попросил отдать мне клетушку под крышей, за это обещая ему услуги по садоводству, хвалился, что я специалист! Он поверил, позволил мне поселиться в мезонине и я вернул тебя. Знаешь, я там нашел твою летнюю шляпу...

Они оба рассмеялись. Катя, однако, желая скрыть свое смущение и счастье, подбежала к окну, заглянула в щелочку и воскликнула:

— Вышло солнце, Саша!

— Что-ж, нет надобности оставаться здесь дольше, — заметил он. А в Катиных глазах отразилось замешательство, будто испуг от мысли: «Неужели расстаться?»

Саша заторопился, стал приводить в порядок комнату, гасить в камине огонь. Потом сказал весело:

— Мы пробыли здесь четыре часа!

— Я никогда не забуду этих часов... с тобой, Саша, — вырвалось у Кати, — и ты прости меня, — добавила она.

— За что?

— За то, что я не сказала тебе одного слова... Ты знаешь какого...

— Знаю.

Их глаза встретились. Саша произнес медленно, задумчиво:

— Я понял многое... многое... Такой девушке, как ты, не так легко произнести это слово.

Он вдруг остановил себя:

— Катя, хочешь, я прочту тебе стихотворение. Во время моей работы здесь я написал его тебе, Катя...

Она не нашлась, что ответить. А он, с откуда-то взявшегося листка бумаги, стал читать:

«Катя милая, южным солнцем вспоенная,
Чистая песчинка на дне морском,
Сказкой, вместо жизни обрамленная.
Мысль о тебе, дыхание притаенное алхимика,
Рыбака, бурей застигнутого.
Бессильны смерть и время
Против кокона внутреннего,
Ангела утробного.
Голос, как звон колокольный,
За горами, на заре.
А глаза, как призрачная завеса
Над помутившимся морем
Страстей человеческих.
Будут радости...»

Они вскоре расстались, чувствуя, что прощаются ненадолго, иначе и быть не могло.

Катя с радостным сердцем вернулась в гостиницу «Ницца», Женя встретила ее в дверях с испугом:

— Что случилось? Где ты была все это время?

— Угадай...

— С ним? С Сашей? — не задумываясь, воскликнула Женя.

Катя только кивнула головой, но в ее порозовевшем лице, в блестящих глазах отражалось горение счастья. Женя ни о чем больше ее не расспрашивала. Для нее лично весь день прошел прозаично: она перевезла свои вещи к доктору, заезжала к старушке Бондаренко, там было все благополучно.

В гостинице она нашла записку, передала ее Кати со словами.

— Тебе от Селима.

На небольшом листке бумаги почти детским почер-

ком было написано: «Мой хороший Катя. Прощай и будь счастлива. Я сейчас уезжай далеко бить красный бандит. Абдул идет за мной. Не забывай твой верный собак — Селим.»

Подруги, не задерживаясь, покинули приютившую их «татарскую саклю». Катя повернулась к дверцам с овечей шкуркой, втиснутой в разбитое окно. С невольным теплом в сердце она подумала, что никогда ей не забыть этого места и Селима.

В доме Варвары Онуфриевны ее ожидали с нетерпением. Мария Андреевна и тетя Анна были особенно рады, что Катя наконец оставила какую-то подозрительную гостиницу с татарами. Старушка Бондаренко не замедлила высказать свое мнение и совет, что «их Катя нуждается в строгом присмотре»... Но пока что Катю окружили заботой и лаской. Большая комната Еленева, выходящая балконом в сад, была в ее полном распоряжении.

За первым же обедом с хозяйкой Катя услышала от словоохотливой старушки уйму новостей, сплетень о своих старых ялтинских друзьях. Ее бывшая подруга Лариса Лапухина, не дождавшись школьного диплома, выскочила замуж за какого-то артиллериста и уехала с ним. Другая подруга, к ужасу родителей, стала актрисой и разъезжает с труппой по крымским городкам, — Митя Дубров, также не кончив гимназии, дважды убегал на фронт, но его возвращали домой, где он по сей день «бьет баклуши». Зоя Виноградова, дочь генерала, умершего в прошлом году, живет с матерью в своем старом ялтинском доме.

«Зоя Виноградова... Митя Дубров...» эти имена прозвучали для Кати отголоском далеких дней, не вызвав никаких чувств. Ялта звала ее к новой жизни и новым переживаниям.

Очутившись одна в просторной комнате, она, отдаваясь только чувствам радости, закружилась в вальсе и разгоряченная вышла на балкон. Темный душистый сад охватил ее негой, навевая сладкие грезы, мысли о Саше...

И никаких горьких, беспокойных предчувствий не было в ее счастливом сердце. Но после последнего свидания с Сашей, когда при прощании не было сомнений в их скорой встрече, Катя лишь случайно, мимоходом, видела его, он всегда куда-то спешил, оставляя ее в неведении. Она вспомнила Женю, они не виделись с того дня,

как та поступила на службу к доктору. Кате вдруг пришли на память Женины предостережения «о любви»... В один из этих дней, с некоторой тоской и тревогой в сердце, она решилась пойти к подруге, по дороге купила пирожных. Женя встретила ее в белом халатике, почему-то ужаснувшись:

— Катя, зачем ты пришла сюда? — Она хотела было сразу-же захлопнуть перед ней двери.

— Почему же нет? Женя... мы давно не виделись, — взмолилась Катя.

— Да, но не здесь, родная, — слегка поддалась ей Женя и дала перешагнуть порог.

— Сейчас начнется прием больных... — заговорила она спешно и тут же схватила Катину руку.

— Идут уже по лестнице! Я не могу отослать тебя обратно, иди за мной.

Она потянула Катю и втолкнула ее куда-то в темноту.

— Сиди здесь, пока я не вернусь.

— В чем дело? Сюда приходят сумасшедшие? — рассердилась Катя.

— Хуже! — бросила Женя и захлопнула дверь.

Катя больше часа находилась в темном чуланчике, пахнувшем карболовой кислотой.

Наконец появилась Женя со смущенным видом.

— Прости, Катенька... но я не могла допустить, чтобы тебя увидели здесь у доктора... по этим болезням. — Взглянув на Катю, она со смехом добавила:

— Ах, ну откуда тебе это понять!

Катя ответила резко:

— Конечно, я не понимаю, о чем ты говоришь. И если здесь какая-то зараза, она меня не коснется. Я пришла на минуту. — В голосе Кати прозвучала обида. Женя обняла ее, восклицая:

— Солнышко!... нет... нет... я теперь с тобой на целый час! Идем на берег.

Они поспешили оставить приемную, как девочки, взявшись за руки, побежали к морю, захватив сладкое.

Как только они устроились уютно на песке, Катя сказала:

— Я пришла к тебе, как к близкому другу, за советом.

— Саша? — улыбнулась Женя.

— Саша... — чуть покраснела Катя и стала расска-

зывать все без утайки, до последней минуты на княжеской даче.

— Счастливица... — со вздохом произнесла Женя.

Катя посмотрела на нее вопросительно.

— Да, счастливица, — повторила Женя, продолжая:

— Твой роман с Сашей особенный и он у тебя особенный. Мне о нем рассказывали здешние девченки.

— Кто?

— Уличные девченки, — мой доктор должен их часто видеть, проверять их здоровье. Они называют себя «артисточками». Помнишь несчастную Гальку? Она тоже артисточка, это прямо-таки молится на твоего Сашу. Все они знают его политические грешки, неприятности с полицией, но и его глубокую порядочность. Он по своей доброте и умению сумел выхлопотать для них разрешение жить в Ялте, иначе им деваться некуда... Теперь они собираются просить его помощи уехать заграницу, в случае, если большевики займут Крым. Девочки, видишь ли, верны старому режиму. — Женя громко расхохоталась. А Катя стиснула губы, она догадалась о чем и о ком говорила Женя. Однако, тихо спросила:

— Саша видит их часто?

Женя воскликнула:

— Только, чтобы помочь. Они даже боятся его. И хорошо знают, кому он предан здесь, как он влюблен в тебя, Катя. Вот эта любовь и заставляет его убегать от тебя. Конечно, это жестоко... но я ведь предупреждала тебя.

Взволнованная и с невольным ощущением торжества, Катя произнесла запальчиво:

— Ах, вот как, так я также буду избегать его!

— Наоборот, ты должна его видеть, но нужно сделать и передышку... Ты знаешь, ялтинская зима недолгая, уже чувствуется тепло, ярче становится солнце, скоро начнет расцветать природа, а с ней и человеческие чувства, жажда близости, любви. Теперь слушай меня, постарайся вызвать в Саше ревность. Для этого нужно пойти на некоторые хитрости: скоро откроется городской сад, начнется концертная музыка. Ты увидишь там Сашу не раз, вот и постарайся вызвать в нем ревность. Найди подходящего молодого человека, который знает Сашу, и влюби его в себя. Этакий-то юнец прожужжит Сашины уши влюбленным восторгом о тебе и ты уви-

дишь, что будет с твоим Сашей. А теперь, давай твои пирожные!

— Они наверно пропахли карболкой!... — повеселела Катя.

В домике старушки Бондаренко Катю ожидала новость: Сергей Константинович Еленев известил телеграммой, что он возвращается в Ялту. Тетя Анна, готовая на всякие условия, лишь бы иметь собственный угол, в попыхах вернулась после поисков помещения для них. Она рассказала, что вблизи Ливадии, в глубине сада очень роскошного дома, сдавался отдельный флигель с двумя комнатками и крыльцом, желательно для одной или двух женщин, которые бы убирали дом с жильцами. Мария Андреевна пришла в отчаяние, Катя воздержалась от слов. Потом ей пришла мысль, что это для нее подойдет, чтобы на время укрыться от всех... А тетя Анна убедила их, что она с удовольствием возмется за любую работу, которая напомнит ей о былых обязанностях в их собственном доме.

Смирились и переехали.

Главный белый дом с мраморными колоннами, балконами, поражал своей красотой. Рассказывали, что все это место принадлежало одному придворному лицу, которое незадолго до войны подарило его своему сыну ко дню его свадьбы с молодой красавицей грузинкой. Сына, офицера, призвали одним из первых на фронт. Он был убит.

Белый дворец оставался надолго запертый, пустынный, теперь он был занят военными и их семьями. На некоторых балконах и подоконниках стояли кастрюли, молочные бутылки, зияла бедность... Только в лунные вечера мрамор, облитый голубым сиянием, придавал дому его былую красоту.

Вначале Катю удручало их новое жалкое жилище, но она не сомневалась, что это лишь временно, как временно должна была она также выдержать разлуку с Сашей. Но иногда она срывалась с места, не выдерживала одиночества и полной мучительной неизвестности. Мать и тетя постоянно находились в большом доме, где нужна была их помощь. Мария Андреевна даже помогала, в минуту родов, одной молоденькой жене офицера, а руки тети Анны не отдыхали от чисток и мытья. Из како-

го-нибудь уголка, стоя с тряпкой или метлой, она видела Катю, куда-то уходящую и ее сердце сжималось от тревоги и жалости. «Куда она идет одна?» В детстве еще можно было спросить ее, послать прислугу в догонку, а теперь, когда Катичке пошел девятнадцатый год?

Катя большей частью направлялась в город, не имея никаких определенных планов. В эти дни, было похоже, что Саша отсутствовал в Ялте.

Неожиданно и впервые за все это время Катя встретила Верочку. По-прежнему восторженная девушка горячо обняла ее и пригласила к себе в гостиницу «Россия». Она слезно умоляла Катю простить ее за то, что она до сих пор не давала о себе знать, у Кати также было чувство некоторой вины перед Верочкой, о которой она ни разу не вспомнила. Теперь она подумала с радостью: «Как кстати, что я встретила ее»...

В роскошном вестибюле гостиницы с диванами, пальмами, можно было приятно отдохнуть, но Верочка сказала своим памятным молящим голоском:

— Мы сейчас поднимемся в мою комнату, там позавтракаем. О, сколько печального я расскажу вам...

Как и в первый день их знакомства, миниатюрная, хорошенькая девушка внушала Кате чувство странной жалости и нежности, она последовала за ней. У самой Кати на душе было нестерпимо грустно... Она знала, что с Верочкой не нужно откровенничать. Разве поймет ее переживания эта изнеженная девочка, похожая на трепетную птичку, живущую в нарядной клетке, откуда она вряд ли может вылететь на свободу...

Они вошли в комнату, пахнувшую духами, сразу напомнившую Кате каюту на пароходе и Верочкину мать. Эта женщина и сейчас лежала на кушетке, укрытая пледом. Верочка, не останавливаясь, потянула Катю за руку дальше. В смежной комнате она сказала, что нарочно провела ее мимо матери, чтобы та знала, что у нее гость, не заставляла ее читать дурацкие французские романы...

Катя невольно улыбнулась, а Верочка произнесла вдруг тихо, с дрожью в голосе:

— Моего папу убили в Киеве большевики, как буржуя. Почему буржуя?

Вопрошающими глазками она уставилась на Катю, продолжая:

— Мой папа всю жизнь работал и помогал многим, давал деньги студентам на образование, его все любили, называли дядя Яша... Почему же его убили, как преступника?

Катя молча склонилась над подоконником и, сама не ожидая этого, разрыдалась, давая полную волю своим накопившимся горьким чувствам и как бы в ответ Верочкиному горю.

Глава XII

Жизнь

Ялта быстро оттаивала, хорошела и оживала. Обычно к начинающему курортному сезону публика съезжалась со всех сторон центральной России, а этим летом, 1920 г., пароход за пароходом привозили лишь беженцев к их последнему пристанищу.

Об этом не думали, не знали...

Пляжи и набережные были переполнены, многих привлекал Городской сад, пробужденный от зимней спячки. Быстро зеленела трава, расцветали деревья, благоухали первые цветы, подснежники.

Повсюду были вывешены «анонсы» предстоящих концертов Симфонического оркестра Штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. С раннего утра заполнялась людьми терраса садового кафе «Чашка Чая». Отсюда открывалась вся необъятная морская ширь, виднелись стоящие на рейде пароходы и с каждым днем увеличивалось число иностранных миноносцев, к полудню солнце ударяло в них серебром. Эти визиты союзников интриговали публику, говорили, что это неспроста, мера предосторожности.

Возрождающаяся прекрасная Ялта чудесно притупляла всякую тревогу.

Катю теперь можно было часто видеть на набережной. Она сама выглядела посвежевшей, оживленной, ее окружали те же друзья-офицеры, от них она узнавала новости с фронтов. Но в толпе на набережной она не могла не думать, не искать кого-то...

Внутренний голос говорил ей, что Саши нет в Ялте, он наверно уехал далеко, как уезжал раньше, занимаясь своей революционной работой. Цветущая Ялта и на ее душу действовала целебно, а некоторые встречи чудесно отвлекали от дум. Так, неожиданно, ей вдруг преградил дорогу высокий молодой человек в морской форме. Это был месье Власоппуло.

— Мадемуазель Серебряков?

— Георгий Георгиевич! — воскликнула Катя. Они отошли в сторону, оба заметно довольные встречей. Он сказал, что, приехав в это же утро в Ялту, надеялся увидеть ее.

— А сейчас вы не откажете позавтракать со мной, мадемуазель Катья?

Катя, не задумываясь, приняла приглашение.

В нарядном уютном ресторане играл оркестр. К столику, за которым сидела Катя со своим кавалером, подходили солидные люди, говорили с ним по-французски, интересовались какими-то делами, банками, с уважением кланялись Кате или целовали ее руку. А как только Катя и Георгий Георгиевич оставались одни, они вели оживленный разговор, вспоминая «баронессу», которую кстати не собирались больше навещать.

Кате подсказывало чутье, что молодой грек, имеющий высокое положение в международных кругах, по натуре был удивительно простым и скромным.

К завтраку им подали вино, от которого она было отказалась, а потом выпила с жадностью. Они «чокнулись» за их следующую встречу. Где, когда? Катя смущалась дать свой адрес: не в садовый же флигелек...

А пока что она поспешила сказать, что ее ждет подруга в гостинице «Россия». Месье Власоппуло вскоре подвез ее туда на фаэтоне.

К Верочке она пришла в приятном возбуждении.

«Он милый... милый» — проносилось у нее в голове. Верочка обрадовалась ее приходу, рассказала, что вчера вечером приехали и остановились в этой же гостинице ее друзья из Киева. Она настаивала, чтобы Катя осталась у нее ночевать, потому что на завтра у них интересные планы, прогулки по Ялте. Катя не заставила себя упрашивать. Даже предложение Верочки, чтобы она переоделась к обеду, выбрав у нее любое платье, пришлось ей по душе: как давно она не носила новых красивых вещей!

Гардероб подруги напомнил Кате ее бывшие собственные туалеты. Она выбрала изящный костюм, который пришелся ей по вкусу. Верочка стала рассказывать ей о своих друзьях: Люсьене Липшице, Натане Гольденберге, Римме Шульц и ее пятнадцатилетнем брате Володи. Все они были из очень богатых домов, дети банкиров, фабрикантов. В ресторане Катя познакомилась с ними. Люсьен Липшиц особенно отличался своей внешностью: высокий брюнет с красивыми голубыми глазами, с некоторой развязностью. Он игриво взял Катю под руку и сел рядом за стол. Обедали без старших, Верочкина мать предпочла остаться у себя в номере, а родители остальных поехали осматривать Ялту.

В ресторане было шумно и людно, большинство публики были военные. Катя не без удовольствия заметила, что офицеры выглядели, как обычно, строго подтянутыми, присутствовали и генералы. Все много курили и зал наполнялся дымом.

Верочкина компания отличалась аппетитом. Не закончив еще обеда, заговорили об ужине с шашлыком.

— Мы выбрались из голодного края, — сказала Римма, весело посмотрев на Катю.

— Это из нашей хлебосольной Украины, — добавила она.

Кате нравилось лицо этой девушки, с характерной живостью киевлянки, ей хотелось поговорить с ней о Киеве. Но в общем шуме трудно было вызвать ее внимание, да и не рада ли была эта молодежь забыть обо всем тяжелом, оставленном позади? Достаточно было послушать Люсьена, с каким восторгом он предвкушал свою поездку во Францию.

— Я большей частью живу заграницей, — сказал он Кате.

— Вы не любите России? — как бы удивилась она.

— Конечно люблю, — ответил молодой человек, — как красивую дикую женщину.

— Дикую? — Их глаза встретились. Он продолжал увлеченно:

— Да, дикую, Екатерина Сергеевна, если она не приобщена к утонченному вкусу и лоску Запада. Вот, все здесь по-французски, — указал он на «меню» и стал читать с пафосом:

— «Суп дю жур», «котлет де воляй», «пом ан роб», «кафе», «гато Наполеон»...

Он хохотал, продолжая: — А Римму все же тянут шашлык и чебуреки!

Девушка перебила его насмешливо: — Люсьен, не утомляйте вашей философией нашу гостью!

Катя однако была задета, она указала Люсьену на мимо проходящего офицера и спросила:

— Что в нем дикого?

— Вы говорите о военной выправке, форме, — не унимался Люсьен. — А спросите этого господина поручика, что он предпочитает, «суп дю жур» или тот же шашлык на раскаленном вертеле? В доброе время, после великосветских приемов, русская молодежь мчалась за город к бесшабашным цыганам, их пляскам, песням, любви... Не потому, что им хотелось веселиться, а из-за тяги их русских натур. Сколько в них самих крови Чингизхана или Мамая?

— По вашему и я дикая? — смеясь спросила Катя. — Я родилась в Крыму, среди татар.

— Достаточно взглянуть в ваши чудесные глаза, чтобы убедиться в этом, — ответил молодой человек, — но весь ваш облик самой благородной институтки.

— Воспитанница французской гимназии в Петербурге, — поправила она.

После обеда все сидели в вестибюле гостиницы под пальмами. Потом перешли в комнату Натана, слушали его игру на скрипке, — он был хорошим музыкантом, собирался поступить в Парижскую Консерваторию. Его музыка внесла вдохновение, слушали в непринужденных позах, Люсьен обнял Катю за талию. С наступлением вечера снова заговорили об ужине. Верочка знала, что сегодня в гостинице будет открытие ресторана на садовой площадке, звучало заманчиво. Вечер выпал исключительно теплый и звездный. Подхваченная беспечной компанией, Катя очутилась в садовом ресторане гостиницы «Россия». Играл небольшой оркестр, почти все столики были заняты, суетились лакеи. На видном месте приготовлялся большой стол, замораживалось шампанское.

— Похоже, что здесь ожидается большая компания и пьянка, — шепнул Люсьен Кате.

Он не ошибся. В разгаре вечера появилось несколько человек грузин в черкесках, они заняли приготовленный

для них стол, всем своим видом, развязностью, привлекая всеобщее внимание. Один грузин, лет сорока, крупного сложения с погонами полковника, уселся в центре, другой, молодой, с талией в «рюмочку», без погон, давал указания стоявшему возле него метрдотелю и сейчас же приносились вина. Его, видимо, здесь знали хорошо, музыканты приветствовали его улыбками и «лезгинкой», раздавались голоса:

— А ну-ка, князь, давай!...

Лакеи стали отодвигать столы, освобождая место для танцев.

— Ах, как хорошо! — сорвалось у Кати.

— Совсем не хорошо, — неожиданно ответил ей голос с соседнего стола. Это был пожилой военный, он добавил тише:

— Когда грузины веселятся, барышня, они опасны...

Но то, что произошло позднее, было вне всяких ожиданий.

Князь не стал танцевать, но за столом шла шумная попойка с возгласами: «Аллеверды!»

Затем князь встал и громко сообщил, что только что прибыло вино из его собственных погребов и он начал предлагать всем присутствующим испробовать его малагу. К этому еще можно было отнестись спокойно: не впервые хозяева знаменитых крымских винодельных погребков широко угощали желающих отведать их душистые вина, ящиками привозимые в Ялту для продажи. Но разгулявшиеся грузины, кроме князя, носили погоны царской армии и находились в нетрезвом состоянии, это привело к жутко-безобразной сцене.

Князь, обхватив свою талию-рюмочку, наконец, понесся в пляс. «Таш-Таш» — кричали ему друзья, хлопая в ладоши. Оркестр с подъемом играл лезгинку и тут неожиданно, как на пружинах, подскочил старший грузин — полковник. Он грубо отшвырнул свой стул, сделал ловкий прыжок на середину зала и закричал музыкантам:

— Играй — «Боже Царя Храни»!

Наступила напряженная минута, музыканты растерялись, застывши на какой-то ноте, но опомнились и разнесся русский гимн. Вся публика встала, а грузин снова закричал:

— Господа офицеры! Нээт Царя... Нээт больше царской армии! Довольно обмана, срывайте погоны. Вас

сюда загнали в мышеловку! Вступайте в победоносные народные революционные ряды! Урра!

Как сумасшедший он стал срывать свои погоны и топтать их ногами, несколько человек рванулось к нему. Вдруг раздался сильный, словно по военной команде, возглас:

— Смирно! Прошу полного порядка.

Это был голос коменданта гостиницы, молодого ротмистра. Он подошел к грузину и произнес внятно:

— Господин полковник, вас вызывают к телефону.

Пьяный уставился на молодого человека смутно понимающим взглядом, но повиновавшись ему, двинулся грузной походкой по направлению к фойе гостиницы. И както сразу оттуда донеслись три четких выстрела. Началась паника, слуги напрасно старались водворить порядок, с какой-то дамой произошла истерика. Падали ресторанные столики, многие из публики бросились к вестибюлю.

Там, на ковре, весь в крови лежал убитый грузин-полковник.

Над ним стоял бледный, как смерть, комендант с револьвером в руке.

Никто не произнес ни слова, только Люсьен едва слышно сказал Кате: — Что, не дикари?...

Катя по своему тяжело пережила все случившееся. Она тотчас же ушла в Верочкину комнату.

— Завтра мы обо всем забудем, — успокаивала ее подруга, далекая от настоящих тяжелых чувств Кати.

На следующее утро дошли кое-какие слухи: ночью, после кровавой расправы, в гостиницу прибыла полиция из охранки. Тщетно искали куда-то скрывшегося коменданта, подозревали, что его успели похитить мстительные грузины. Потом выяснилось, что молодого ротмистра ночью забрали на свой миноносец друзья англичане, спешно оставившие берега Ялты. В молодых сердцах Верочкиных друзей вчерашняя драма не оставила и следа, вспоминалась как занятное «Пинкертоновское приключение». Планировали, как бы повеселей провести этот день, обещавший быть солнечным.

Решили ехать в Массандровский парк.

Наняли два экипажа, дорога предстояла далекая и крутая в горы. Люсьен, легко отвоевав свое право старшего, поехал с Катей вдвоем.

Кате он нравился как веселый и не глупый собеседник. Новичек в Ялте, не успевший разглядеть всю ее красоту, вначале разочарованный и скучающий, он теперь говорил, что в Ялте грешно не наслаждаться каждым моментом жизни. Он даже пожалел, что скоро уезжает.

— А когда вы оставляете Крым? — спросил он Катю.

— Я? — удивилась она, словно ее спросили о чем-то невероятном. — Я даже не думаю... А почему Верочка не уезжает с вами? Она очень одинока здесь.

— Виновата ее маман, — заметил с улыбкой Люсьен и добавил оживленно: — У меня был роман с этой женщиной давно...

Катя, поборов некоторое смущение, рассмеялась, заметив:

— Вы сказали, давно... Да ведь вам самому не больше двадцати лет?

— Двадцать шесть. Я рано начал жить и любить.

Он сделал жест, чтобы обнять Катю, но она шутливо отстранилась.

На открывшейся широкой дороге их догнали остальные. Возницы, видимо желая позабавить молодежь, понеслись быстрее, перегоняя друг друга. Под гиканье татар упругие, тренированные лошадки ловко огибали края подъемов, вызывая испуг. Взвизгивала Римма, пищала Верочка, смеялись Натан и Володя. Вдруг Катя вздрогнула, ее будто захватила стремительная волна воздуха.

Навстречу, сторонясь от несущихся экипажей, шел Саша медленной, усталой походкой. Она готова была крикнуть, соскочить с места, но застыла, откинувшись на спинку сидения. Люсьен со всего размаха ударил татарина по спине, закричав:

— Какого дьявола ты несешься?!

Он обернулся к сильно побледневшей Кате, Возница сдержал лошадь, остальные подбежали к ним, обеспокоенно смотря на Катю.

— Вот так ялтинская жительница! — воскликнул Натан и добавил: — А это обычные трюки ялтинских извозчиков: мчаться по горам так, чтобы барышни падали в объятия своих кавалеров, и за это получать хорошие «бакшиши».

— Я дал моему хороший бакшиш по шее! — ответил Люсьен.

Поехали дальше тише. Катя пришла в себя.

Массандра приближалась, повеяло душистой сыростью леса.

Катя задумалась: «Каким образом Саша очутился здесь? Шел пешком, такой усталый... откуда?» Мысль о том, что он совершал сам один какую-то далекую прогулку и никуда не уезжал из Ялты, кольнула ее в самое сердце.

Люсьен мягким движением руки привлек ее к себе, теперь она не сопротивлялась, ей захотелось участия, тепла.

— Китти, — заговорил молодой человек, — никогда бы не подумал, что вы трусиха. А ведь ваши татары мастера своего дела, Натан прав, вы в моих объятиях.

Катя молчала, слова Люсьена навели ее на мысль: «Заметил ли Саша ее в фаэтоне с интересным молодым человеком?»

Она подбодрилась, в ее глазах загорелись игривые огоньки, не без лукавства взглянула на своего кавалера.

Утренняя прохлада Массандры охватила ранних гостей. Полудикий клочек земли, весь в зарослях мха, с ручейками, притягивал своей красотой и таинственностью.

Извозчики остановились подле густой зелени у винных погребов, этой главной приманки для всех приезжих. Раздались голоса:

— В погребок!... в погребок!

Катя знала эти места с детства, хотя никогда еще не заходила во внутрь. Сейчас она сама с удовольствием подхватила:

— В погребок!

— А кушать здесь дадут? — сразу же поинтересовалась Римма. Ей никто не ответил, все были здесь впервые. Полутемное помещение, пропитанное запахами вин, само по себе пьянило. Старичек татарин в тюбетейке, весь испещренный морщинами, приветствовал гостей. Он о чем-то спросил Люсьена. Натан шепнул Римме:

— Что-то принесут...

В первой комнате длинный, блестяще-чистый стол быстро заставился рюмками. Их было больше, чем гостей. Объяснялось это тем, что в каждый бокальчик наливалось вино иного сорта, — какой кому по вкусу. Напитки прозрачной гаммой цветов просвечивали сквозь стекла: от золотисто-розового до бурого, — «мускат, мадера,

малага, старый опорто». Появились ломтики черного хлеба с брынзой и икрой. Катя после первой же рюмки вина почувствовала, как легкий туман заволок ее голову. Она повеселела, радостно вспоминался Саша по дороге, «один в Ялте... мечтающий».

Вышли из погребка раскрасневшиеся, навстречу яркому солнцу. Стало жарко как летом, потянуло на прогулки. Катя и Люсьен первыми очутились одни в лесу. Сквозь дымку хмеля Катя ощущала окружающую, памятнуй ей ароматную свежесть дебри. Бывало приезжали сюда всей семьей, привозили из дому еду, фруктовые напитки, мороженое, а однажды и самовар...

Она любила уединяться; в каком нибудь отдаленном от всех уголке к ней доносилось журчанье подземного ручейка, как шопот чьих то слов, загадочных и сладких...

Странно ей было сейчас услышать похожий шопот:

— Катя... не удаляйся от меня.

Она вздрогнула, Люсьен держал ее за руку, говорил громче:

— Почему ты уходишь от меня? Китти, родная... мы здесь одни... не бойся.

— Вы делаете мне больно, — с испугом вырвала она свою руку.

Какая-то птичка со свистом вспорхнула над ними.

— Мы не одни... слышите? — нашлась Катя и чуть потемневшими, злыми глазами уставилась на Люсьена.

От неожиданного отпора он также изменился в лице, сделал к ней шаг:

— В чем дело, Китти?

— Не подходите ко мне, вы пьяны! — вскрикнула она вне себя.

— Пьян от тебя... о, моя Китти, как ты хороша в этих дремучих зарослях. Как нимфа... Ты ведь создана для любви, ты знаешь это и ты сама ее хочешь, я это чувствую в тебе. Зачем же убегать?

Что-то сильное, властное было в голосе молодого человека, который сам, среди листвы, выглядел необычайно красивым, с блеском позеленевших глаз. Он быстрым движением обхватил ее всю.

— Это жизнь... жизнь, Катя...

Внезапно отдаленным воспоминанием и отвращением в Катин мозг и душу ворвалось слово «Жизнь»...

Она с силой оттолкнула Люсьена и бросилась бежать. Он настиг ее, она же в исступлении ударила его по лицу и, не оглядываясь, умчалась из леса.

Вскоре все собрались в условленном месте. Последними появились Натан и Римма, они выглядели счастливыми.

— Мы готовы были остаться здесь на всю ночь! — воскликнула киевляночка, прижимаясь к своему кавалеру.

Верочка и Володя никуда не уходили и видимо скучали, как дети, не знавшие чем им заняться. Мимо проезжал восьмиместный экипаж, наняли его, мягкие сидения располагали к отдыху. Катя приткнулась в уголке, Люсьен сидел теперь в стороне от нее, откинувшись на спинку сидения. Его красивое лицо, без всякого следа обиды, скорее отражало сознание своего превосходства и, пожалуй, некоторого пренебрежения к ней. Кучер попался опять-таки из искусных, повез молодежь окружной, более живописной дорогой, зигзагами спускающейся вниз, мимо холмистых склонов, спадающих к обширным цветущим садам, к виноградникам. Благоухающая жизнь Ялты.

«Жизнь... жизнь»... с болью отзывалось в Катином мозгу, словно затуманенному какой-то мучительной загадкой.

Она видела перед собой Римму и Натана нежно прижавшихся, как то по-новому близких друг к другу, а Верочка положила свою хорошенькую головку на плечо Володи. Чувство, похожее на зависть к этой молодежи, всецело наслаждающейся этим днем, жизнью, впервые задело Катю: «Почему я не могу быть такой, как они... и почему мне все обидно и стыдно»... думала она в замешательстве.

После возвращения всех в гостиницу, Катя поспешила поехать домой. Она пообещала Верочке на следующий же вечер быть на пристани к отходу французского судна «Марсель», на котором уезжали ее веселые друзья. Но к этому часу Катя направлялась в Городской сад, сама не зная, почему она стремилась туда? Кто ждал ее там?

Вечер был чудесный, лунный, аллеи наполнялись гуляющими. Первым из знакомых, которого Катя увидела, был ротмистр Еленев, она не видела его со дня его возвращения в Ялту.

Сергей Константинович сильно изменился, похудел, как бывает после тяжелой болезни. Он был одет в англий-

скую форму. На ее встревоженный вопрос ответил, что он совершенно здоров, только утомлен.

— Мне теперь приходится работать в Английской Миссии в Новороссийске. Но я не перестал быть русским офицером, — сказал он с улыбкой и тут же добавил:

— А как поживают наши? Я еще никого не видел. А вот и Ваничка, — воскликнул он, заметив подходившего к ним корнета.

Вскоре Катя заметила поручика Лесснера. Он, согнувшись на скамье, записывал в свою тетрадь лирические строчки:

«Ночные звуки,
Как откровение любви и муки,
Сливаются с рыданием морской волны»...

Следующего Катя увидела Кирилла Ильяшенко. Он шел, хромая, с костылем и опирался на плечо своего денщика Николая. Катя умело избежала этой встречи, догадываясь, что Кирилл подвергся операции в Ялте.

Подумала с легким раздражением: «Зачем он мне?»

После легкого ужина в своей компании в садовом кафе, Катя попросила Жигулева проводить ее домой. Обычно она предпочитала возвращаться без провожатых, не раз удивляя и огорчая этим своих друзей, и вот такая милость! Ваничка, который за последнее время искал ее благосклонности, просиял.

Катя поднялась и вдруг вздрогнула. В полутьме сада она узнала Сашу Аничкова, он разговаривал с каким-то молоденьким юнкером. Они, как будто, только что встретились, обнимались, что-то восклицая. Катя, не отдавая отчета в своем действии, извинилась и быстро направилась к ним.

— Все... все расскажу тебе по порядку, Сашка! — услышала Катя слова юнкера. Саша увидел Катю, а с ее лица слетело радостное выражение, сменяясь равнодушием, она вспомнила наставления Жени. Как бы невзначай улыбнулась Саше и, посмотрев на его собеседника, хорошенького светловолосого мальчика, сказала с кокетством: — Познакомте нас, Саша.

— Роман Мстиславич Муссин, воспитанник Николаевского кавалерийского училища и мой бывший ученик из Феодосии, — представил Саша юнкера, который сильно покраснел от Катиного взгляда.

Саша его называл Бобка, он лишь накануне прибыл в Ялту, проделав трудный и опасный путь, прорвавшись через линию красных. В эти минуты, казалось, он был далек от всего пережитого, весь поглощенный радостью и красотой лунного вечера и неожиданным появлением прелестной Кати Серебряковой.

Она быстро оставила их. Притворно разыгранная ею сцена знакомства с юнкером заметно произвела впечатление на Сашу. Бобка провожал ее сияющим взглядом, Саша смущенным.

Ваничка поджидал ее у ворот сада и они вместе вышли на набережную. Пройдя несколько шагов, Катю охватило беспокойство:

«Не повела ли она себя просто глупо?»

Жигулев прибавил жару, спросив: — Катя, кто этот юнец в форме юнкера, от которого вы потеряли голову?

Она не ответила и корнет уже старался отвлечь ее от каких то налетевших на нее пасмурных мыслей, указывая Кате на темное облако укрывшее луну, как «вечный символ текучести человеческих переживаний». Предложил Кате пойти на берег, она отказалась из-за позднего часа. Ваня прижал ее локоть со словами:

— Я перестал смотреть на часы. Зачем? Время не имеет для нас значения, остановилось и замерло на неопределенной точке, на минуте... И только этой минутой нам дано жить. Когда вы, Катя, поймете это?

Катя осталась безучастной к его словам, для нее часы не перестали двигаться, спешить и что-то сулить впереди.

Ваничка повез ее домой на извозчике. Луна очистилась, нежно голубой свет облил дорогу, деревья, Катя прошептала:

— Как хороша наша Ялта... Я бы обняла ее всю.

— Обнимите лучше меня, — весело отозвался корнет.

Они подъехали к белому дому. Лунный свет всегда здесь совершал метаморфозу: обыкновенный жилой дом, облупившийся по сторонам, выглядел сказочно-мистически. Катя сказала, что она живет в этом доме, Ваничка пришел в восторг, говоря, что «минута» в лунном сиянии белого дворца и уединение с ней пьянит его...

Когда он, все-таки, ушел, девушка быстро пробралась к себе. Здесь в глубине запущенного сада была раз-

лита тьма. Чья-то, едва заметная, тень сразу отделилась от стенки флигеля, Катя вскрикнула: это был Саша. Испуганная и вместе с тем счастливая, она была готова сейчас же извиниться перед ним. Да... да... она повела себя плохо. Но его спокойный, слегка холодный, голос срезал ее.

— Катя, я принес вещь, которую вы обронили в саду. — Он протянул ей сумочку, отсутствие которой она даже не заметила. Что-то коснулось ее сердца обидой, она ответила резко:

— Вы могли поручить это сделать юнкеру!

— Он никогда бы не нашел вас, Катя.

— Каким образом вы узнали, где я живу? — вспыхнула она.

— Я знал. Однажды здесь я долго бродил и видел вас на крыльце.

— У вас странная привычка, Саша, пользоваться чужой собственностью. — Ей точно хотелось его задеть. Но он со смехом сказал:

— А почему татарин ходит по чужим дворам, садам, есть чужой виноград? Потому что у него нет своего...

Шутка не дошла до Кати. Она была уверена, что не ее сумочка была причиной его прихода, чувствовала его притворство, игру с ней. «Что это, месть?»

Ее щеки горели, на глаза напрашивались слезы, какая-то тяжесть ложилась на ее сердце.

Со скрипом открылось оконце, голос тети Анны произнес: — Катенька, это ты?

Она не шевельнулась. Замер и Саша, они оба вдруг очнулись, что-то поняли и прильнули друг к другу.

Через час лодка уносила их в искрящееся серебром море. Обычно в такие ялтинские ночи влюбленные парочки искали уединения на воде, даже неспокойное море волновало, вдохновляло идиллию любви: оно требовало риска, отваги. Несмотря на поздний час, здесь царила жизнь. На причале стояли полуосвещенные миноносцы, яхты, доносился плеск ныряющих в воду матросов, раздавались веселые возгласы, смех.

— Веселятся, — задумчиво произнес Саша. Он сильно налегал на весла и лодка быстро двигалась вперед, движение на море нарушало приятное уединение. Кате хотелось многое сказать Саше, но их разговор был отвле-

ченным, обо всем понемногу. Саша говорил о Бобке, о котором отозвался, как о славном и недалеком парне.

— Он и не подозревает сам, какие ценные сведения привез мне о серьезных восстаниях в частях белых армий, — сказал он, тут же спохватившись и стал шутить по адресу иностранцев, наполняющих ялтинский порт.

— У них здесь большой заряд шампанского! — Он рассказал Кате о своем недавнем приключении. Он решил доплыть до одного американского миноносца, стоящего на рейде. К нему навстречу высыпала команда, сам капитан преподнес ему пачку их папирос «Камель», по-русски «Верблюд». Саша доставил их на берег совершенно сухими.

— Вы удивляетесь, Катя, каким образом, могу завтра же продемонстрировать тот же трюк.

— И вы думаете, что американцы опять дадут вам пачку?

— Конечно. Как приз за ловкость. Ведь я проплыл к ним с полверсты, сделал тот же обратный путь, привязав подарок на голове. Американцы наблюдали за мной в бинокль, они ценят спорт и смелость. Вот люди! — перебил он себя и продолжал с увлечением: — Я много читал об этом народе, но встретился впервые. Жалею, что не знаю их языка, хотя понимаю чуть ли не каждое слово, настолько у них открытые бесхитростные лица. Я бы сказал, — люди с совершенно другой планеты, а ведь тоже пережили революцию и добились на своей земле справедливого равенства и братства. Верю, что наш освобожденный русский народ найдет много общего с ними, побратаемся.

Катин задумчивый взгляд унесся вдоль темного горизонта. Саша пересел к ней, лодка без весел причалила почти вплотную к большой барке. Потянуло морской плесенью, водорослями, стало теплее и тише. Все Катино существо поддалось приятной истоме, чуть ли не послышалась музыка в плеске воды...

— Здесь хорошо, — проронила она, но ее настроение не передалось ему, он сказал тихо: — Ты все еще находишься в глубоком сне, Катя.

— Почему же нельзя остаться в нем вечно, Саша?

— Потому, что пора проснуться. — Он дотронулся до ее руки, заговорил порывисто:

— Решающие события надвигаются. Почти вся евро-

пейская часть России занята красными, скоро очередь дойдет до этого берега, многие начнут уезжать, все те, кому судьба родины безразлична...

— Я не уеду! — сорвалось с ее губ.

— Как бы я хотел этому поверить... — произнес он и вдруг горячо припал поцелуем к ее руке, говоря:

— Мы с тобой любим нашу родину и мы должны вместе служить ей. Ты будешь помогать мне во всем, как товарищ, жена...

— Мы поженимся? — прошептала она.

— Называй это как хочешь. Нам выдадут брачное свидетельство, все эти формальности с ними проще, — как-то веселей добавил он.

— С ними? — С кем Саша? — немного растерянно посмотрела она на него.

— С большевиками. Новое правительство, новые порядки. Что тебя пугает, родная? — Он снова коснулся ее руки, но Катя вырвала ее, отстранилась и произнесла резко:

— Если я сказала, что не уеду из России, то только потому, что я не верю никаким революционным пропагандам, донесениям.

Ей стало холодно и, съежившись, она попросила Сашу вернуться. Он молча сел за весла. Ушла луна, погасли многие огоньки, на море воцарился сон. Саша осторожно смотрел на Катю, в эти минуты она, пожалуй, была ему как никогда еще близкой, дорогой, но и мучительно далекой... Внезапно на них налетела большая волна, вся вода заволновалась. Прорывая тьму, выступил нос большой лодки-яхты. Саша круто свернул, посмотрел на появившееся судно, что-то разглядел и воскликнул: — А, греки пожаловали!

На яхте показался свет, были видны уже бронзовые украшения, венок со словами — «Hellas».

Катя, сама чем-то пораженная, заметила шутливо: — Вот, Саша, если я и решусь на бегство, то только на такой яхте!

— Иначе и быть не может! — подхватил он. — Эта яхта достойна королей. Мне известно кое-что... она принадлежит богатому греку.

Катя промолчала. Встреча с яхтой «Hellas» сразу напомнила ей о ее владельце и сейчас мысль о милом Георгии Георгиевиче внесла тепло в ее душу.

Причалив к берегу, она быстро сбежала с деревянных подмостков стоящих здесь купален, к одному из которых Саша привязал лодку. Начало рассветать, теплый воздух предвещал наступающий прекрасный день, к тому же воскресный. Катя подумала провести его где-нибудь за городом с Сашей и сказала ему об этом, но он обещал встретиться с ней только вечером в саду.

— Я постараюсь быть одна, — как-то неловко вырвалось у нее.

— Катя, — почти перебил он ее, — не удивляйся моей просьбе. Я бы хотел, чтобы ты пришла не одна. — Он помолчал и вдруг добавил:

— Ты ведь хорошо знакома с ротмистром Еленевым?

— Да, немного, — растеряно ответила она.

— Приди с ним. Очень странно, я его никогда не видел в лицо, я знаю почти каждого в Ялте и его наверно видел не раз.

Катя, с каким то подсознательным испугом сказала, что ротмистр теперь часто уезжает в Новороссийск, где он служит у англичан, редко бывает в Ялте.

— Он служит в контр-разведке, Катя, — сухо произнес Саша.

Катя уставилась на него, теперь сознательный испуг выразился в ее глазах: — Саша, — дрогнул ее голос, — вы хотите чтобы я...

Перед ней словно заходила земля. Она вскрикнула вне себя:

— Так вот, для чего я нужна тебе!

— Катя, голубушка, — испугался он и старался схватить ее за руку, но она отскочила от него:

— Все понимаю, Саша! Та же работа... провокация в пользу убийц! Предавать наших офицеров, помню еще по Киеву. Никогда, пойми, никогда!...

Она бросилась бежать.

Никто во флигеле не слышал, когда Катя вернулась и снова ушла, оставив записку, чтобы о ней не беспокоились, — «она находится у Верочки».

В дороге, готовая куда-то нестись дальше, она путалась, сбивалась в мыслях и чувствах. Но сердце давало ей мучительно знать, что Саша ее не любит... «Он старается сделать из меня только полезного сообщника для революционной работы», — мутила ее мозг мысль и глаза наполнялись слезами.

«Прочь, прочь отсюда, чтобы снова я не потянулась в сад повидать его».

Катя наняла первого попавшегося извозчика до пристани, но как только она очутилась на безлюдном молу перед стоящими пароходами, ее охватил почти ужас, как будто ее насильно привели сюда, заставляя уехать.

Не сдерживая слез, она пошла куда-то наугад, вглубь гор, добралась до какой-то деревушки. Здесь жизнь начиналась рано, показывались скромные жилища, сакли и бесконечные виноградники. Появлялись женщины, одетые по восточному, с корзинками. При виде Кати они прикрывали свои лица, за ними неслась босоногая детвора. Этот особенный благочестивый мирок крымских татар помог Кате успокоиться. Она вернулась на набережную, сразу очутилась в разгаре дневной суеты: проносились открытые автомобили, извозчики с военными седоками. Одна группа офицеров в незнакомой форме с высокими голубыми фуражками обратила Катино внимание и тут же она услыхала возле себя голос: — Это сербы, барышня.

Незнакомая пожилая дама стояла рядом с ней и, видимо, желая удовлетворить Катино любопытство, говорила: — Сербы всегда любили русских и сейчас приезжают сюда не на прогулки.

Катя пошла с дамой в ногу, она не прочь была поговорить с ней, как вдруг увидела идущего к ней навстречу месье Власоппуло. Снова случайная и счастливая встреча! Катя обрадовалась ему, как близкому другу. Она не скрыла, что только этой ночью видела его яхту на море.

— Я должен был спешно уехать в Севастополь и только вчера ночью вернулся в Ялту, — сказал молодой человек, как-то сдержанно, немного грустно. Или это ей показалось?

Узнав, что Катя спешит домой, хотя она никуда не спешила, он предложил проводить ее. Девушка согласилась и они поехали фаэтоном. Становилось жарко, отовсюду несся сладкий аромат распускающихся пионов. Приближаясь к Ливадии, Георгий Георгиевич спросил, хотела бы она погулять в дворцовом саду? С детских лет для Кати резиденция Царя и его семьи была плотью всевозможных фантазий. Она могла только издали любоваться белым дворцом, роскошной растительностью, а теперь туда допускалась посторонняя публика, туристы.

Для Кати давно все там было овеяно глубокой печалью, стало чем-то призрачным, не живым. Ее больше не тянули эти места, но сейчас приятный путь с молодым человеком влек ее куда угодно, лишь бы не оставаться в тяжелом одиночестве.

Фаэтон остановился у главных ворот ведущих ко дворцу. Здесь стоял страж, он отдал честь лейтенанту. Потом к ним подошел старик в потертой военной тужурке, который также козырнул офицеру и спросил:

— Желают ли молодые люди осмотреть дворец?

Катя почему-то сделала отрицательный жест головой, но Георгий Георгиевич ответил согласием и шепнул Кате:

— Я бывал здесь прежде, в лучшие времена. Пойдем.

Внутреннее помещение дворца сразу обдало страшной тишиной, холодом и пустотой. Комнаты, безо всякой роскоши, следовали одна за другой. На стенах не было картин, отсутствовали вазы с цветами. В одной небольшой гостиной стояло мягкое кресло и рядом на столике находилась корзиночка с вышивками; сопровождающий старик объяснил: «незаконченная работа Государыни». В другой, более светлой комнате, на полках стояли книги, игрушки, разные пароходики, собираемые Наследником. Катя, понизив голос до шопота, сказала Георгию Георгиевичу, что у нее всегда было представление о Царской жизни, как о чем-то сказочном, а теперь она видит и чувствует здесь мир самых обыкновенных смертных людей, сплоченной любящей семьи. Говорили, что Царь был прекрасным семьянином.

— Не сомневаюсь, русское сердце, — ответил он, добавляя со вздохом: — Конечно, у него была ответственность перед многомиллионными семьями. Царь — батюшка...

Желая вывести Катю из печальных размышлений, заметных по ней, Георгий Георгиевич предложил пойти в сад, который был весь в цвету и мог восхитить каждого, но с любого уголка веяло безжизненностью и печалью. На небольшом озерке плавали два белых лебедя, грустно изогнувшие свои головки. Все впечатления со вчерашней ночи, этого раннего утра, спутанные и тревожные, усилились в Кате от окружающей безрадостной обстановки. Ей захотелось поскорей уйти, но с ней был рядом иностранец, который все принимал по своему, с восторгом уже рассматривал клумбы великолепных цветов и, показывая

Кате на распускающиеся черные бутоны ириса, воскликнул восхищенно: — Какая редкость, черные ирисы!

А перед Катей словно предстали траурные головки в длинной похоронной процессии.

— Похоже, что никто не заботится об этих цветах. Наросла трава, — продолжал он.

— Я вижу, вы очень любите цветы? — тихо проронила Катя.

— Как и всякую красоту в природе, — ответил он, задерживая на ней свой взгляд.

Катя смутилась: — Да, пожалуй, что здесь нет садовника, кроме стражи, — сказала она и опять встретила взгляд молодого человека.

Внезапно он произнес оживленно: — Это напоминает мне одну сказку, мадемуазель Катя. Хотите расскажу? — И, не дожидаясь ее ответа, начал:

— Когда то в таком же прекрасном саду цвели розы. За клумбами ухаживал опытный садовник. Одна из роз, яркая, благоухающая, была его любимицей, он уделял ей много внимания, вырывал негодную траву, сдувал с нее пылинки. Роза с каждым днем хорошела и становилась достойной своего звания «царицы цветов». Внезапно садовник умер и его заменил дворник, который постоянно имел дело с мусором и помоями. К цветам он был совершенно равнодушен, теми же помоями обливал грядки, клумбы или вовсе забывал о них. Цветы, конечно, стали чахнуть, а в одно утро погибла и прекрасная роза, как может погибнуть каждое чудесное создание лишенное заботы, любви, попавшее в руки грубого невежды.

— О, как это чудесно и правильно сказано! — воскликнула Катя.

— Я счастлив, что вы поняли аллегорию этой сказки, — ответил он и, приблизившись к Кате, сказал с чувством:

— Вы, мадемуазель Катья, та же прекрасная роза. С нашей первой встречи в столь неподходящей обстановке, как «салон баронессы», я часто задумывался о вас, о вашей судьбе.

Молодой человек сделал большую паузу, его лицо стало серьезным, вдумчивым и он как-то беззвучно произнес:

— Всем уже ясно, что Крыму не удержаться от большевистского напора... Их приход сюда и владычество

неизбежно. Спасение может придти через это Черное Море, по гречески «Эвксинское», что значит «гостеприимное». — Он грустно усмехнулся, продолжая:

— Неофициальная эвакуация населения уже началась. Скоро, по распоряжению военных властей, она пойдет полным ходом, вопрос только времени.

Его слова слились с окружающим, со всех сторон чуть потемневшего сада веяло тревогой.

Он взял ее руку, поцеловал и сказал мягко: — Я знаю, маленькая Катья, что для вас значит родина. Было время, когда и наша великая Греция из-за политических страстей рухнула и пустила по миру миллионы верноподданных. Мой приезд в Ялту теперь имел главную цель встретить вас, предостеречь от катастрофы, предложить вам уехать со мной в Европу на моей яхте. Но прежде всего я предлагаю вам мою руку и сердце: будьте моей женой. Нас без затруднения обвенчают в здешней православной церкви. Вы согласны?

Катя оцепенела. Из тучь внезапно вынырнуло солнце, осветило клумбы, оживляя головки ирисов и, как предзнаменование чего то нового и чудесного, весь сад вдруг осветился.

В полузабытье Катя ответила: — Согласна...

Они обменялись радостными взглядами и быстро, словно стремясь поскорее унести от всего постороннего и мрачного свое внезапное счастье, направились к выходу.

Недалеко от ворот их догнал какой-то военный. Он подбежал к Кате и она сразу узнала в нем молоденького юнкера, друга Саши. Бобка в строго подтянутой юнкерской форме выглядел возбужденным, он машинально отдал честь Катиному кавалеру и запыхавшись произнес: — Узнаете меня, Екатерина Сергеевна? Как видите я уже здесь «на посту». Я вас заметил издалека...

— Вы напугали меня, — немного смешалась Катя.

— Свалился с неба! — воскликнул он и по-детски расплылся в улыбке.

В эту минуту показался автомобиль с военными. Это помогло ей скрыться от глаз Бобки и она поспешила к поджидавшему ее Георгию Георгиевичу. Он взял ее под руку, заметив:

— Я не думал, что мой маленький Катья может быть такой жестокой. Этот мальчик откуда-то слетел к вашим ножкам. А вы?

— А я его не знаю! — пылко ответила она. Но встреча с юнкером напомнила ей многое и вызвала раздражение. Она всеми силами старалась подавить в себе опять охватившую ее слабость, убедить себя, что за какие-то несколько часов с ней произошло чудо. Она уже не та, покорная судьбе, несчастная неудачница. «Жизнь», только вчера бывшая перед ней мучительной загадкой, разрешилась радугой всех земных радостей: знатный богатый человек стал ее женихом. Любит ли она его? Может ли полюбить? Катя не задумывалась. Сильное желание вырваться из какой-то нависшей над ней тьмы, быть под покровительством чудесного доброго человека, вот что заняло всецело ее сознание и ослепило.

Подъезжая к белому дому, Катя рассказывала Георгию Георгиевичу о своей семье, делая планы об его встрече с матерью и тетей. Но где, когда? — пришла к ней та же смущающая мысль.

Прощаясь у калитки, он поцеловал ее руку и произнес веселым тоном, отдавая честь: — Завтра в полдень я буду здесь.

Она ответила ему радостной улыбкой и унеслась к флигелю.

Каждый раз после очередного долгого отсутствия Катя с особенным чувством любви и некоторого раскаяния встречала мать и тетю. Ей всегда хотелось чем-нибудь порадовать их, внести оживление в их, казалось, за последнее время грустно примолкнувшие души. Сейчас она, как безумная, ворвалась в комнату. Мать и тетя сидели за столом, при ее появлении почему-то не двинулись, тетя тихо спросила:

— Будешь обедать, Катя?

Катя посмотрела на стол, на котором почти не было еды, кроме куска рыбы и трех варенных картошек. Она вспомнила, что давно не интересовалась едой дома, а если ела, то наспех, без аппетита. Девушка оглядела комнату, будто только сейчас заметила всю ее убогость. Лежали какие то мешки, похожие на свернутые вещи.

— Что это? — спросила она.

— Белье из большого дома, — ответила тихо тетя Анна, встала и, направляясь к керосинке с чаем, добавила: — Я его и раньше приносила сюда для стирки, но ты не замечала. — Что то вроде сдержанной обиды послышалось в ее голосе.

— Мы должны же чем-нибудь зарабатывать, — проронила Мария Андреевна заметно сдержанным тоном и, прерывая себя, сказала:

— Сядь, Катюша... ты чем то обеспокоенная. Ты наверно также слыхала, что союзники прекращают всякую помощь белым.

Катя, словно выжидая какую то минуту, почти вскрикнула: — Садитесь за стол! Я вам сейчас расскажу мою последнюю новость!

Тетя Анна поспешила к ней. — Мама... тетя, я не шучу.

Катя начала, волнуясь: — Я выхожу замуж за молодого аристократа грека, богача. После нашей свадьбы мы все уезжаем заграницу!

В эту ночь во флигеле керосиновая лампа горела долго. Катя увлеченно рассказывала подробности своего знакомства с месье Власоппуло, о «салоне баронессы», о встречах с ним, интересных беседах и его «сказке о розе»...

Под конец придумала как устроить встречу с «женихом». В большом доме как раз освободилась красивая комната, в которой раньше жили полковник с женой, оставившие на этих днях Ялту. Эту комнату, говорила тетя Анна, можно будет занять на один день и в ней принять Георгия Георгиевича.

Катя еще долго сидела одна на ступеньках крыльца. Наедине ее мысли разгорались и в душе росла полнота надежд, радостей жизни...

Однако нечто непонятное вторгалось в сердце и ей будто хотелось крикнуть кому-то со злорадством и болью во тьму сада: «Вот и сбылось! Я уезжаю из Ялты на королевской яхте с бронзовым венком!»

На следующий день в условленное время Катя вышла за ворота в ожидании Георгия Георгиевича. Она знала, что из окна большого дома, прячась за занавеской, выглядывала тетя Анна, с нетерпением желая увидеть блестящего жениха.

Когда на дороге показался извозчик, замедливший ход, Катя с сильным биением сердца поспешила навстречу. Молодой человек легко соскочил с подножки, а минутой позже они оба уехали на прогулку. Катя еще не успела оглянуться на дом, на прятавшуюся тетю и уже уделила все свое внимание жениху .Он выглядел исключительно нарядным в белом морском кителе и на его лице

лежал свежий румянец, редко виденный на его обычно бледно-матовой коже. Катя подумала:

«Сколько же ему лет? И как мне называть его теперь?».

Будто угадывая ее мысли, он произнес:

— Я везу вас, маленькая Катья, на мою яхту. Ей столько же лет, как и мне: двадцать пять. Она часть моей жизни...

— Я мечтаю увидеть ее, Георгий Георгиевич, — воскликнула Катя.

Он продолжал: — В моей семье меня называют Жорж. Вам нравится это имя?

— Очень, очень... Жо...рж...

Они въезжали на набережную, встретившую их солнечным простором, запахом моря и криком чаек, носившихся над пароходами. Моряки бросали прожорливым птицам остатки завтраков. Извозчик замедлил ход, чтобы дать седокам полюбоваться видом чистого серебристого берега и волнующегося моря; зеленоватые волны с пышными гребнями предвещали прохладный ветренный день.

Греческое судно «Hellas», сверкающее чистотой и блеском орнаментов, торжественно приняло Катю, как желанную гостью. Ей приподнесли букет роз. За завтраком, сервированным в роскошной кают-компании, члены команды, моряки, провозглашали тосты за своего начальника, лейтенанта и его невесты, «la plus belle maitresse du yacht „Hellas"». В этой чрезвычайной обстановке, увы, Катя оставалась недолго. Начался шторм. Катя призналась, что хотя все ее детство прошло у моря, она боится его и этим насмешила моряков. Георгий Георгиевич все же уговорил ее погулять по палубе. Он говорил, что вся его жизнь связана с морем, которое он любит особенно, когда оно бурное и опасное. Он был чемпионом по плаванию, словно хотел внушить Кате свою отвагу перед морской пучиной. Катя, осмелев, подошла к перилам и тут вдруг огромная волна, как разъяренное чудовище с открытой пастью, поднялось над ней и хлынула через борт.

Он успел подхватить ее и Катя уже взмолилась, чтобы поскорее оставить яхту.

Когда Катя вернулась на набережную с букетом роз и в сопровождении лейтенанта, ей хотелось встретить

кого-нибудь из знакомых, «показаться». Тут ее кто-то окликнул. Это был корнет Жигулев.

Катя познакомила его с месье Власоппуло, сказав: — Мой жених. — И добавила покрасневшему от неожиданности Ваничке:

— Владелец греческой яхты — «Hellas».

Корнет едва произнес: — Это новость! — и вдруг наклонившись к Кате в свою очередь ошеломил ее словами: — А один из ваших поклонников сейчас сидит под арестом.

Катя сильно вздрогнула. — Кто?

— Юнкер Бобка.

— Но я его видела вчера в дворцовом саду, — удивилась она.

— Из-за этого все и произошло, — рассмеялся Жигулев.

— Влюбленный в вас юнкер стоял на «часах», когда вы гуляли. Увидев вас, он потерял голову и оставил пост. Я его только что видел в комендатуре. Сидит бедняга и плачет, мальчик еще не разучился плакать.

Катя сама готова была рассмеяться, но она чувствовала в себе какую то вину.

Ваничка галантно откланялся и ушел. Катя рассказала Георгию Георгиевичу о «преступлении юнкера», созналась в своем необдуманном поступке завести знакомство в саду.

— Неужели ему грозит долгий арест, Жорж?

— Вряд ли, — улыбнулся молодой человек и спросил:

— Хотите навестить его в командатуре? — Катя обрадовалась.

— Я могу там похлопотать за него!

Военная комендатура находилась недалеко. Извозчик быстро доставил их к месту и остановился близко у ворот большого двора. Катя предупредила жениха, что она задержится только на несколько минут.

Никогда раньше она не бывала здесь, но имела представление об этом военном центре, как о шумном и людном. Однако сейчас обширное место, со строгими зданиями, выглядело пустынным. Катя направилась к одному из домов и сразу увидела двух офицеров. Один из них был ротмистр Еленев. Катя поспешила к ним, но они, не замечая ее, быстро пошли в сторону, она последовала за

ними, как вдруг наткнулась на какую-то постройку, это была железная клетка. Катя остановилась и тут ее сковал ужас: сквозь решетку она увидела человека. Его лицо без кровинки со щелочками глаз напомнило ей кого-то. Она вздрогнула, это был Попов, он также узнал ее и воскликнул: — А ведь мы знакомы, барышня!

— Почему вы здесь? — вырвалось у нее.

— А вы спросите об этом вот эту шпану в погонах! — огрызнулся он.

Катя обернулась. Еленев и другой офицер приближались к ней. Катя отшатнулась от клетки. Сергей Константинович не сразу узнал ее, а потом с удивлением воскликнул:

— Лапушка!... Катя, откуда?

Он протянул ей обе руки, за которые она схватилась как за спасение от какого-то минутного мучительного переживания. Еленев выглядел подтянутым и красивым в своей обычной офицерской форме.

— Я совершенно случайно здесь... по делу, — растерянно и смущенно говорила она.

— По делу в воскресенье? — заметил он.

— Ах, я совсем забыла. Вот почему здесь так тихо...

— Хоть день да наш! — пошутил сопровождающий Еленева молодой офицер и, козырнув, ушел.

Сергей Константинович взял Катю под руку, повел ее куда-то вперед, подальше от клетки. Произнес обеспокоенным голосом:

— В чем дело, Екатерина Сергеевна? — почему вы столкнулись с этим чудовищем?

— Неожиданно... но я его знаю, это Попов.

Еленев выпустил ее руку: — Вы?

Катя перебила его: — Это случилось на пароходе из Новороссийска. Мы помогали ему и его жене сберечь их вещи.

Ротмистр посмотрел на Катю и сказал как бы с трудом соображая: — Как странно... до меня, как начальника разведки, дошла жуткая история этого человека. Слышал я и о некой барышни, якобы в сокрытии убийства... Так это были вы, Екатерина Сергеевна?

— Нет... нет, поверьте мне, я совершенно ничего не знала.

Катины глаза наполнились слезами. Еленов взял ее

руку, подвел ее к скамейке. Они сели рядом. После небольшой паузы он сказал тихо:

— Мы вполне осведомлены о случившемся. Вы, Катя, вне всяких подозрений. А Попов для нас ценная находка. Он давно работает на большевиков и совершил не одно преступление. Это образец безнравственного, озлобленного русского человека. Неглупый, с некоторым даже образованием, неудавшийся студент, лентяй, неудачник, а амбиции огромные и жадность. Вот откуда эта лютая злоба и зависть к каждому, ко всему тому, чего ему самому не удалось достичь.

Голос Еленева повысился. Видимо история с Поповым затрагивала его глубоко. Он посмотрел в сторону клетки, продолжая:

— О, Катя, на какие только замыслы об уничтожении людей они способны! Этот Попов надеялся на похвалу революционных лидеров, с которыми он находился в контакте, быть может на большое назначение за свое последнее гнусное убийство.

Офицер добавил тише: — Этот Попов нам еще нужен здесь для дальнейших допросов. А пока находится в клетке, как опасный зверь.

— А его жена? — спросила Катя.

— Она также здесь. Явление само по себе страшное. Простая русская женщина, малограмотная, нетребовательная, любила дом, семью, сад, кухню... Молилась Богу. И вот поворот судьбы, ее также подхватил вихрь революционной мути, заразил той же ненавистью ко всему тому, что ей непонятно и неизвестно, но она слепо готова идти на все, вплоть до сдирания кожи с живого тела. За последнее время несчастная стала проявлять признаки умопомешательства. Мы поставили ей знакомый вам сундук, она часами роется в нем, гладит шелк, бархат с блестками, смеется, а если подойдешь к ней близко, бросается вся на крышку и кричит вне себя: «Это мое, мое, царское!»

— Da werden Weiber zu Hyanen [1]) — закончил он по-немецки и опустил голову.

— Сергей Константинович, — дрогнул Катин голос, — все революционеры подходят под одну марку?

---

[1]) Женщины стают гиенами (Шиллер).

— Никак нет, среди них есть достойные люди, идеалисты, мечтатели, верящие, что вот эти ялтинские горы можно легко сдвинуть с места... Ведь русские вообще склонны к иллюзиям, чем и оправдывается красота русской души, ее романтика.

— Один мой знакомый назвал Россию дикой. Разве это можно? — проронила Катя.

— Вообще обвинить ее в этом нельзя, но доля правды есть...

Он согнулся, словно весь поддался тяжелым мыслям. Следующие его слова прорвались нервно: — И это непростительно уж потому, что Россия одна из самых могущественных стран. Вот, пожалуй, нам и суждено теперь за многое расплачиваться. — Он замолк.

— Сергей Константинович, — опять слегка взбудораженно заговорила Катя. — Значит, надежды этих идейных революционеров о счастье России и ее народа напрасны?

Еленев круто повернулся к ней. — А почему считать, что счастье нашей родины зависит от них? — спросил он смотря на нее, как бы удивляясь: «Откуда это у нее?»...

Он заговорил спокойно и задумчиво: — Счастье России и русских людей можно было достичь и без революции, к этому шла сама история, ожидались большие послевоенные сдвиги, улучшения. Конечно, организм страны сильно пошатнулся из-за войны, а потому легко поддался пропаганде врагов.

Катя словно услышала слова дяди Ники. Печаль заполнила ее сердце, сияющия Ялта потускнела перед ее глазами, горы казались грозными, предвещающими неизбежное, роковое...

Она вздрогнула от прикосновения руки Сергея Константиновича, продолжающего говорить мягко: — Судьба России еще не решена, Екатерина Сергеевна, наша армия находится на небывалом подъеме. Мы ждем помощи и мы накануне больших боев, верьте, родная...

— О, если бы! — Катя в порыве смешанных чувств, тревоги и радости прильнула к его груди.

Как только Катя вышла из комендатуры, она увидела Женю. Подруги не виделись давно и не сразу узнали друг друга, но через минуту горячо обнимались.

— Катенька, красотка, откуда ты?

— Ты откуда?

Женя была одета в новенькую форму сестры милосердия и выглядела похорошевшей. «Не влюбилась ли опять?» — подумала Катя и услышала признания подруги.

— О, сколько у меня интересного рассказать тебе, — начала она. — Во-первых я больше не служу у доктора, а зачислилась сестрой в госпиталь, ухаживать за офицерами. С одним я очень подружилась, после его операции я стала при нем личной сиделкой. Теперь состояние его здоровья настолько удовлетворительно, что он может эвакуироваться заграницу, там у него мать и кузина княжна, он берет меня с собой и я счастлива, как никогда. Обещал, что мы поженимся, но мне все равно, лишь бы быть с ним, а без него я жить не хочу и брошусь в море. Вот он идет!

Прежде чем Катя увидела того, о ком шла речь, она сама догадалась. К ним подходил Кирилл Ильяшенко. Он опирался на палку и выглядел окрепшим, а при виде Кати чуть покраснел.

Для Жени это было сюрпризом, что они знают друг друга. Ее глазки ревниво забегали по их лицам. Но оба были настолько сдержаны, что со всей своей прозорливостью она ни о чем не догадалась.

Катя спросила Кирилла о Николае. Старый солдат стал помощником санитара при местном госпитале и был всем доволен. На прощанье Кирилл едва коснулся губами ее руки.

Катя спохватилась, она только сейчас вспомнила о своем «женихе». Посмотрела в ту сторону, где оставила его: экипаж стоял немного в стороне, а лейтенант крепко спал на сидении. Возница, который также дремал, прикрыв лицо тюбетейкой, встрепенулся. Катя не хотела будить Георгия Георгиевича, но он сам проснулся и неловко стал собирать рассыпавшиеся около него розы. Катя смеялась, стараясь укрыть свое смущение, загладить опоздание почти на час.

— Надеюсь, вы помогли юнкеру? — произнес он.

Катя воскликнула:

— Я его даже не видела! Я совершенно забыла о нем... Я все расскажу.

Однако, найти нужные слова для объяснения о «Попове в клетке» было не легко. По дороге домой она заговорила о другом:

— Когда вы можете навестить нас? Мать, тетя хотят вас увидет. Завтра?

Но Георгий Георгиевич, как оказалось, должен был спешно уехать в Севастополь, где пробудет несколько дней по делам консульства. Вернется в конце недели. Посмотрев на Катю нежным взглядом, он попросил ее быть готовой к их свадьбе в воскресение. Он также сказал, что снесется лично или телеграммой со священником. В Севастополь он едет обыкновенным пассажирским пароходом, так как его яхта эти дни будет находиться в ремонте перед выходом в море для их далекого путешествия.

Катя молчала, со всем согласная и вернув спокойствие и счастье души. «Он хороший... хороший»... проносилось у нее в голове.

При прощании лицо Георгия Георгиевича показалось Кате немного грустным. Она хотела сделать жениху что-нибудь приятное, протянула ему одну красную розу и поцеловала его в губы: холодные, влажные, они оставили ей странный привкус морской воды.

В своей комнате она долго лежала на постели, утомленная и вместе с тем радостно встревоженная этим днем. Когда в комнату вошла мать и тетя, она закрыла глаза, притворившись глубоко спящей... Услышала слова тети:

— Спит, дорогая девочка... и пусть... Подумать только, в будущее воскресенье свадьба.

Жизнь флигеля неузнаваемо преобразилась: с раннего утра слышались громкие веселые голоса, смех, мылось и сушилось на веревках белье, чистились платья. Катя разбиралась в вещах, вскрикивая вдруг:

— Ну, как можно брать с собой такое тряпье? Тащить эти кульки на королевскую яхту!

Даже смех разбирал ее: она напоминала ту же юную девочку, охваченную энтузиазмом к бегству из города в город. Но тогда ее еще увлекала неизвестность, некоторая тяга к приключениям, а сейчас она знала, что прочно стоит на пороге новой жизни, встречая ее, ждала ее как спасение...

В эти дни она не уходила из дому, в приятных хлопотах и в мечтах время неслось быстро. Однако в пятницу

она притихла, о чем то вдруг задумывалась, хотя улыбка не сходила с ее лица. В большом доме была приготовлена комната для приема лейтенанта, там уже стояли свежие цветы и фрукты. Но все же, как всегда, часы ожидания кажутся длинными и томительными. Катя слонялась по комнатушке флигеля, а в субботу стала проявлять нетерпение. К вечеру села на ступеньку крыльца; перед ней раскрывалась фантастическая картина: заросший темнеющий сад волновался, с моря дул сильный ветер, трава, ставшая почти в человеческий рост, двигалась, шумела. Стебли, как стройные кавалеры, склонялись перед цветочными головками дам, те кокетничали, прижимаясь друг к дружке, перешептывались. Все это точно двигалось вперед, туда, где возвышались густые ели. Сквозь их ветки, как из окна, зиял свет заката, подобный огню зажженных люстр. Создавалось впечатление какого-то сказочного замка, в залах которого происходило веселье, торжество в честь знатного гостя, греческого принца и его русской красавицы жены.

Катя вздрогнула, к ней бегом, взволнованно приближалась мать и сразу оборвала сказку сада.

— Катичка, — заговорила она, — как же так? Завтра ваша свадьба и ничего не слышно от Георгия Георгиевича. В Ялте ли он? Все ли приготовлено в церкви?

Катя посмотрела на мать, как бы пробуждаясь, сказала: — Не беспокойся мама, он все обдумал. Он такой... Вот увидишь.

Но ночью в своей комнате на нее также нашли беспокойные мысли, страх: «не обманул ли он ее?»

Она почти не спала, а на утро от мучительного уже нетерпения и неизвестности Катя ушла на балкон большого дома, чтобы там дожидаться появления Георгия Георгиевича, но раньше туда поспешила тетя Анна, чтобы сделать свою обычную уборку. На Катин взгляд, уставившийся на ее передник, тетя Анна воскликнула:

— Не бойся, Катенька, я не покажусь на глаза твоему принцу с метлой.

А на Кате было уже надето нежно-розовое платье, она закружилась перед теткой, говоря весело: — Ну что, я хорошо выгляжу?

— Как окружающее тебя цветущее утро, Катенька! — восхищенно произнесла тетя Анна и остановилась. Они

обе заметили фигуру Марии Андреевны, бежавшую к ним.

Кати сердце странно дрогнуло.

— Что случилось? — побежала навстречу сестры тетя Анна.

Мария Андреевна, не замечая ее, рванулась к дочери, обняла ее и зарыдала, с трудом произнося: — Катенька... бедная моя... он погиб... утонул.

— Кто?

— Георгий... твой...

Мария Андреевна не договорила и бессильно упала на дорожку.

Катя обезумев, растерянная, как-то странно не вникая, не веря в случившееся, не понимая, что катастрофа касается ее лично, поспешила на извозчике к пристани, туда, где эти дни стояла на причале яхта «Hellas».

Соскочив с пролетки, она увидела группу мужчин столпившихся на берегу. Говорили о том же. Катя спросила о греческой яхте, ей сказали, что яхта ушла на рассвете в Севастополь. На лодке «Святой Николай», застигнутой вчера бурей, находился сам владелец яхты, грек. Его тело еще не найдено, а других утопленников прибило к ближайшим берегам.

— Наше Черное Море не сразу отдает свои жертвы, — как то весело заметил один из мужчин, похожий на рыбака.

У Кати вспыхнула радостная надежда, — может быть Георгий Георгиевич спасся. Она вспомнила его слова, как он любил море и не боялся его даже в бурю.

Тут же к ней пришла обидная мысль: «Почему же никто не уведомил ее лично о случившимся? Разве она не в праве была первая узнать о женихе?»

Со смутными тяжелыми чувствами и опять таки тлеющей в душе надеждой, она решила немедленно поехать в Севастополь. Катя нашла место на грузовом судне, просидела в слезах всю ночь на палубе, среди навьюченного груза, канатов, труб, ничего не видя, кроме одного Жоржа. Он, как живой, стоял в ее воображении, весь проникнутый нежной любовью к ней...

Ранним утром она прибыла в Севастополь. Большой приморский исторический город, о котором она много слышала, но никогда не видела, а в этот приезд ничем не

интересовалась, спешила только попасть в Греческое Консульство.

Извозчик тянул долго. Катя с трудом переносила кажущуюся ей невыносимой медлительность лошади и самого старика кучера, который то и дело оборачивался к ней, чем то заинтересованный, очевидно принимая ее за гречанку, заговорил с ней по-гречески. А Катя готова была кричать — «скорее... скорее»...

Душевное равновесие и ободряющие надежды оставили ее, она плакала. Вздрогнула, когда извозчик, наконец, сказал внятно:

— Площадь Новосильцева, барышня, а в доме Гидалевича и будет ваше консульство.

С сильно бьющимся сердцем Катя очутилась у нужной ей парадной двери. Боялась, что она никого здесь не застанет, было тихо вокруг. Вдруг дверь отворилась, девушка-горничная стояла на пороге, с удивлением смотря на Катю.

— Вы говорите по-русски? — первое, что спросила у нее Катя.

— Я русская, — ответила горничная и добавила: — Русская гречанка. Училась в русской гимназии. — Она улыбалась и это помогло Кате.

— Милая, вам знакомо имя г-на Власоппуло? Я приехала из Ялты, я его невеста.

— Войдите, — другим, изменившимся голосом произнесла девушка.

Катя переступила порог, волнуясь и подчиняясь горничной, которая указала ей на стул. Когда Катя села, она сказала: — Да, у нас большое горе. Г-н Власоппуло утонул, его тело сейчас находится на яхте, там в присутствии консула и близких идет панихида, а затем яхта уйдет в Грецию, на родину г-на Власоппуло.

— Где яхта? — вскочила на ноги Катя.

— Успокойтесь, барышня, — придержала ее рукой прислуга, продолжая: — Я должна сказать вам многое...

Горничная стала говорить с оттенком некоторой фамильярности, собственной слуге, долго прожившей на одном месте.

— Георгий Георгиевич бывал здесь часто по делам и как близкий дому человек. Он считался женихом племянницы г-на консула, барышни здешнего греческого

общества. Последнее время он стал уезжать в Ялту, где встречался с вами, об этом стало известно всем. Вчера после обеда с друзьями в большой гостинице Георгий Георгиевич нанял парусную лодку «Святой Николай», чтобы ехать снова в Ялту, на этот раз там должна была состояться ваша свадьба и с ним уезжали его друзья. К вечеру море стало очень неспокойным, опасным, их предупреждали в случае бури не поднимать паруса, это очень рисковано. Г-н Власоппуло был сам опытным моряком, но за обедом все много пили, уехали с веселыми песнями. Когда начался шторм, видели их лодку в открытом море, паруса были подняты...

Она умолкла и протянула Кате руку, словно жалела ее. Но Катя отшатнулась, она была глубоко уязвлена, боялась услышать еще что-нибудь беспощадное и не ошиблась. Девушка заговорила опять тише: — Я должна предупредить вас, не старайтесь попасть на яхту, греки вас не любят... Есть даже страшное подозрение, — едва слышно добавила она, — что лодка была взорвана...

Как в тумане Катя вернулась на пристань, там ей сказали, что парохода в Ялту придется ждать до завтра. Ее ужаснула мысль оставаться на ночь в чужом городе. Она долго простояла на месте, устремив растерянный взгляд в море. Тут она заметила лодку и садившихся в нее моряков, один из них, повернувшись в ее сторону, сделал вежливый пригласительный жест рукой. Катя, не задумываясь, стремительно подбежала к нему. Моряк выглядел солидным и приветливым, он сказал:

— Я слышал, барышня, что вы хотите ехать в Ялту. Мы отправляемся туда сию минуту, если желаете, можете воспользоваться нашим транспортом. Я капитан.

За все эти последние мучительные часы в Севастополе Катя впервые улыбнулась. Вскоре она очутилась на старом небольшом пароходе «Румянцев».

Капитан, по имени Венедикт («благословенный») Викторович пригласил ее в кают-компанию. Вскоре там уже она обедала с капитаном, его помощником, священником отцом Герасимом и одной уже немолодой, но очень красивой женщиной, сестрой милосердия с крестом Св. Георгия на груди, ее называли графиней.

Кате сказали, что на борту «Румянцева» главным обра-

зом находятся больные и раненые военные, в трюме расположился лазарет и была церковка, где ежедневно совершалось богослужение.

Ей не пришлось много разговаривать, официальные лица на пароходе, оказавшие ей теплое внимание, имели свои обязательства и заботы. Никто не засиживался в старой уютной каюте, а на палубе, в сгустившихся вечерних сумерках, притаившиеся фигуры пассажиров, группой и в одиночку, походили на призраки.

На ночь в той же каюте, на диванах, были приготовлены постели для Кати и графини, которая быстро уснула, отвернувшись к стенке. А Катя с ужасом и тоской все прислушивалась к шуму волн, как страшному хохоту моря...

Глава XIII

Девятый вал

> «Я тебя люблю. Страшно хочется жить, так жить, чтобы смеялись старые камни и белые кони моря еще выше поднимались на дыбы, возбужденные любовью»...
>
> (Гоголь).

Ялта изнывала от летней жары, но было в ней также и нечто новое, чарующее, она как бы притихла. В море пароходы выглядели застывшими, а небольшие парусные лодочки издалека казались белыми порхающими бабочками над искрящейся водой. Ближе к берегу стояли рыбачьи шхуны, а в теплых волнах плескалась публика. Словно чьей-то милосердной рукой был послан этот покой прекраснейшему морскому городку и живущим в нем теперь многочисленным пленникам-военным, оживляя их души и тела от долгой тоски и застоя, — они вбирали в себя новые силы и надежды.

В прозрачном воздухе носились слухи: «На Крымском фронте блестящие операции генерала Врангеля. Союзники с нами!»... Многие офицеры жаждали принять участие в решительных боях, ждали приказа, а пока находили забвение в радостях ялтинского лета. По вечерам в Городском саду слушали музыку, до позднего часа засиживались в кафе «Дорэ», на набережной.

В один из таких вечеров здесь сидела Катя в окружении своих верных друзей. Душой собравшихся был рот-

мистр Еленев. Он оживленно рассказывал о текущих событиях, с большим чувством обрисовал личность барона Петра Николаевича Врангеля. Раздавались шумные возгласы, пили водку за здоровье и славу главнокомандующего. Поручик Лесснер экспромтом произнес четверостишие: «Тоской долготерпения»...

Ротмистр с улыбкой посмотрел на него, потом обвел глазами всех и бодро произнес: — Вооружимся еще терпением, господа! Не забудьте, завтра Успение Пресвятыя Богородицы. Собираемся в церкви. Помните, наше оружие теперь — вера...

— Я обязательно буду, — произнесла Катя, сидящая рядом с ним. Она заметно изменилась, похудела, к тому же была одета без обычной нарядности, в простеньком домашнем платье с кушачком, вся какая-то присмиревшая и отвлеченная. Она все больше молчала, изредка поднимала глаза и смотрела на каждого, словно давно их не видела и недоумевала: «Почему я здесь? Как это случилось?»...

Со дня своего возвращения из Севастополя она долго нигде не показывалась. Ей казалось, что вся Ялта знает о ее несчастье, никто ее не жалеет, а скорее злорадствует или злословит. Для нее самой все случившееся легло на душу, как туман, сгустившийся над лазурью утреннего моря, который постепенно испаряется, но надолго оставляет воду мутной...

Будничная жизнь флигеля снова окружила ее; во всем чувствовалась печаль ушедших ожиданий. Постепенно к Кате приходило успокоение, вернее — наступило равнодушие. Мысль куда-нибудь пойти, кого-нибудь повидать, как это бывало раньше, скорее пугала ее и она боялась прислушиваться к своему будто окаменевшему сердцу. А в доме она была необходима. Трагедия с человеком, желающим спасти их, внесшим светлые надежды, сильно отразилась на ее матери и тете. Они часто плакали. Были и другие серьезные причины их слез: последние средства к жизни таяли, прекратился небольшой заработок на белой даче. Жильцы стали экономнее, справлялись сами.

Однажды тетя Анна попросила Катю пойти с ней на базар, чтобы продать там их серебрянный чайный сервиз, потерявший всякую сентиментальную ценность, когда все сильнее ощущался голод.

Анна Андреевна знала, что лучшее время прийти на базар, это незадолго до захода солнца, к этому часу обычный торговый день заканчивался и появлялись торгаши, спекулянты, скупающие ценную утварь. Кате не приходилось раньше бывать в этих местах, но ей были хорошо памятны другие базары и сходные настроения. Опять она и тетя Анна, похоже на торговок, смешались с толпой, наполняющей базарную площадь. Здесь были приличные люди, дамы. С первого момента, особенно если посмотреть на близкие возвышающиеся роскошные кипарисы, могло показаться, что это увеселительное сборище, пикник, если бы не грязь на земле и острый запах каких-то мокрых шкур, козьего сыра, молока и другой базарной снеди и отбросов оставшихся с раннего утра...

Тетя Анна довольно легко ориентировалась в этой обстановке, она знала кое-кого. Оглядываясь по сторонам, воскликнула: — Вот, встретить бы Ахмедку! Ловкий татарчонок, помог бы нам и сам бы заработал. — Тут она схватила Катину руку, прошептала: — Смотри, кто здесь...

Она показала на старушку, в которой сразу можно было узнать их бывшую квартирную хозяйку, Варвару Онуфриевну. Старушка также узнала их, поспешно подошла и, пытливо взглянув на корзину, спросила: — Что вы принесли? Хотите продать?

Тетя Анна кивнула головой. Какой-то мужчина очутился около них. Варвара Онуфриевна ловко оттеснила его, зашептав: — Никому не показывайте, пока я не посмотрю. Я вам помогу.

— Милая, — взмолилась тетя Анна, и сказала на ухо старушке:

— Чайный сервиз еще из Петрограда, «Фаберже». Мы продадим дешево, лишь бы попал в хорошие руки.

Тетя Анна приоткрыла крышку, Варвара Онуфриевна почти с головой влезла в корзину.

— Сколько вещиц в приборе? — волновалась она.

— Шесть и никакого брака.

— Вот, берите десять тысячь и помните, все останется у меня в сохранности. — Старушка протянула пачку бумажной валюты, схватила корзину и быстро исчезла в толпе.

Анна Андреевна обернулась к племяннице: — Катинька, что ты думаешь? — Хорошо продали...

— Поздно что-либо думать, — почти огрызнулась Катя и смотря куда-то в сторону, добавила:

— Варвара Онуфриевна только что успела перепродать наше серебро. Тетя, уйдем отсюда скорее, — простонала она.

Тетя Анна в слезах обещала завтра же пойти к старушке и потребовать от нее отчета...

Очутившись на большой дороге, они стали ждать извозчика. Завидев первого, Катя сделала ему знак остановиться.

В пролетке оказались седоки: Ваничка Жигулев и Бобка Муссин. Молодые люди узнали Катю и на ходу спрыгнули, воскликнув:

— Катя!... Екатерина Сергеевна! — Мы только что говорили о вас. Где вы пропадаете?

Катя была смущена. Собираясь на базар, она не подумала приодеться, но ее друзья, видимо не замечая этого, смотрели на нее влюбленными взорами. Они предложили дамам подвезти их домой, а по дороге уговорили Катю остаться с ними и поехать на набережную, где к восьми часам вечера, после долгого промежутка, соберутся свои. Поручик Лесснер серьезно болел, ротмистр Еленев был очень занят и это его идея встретиться, он спрашивал о ней. Катя, на этот раз забыв о своей внешности, радостно согласилась. Тетю Анну они высадили у дачи и понеслись в город.

Вскоре, в теплом кругу дорогой ей компании, Катя почувствовала себя вновь возродившейся. Она словно видела своих родных братьев, после долгой разлуки. Подмечала перемену в каждом: Лесснер, несмотря на несходящую с его лица улыбку, выглядел больным, исхудавшим, Ваничка Жигулев, наоборот, сильно располнел, как он сам говорил: «на одном винограде». Ротмистр Еленев сильно поседел, отчего синева ег глаз стала глубже и красивее, а Бобка оставался тем же хорошеньким юнцом, только казался задумчивым и серьезным. Катя то и дело чувствовала на себе его взгляд, он как будто хотел о чем-то поговорить с ней, только с ней, а она избегала его глаз. Еленев объявил, что он ждет гостей прибывших в Ялту этим утром из штаба главнокомандующего.

— Они поделятся с нами интересными сообщениями, — сказал он.

Вскоре прибыли два офицера, оказавшиеся мало общительными людьми. Один безрукий поручик, другой штабс-капитан, их присутствие внесло что-то неожиданное, неприятное. Когда Еленев снова заговорил об успехах генерала Врангеля, полководца и организатора в тылу, штабс-капитан вспылил, выразившись против «Врангелевской политики», якобы сближения с рабочими обещаниями прощения заблудшим...

— Деникин не должен был сдавать своих позиций, — сухо заметил безрукий.

Еленев, минуту помолчав, повысил голос: — Врангель должен был гораздо раньше стать у власти.

С соседних столиков к ним стали оборачиваться. Корнет Жигулев неожиданно встал, заметив: — Разговор не для кофейной. — Обернувшись к Еленеву, добавил: — Разрешите, господин ротмистр, удалиться.

— Нам всем не мешает выйти на свежий воздух, — с оттенком шутки произнес Еленев и поднялся, подавая руку Кате.

Все быстро оставили ресторан.

Жаркий влажный вечер окутывал мало освещенную набережную. Море чернело, мрак навис тяжестью, как перед грозой или чем-то другим, неминуемым, когда душа каждого особенно тянется к ближнему. Компания не расходилась, все сошлись на тротуаре и дружно пошли на прогулку к той части набережной, где начинались аллеи с густо смыкавшимися деревьями, прозванные «Аллеями любви». Сейчас совершенно безлюдные, они располагали к беседам. Начался снова разговор о политике, Еленев заговорил воодушевленно:

— Да, господа, мне не раз посчастливилось слышать слова главнокомандующего к народу на занятых им территориях. Генерал большая умница, большое сердце, полон жалости к мужику и рабочему, жалости, которую не мешает нам всем понять и разделить, потому что в корне народ не виноват. Мы слишком долго держали его на положении дрессированного зверя, медведя, внушив ему страх перед человеком, хозяином. Приучили его к покорности всем нашим приказаниям, да и прихотям, чтобы умел кланяться до земли, а то и танцевать, а чтобы смирился, вдевали кольцо в нос. Кто же виноват, если вырвавшись на волю, он так рассвирипел? Но животный

страх его не оставил и в этом его слабость... Вот почему он не может бороться, готовый лизать сейчас сапоги красному комиссару, иначе ему конец. Кто же виноват? И, пожалуй, нет более вредного и тяжелого занятия теперь, как искать правых и виновных.

Голос ротмистра раздавался во тьме с волнующей откровенностью. Возможно, что и легкое похмелье способствовало этому. Он даже не заметил, как двое его гостей, штабс-капитан и поручик куда-то исчезли, Лесснер также отстал, странно жестикулируя, будто рассуждая сам с собой. Остальные притихли. Катя прижимала к себе локоть Сергея Константиновича, внимательно слушая его. А он продолжал:

— Нашу интеллигенцию всегда возмущало положение русского народа, но каждая смелая свободная мысль, защита ее, запрещались, преследовались и карались, как вольнодумство. Строгая цензура не допускала крупные написанные труды, к которым у большинства и не было интереса, даже любопытства, скорее отвращение, как к преступной подпольной литературе. А жаль! Сколько пользы принесло бы чтение таких книг, дало бы познание самого себя и постижение губительного международного влияния, которое играло главную роль в постепенном разложении масс. Мы были самоуверенны, — продолжал он тише, — надеялись на свои знания, положение, верхи... двор! А ведь мы могли удержать монархию, господа! Уж, если суждено было произойти революции, то не с одними только возвышенными идеалами мечтателей, а с умением справиться со стихией. Что-ж получилось?! Молниеносный захват власти русофобами, а за ними пошел наш народ в своей слепоте, подчиненности... — Он смолк.

— Значит, наказание нам свыше? — вырвалось из крепко сжатых губ Жигулева.

— Да, Ваня... за все теперь расплачиваемся, — ответил Еленев и закончил с чувством: — Но Господь милостив, простит наши прегрешения «вольные и невольные»... Россия будет спасена.

Свет прорезался сквозь деревья. Ротмистр обернулся и только сейчас заметил, как поредела его компания. Едва улыбнувшись, он, посмотрев на Катю, сказал с обычным теплом:

— Сейчас найдем извозчика и отвезем вас домой. Что то скажут мамочка и тетя? — Все рассмеялись.

— А ведь нашу королеву недавно пытались похитить греки, — воскликнул Жигулев, словно обрадовавшись перемене разговора.

— Кто из нас не похитил бы Екатерину Сергеевну, если бы снова очутился на своем коне! — ответил Еленев.

— А вот и извозчик, — воскликнул корнет и побежал навстречу экипажа. Хватились Лесснера, но он куда-то исчез. Еленев постоял, оглядываясь, а юнкер Муссин нашел момент подойти к Кате, почти с отчаянием прошептать:

— Саша очень болен...

Она посмотрела на него непонимающими глазами и вдруг краска залила ее лицо. На нем отразилось страдание, глаза говорили: «Теперь вы мучаете меня... а я ведь была так счастлива весь этот вечер.»

Яркий свет, показавшийся из окна какой-то дачи, помог разместиться в ландо, Катя села рядом с Бобкой. Решение, казалось надолго засевшее в ее мозгу, что «она никогда больше не должна видеть Сашу», вдруг полностью испарилось, сменилось сильной тревогой. Она хотела как-нибудь дать знать юнкеру, что готова говорить с ним, но не сейчас, не здесь...

Экипаж ехал быстро, тарахтя старыми колесами. Еленев и Жигулев заговорили о Лесснере, проявлявшим за последнее время какие-то странности. Катя и Бобка успели переглянуться, их взгляды теперь были мучительно молчаливыми.

У калитки Катиного дома извозчик задержался, стали прощаться. Еленев поцеловал Кате руку и пожелал ей спокойной ночи. Она стояла в замешательстве, Муссин сказал, что он предпочитает вернуться обратно пешком. Ротмистр посмотрел на них обоих и с улыбкой сказал:

— Погуляйте... погуляйте еще.

Катя вспыхнула, чуть не вскрикнула «Это не то!». И тут же она почувствовала стыд, стыд что-либо утаивать от Сергея Константиновича и вместе с тем какой-то испуг коснулся ее сознания. Но было поздно, у нее вырвалось нервно:

— Мы не собирались гулять... юнкер Муссин хотел рассказать мне о нашем общем знакомом. Говорите, — посмотрела она на Бобку, договаривая: — Что случилось с Сашей Аничковым? Вы сказали, он болен.

— Что с ним? С этим студентом? — неожиданно перебил Еленев и строго посмотрел на юнкера.

Бобка смутился, оробел, будто почувствовал что-то во взгляде ротмистра, вдруг подтянулся по-военному и проговорил сбивчиво:

— Собственно говоря, г-н ротмистр, студент Аничков, постоянный житель Ялты, мой бывший учитель по математике. Я ведь сам из Алушты, прежде чем мои родители переехали на север. У Саши, то-есть господина Аничкова, была постоянная неприятность с легкими, а показаться врачам не хотел, все шутил «наш великий Чехов умер от чахотки». Вот и я решил серьезно посоветоваться с Екатериной Сергеевной. Мы его оба хорошо знаем, ему сейчас особенно худо.

— Болезнь Аничкова это одно, — сухо прервал его Еленев. — А его неприятности с полицией — это другое. Вам конечно, известна политическая деятельность этого Саши? — Ленинца?

Юнкер беспомощно оглянулся на Катю. Она стояла близко и слышала каждое слово. Когда наступило молчание, она произнесла строгим тоном: — Говорите, юнкер!

Муссин ободрился, заговорил с привычным повиновением начальству: — Недавно, после нескольких лет разлуки, г-н ротмистр, я встретился с г-ном Аничковым здесь, в Ялте. Александр Кузьмич высоко образованный и прекрасный человек, мой друг. Я никогда не подозревал в нем серьезных увлечений политикой, а некоторые грешки молодости, как у большинства студентов, были. Но ничего предосудительного, тем более активного. За последнее время, правда, он находился в подавленном состоянии, то ли из-за плохого здоровья, то ли его мучило что-то другое... Я сам стал задумываться и чтобы рассеять сомнения, принял его приглашение. — Бобка остановился.

— Приглашение куда? — спросил Еленев.

— На какую-то товарищескую сходку, встречу. Они часто устраивают.

— Они?

— Студенты, бывают и военные. — Голос юнкера понизился, а ротмистр становился настойчивее:

— Где эти сходки происходят, г-н юнкер? Когда вы собираетесь туда? Какой «пароль»?...

— Завтра, в одиннадцать часов вечера, у татарина Мустафы, по дороге к Массандре, пароль «красный вал».

Да вот здесь все обозначено, господин ротмистр. — Бобка, чуть дрожащими пальцами, протянул офицеру бумажку, она зашуршала в темноте. Еленев вернул ее юнкеру. Он посмотрел на Катю, как то по-новому, без улыбки, но и она странно блеснула на него глазами и порывисто приблизившись к нему, произнесла взволнованно:

— Сергей Константинович, вы только что говорили нам о русских людях заботившихся о благе своего народа. Да, о них знает весь мир! Высоко образованные, сильные духом, эти люди отдавали свои жизни за правду и справедливость. Знайте же, что один из таких людей, для которых каждая свободомыслящая книга закон, который готов пожертвовать всей своей молодой жизнью за счастье России и ее народа, это студент Саша Аничков.

Катя не договорила и словно опомнившись, в слезах рванулась через ворота к себе.

На следующее утро Катя одна из первых вошла в церковь. Она стала в стороне, чтобы не быть на виду, а самой ей хотелось видеть каждого входящего. В это утро она не сразу собралась ехать в церковь. Всю ночь провела почти без сна, думала о разговоре с Еленевым, вспоминала Бобку и что-то непоправимо тяжелое ложилось на ее сердце: «Не донесли ли они на Сашу?»

Мысль увидеть в церкви Сергея Константиновича пугала ее, а, вместе с тем, оставаться одной в полном неведении, «что он предпримет? Будет ли Саша арестован?» — казалось ей пыткой. Она почти побежала в город. Тетя и мать похвалили ее за желание помолиться, они обе с грустью смотрели ей вслед, не сомневаясь, что Катя все еще грустит о погибшем женихе.

Катя была далека от молитв. Она видела новые незнакомые лица, многих военных и мучительно подготовляла слова, которые должна будет сказать Еленеву. Но захочет ли он вообще говорить с ней? Не заподозрел ли он в ней самой революционерку?

Катя вздрогнула: явился Сергей Константинович, за ним шел Жигулев. Они прошли вперед, где сгущались военные формы, Муссина не было видно, а Кате уже казалось, что только с ним она должна говорить, решать, как предупредить Сашу. Они оба были виноваты перед ним, оба проболтались и им обоим он был дорог.

Ударили в колокола. По случаю прибытия Митрополита было торжественное Богослужение, в

сослужении нескольких священников. Заженный свет и солнечные лучи проникавшие сквозь стекла вносили разноцветное сияние; тонкие розоватые нити тянулись к Престолу, золотили ризы священников. Катя стала перебирать в мыслях дорогие воспоминания о былых праздничных днях, всегда полных ярких радостных переживаний, давно уже не испытываемых и в эти минуты она заметила непривычную печаль на лицах молящихся. С амвона неслись слова: — «Дабы спасти грешников, искупить их богохульство и оскорбления, наносимые Пресвятой Богородице, обиды, от которых скорбит Ее Пречистое Сердце».

Это произносил Митрополит и Катю поразило в Архиерее то, что с самого начала службы он был во всем своем величественном облачении, со строгим лицом, недосягаемой священной особой, а теперь стоял без митры, проще и ближе ко всем. Говорил тихо и каждое его слово, казалось, исходило из глубины его пастырской души. Он рассказывал о своих недавних переживаниях в дни страшного нашествия на Русь безбожников-большевиков, их вопиющих воззваниях к несчастным русским людям: «Религия — опиум для народа». Одурманенная, озверевшая толпа врывалась в храмы, пробивала пулями иконы, убивала прихожан и священников, не ведая, что уничтожают самих себя, ибо неразрушима вера в душе русского человека. С дрожью в голосе Митрополит рассказывал об одном молодом солдате-красноармейце, успевшем снять шапку и перекреститься перед расстрелом. Синеющее облако ладона окрасилось вдруг красным цветом, прорвавшимся сквозь окна и как-бы залило страшным предвестием весь храм, подобно крови...

Катя с затуманенными от слез глазами вышла на воздух. В то же утро, до начала обедни, Бобка Муссин также подошел к храму, но почему то не решился войти во внутрь. Тяжелые мысли одолевали его: «Если Сашка симпатизирует народному движению, то это его дело... Он парень не дурак и добрый человек. Со мной он никогда не затрагивал политики, уважал и любил меня таким, как я есть, даже пригласил на «сходку», значит, доверял мне, не боялся. И никто бы не знал о «Красном вале», если бы я первый не разболтался, как баба. Еленев конечно намотал себе на ус, не простит. Ведь столкнулись вечные непримиримые враги — офицеры и студенты! А теперь, черт

знает что может получиться, засадят или загонят Сашку куда-нибудь с его больными легкими»...

От свежести утра или от расстроенных чувств, юнкер потирал похолодевшие руки, нос. Он заметил Катю, входящую в церковь и не последовал за ней. Увидел Еленева и вдруг с какой-то внезапной решимостью, наскоро перекрестившись, бегом направился к Сашиной даче. До сих пор он никогда не бывал у Аничкова; они встречались по уговору где-нибудь в городе, в саду или в гостиницах. В одной из них, «Джалита», Муссин разделял номер с пожилым военным писарем из комендатуры. Когда писарь отсутствовал, приходил Саша. Он обычно долго сидел и молчал. А то, вдруг, как пронзенный какой-то мыслью, вскакивал, начинал ходить, восклицая:

— А ведь все идет как по маслу!... Жизнь начинается снова!

Он никогда ничего не договаривал и оставлял Бобку в недоумении, вызывая в нем смутные подозрения: «Не с ними ли Сашка?» Поставить вопрос ребром Муссин не решался. В одну из последних встреч Саша выглядел особенно озабоченным. Неожиданно он спросил о Кате: «Видит ли ее Бобка? Правда ли, что она собиралась выйти замуж за богача-грека, который утонул?»

Бобка сам удивился, он ничего об этом не слышал и правдиво ответил: «Не встречал и ничего не знаю».

Раз Саша пришел к нему в сильно возбужденном состоянии.

Муссин спросил: — Что с тобой?

— Скоро... скоро... все узнаешь, — воскликнул Саша и уставившись каким-то лихорадочно-горящими глазами на юнкера, добавил:

— Хочешь проснуться, Бобка, от Ялтинской спячки?

Он стал увлеченно рассказывать об интересных встречах у татарина Мустафы, где собираются студенты и военные. И опять зашагал, бессвязно бормоча о каких-то величайших сдвигах повсюду... повсюду. Его лихорадило, он стал задыхаться от кашля и на его губах показалась кровь.

Совершенно обессиленного Сашу Бобка отвез домой. Хотел немедленно вызвать врача, но Саша просил оставить его в покое и опять-таки напомнил, чтобы Бобка пришел на собрание.

— Не пожалеешь!... Гора раскроется перед тобой, —

говорил он слова, оставшиеся звучать в ушах юнкера неясными, загадочными, и которые он силился понять.

Вечером, после этого разговора, Муссин попал в компанию ротмистра Еленева, встретился с Катей, а на следующее утро из церкви прибежал к Саше. Он увидел его одетым и крепко спавшим. Бобка, не будя его, смотрел на больного, невольно залюбовавшись им: Сашино лицо, небритое, бледное с длинными ресницами, было спокойно и удивительно красиво, что-то светлое, одухотворенное было в нем. У Бобки выступили слезы. «Сашка... дорогой, да я за тебя жизнь отдам», — подумал он и вздрогнул. Саша открыл глаза. С минуту они смотрели друг на друга.

— Прости, что я пришел опять, — дрогнул голос юнкера.

— И смотришь на меня, как на мертвеца, — довольно бодро произнес Саша, стараясь приподняться. Бобка предупредил его:

— Не вставай, я на минуту...

— Я должен быть на ногах! — перебил его Саша. — Я знаю, тебя напугала моя капля крови. Но это не то, что ты думаешь, не чахотка, просто сильное горловое раздражение. Я ведь много и громко говорю.

— А твой постоянный кашель?

— Ну, может быть есть предрасположение к грудному заболеванию. Да ведь это у меня почти с детства. Уверяю тебя, я здоров, как бык! Сегодня ты убедишься. Придешь на сходку?

— Еще не знаю. А вот ты наверно останешься здесь! — неожиданно и резко произнес юнкер.

Саша удивленно уставился на него.

— Это что? — продолжал Муссин, — революционная сходка? Говори.

— Как тебе сказать, — протянул Саша и с улыбкой посмотрел на Бобку, как смотрят взрослые на детей, не желая обидеть их.

— Ты коммунист? — взорвался Муссин.

— Только такой дурак, как ты, может в этом сомневаться, — грубо отрезал Саша и встал, но пошатнулся.

— Фу, черт, как ослабел, — выругался он и снова опустился на постель.

— Ты болен, Саша, не шути, — мягче проговорил юнкер.

— Все равно, это меня не остановит и на митинге я буду! Понимаешь, сегодня там встречается вся наша подпольная мощная политическая организация, некоторые приезжают специально издалека. Мы пытаемся получить оружие и организовать восстание.

Бобка заметно вздрогнул. — Восстание здесь, в Ялте?

— Почему же нет? Ведь и сюда несется девятый вал. Ты, как я вижу, и в этом сомневаешься?

Бобка резко шагнул к нему, голос его дрожал: — Да, Саша, я сомневаюсь. Отдаешь ли ты вполне отчет своим словам, намерениям? Организовать вооруженное восстание! Шутка ли, этому и Катя не поверит, а ты бы слышал, как вчера перед офицерами, она осветила твою личность. «Высокообразованный, идейный, готовый на смерть для общего блага!» А ты говоришь мерзость, будто вырвавшийся из каторги террорист!...

В Сашином лице что-то дрогнуло. — Катя, — произнес он глухо и откинулся на подушку. — Катя, — уже тихо, ласково прошло по его губам.

— Да, Катя! — подхватил Бобка. — Катя, которая любит тебя и ты любишь ее, не скрывай!

— Я предлагал ей совместную жизнь, работу, — беззвучно прошептал Саша.

— Чтобы она стала коммунисткой! — ехидно воскликнул Бобка. — Нет, Саша, это не для Кати. И если она защищала тебя, то только чтобы спасти от полиции, которой известно ваше сегодняшнее сборище у Мустафы.

Сашина челюсть дрогнула: — Кто донес? Ты?

— Я, — ответил юнкер и опустил глаза.

Саша соскочил с кровати и, что было силы, схватил Бобку за грудь. — Ты пришел сказать мне, что ты доносчик? — в бешенстве закричал он.

— Чтобы спасти тебя, Саша.

Сашино лицо искривилось, он продолжая держать Бобку за грудь, выкрикивал хрипя: — Я с тобой еще разделаюсь, желторотый белогвардейский щенок! А сейчас я бегу туда, к своим. Когда нагрянут шпики, все будет шито-крыто, мы ко всему подготовлены. А ты...

Саша не договорил, сильно закашлялся и, оттолкнув юнкера в сторону, подскочил к двери. Бобка ловко прыгнул на него и не успел Саша вырваться, как Бобка одним сильным рывком своих рук отбросил его к постели. Саша не попал на нее и, ударившись о железный косяк, упал на

пол. Бобка рванул дверь, на пороге стояла Катя.

— Катя... Екатерина Сергеевна, как хорошо, что вы пришли, — закричал он, добавляя: — Скорее, помогите Саше и держите его здесь!

Пропуская Катю, юнкер помчался вниз.

Саша долго был в сильном жару, бредил. К нему пришел врач, который определил воспаление легких, к тому же наложил швы на сильно рассеченную губу. Доктор говорил с Катей, интересовался кем она приходится больному.

— Невеста, — ответила она не задумываясь, но покраснела.

Доктор ко всему отнесся добродушно и сказал с улыбкой:

— Вашему жениху нужен хороший уход.

Он прописал лекарство, дал несколько советов и обещал прислать фельдшера, чтобы поставить Саше банки. После его ухода пришла хозяйка дома. Любовь Ивановна была сдержанно любезна, но чувствовалась ее неприязнь к Кате, она принесла горячий бульон. Ее внимание к Саше смягчали Катины чувства к этой, не совсем приятной ей, особе. Катя сказала, что должна немедленно вернуться домой, она не долго будет отсутствовать и привезет нужные лекарства. Предупредила о фельдшере, а уходя, уже с мольбой в голосе просила хозяйку ни в коем случае не выпускать Сашу из дому.

Дома Катя объяснила своим, что серьезно заболела Верочка, она должна побыть с ней несколько дней.

Тайком Катя взяла свои некоторые вещи и денежные сбережения, словно решилась на бегство, оставляя мать и тетю.

Саша поправлялся медленно: метался и плохо соображал. Наконец у него спал жар, посвежела голова, но он стал раздражительным, отказывался от лекарств, злился, что приходил врач чем-то «опоивший его», отчего он проспал несколько суток...

Странно он относился к присутствию Кати, не выражая ни радости, ни удивления, будто так должно было быть.

«Ведь ты меня любишь?» — говорил его взгляд, вдруг останавливаясь на ней. И в его лице будто выступала какая-то нежность.

«Нежность — соль в океане любви»... — как сказал один мудрец.

Саша попросил Катю достать ему газеты за последние дни. Она испугалась, с болью скрывая от него страшную весть: в злополучную ночь, в доме торговца углем, татарина Мустафы, отрядом чеченцев была захвачена политическая группа террористов, преимущественно студентов, было найдено и оружие. Большинство успело бежать в горы, своевременно предупрежденные каким-то незнакомым военным, которого они же и убили. Труп молодого человека в форме юнкера был найден вблизи.

В эти последние ночи, темные, ветренные и пугающие, Катя не спала. Ненадолго закрывая глаза, с тревогой прислушивалась к Сашиному дыханию. Ее часто тянуло к оконцу; прильнув к нему, как к чему-то близкому, родному, она беззвучно плакала. В такие минуты многое оживало в ее памяти. Появилось и странное чувство, будто она, Катя Серебрякова, все еще владелица этих мест и ничто и никто не может отобрать от нее дорогого дома и сада, которые годы живут в ее сердце.

Удивительные мысли и чувства приходили к ней в эти долгие часы. Все, что ей пришлось пережить в Ялте, как волна за волной, уносило ее куда-то, разбивало надежды. И вот, наконец, ее прибило сюда, к себе, как к чему-то определенному и настоящему. Ее слова доктору, «что она невеста Саши», казались ей чем-то правдивым. Во время жара, почти в беспамятстве, у Саши вырвался стон:
— Катя, невеста моя, прощай! Меня ведут вешать! — Катя в ужасе вспомнила момент, когда в Киеве солдаты вели юных революционеров, тот же крик:

«Прощайте, барышня, нас ведут вешать!»

Теперь это был крик ее Саши и она понимала всю муку, какую выносила его затравленная душа в вечном страхе и, в то же время, не отступающая от своих целей... То, что он в полусознательном состоянии произносил ее имя, называл невестой, давало ей чувство какого-то права над ним, особенно чтобы уберечь его от всяких бед... С какой-то светлой, радостной надеждой она вспомнила Сергея Константиновича, его удивительные добрые глаза.

Хозяйка принесла слегка потрепанные газеты, собранные ею у жильцов дома. Она передала пачку Кате для Саши, сказала:

— Он всегда интересовался новостями.

Катя инстинктивно сунула газеты за шкафчик, но ей бросилось в глаза на первой странице экстренное сообщение с фронта:

«Успехи генерала Врангеля!»

На восьмой день Сашино здоровье заметно улучшилось. Он спокойно и крепко спал всю ночь, на утро стремительно поднялся с порозовевшим лицом, бодро спросил:

— Катя, мне приносили почту? Достала газеты?

— Вам предписан полный покой, Саша, — сдержано и строго ответила она. Он улыбнулся и заметил:

— Смотрите! Да ты, Катя, заправская сиделка при больных. Кто бы сказал!

Катя зарделась от Сашиных слов, она села на край постели и произнесла уже оживленно: — Доктор научил, это был какой-то большой профессор из Москвы. И знаете, Саша, он отказался от денег за визит.

— Все равно, я его не прощу за его «зелье». — Он поднялся с постели, стал оглядываться по сторонам, будто давно не был у себя, хотя вставал не раз, но в болезненной слабости ничего не замечал. А сейчас с подсознательной радостью вернувшихся сил увидел метаморфозу: его тесное, в вечном беспорядке жилище, выглядело неузнаваемо чистым, даже уютным с вазочкой цветов! Блестела, как новая, его керосинка, на которой он обычно готовил себе еду, на ней что-то варилось. На шкафчике были аккуратно сложены его чистые рубашки и на себе он приятно ощутил свежее белье.

«Катя»... пронеслось в его голове. И как раньше не постиг этого его мозг, так теперь он был ошеломлен ее присутствием, ее самоотверженным поступком: придти к нему и остаться, исполняя почти что черную работу служанки, сиделки. Даже если она его любит! Ведь любовь для Кати — это нечто возвышенное, украшающее, а что же возвышенного здесь? Его болезнь, конура без удобств...

Но он как-будто уже узнавал в тонком облике девушки давно знакомую в ней силу воли. Вот, так бывает, на дороге попадается нежный, знойный цветок. Он держится на одном стебельке, а выдерживает любую непогоду, крепкий, упругий и упорный, да еще иногда оказывается ядовитым...

Саша вздрогнул. Катя достала из-за шкафа сверток газет, протянула ему и что-то вдруг нарушила.

— Как? — воскликнул Саша, меняясь в лице. — Ты прятала их от меня...

— Вы должны понять, Саша, почему.

— Почему, почему! — перебил он с раздражением и вырвал из ее рук газеты. Он продолжал вне себя: — Конечно, тебе непонятно, что значит для меня целая неделя полной неизвестности, оторванности.

— Вам многое станет известным. Читайте, Саша!

Катя отвернулась к окну. Саша нервно мял листки, теперь его все сердило в Кате: в ее заботе, в наведении порядка, он видел уже нечто своевольное и непрошенное. Даже взглянул на перегородку, укрывавшую его «тайничок». «Не навела ли она и там порядок?» Он снова взорвался:

— Пожалуй, ты не допускала ко мне людей. Приходил ли кто ко мне во время болезни? Я ждал кой-кого. Юнкер Бобка, где он?

— Его убили на даче Мустафы ваши же друзья, — со странным спокойствием ответила она.

Обдало молчанием. Саша опустился на кровать, газеты разметались вокруг него, он стал подбирать листки дрожащими руками. Весь, еще не совсем окрепший, съежился, как от удара и сильной боли. Все ниже опускал голову, пока с его губ не сорвалось: — Бобка... мальчишка...

Послышалось всхлипывание и неудержимые слезы покатились с его глаз.

Катя обрадовалась тому, что увидела Сашу без всякого притворства, Сашу, который был ей так дорог своей справедливостью, добротой и умом. Ее озарили мысли:

«Не возмутится ли его душа безрассудным убийством друга? Ведь не с оголенной же шашкой Бобка помчался туда, а чтобы предупредить и этим как-бы искупить свою вину перед ним, Сашей, которого он так любил. За что-же убили Бобку те люди, которых Саша считает близкими к себе... к революции»...

Саша повернул к ней свое бледное лицо. Он коснулся заклеенного на губе шрама, сказал тихо:

— А ты знаешь, Катя, мне кажется, что Бобка навсегда оставил мне память о себе. Эта ссадина никогда не исчезнет.

— Никогда... — как эхо ответила она.

Саша опять вспылил: — А что-же наш юнец, Роман

Владимирович, предполагал сделать, помешать революции?

— Почему же нет, Саша, поэтому он и отдал свою молодую жизнь. Читайте последние донесения с фронта. Победы генерала Врангеля!

— Врангель! — вскрикнул Саша, — Великий полководец, который правой рукой гонит белую армию на позиции «до победного конца», а левой молит иностранцев прислать корабли спасения!

Саша засмеялся нехорошо, злобно. Вдруг его глаза остановились на какой-то заметке, он почти простонал от восторга:

— Катя, смотрите это! Красные уже у Перекопа! — Он вскочил в сильном волнении. — Я сейчас достану последние новости!

Внезапно он замолк. Посмотрел на Катю и с силой привлекая ее к себе, возбужденно зашептал:

— Нет... не хочу больше ничего знать! Все понятно, все препятствия устранены и ты со мной!

Он был как в чаду. Но и в Кате произошла перемена. Сашины слова «не хочу больше ничего знать», были криком ее собственной измученной души. С безотчетным чувством счастья, она почувствовала себя в Сашиных сильных руках, как некогда он подхватил ее, девочку, захлебнувшуюся волной. Теперь их обоих настиг и поглотил девятый вал любви...

Глава XIV

Последнее прости

Большевики вплотную наступили на Крым. В Ялте началась паника и спешная эвакуация. У пристани стояли пароходы, прибывали все новые транспорты, иностранные катеры, простые барки, лодки, толпились какие-то старенькие турецкие фелюги, все, что хоть как-то годилось для помощи и спасения.

Готовых к отплытию горожан были сотни, но прежде всего посадка была для военных и их семейств. Многие, однако, находились в состоянии полной растерянности, нерешимости. Надеялись на какое-то чудо... Некоторые военные энергично помогали при эвакуации, ободряли тех, кто уносился в дальний и неведомый путь, но сами оставались на своей родной земле. Будь что будет...

Были и такие, которые по-своему решали свою судьбу: они кончали самоубийством. За последние часы развернувшейся ялтинской драмы произошли следующие трагические случаи: в комендатуре застрелился ротмистр Еленев, там же, во дворе, при попытке к бегству, был убит коммунист Попов. Есаух Х. пустил ему пулю в затылок, сожалея, что «слишком легкая смерть досталась предателю». Пронесся слух о поручике Лесснере, его кто-то видел за Байдарами, в горах. Он неистово кричал:

— За мной! В штыки! За Царя!

Страшное оставалось позади. Так думали те, кто, наконец, оторвались от черноморских портов. Самая разнообразная флотилия судов направлялась к Босфору, в Турцию. Ночью со стороны Севастополя алел небосклон

от взрывов и пожаров, но днем в открытом море царило удивительное спокойствие, вносило в души беженцев некоторое успокоение.

На второй день пути броненосец «Россия», на борту которого находилось несколько тысяч воинов Белой Армии, сравнился со старым судном «Румянцев». Пассажиры стали обмениваться приветствиями, наставляли бинокли. Одна барышня чуть не свалилась в море, стремясь узнать «нет ли на борту «России» прапорщика Юрочки Переяслова?»

У перил верхней палубы броненосца «Россия» показался высокий военный, это был корнет Жигулев. Он закричал в рупор:

— Екатерина Серебрякова с вами? Здесь ее мать и тетя!

«Екатерина Серебрякова! Катя Серебрякова!» стало разноситься отовсюду с морскими брызгами. Одна дама с парохода «Румянцев» утвердительно замахала головой, платком, закричала:

— Здесь!... здесь!...

Жигулев обернулся к стоящим позади его плачущим Марии Андреевне и тете Анне, сказал:

— Катя у них. Скоро увидитесь в Константинополе.

Катя, узнав, что ее ищут родные, как сумасшедшая выбежала на палубу, но увидела уже далеко ушедший пароход. Ее окружили, говорили:

— Ваша мама... тетя...

Эта неожиданная встреча в море со своими встрепенула Катино сердце, но и ущемила раскаянием. Она легко могла расстаться с ними навсегда...

Но кто поймет, в каком душевном сметении чувств она оставила родной берег.

Последнюю ночь в Ялте она безотчетно отдалась счастью с Сашей. Она смеялась и плакала в его объятиях, он называл ее «своей женой», внесшей в его жизнь полноту, которую может дать только любовь... Он обещал никогда больше не говорить ей о политике, а Катя восприняла это как свое торжество.

Но эта первая и последняя ночь любви многое укрыла для нее, давая лишь простор сияющим мыслям и надеждам. На следующее утро она решила вернуться домой и сказать своим всю правду: она жена студента Саши...

В едва посветлевшей комнатушке Катя зажгла лам-

пу, поставила воду на чай и произнесла терзавший ее вопрос:

— Саша, теперь ты уйдеш от всего этого?

Он сразу подхватил ее мысль:

— От себя уйти невозможно, Катя, ты знаешь, политика — моя жизнь. А теперь, когда мы стоим у преддверия новой России, разве можно отступить назад?

Он тут же прервал себя, подошел к ней с ласковой мольбой:

— Не надо, Катя...

Катя ужаснулась: «Как! Неужели после всех его слов, обещаний, он все еще остается с ними?»

Она обернулась в сторону «тайничка» и проговорила сухо:

— Значить твоя жизнь, Саша, будет там, а моя здесь...

— Катя, глупышка! Неужели ты думаеш, что с приходом коммунистической власти мы останемся жить в этой берлоге? Да ведь мне обеспечено положение ответственного работника здесь, в Крыму! А если ты говоришь о «загородках» между нами...

Он тоже бросил взгляд на «стенку», продолжая увлеченно:

— То я не сомневаюсь, что под конец она для тебя раскроется и ты примкнеш к нашей работе. То, что заложено в тебе родным отцом, — помниш, как ты еще девочкой...

— Саша, — резко оборвала его Катя и быстро отошла в сторону, угол почти укрыл ее темнотой и оттуда донесся ее дрожащий голос:

— Я давно хотела рассказать тебе об одной нашей семейной тайне. Моя мать любила другого... и это был мой отец. Я узнала и полюбила его слишком поздно.

— Я называла его «дядя Ники», — тише, грустно произнесла она, продолжая, — он был замечательным человеком, ничего общего с революционной политикой не имевшим, большой патриот и верный слуга Государя. Помню его слова: «наш талантливый, темпераментный народ должен терпеливо продвигаться вперед, но не с ножом, иначе он уничтожит все и самого себя...»

Слезы послышались в ее голосе, но она продолжала говорить:

— Вот так и пошло, Саша. Эти разбойники, величавшие себя освободителями, спасителями русского народа,

убивают всех, кто не с ними... уничтожают Церкви. Его, моего отца, они убили зверски...

— Ты говоришь опять таки о черни, — негромко заметил он, — так нельзя смотреть на революцию.

— Как не смотри, все одно... разбойники! Разве ты не знаешь приказа твоего славного вождя: «Вешать каждого, кто не с нами!»

Катя в сильном возбуждении подошла к Саше со словами:

— Да, Саша, я хорошо помню, как ты увлекал меня, двенадцатилетнюю девочку, радужной перспективой мирового сдвига. Ты полон этим и сейчас, а для меня все это обернулось ложью... И если ты говоришь, что победа за большевиками и ты остаешься им верен, у меня нет другого выхода, как уйти от тебя навсегда...

Саша смотрел на нее потрясенный, точно не веря серьезности ее слов. Но чутье подсказывало ему, что она уйдет также неожиданно и решительно, как пришла к нему, взволновав его всю жизнь, а сама осталась такой, как была. Та же Катя, жгучий цветок...

Он простонал:

— Ты не можешь теперь уйти от меня...

— Могу...

Это было ее последнее слово. И она ушла. Он кричал ей в догонку:

— Катя, вернись! Не будь ребенком, Катя!

Ей казалось, что он погонится за ней. С сильно бьющимся сердцем она обернулась раз, другой. Позади, во мраке раннего холодного утра, тонула пустынная дорога. Ветер и душевная боль гнали ее дальше. На перекрестке ей попался извозчик, она назвала свой адрес. Мать и тетю Катя застала в слезах, их вещи были сложены. Они, видимо, только и ждали ее. С криком бросились навстречу:

— Где ты была? Мы тебя ищем повсюду. В гостиннице «Россия» тебя никто не видел. Твоя Верочка ничего о тебе не знает и она не была больна.

Катя не смутилась. Буря на дворе и личные волнения владели ею. Она бросила растерянный взгляд на вещи, спросила:

— Вы собрались уезжать?

— Мы должны бежать, Катюша. Все фронты прорваны красными. По распоряжению генерала Врангеля

пароходы забирают всех, а куда — неизвестно, — вскрикивала Мария Андреевна. Тетя Анна перебила ее:

— Я была на пристани, там порядок есть. Говорят, что все это временно, месяц, другой, и мы вернемся. Но лучше на время уехать. Большевики никого не щадят... Теперь, Катичка, главное запастись местами на пароходе. У тебя есть друзья офицеры, через них легче всего устроиться, а то будем спать на палубе. Поезжай немедленно.

Катю уговаривать не пришлось, она сама рвалась скорее бежать. Прежде всего от самой себя: боялась раздумать, остаться...

Было неприглядное утро. Море хмурилось, сквозь туман мерещились скопившиеся суда, качались многочисленные мачты, вздрагивали еще не потушенные бортовые огни, выли протяжно и жутко гудки. Во всем было нечто призрачное, ненастоящее, как в тяжелом сне. Куда исчез чарующий ялтинский причал, розовеющий от первого же солнечного луча, как от нежного утреннего поцелуя? В ослепительный жаркий полдень самый свирепый шквал разбивался о белый камень с веселым смехом брызг...

Теперь все было объято беспомощной волной человеческой массы и горя...

Катя пришла на мол как раз перед отходом большого транспорта, прибывшего откуда-то из далека и уже переполненного военными. Чудилось, что это отправка войск на фронт, с той лишь разницей, что солдаты выглядели безжизненными, как сваленные мешки. Говорили, что из Ялты берут немногих.

Когда пароход стал отчаливать, послышались крики, плач. Катя застыла на месте, — хотя перед ней предстала, казалось, давно знакомая сцена спешной эвакуации, в эти минуты она стала ей невыносимой. И все в ней восстало против отъезда, пришла мысль «не лучше ли поспешить перебраться куда-нибудь подальше, скрыться в гористых лесах... в какой-нибудь татарской деревушке, переждать опасное время, но все же оставаться вблизи дома...» Она подумала о Сергее Константиновиче: «Вот, кто бы понял меня и помог...»

Катя инстинктивно обернулась к группе военных: на нее во все глаза смотрел корнет Жигулев.

— Ваня... — обрадовалась она.

Он быстро подошел.

— А я смотрю на вас, Катя, и не узнаю...

У него дрожал голос, он заговорил, сжимая ее руку:

— Я уполномоченный по отправке беженцев. Вам нужна моя помощь?

Он отвел ее в сторону и прошептал:

— Слыхали, Сергей Константинович застрелился...

У Кати в глазах все потемнело. Жигулев подхватил ее, проговорил, сдерживая слезы:

— Ничем не поможем, Катя, милая... Это его воля.

Они держались за руки, как малые дети, потерявшие вдруг кого-то очень близкого, родного...

Самоубийство ротмистра Еленева, никогда не терявшего присутствия духа, надежд на спасение России, пришло трагическим концом, предвестником похоронного колокола над родиной...

Немного окрепшим голосом Жигулев рассказал Кате, как выскочил из клетки в комендатуре коммунист Попов и был убит наповал. А поручик Лесснер потерял рассудок, скрывается в горах. Стараясь улыбнуться и успокоить Катю, он уже передавал ей привет от Женички, унесшейся на французском миноносце с поручиком Ильяшенко. Корнет старался вспомнить еще имя одной славненькой барышни, жившей в гостинице «Россия», вчера оставившей Ялту со своей матерью. Она умоляла его передать Катеньке Серебряковой, что никогда ее не забудет...

— Верочка, — тихо прошептала Катя.

На вопрос Жигулева «готова ли она отплыть этой ночью на хорошем пароходе?» Катя растерянно поблагодарила его, но отказалась, «она еще не решилась уехать»...

Жигулева кто-то окликнул. Он поторопился, сказав:

— Мы сейчас отправляем большую группу больных на санитарном судне «Румянцев». — Он быстро отошел.

Катя удивилась: название «Румянцев» сразу напомнило ей недавнее путешествие из Севастополя, всю милую компанию. Она машинально подалась вперед к пристани и вдруг узнала старенькое судно. У сходень стоял тот же капитан, Венедикт Викторович! Он заметил ее, козырнул в ее сторону, потом приветливо помахал рукой. Катя словно увидела в нем близкого человека, друга и, как на Севастопольской пристани, в тяжелом одиночестве потянулась к нему. Ее тут же оттеснила большая группа военных: кто был на костылях, кто на носилках или в повозках, сопровождаемые сестрами милосердия и санитара-

ми. В одном из них Катя узнала денщика Николая, он оброс бородой, вид имел новый, степенный, он медленно подвигал повозку с молодым офицером, голова которого была забинтована. Сдав больного на пароход, он пошел обратно. Кате хотелось сказать ему какое-нибудь теплое слово. Она обернулась и вдруг вздрогнула, застыла; ее взгляд потянулся в сторону каменных выступов, излюбленное ложе чаек. Там, как привидение, занесенное порывом ветра, стоял Саша.

Катя заметалась.

«Саша здесь! Он ищет ее!»

Горячая волна залила ее щеки, сердце забилось бешенно, она рванулась вперед, к нему, но ее мозг сразила мысль:

«Подчиниться его воли?»

И повинуясь другому, почти отчаянному решению, «нестись от него дальше, чтобы он последовал за ней», она ринулась сквозь толпу на пароход. Ее толкали, извинялись, слышались сердитые голоса:

— Барышня, куда вы? Здесь раненые, больные...

Но остановить Катю было невозможно. Она пробивалась вперед, сама толкала людей и все оглядывалась на камни. Когда она заметила, что Саши там больше нет, стала искать его ближе. Кто-то помог ей взобраться по трапу, кто-то произнес жалостливо:

— Бедная, что с ней? Она кого-то потеряла...

Что было в последующие минуты, Катя плохо соображала. Как неприступную крепость, маленький пароход осаждали те же калеки, больные, а она сновала между ними в тщетных поисках капитана, чтобы молить его увезти ее и еще одного молодого человека из Ялты... Потом она долго безудержно рыдала, забывшись на чьей-то груди.

Она пришла в себя в открытом море. Темнота и тишина окружали ее, лишь откуда-то доносилось бульканье воды, тянуло сыростью. «Где я?...»

Постепенно Катя поняла, узнала, что находится в той же офицерской каюте, которая однажды приютила ее, и лежит на том же самом диване.

«Я на пароходе «Румянцев», но почему мы стоим? А Саша?» проносилось в ее голове. Когда ее глаза привыкли к темноте, она различила в углу коленопреклоненную

женскую фигуру, узнала в ней графиню, в той же форме сестры милосердия. Катя едва произнесла:

— Графиня...

Первую их встречу нельзя было назвать знакомством, тогда они обе были отвлечены своими глубокими переживаниями, почти не обмолвились словом. Теперь все было иначе.

Елизавета Петровна подошла к Кате, наклонилась над ней и сказала мягко:

— Вы нас напугали, девочка. Ваша головка так и упала мне на грудь. Мы думали, вы больны, хотели положить в лазарет, но у вас оказался лишь обморок. Когда вы немного пришли в себя, стали плакать, кого-то звать, вам дали снотворное.

Она коснулась Катиной головы, погладила ее спутавшиеся волосы, продолжая:

— К счастью, вы проспали несколько часов. И какая перемена, порозовели, похорошели. А теперь я должна вас накормить, Катя, ведь это ваше имя, не так ли?

Она помолчала и добавила с некоторой запинкой в голосе: — Я также должна вас предупредить, моя детка, что мы ушли далеко от Ялты...

Она словно боялась сказать это, но Катя, словно зачарованная лицом и голосом графини, чем-то напомнившей ей Серафиму Семеновну, молчала. Бывает так, что какая-то сходная черточка с дорогим лицом сразу притягивает, как нечто близкое, дорогое...

Катя вся потянулась к Елизавете Петровне, готова рассказать все, что начинало возвращаться в ее памяти, но почему-то сдержалась и только произнесла:

— Я думала, мы стоим на месте. Так тихо... А где все? — Она припомнила тех, кто раньше встретился ей здесь: капитан Венедикт Викторович, его помощники.

Елизавета Петровна заговорила громче:

— Трагическая обстановка эвакуации заставила «Румянцева» принять на борт, кроме больных, и других пассажиров. Больше, чем могло вместить это госпитальное судно. Некоторых пришлось разместить в кают-компании, да и в каюте капитана набралось человек десять. А сейчас, — едва улыбнувшись, добавила Елизавета Петровна, — вся наша публика наслаждается необычайной погодой. Моряки давно уже не помнят такого затишья на Черном Море в ноябре.

Графиня перекрестилась.

— Сама рука Божья выводит нас на другой берег, Катя, — промолвила она.

В каюте просветлело, Катя ела за столом с аппетитом бутерброд и пила молоко. Елизавета Петровна сидела напротив и смотрела на нее, одобрительно улыбаясь, как маленькой девочке. Но глаза ее были полны грусти, она продолжала говорить:

— Новороссийск мы оставили в тяжелых условиях; сильные ветры, свирепое море. Нас бросало, как щепку. А в городе повальный сыпной тиф, многие умирали, многих приносили на берег, нужно было их спасать, большевики близко, обстрелы, пожары, каждая минута грозила гибелью. Боялись, что не уйдем. Но наш славный капитан не растерялся.

— А больные? — спросила Катя.

Елизавета Петровна, опустив голову, сказала дрогнувшим голосом:

— Спасли немногих. Трое умерло здесь. Одна девушка... — Графиня вдруг поднялась, засуетилась.

— Вот, я вспомнила, Катя. Ведь вы случайно очутились на нашем транспорте, без всяких вещей, кроме маленькой сумочки, которая лежит под вашей подушкой, а у меня есть вещи, которые остались от этой девушки: молоденькая княжна, одинокая, потерявшая свою семью. О, Боже, ее имя так-же было Катя и она чем-то походила на вас. Эти вещи она так и не надевала, они остались в ее чемоданчике. Ее, как белую птичку, опустили в море с привязанными тяжестями на ножках, чтобы легче пошла ко дну...

Сдерживая слезы, Елизавета Петровна смолкла и отошла. У Кати было желание остановить ее: смерть девушки с ее именем, похожей на нее, похороненной на морском дне, вызвала в ней ужас. Она ни за что не будет носить ее вещей!... Но тут же Катины чувства раздвоились; испуг и жалость к погибшей княжне и ее внезапное радостное сознание, что она, Катя Серебрякова, жива! И если она также оказалась на положении бездомной беженки, то это еще не конец. На первой же пристани, к которой причалит их пароход, она снесется с Ялтой, со своими. Мать и тетя уже привыкли к ее частым отлучкам, она и на этот раз найдет, что им сказать...

Катя успокоилась, подбодрилась. На вернувшуюся Елизавету Петровну взглянула с теплой благодарностью, она чувствовала, что эта прекрасная женщина так-же ждет от нее каких-то объяснений, подолгу задерживая на ней свой взгляд. Кате хотелось броситься перед ней на колени, как перед святой и поверить тайну своей жизни. В ее голове сумбурно носились мысли о себе и Саше... Последние дни и ночи с ним. Она старалась убедить себя, «что это должно было случиться... так, вероятно, начинается жизнь каждого, который любит... Он называл ее своей женой... Но потом что? Где он? Почему он остался в ее воображении миражем на бледном небе?»...

Вот в чем ей хотелось открыться перед Елизаветой Петровной, согреться ее участием, а, быть может, советом.

Но их уединение было нарушено, в каюту входили посторонние. Елизавета Петровна успела отвести ее в сторону, куда-то за массивный шкаф. Протянула чемоданчик со словами:

— Поскорее приведите себя в порядок, Катя.

В полуоткрытый иллюминатор струился бледный свет потухающего дня, обдавало свежестью моря. На стене висело зеркало, был рукомойник и другие удобства маленькой уборной. Катя открыла чемоданчик. За перегородкой она услышала голоса, смех, каюта быстро наполнялась людьми. Чей-то женский голос воскликнул:

— Я предупреждала тебя, Наденька, завяжи на горле шарф. Вот он и сорвался ветром. Такой роскошный шелк!

Мужской голос весело подхватил:

— Зато Надежда Николаевна выглядела в нем у борта, как у барьера ложи первого яруса!

Донесся почти детский робкий протест:

— Но я, мама...

И тут же был заглушен прекрасным баритоном, запевшим на цыганский лад:

«Твой шарф пронесся мимо,
Сквозь волны голубые,
Что-бы вернуться снова
В края родные...»

Смех, аплодисменты раздались в каюте. Кто-то заиграл на пианино, в углу стоял старенький инструмент. Его нотки отдавали бренчатым звоном, но не плохой пианист

отлично исполнял на нем шопеновский полонез. Концерту помешало извечное препятствие: пароход качнуло раз, другой, не сильно, но достаточно, чтобы испортить настроение. Кто из смертных любит морскую качку? Стихли голоса, музыка, но зазвенела уже посуда, матросы накрывали к ужину.

Катя волновалась, словно готовилась к специальному выходу. Однако ее разбирало любопытство увидеть людей внесших оживление: Наденьку, певца, пианиста. Не знает ли она кого-нибудь по Ялте? Изысканные одежды княжны помогли Кате преобразиться, в чемоданчике оказались и французские духи.

Она, наконец, вышла из своего укрытия в ярко освещенную каюту. На нее сразу никто не обратил внимания, все стояли вокруг стола с лицами обращенными ко входу.

Вошли капитан и еще несколько человек, кто в морских формах, кто в штатском платье. Появился священник. Как только капитан и остальные заняли места у стола, батюшка, не садясь, произнес несколько приветливо-напутственных слов. Благословил капитана, его экипаж, всех присутствующих и опустился на стул.

Катя не двигалась. Елизавета Петровна пришла к ней на помощь. Она сама подошла к столу с некоторым запозданием и, заметив Катю, громко объявила:

— А вот еще наша прелестная гостья, Катя Серебрякова из Ялты.

Графиня поманила ее рукой. Капитан привстал и сказал с улыбкой:

— Очень рад, барышня, что все обошлось у вас благополучно.

Раздался чей-то громкий голос:

— Серебрякова из Ялты?

Голос принадлежал сидящему около капитана статному старику, с небольшой бородкой, в штатском и с какой-то цветной ленточкой в петлице. Он смотрел на Катю с нескрываемым интересом и, когда она села за стол рядом с графиней, заметил:

— Серебряковы довольно распространенная фамилия в России. Но я хорошо знал по Ялте Андрея Федоровича Корсакова. Не будете ли вы, барышня, его внучкой? Помню, у Андрея Федоровича были две дочери красавицы, да и их мать славилась красотой, урожденная княжна Терская. Одна из дочерей, кажется младшая, вышла

замуж за некого Серебрякова из Москвы. Брак оказался недолгим...

Он помолчал, сделав деликатную паузу. Видимо, он знал многое и как большинство старых людей, любил вспоминать и поговорить. От неожиданности Катя смутилась. Графиня шепнула ей:

— Это генерал-лейтенант, большой друг капитана, крымский помещик. На пароходе он его личный гость.

— Да, я из этой семьи, — произнесла Катя, улыбнувшись генералу.

На нее уже смотрели все. А Катю обуяла радость: «ее знают здесь... ее дедушку... мать...»

Елизавета Петровна сказала ей тихо:

— Вот вы и среди своих друзей, дорогая девочка.

Пароход шел плавно, на всех лицах отражалось спокойствие и довольство, будь-то ничего страшного не произошло. Матросы разносили еду. Запахло жареной рыбой, свежими огурцами.

Катин интерес перешел к окружающим, она без труда догадалась, которая была Наденька: эта миловидная девушка лет 17-ти сидела рядом (тоже не трудно было догадаться) со своей матерью, немного чопорной особой, очень нарядно одетой. Она поминутно смотрела на свою дочь, следила за каждым ее движением, отчего у девушки было напряженно-кукольное выражение лица. Другая старушка почему то капризничала, а за ней трогательно ухаживал высокий офицер с перевязанной рукой, вероятно ее сын. Его называли поручик Матвеев. У него был звучный красивый голос и Катя догадалась, что это он пел в каюте. Потом следовала еще какая-то супружеская чета увлеченная едой. Эта милая дама обратилась к Кате с ласковым замечанием:

— А вы, я вижу, ничего не едите, барышня. Это не благоразумно в морских путешествиях.

На Катю повеяло памятным голоском старушки Варвары Онуфриевны. Странно, люди, которых она видела впервые, казались ей чем-то давно знакомыми и мало интересными. Но она сознавала, что ей нужно быть со всеми приветливой, поскольку приходилось находиться с ними. Катина тарелка с нетронутой едой была убрана, подавали фрукты, кофе. Ее начала привлекать официальная часть стола, там шла оживленная и шумная беседа, пили вино, провозглашали тосты, упоминалось имя гене-

рала Корнилова. Личный гость капитана воодушевленно рассказывал что-то своему соседу. Катя только сейчас обратила внимание на этого пассажира: молодой человек почти был скрыт крупными фигурами генерала и морского врача. Он был очень худой, темные волосы, спадающие на его лоб с густо сросшимися бровями делали его лицо хмурым. Его немного вытянутая рука с длинными пальцами отбивала на столе какой-то музыкальный ритм. Катя мигом решила, что это и есть пианист. Вдруг этот, до сих пор незаметный молодой человек, встал, встряхнул головой и, весь подаваясь вперед с рюмкой вина, громко обратился к генералу:

— Ваше Превосходительство, вы не раз поднимали бокал за славные победы России, позвольте же и мне поднять сейчас бокал за ее великое поражение!

Невероятная едкость и дерзость послышались в этих словах, ошеломив всех.

— Вы не трезвы, молодой человек, — резко сказал генерал.

— Пьян, Ваше Превосходительство, а потому говорю правду! — почти прокричал тот. Около него очутился побагровевший поручик Матвеев. Капитан как-то недоуменно развел руками и произнес примиряюще:

— Господа, каждому дано право переносить по-своему наши тяжкие времена, наш уход... А молодому человеку подавно потерять и всякую веру.

Катя испуганно взглянула на Елизавету Петровну.

— Кто это такой? Музыкант?

Графиня едва слышно ответила:

— Да, он прекрасно играет. Учился. Но по профессии журналист, писал в крымских газетах, состоял секретарем у генерала, который очень благоволит к нему и теперь взял его с собой. По-моему, он просто невежда. — Она встала, поднялись и другие. Батюшка напомнил о вечерни. После его ухода, капитан с помощниками и почти все остальные вышли из каюты. Остался на месте генерал, а виновник неприятного инцидента куда-то исчез. Катя смотрела на старика. С его лица полностью сошла прежняя оживленность, исчезла улыбка, тяжелые складки легли у губ, веки покраснели. Он выглядел постаревшим, одиноким и несчастным.

«Таким бы мог быть мой дедушка»... почему-то подумала Катя и с невольным приливом жалости, тепла, хоте-

ла подойти к нему, как вдруг раздался голос:

— Вот так картина!...

Из темноты выделилась фигура секретаря. Он воскликнул:

— Ваше Превосходительство! Скорее подойдите сюда! Исторический момент!

Генерал встал. Катя очутилась между ним и молодым человеком, который бросил на нее быстрый взгляд. А генерал негромко сказал:

— Вы, кажется, незнакомы: барышня Серебрякова, а это мой секретарь, журналист, музыкант и буян, Геннадий Дмитриевич Казакевич.

Молодой человек немного церемонно поклонился и с нетерпением повторил:

— Ваше Превосходительство, не пропустите, сюда, сюда, вот зрелище!

Сквозь круглое оконце виднелось темнеющее море, сливаясь вдали с небом; в розовеющей полосе заката феерически выступали силуэты пароходов. Они шли один за другим, словно шли отовсюду, собираясь вместе и отплывали кто куда, может быть на самый край света.

В этом было что-то символическое и страшное...

Генерал взглянул и сразу же отошел. Сердце Кати сжалось, она сама успела взглянуть на заход, поняла, что все эти пароходы так-же полны русскими беженцами. Ей было неприятно слышать тот же громкий, оживленный голос молодого человека, а он не отходил от своего начальника и снова чем-то раздосадовал его.

— Геннадий, мне не нравится ваше настроение, — негромко проронил старик.

— Не знаю, почему, Ваше Превосходительство, — словно потешаясь, издевался над ним Казакевич, продолжая:

— Вы всегда ценили меня за откровенность. А как иначе я могу принять наше отступление? Как праздник, который, простите, чувствовался здесь за столом с выпивкой. Вот почему я не сдержался.

Генерал спокойно произнес:

— Капитан правильно сказал: каждому дано право переносить по своему нашу беду, но веру не всякий из нас потерял. Пока она в нас, мы не теряем и надежды... Мы все таки идем под своим флагом и с нами наш славный генерал Врангель.

Молодой человек коротко усмехнулся.

— Ваше Превосходительство, ведь это одни слова, вы сами это отлично понимаете. Несмотря на всю отвагу генерала Врангеля, он больше не главнокомандующий, а такой-же беженец, как и мы. И теперь он всецело зависит от тех же союзников, что я считаю худшим унижением.

На какой-то невольный протест генерала, он продолжал горячо:

— Подождите, когда нас еще не впустят в Константинополь, а будут таскать по всяким ближайшим островкам, лагерям, под присмотром французов, англичан!

— Замолчите! — вырвалось у генерала. Он добавил раздраженно:

— Вы сели на своего любимого конька, Геннадий! Помните, у нас нет другого исхода...

— Есть, Ваше Превосходительство!

Послышался шум резко отодвинутого стула, генерал, сильно согнувшись, быстро вышел из каюты.

Катя не знала, что ей делать. Уйти? Скрыться? В то же время странная сила приковала ее к месту, поднималось и возмущение невеждой и буяном. Она приблизилась к нему со словами:

— Извините меня, но я не могла не слышать ваших саркастических упреков. Как вам не стыдно! Ведь он русский генерал.

Казакевич как будто смутился.

Они теперь оба стояли друг против друга. Катя говорила горячась:

— Я слыхала, что он к вам прекрасно относится, взял вас с собой, чтобы спасти...

— Барышня, — сухо перебил ее Казакевич. Он встряхнул прядями своих волос и она увидела близко его глаза; с острым пронизывающим взглядом он продолжал:

— Вы, барышня, мне кажетесь очень незаурядной особой. Я еще за столом заметил, как вы ко всему присматривались, прислушивались и ничего не ели. Мне это очень понравилось в вас. Ведь в большинстве люди уродливы, когда занимаются едой, насыщают свои утробы: щеки краснеют, раздуваются, лица тупеют. Получается самодовольство пищеварения, противно смотреть, особенно, когда душа не на месте.

— Чья душа? — презрительно отозвалась Катя.

— Да хотя бы моя! Вы думаете, что я сам не знаю

заслуг нашего генерала. Я у него в секретарях десять лет. Он пишет книги по морскому вопросу, очень ценные труды. И какие у него еще свежие мозги в семьдесят три года! Он вдовец, одинокий, независимый, ему бы оставаться в России, быть там на виду, на пользу народа, родины, а он бросает все. Если бы еще подумал обеспечить себя солидным вкладом в международном банке, а ведь я знаю, что это не так. Он сорвался с места без копейки и теперь несется в полную неизвестность. Вот я и хочу осветить перед ним факты. Я его хочу спасти! Хочу вернуть его обратно, возможность есть, так же вернусь и я!

Катя, как-то внутренне содрогнувшись, сказала:

— Он никогда не вернется! Он царский генерал и я уверена, что у него найдутся друзья заграницей.

— Без денег ему везде крышка! — ядовито отрезал Казакевич.

— Его друг капитан Венедикт Викторович, — не сдавалась Катя.

Смех сорвался с уст молодого человека, он воскликнул:

— Барышня, да ведь наш капитан сам себе не поможет. С этим-то старым суденышком? Разве еще развозить сухую рыбу на Босфорском проливе и то греки не допустят. Счастье капитана в одном, — понизил он голос, — с ним женщина, сильная, культурная.

На удивленный взгляд Кати он продолжал:

— Вы не знали? Сестра милосердия, Елизавета Петровна. Они давно любят друг друга, а с тех пор, как она потеряла мужа на войне, не расстаются. Вот ей-то не трудно будет найти работу в «Красном Кресте», или в посольстве. Она графиня, аристократка.

Катя словно пьянела от его слов. Казакевич был ей неприятен, а вместе с тем она не перебивала его, он чем-то притягивал ее, интересовал, но и вызывал на отпор. Она заметила ему веско:

— Вы ненавидите аристократов!

— Наоборот, я их ценю, как все породистое, красивое. Аристократы, зачастую, выглядят, как драгоценные камни рядом с грубым металом... Демос и аристократия! Если они совершенно искоренятся у нас на Руси, станет бледно, скучно. Под конец получится одна серая масса — пролетариат!... Вот почему я болею за бегство наших видных, замечательных людей. Хочу доказать им, что они

нужны и должны помогать революционной России. Ученый Павлов остался, князья Шереметьевы пожертвовали своими богатствами, музейными редкостями... Много там таких. Я сам из интелигентов, отец горный инженер, мать знатного рода грузинка. Не даром у меня такие бровы! — Он рассмеялся.

— А в Бога вы, уж конечно, не верите... — не унималась Катя, словно желая чем-нибудь досадить ему, но Казакевич был неуязвим. Он произнес задумчиво:

— На это ответить трудно. Пожалуй, что нет, но еслибы мне сказали, что Бога нет, знаю, стало бы страшно...

— Вы из Ялты? — спокойнее спросила она.

— Я из Баку, но весь Крым хорошо знаю. А Ялту люблю.

— Вам знакомо имя Александр Аничков? — сорвалось вдруг с ее губ.

— Саша? — просиял он. — Мой политический приятель! Саша молодец. Он всегда напоминал мне героя Гете — Вертера-мечтателя. Я давно его не видел, ходили слухи, что он отбился от рук, влюбился, вот так же в какую-то красавицу аристократку. Конечно пошли нелады: ее семья, революция, он коммунист... Кажеться расстались. Тем лучше. Это не героиня его романа, женщина, готовая идти с ним на всякую жертву и борьбу во имя любви к родине, к многострадальному народу...

«В революции любви нет, одни злодеяния», готова была сказать Катя, но сдержалась и, чуть побледневшая, отошла в сторону, к столу, взялась за него.

— Качает? — посмотрел на нее Казакевич.

— Да, я лучше лягу...

— Корабль качает, но мы не тонем. Кто это сказал? — Он добавил оживленно:

— А я выйду на палубу.

— Не мучьте его... — прошептала Катя.

— Не беспокойтесь, барышня. Поверьте мне, наш генерал уже колеблется. Вы заметили его слезы?

Он вышел. Катя смотрела ему в след, не знала, что ей думать об этом странном человеке: несдержанный, безжалостный, он, однако, подкупал своей непосредственной прямотой, откровенностью. Каждое его слово задевало, но словно говорило: «Я жесток, но справедлив»...

Он словно убедил и ее в чем-то. Обезкуражил ее бег-

ство, напомнил ей Сашу, каким она его знала и любила. Ее также мучительно охватило беспокойство за мать и тетю, так опрометчиво оставленных ею. Все это вдруг предстало перед ней горьким укором, устыдило и вдруг привело к самому неожиданному решению: «если вернется генерал, вернусь и я!»

Каюта снова наполнилась «своей» публикой. Все готовились ко сну, принесли складные постели. Женщины оставались на ночь в каюте, мужчинам предстояло спать на палубах под покровом теплого, звездного неба.

Но Кате было не до сна. Она легла на диван, чтобы только поскорее уединиться. Она знала, что никому из всех присутствующих не могла бы довериться, поведать свои мысли и планы. К Елизавете Петровне ее больше не тянуло. Откровение Казакевича разрушило ее обожание этой женщины, она видела в ней теперь «грешницу». Ее строгая одежда с косынкой, как у монашенки или святой, перед которой ей хотелось стать на колени, вызвала в ней насмешку: «а сама целуешся с капитаном»... приходила ей в голову мысль.

Поздней ночью каюта была погружена в глубокий сон. Сказывался день полный необычайных переживаний и потрясений. И если «беглецы» вначале держали себя бодро, оживленно, то сейчас настала та минута, когда каждый хотел забыться. Сквозь дыхание спящих прорывались вздохи, стоны, послышался Наденькин голосок:

— Мама... где мы?

Ответом ей был лишь тяжелый скрип перегруженного судна. Из иллюминатора шел слабый свет, едва освещая угол, откуда донесся шопот:

— Спаси... спаси...

Это молилась Елизавета Петровна, в той же коленопреклоненной позе, перед иконой Христа.

Что-то больно сдавило Катину грудь. Ей стало мучительно стыдно за свои мысли об этой чудесной религиозной женщине, казалось, всецело поглощенной заботой о других, как и сам капитан, щедро и чутко расточавший милосердие ближнему. Не в этом ли главная сила их привязанности и любви друг к другу?

Катя перенеслась мыслями к себе: «Что сблизило ее с Сашей, как не обоюдные чувства добра и сострадания?» И тут же ей стало сладко от мысли: «Я вернусь к тебе, Саша, как твоя жена»...

Постепенно она забылась в благодатном сне.

Она открыла глаза, когда на пароходе возобновилась жизнь. Каюта была пуста. Она сразу вспомнила вчерашний день, Казакевича, генерала. Этот наступивший день должен был решить многое...

Она быстро одевалась, как вдруг в каюту вбежала Наденькина мать, возбужденно вскрикивая:

— Мадемуазель Серебрякова! Скорее, вас ищут с парохода «Россия». Там ваши родные!

Катя обомлела.

— Скорее... скорее... вы можете увидеть их еще в бинокль!

Увы, Катя опоздала. Большое судно «Россия» ушло вперед. У барьера столпилась публика. Кто-то давал Кате бинокль, кто-то обнимал ее и поздравлял. Слышались восклицания:

— Смотрите, это что за корабль?

— Броненосец! Англичане!

— Они все же оказывают помощь!

— Почему же нет, морально они не откажут.

— Мне всегда нравились англичане, настоящие джентельмены, — выразилась какая-то пожилая особа в пенсне. Другая дама зааплодировала в сторону броненосцев. Замахали платочками. Англичане отдали салют «Румянцеву». Дамские комплименты уже сыпались по адресу всех союзников.

А Катя металась. Огромная радость, которую она почувствовала благодаря неожиданной встрече со своими в море, вызвала в ней так же и беспокойство. Не осложниться теперь ее возвращение домой? Она искала Казакевича, только он мог бы разрешить все. Но где он? Где генерал? Примирились ли они? Разрешилась ли их проблема?

При одном взгляде на них она бы поняла все, но их не было видно. Катя в глубоком волнении решила подойти к капитанской каюте, там мог бы сказаться генерал... Но не дойдя еще до каюты, она увидела капитана, тот спускался со своего мостика, нечаянно преградил ей доступ в каюту, посмотрел на нее не без удивления. А у нее возникли важные вопросы к нему: «Скоро ли они прибудут в Константинополь? Сможет ли она снестись с пароходом «Россия», на котором оказались ее мать и тетя? Заготовлены-ли в городе комнаты для беженцев?»

Венедикт Викторович как-то просто сознался, что сам находится в затруднении относительно судьбы своих пассажиров. Он до сих пор не получил из Турции точных распоряжений и даже не уверен, разрешат ли сойти пассажирам на берег.

— Нас, барышня, могут отослать на острова, где подготовляются лагеря.

Катя отошла от капитана с тяжелыми чувствами и мыслями: «Да, Казакевич был прав... Русских ожидают Бог знает какие мытарства. Но где же он?»

Оставалось лишь ждать времени завтрака.

К полудню солнце заливало палубы и многие устроились, как на пляже; лежали, играли в карты, спали. Катя заметила в нежной паре притаившихся Наденьку и поручика Матвеева. Было похоже, что семнадцатилетняя барышня и боевой офицер прятались от своих мамаш.

Подходя к своей каюте, Катя поразилась, она услыхала чью-то игру на пианино. «Неужели?»... только подумала она и не ошиблась. Казакевич в одиночестве играл что-то красивое, бурное. Катя осторожно села в стороне. Сильные аккорды чудесной музыки захватили ее слух и душу. Звуки становились стихийными, как волны...

Казакевич вдруг встал, Катя подошла к нему.

— Вы прекрасно играли...

Он не удивился ее появлению, спросил:

— Вы понимаете музыку?

— Больше чувствую ее. Что это вы играли?

— Скрябина. Мой любимый композитор, своего рода — новатор, революционер в музыке, — чуть улыбнулся он.

Кто-то вошел.

— Вы будете здесь на завтраке? — поспешно спросила она.

— Нет, я занят.

— У меня к вам важный вопрос. Кстати, как поживает генерал, я его не вижу.

— Он у капитана, много пишет и в прекрасном настроении. Вы не поверите, этой ночью мы с ним дружно просидели у канатного ящика. Почти до рассвета. И знаете, что он мне сказал?

Катя вздоргнула.

— Что?

— Ты Геннадий молодец. Ты горишь интересами родины.

— Значить, он вернется? — чуть слышно вырвалось у нее.

— Не сомневаюсь. Под вечер, барышня, я буду к вашим услугам.

Он вышел.

В длительных путешествиях, особенно при общих интересах, попутчики сходятся; каждое лицо становится знакомым. Его узнаешь или вспомнишь везде, получается одна большая семья. И если не связаны кровными узами, то теми невидимыми и возвышенными нитями, которые есть в душе каждого и которые создают близость...

Завтрак прошел скучно. Не пришел главный член «семьи» — капитан, его пустующее место вызывало тревогу. «Не случилось ли что с пароходом?» Отсутствовал генерал и не было Елизаветы Петровны. Говорили, что она занята в лазарете, где не хватает рук, — кто-то тяжело болен. Не пришел батюшка.

Каково же было всеобщее удовольствие, когда к ужину собрались все. Капитан к тому же известил, что наконец из Турции пришли важные и вполне удовлетворительные распоряжения. Начались взволнованные расспросы: капитан не мог ответить на все, но стало ясно, что «Румянцев» останется в Константинополе. Прежде всего, с парохода будут сняты больные, остальные сойдут на пристань после карантина.

— Между прочим, — чуть повысив голос, произнес он, — все военные обязаны сдать свое оружие.

— Кому? Союзникам? — взорвался поручик Матвеев.

— Кому же еще? — обернулся к нему Казакевич, добавив едко, — дайте им возможность порисоваться перед нами. — Он рассмеялся, рассмеялись и остальные.

Ужин продолжался в той же оживленной и непринужденной атмосфере.

Кате удалось поговорить с Елизаветой Петровной, которая узнала о Катиной встречи в море. Она сказала:

— В Константинополе не забудьте, детка, помолиться в Церкви и поблагодарить Господа за ниспосланную вам радость. — Катя промолчала, она опять-таки не могла сознаться графине, какая другая радость и надежда вселились в ее душу. Она больше не сомневалась в решении генерала. За столом он выглядел спокойным, несомненно

находясь уже в полном согласии, если не в подчинении своему буяну Геннадию.

Катя ликовала. В эту минуту она прониклась особенно теплым чувством к старику, теперь ее связывала с ним большая и дорогая тайна. После ужина она хотела подойти к нему, но генерал как-то незаметно ушел, за ним скрылся Казакевич. Катя успела переглянуться с молодым человеком, как бы напоминая об их условленном свидании.

Вечер наступил быстро, погода изменилась к худшему. Небо и море заволоклись сероватой пеленой, накрапывал мелкий дождь. В каюте затеяли игру в лото. Катя нашла момент, чтобы выйти на палубу. Вокруг никого не было. Это ее обрадовало, «никто не должен увидеть ее с Казакевичем»...

Взбудораженные мысли судорожно бились в ее голове. Со своей мольбой об устройстве ее обратного возвращения в Россию она решила открыться Казакевичу, «она та девушка, которая ушла из жизни Саши Аничкова»...

Сквозь мглу, постепенно окутывавшую пароход, Катя заметила какие-то фигуры быстро спускающиеся по лестнице, ведущей к трюму, где находился лазарет. Она вспомнила о тяжело больном... но ее ничто не трогало серьезно. Наростало свое волнение и ожидание, каждую минуту должен был показаться Казакевич. Она подумала: «Как только все устроится, я передам через него мою горячую благодарность генералу. Ведь это он решил все!»...

Вдруг Катя вздрогнула, она увидела Казакевича, который бежал к ней и, не останавливаясь, исступленно закричал:

— Генерал бросился в море!!!

❋ ❋ ❋

Глава XV

Перелеты...

Константинопольская гавань была густо запружена пароходами, Босфор заполнен всевозможными судами, лодками, торговыми барками и шкунами. Беспрерывно носились моторные лодки, военные катеры, шлюпки, доставляющие некоторых пассажиров с переполненных бортов на берег Галаты, где в каком-то хаотичном скоплении разного люда, казалось как нигде еще, наглядно отражалась какая-то свершившаяся на земле страшная катастрофа. А с другой стороны Босфора, в изумрудных тонах раннего утра, открывалась молчаливая и мистическая панорама византийского города: старые дворцы, густые сады, минареты, золотились купола мечети Айя-София.

Пароход «Румянцев» остановился на рейде напротив Галаты. После самоубийства генерала, тело которого унесло течением, на пароходе долго чувствовалось уныние, только за несколько часов до прибытия к турецким берегам публика встрепенулась. Носились странные слухи, будто «все пароходы с русскими беженцами будут отправлены в Африку. Мужчин сбросят на какие-то необитаемые острова, женщин повезут показывать султану»... К последнему можно было отнестись, как к шутке, но некоторые дамы заволновались, с блестящими глазами спрашивая друг друга: — Вы слыхали?

Разнесся еще один слух: «Капитан напился до бесчувствия»...

Первые официальные лица, появившиеся на «Румянцеве», были французы, представители Красного Креста.

Спешно были сняты больные и раненые, уехал священник. Следующими прибыли два английских офицера в сопровождении молодого русского военного. Англичане с мало выразительными лицами направились в каюту капитана, где их встретили помощники. Русский офицер почему то задержался, подошел к первой попавшейся ему на глаза фигуре в солдатской форме. Это был пароходный повар Василий Иванович Панчук, рядом с ним стояла его жена, прислуга Ксения. Повар вытянулся, вытаращив глаза на офицера. А тот, подмигнув ему, тихо сказал:

— Слушай, дружище, англичане отбирают у наших оружие. Передай здесь каждому, у кого оно есть, чтобы скрыли. Можно продать на набережной за десять, пятнадцать турецких лир. Только осторожно.

Солдат просиял: — Ваше благородие, у меня браунинг, как это сделать?

— Доберись до Галаты, там гуляй. Когда заметишь на себе пристальный взгляд местного жителя, особенно кто в красной феске, покажи ему кукиш. Это условный знак.

Англичане возвращались, неизвестно каких результатов они добились по сбору оружия у русских. Теперь на их лицах было нечто вроде недоумения или сдержанного смеха. Русский уехал с ними, очевидно являясь у англичан официальным помощником и переводчиком.

Началась разгрузка «Румянцева». Пассажиры первого класса пока были оставлены в покое, если можно назвать это покоем. Среди них наступила растерянность, неразбериха. Никто не знал, что делать, чего ждать. Капитана не было видно, его помощники носились как угорелые, графиня отсутствовала.

Катя находилась со всеми на палубе, с безотчетным желанием поскорее выбраться на берег. Кое-кто из своих все же оставил пароход; как выяснилось, их кто-то знал в Константинополе. Так уехали на моторной лодке поручик Матвеев и его мать. А к «Румянцеву» незаметно со стороны стали подплывать старые лодки, какие-то торгаши протягивали черные, грязные руки, выкрикивали: «Поликала! Кала!» Предлагали купить халву, маслины, табак и тут же делали знаки: за плату перевезти желающих на берег. Таких оказалось не мало, пассажиры стали исчезать. В одной из лодок Катя увидела Казакевича. Она

не видела его с той страшной ночи, избегала его, он также, возможно, не хотел показываться ей на глаза. Сейчас они оба столкнулись взглядами. Он крикнул:

— Обязательно расскажу Саше о нашей встрече!

Катя отпрянула от перил, в ужасе подумав: — Он сам догадался, кто я!

Маленький катер прибыл за поваром. Василий Иванович, прощаясь со всеми, объяснил, что его давно пригласили стать шефом одного большого ресторана в Константинополе. Его жена, с которой Катя не раз разговаривала, подошла к ней и дала клочек бумажки, прошептав: — Барышня, заезжайте к нам, это наш адрес в городе. Будем рады.

Она тут же расплакалась. Катя поблагодарила ее, невольно подумав: «Кто знает, может быть пригодиться»...

Наконец появилась Елизавета Петровна, за ней следовали два французских лейтенанта. Графиню окружили. Французы остановились в стороне. Катя инстинктивно отошла в сторону и заметив, что на нее никто не смотрит, почти бегом помчалась к капитану. Дверь его каюты была открыта, Катя увидела Венедикта Викторовича за столом в компании откуда-то взявшихся трех иностранных моряков. Все они пили из рюмочек золотистый напиток, бутылка с названием „whiskey" стояла перед ними.

Капитан выглядел непривычно неряшливо, с открытым воротом своей тужурки. Он посмотрел на вошедшую Катю усталым взглядом, в котором будто выразилось: — «Ох, уж эта мне девица»...

Катя, волнуясь, начала: — Венедикт Викторович, я к вам на минуту. Помогите мне. Елизавета Петровна с французами, похоже на то, что они возьмут нас куда-то.

— Да, барышня, — спешно перебил он ее. — Французские власти должны сделать перепись беженцев, чтобы устроить их в специально для этого организованные лагеря. Судьба многих прибывших еще не решена, но такая временная помощь необходима. Вы что-нибудь имеете против?

— Я не хочу с французами!

— А с американцами хотите? — как бы пошутил он и обернулся к своим гостям. А они, с момента Катиного появления, стояли. Венедикт Викторович с улыбкой, вновь вернувшейся на его добродушное лицо, что-то сказал им по-английски и они рассмеялись. Капитан попро-

сил всех сесть и пододвинул Кате стул. Она отказалась, едва сдерживая слезы. Что-то мучительно обидное охватило ее сердце, она вскрикнула:

— Я ни в ком не нуждаюсь, капитан! Я хочу уехать на берег. У меня в Константинополе есть друзья. Они ждут меня. — Она показала записку прислуги, продолжая: — Это очень влиятельная особа.

Капитан, не взглянув на записку, сказал мягко: — Все будет устроено, не волнуйтесь, барышня.

В каюту вошла Елизавета Петровна. Она удивилась присутствию Кати. Моряки снова встали, графиня поздоровалась с каждым за руку, сказав несколько слов по-английски. Обернувшись к капитану, она объявила: — Я немедленно должна ехать с ними.

— Прошу вас также взять с собой барышню Серебрякову и доставить по адресу ее друзей, — сказал он.

Елизавета Петровна удивленно посмотрела на него, потом на Катю. Моряки как будто что-то поняли, улыбнулись и опять выпили с капитаном по рюмке виски. Графиня напомнила Кате взять с собой чемоданчик с вещами.

Американцы, сопровождающие графиню и Катю в Константинополь, были офицеры торгового флота Соединенных Штатов. Их огромное судно «Rainbow» [1]) высилось у самой пристани. Рядом с ним, о радость! находился белый пароход «Россия». Катя тут же справилась, могла бы она немедленно пойти туда и узнать о своих? Американцы предупредили, что пароход «Россия» пришел на день раньше «Румянцева» и полностью разгружен. Беспокоиться было не о чем; все прибывшие эмигранты находятся под контролем здешних властей и чтобы навести справки, лучше всего дождаться следующего дня.

Фаэтон с возницей в красной феске доставил моряков и их дам в верхнюю Европейскую часть города — Пера. Вскоре у какого-то большого здания Катя нежно попрощалась с Елизаветой Петровной, не без смущения сознавшись в своей непроизвольной хитрости. Никаких друзей у нее не было в городе.

Елизавета Петровна с улыбкой дала Кате совет направиться в русский центр «Маяк», на улице Сакис-Агач. Она дала Кате немного турецких денег. Показывая на моряков, она тихо добавила:

---

[1]) «Радуга».

— Им вы можете вполне довериться, они находятся здесь с гуманной целью. Помните, американцы это добрые самаритяне. Я на службе у них по выдаче бесплатных обедов для беженцев.

Когда Катя осталась одна с заокеанскими моряками, у нее было удивительное предчувствие, что ее встреча с ними не спроста... Они напоминали ей тех моряков, которых она видела в Новороссийске. Тогда же она многое узнала об американцах, а Саша сказал ей: «не зная английского языка, их легко можно понимать по открытым, бесхитростным лицам».

Освободившись от некоторой официальности с русской графиней, моряки оживились и сразу представились Кате: — Том, Дик, Джо.

Ее поразила и вместе с тем понравилась эта простота в них: Том... Дик.. Джо...

Ее они стали называть: — «Мисс Кафи».

Дик держал ее чемодан и она, словно спохватившись, показала ему адрес прислуги Ксении. Моряки переглянулись, улыбнулись и дали ей понять, что они голодны, идут в ресторан и она, конечно, с ними. Катя не возражала, она сама почувствовала голод, но не только это заставило ее принять приглашение.

Константинополь! Город еще с парохода восхитил ее своей своеобразной восточной красотой. Напомнил с детства знакомые по Крыму уголки жизни мусульман, Бахчисарай, дворец эмира Бухарского, экзотическую родную сказку ее края! И вдруг, все это очарование исчезло. Перед ней раскрылась широкая улица с большими домами, с шумным потоком толпы. Кого только здесь не было: великаны в фесках, темнокожие в пестрых одеждах, а кто просто с намотанным тряпьем на голове. Мелькали и европейские лица, одежды, подтянутые союзники — «хозяева положения». А русские, военные?...

Их было много, офицерские шинели выглядели помятыми, грязными, а сами они были какими-то жалкими, потерянными, некоторые с неподвижно-болезненными лицами.

У Кати сжималось сердце от печали: «Куда они идут? Кто их ждет?»

К ней пришло сознание, что и она не исключение, что у нее есть только адрес прислуги, за который она хватается, как за соломинку. Знакомство с американцами

ободрило ее. Они уже казались ей не только добрыми, но и красивыми, сильными, она готова была идти с ними куда угодно!

По дороге в ресторан Катя уже с любопытством замечала другое лицо города, его — «Grande rue de Pera».

Роскошные витрины магазинов, изобилие еды, сладостей, разных товаров. Она получила подарки: от Тома шоколад и финики, от Дика красивую губную помаду, от Джо французскую пудру. Они словно забавлялись, смотря на нее, как на счастливую девочку. А она, с легким головокружением от всего, как во сне старалась разглядеть и лучше узнать своих кавалеров, «Том, Дик, Джо». Как и моряки, виденные ею в Новороссийске, они были чем-то похожи друг на друга, хотя каждый имел свою индивидуальную внешность: у Дика были светлые волосы и глаза, Джо сильно загорелый с карими глазами, а Том выглядел старше с едва заметной сединой в темных волосах, с ясными синими глазами. Он был и самый красивый.

«Вы чудные...» — мысленно восторгалась ими Катя.

После обильного и вкусного обеда в роскошном ресторане — «Токатлиан», прогуливаясь по Пера, моряки придумывали все новые развлечения для Кати. Очередным был театр-варьете. Веселое представление с выступлениями танцоров, певцов и акробатов закончилось только к полуночи. Улица не утихала. Возбужденная жизнь лишь окуталась тьмой и казалась беспокойной, электрического освещения было мало, а разноплеменная толпа скорее выглядела маскарадным, разгульным сборищем. Слышались крики, свистки.

Не успели Катя с моряками выйти из театра, как они стали свидетелями драки матросов; мелькали фуражки английского, французского и американского флотов. Столпились любопытные, разгорались страсти, держались пари, кто победит? Борьба становилась жестокой, из носа американского матросика потекла кровь. Но он оказался победителем. Англичанин лежал на дороге, француз осел и едва дышал. Послышались крики на смешанном наречии, аплодисменты, смех. Застрявшие в дверях театра Том, Дик и Джо также остались довольны исходом борьбы. На фуражке победителя было название их парохода «Радуга». Однако, это не спасло матросика от строгого выговора его офицеров. Джо и Дик, оттянув от толпы героя, взялись лично доставить его на пароход, Том и

Катя остались одни. Адрес прислуги Ксении снова вынырнул из ее сумочки. Она показала его Тому, тот нанял извозчика и сел рядом с ней, чемоданчик и подарки были тут же. Катю немного обеспокоило то, что она едет к Ксении слишком поздно, но ей пришла мысль: «Славная женщина поймет и простит меня в этот трудный для всех нас первый день в Константинополе».

Все для нее складывалось благополучно и в душе росла уверенность и радость. Ей лишь было обидно, что она не может отблагодарить американца на его собственном языке за такое неожиданное и прекрасное времяпровождение с ним и его товарищами. Наконец извозчик, похожий на истукана в красной феске, ввез их в полутемный переулок с едва заметными небольшими домиками, с решетками на окнах, с низкими дверцами обитыми железом. Все имело таинственный, нежилой вид. Один из таких домиков оказался тот, куда Катя стремилась. Том, не отпуская экипаж, подошел ко входу и, найдя кольцо, постучал им. Никто не отозвался. Офицер постучал сильнее, в верхнем этаже с шумом раскрылось окно, высунулась голова старой растрепанной женщины, она разглядела парочку и хрипло закричала в сторону моряка по-французски:

— Чего тебе надо? И почему ты с этой девкой? У меня здесь много красоток для тебя! Иди сюда и гони к черту твою кокотку!

Катя в ужасе успела отскочить, как раз в минуту, когда фурия плеснула на них грязными помоями.

Том и Катя стремительно вернулись к извозчику. Возница не оборачиваясь, ничего не спрашивая, повез их куда то дальше. Становилось темнее, попадались едва освещенные лавченки, кофейни, возле которых стояли фигуры в фесках, зазывая публику.

Том в смущении старался объяснить Кате, что он не может оставить ее в таком районе города. Катя сама беспомощно мяла адрес прислуги и ее растерянный взгляд говорил: «Что же делать?» Она заметила один дом с вывеской «Hotel». Светился красный фонарь, в окнах виднелись двигающиеся женские фигуры, головы. Том, что-то быстро сообразив, закричал извозчику:

— Куда ты нас завез? Пера! Пера!

Что без сомнения означало «вези к свету! К центру, подальше от этих вертепов!»

Он стал что то искать в своей записной книжке, дал прочесть Кате и ее лицо просияло. Том записал английскими буквами то место, о котором говорила Елизавета Петровна: «Russki Mayak».

Вскоре они нашли этот центр беженского приюта. Улочка Сакис-Агач находилась в лучшей части города, близко от Пера, хотя выглядела также неприветливо-пустынно; те же решетчатые заграждения на оконцах, наглухо закрытые двери. Было похоже, что хозяева этих жилищь, напуганные нашествием чужеземцев, старались получше изолировать себя. К счастью домик — «Русский Маяк» блеснул светом жизни и тепла.

Первая большая комната была полна людей, кто стоял, кто сидел, кое-кто спал на диванах. Шумели голоса. Солидная дама и две молодые барышни разносили чай, бутерброды. Одна из дам сразу заметила входящих, улыбнулась Кате, а перед американцем, сопровождающим ее, приосанилась и почтительно заговорила с ним по-английски. Он дал ей понять, что Катя русская и ей необходимо пристанище на эту ночь.

— Конечно, конечно, все будет устроено, — ответила та и уже по-русски произнесла: — На каком пароходе вы прибыли, барышня? Ваше имя?

Том ушел довольный, Катя попала к своим. Они попрощались легким пожатием рук, а их глаза и улыбки говорили: «это не прощанье»...

Возле Кати очутилась одна из барышень, которые разносили еду. Это была высокая изящная блондинка с античным профилем камеи и парой красивых холодных глаз. Дама их познакомила: имя красавицы было Ольга Тальберг. По просьбе дамы, она занялась Катей.

— Вы голодны, Катя? — спросила она просто.

— Нет, нисколько, спасибо.

— Вы, конечно, устали?

— Да, очень...

Ольга отвела Катю в другую комнату. Здесь в полутьме нужно было осторожно продвигаться, обходить многих спящих на полу детей. Ольга подвела Катю к пустому матрацу с подушкой и одеялом. Катя как подкошенная свалилась на это место и мгновенно заснула.

«Русский Маяк», первый и единственный привал для русских беженцев в Константинополе, стал для Кати родным очагом, который в один непредвиденный день озна-

меновался большим событием в ее судьбе. А пока ее ждали самые волнующие переживания. На следующий день к ней приехал Том и помог ей в поисках матери и тети. Они нашлись во французском лагере, вблизи города. Том не только узнал их местопребывание, но и получил разрешение забрать их из лагеря. Галантные французы с удовольствием выпустили двух дам из своих переполненных бараков, где, по словам Марии Андреевны и тети Анны, не проходило дня без русско-французских скандалов. Из-за холода, русские бесцеремонно уничтожали всякую мебель для топки, происходили и другие неприятные столкновения. Один рассвирепевший генерал кричал:

— Я не Кутузов, но я еще покажу этим французам!

Мать и тетю также приютил «Маяк». Кате предложили временную должность по хозяйству. Она и Ольга подружились, девушки понравились друг другу, хотя были совершенно разные по натуре. Двадцатипятилетняя Ольга трагически потеряла свою семью в России. Она не хотела об этом говорить и казалось не унывала, любила все иностранное, знала языки и стремилась сделать на чужбине карьеру. Ей предлагали место преподавательницы в американском колледже, который красиво высился на горе Босфора. Ольга говорила об этом Тому, чуть закинув свою белокурую головку с античным профилем, а Катя, не понимая их разговора на английском языке, улавливала в себе какое-то неприятное чувство, боль. Однако Ольга помогла ей узнать кое-что о Томе: его полное имя было Томас Даунтон, ему тридцать три года и он старший лейтенант и механик на пароходе «Rainbow». Слово «старший» удивило Катю: Том производил впечатление скромного и равного со всеми, таким она встретила его с младшими офицерами-моряками, «Том, Джо, Дик».

Она сказала об этом Ольге, та заметила: — Это одно из замечательных качеств американцев. Они не заносчивы.

Ей нравился Том и Кате пришла вдруг мысль: «они чем-то похожи друг на друга и наверно поженятся».

Катя часто ходила со своими в церковь Русского Посольства на Пера. С детства знакомое и дорогое окружение, лики Святых успокаивали ее душу. Но крупные слезы наполняли ее глаза, она чувствовала грусть, одино-

чество и тревогу. Ничего не могла предвидеть для себя, все стало слишком новым, чужим и пугающим.

Лица Турции не было видно. Население города состояло из каких-то разрозненных масс, враждующих и жадных. Весь воздух был отравлен базарным чадом, повсюду выступало убожество и нищета. По утрам с улицы раздавались крики разносчиков всякой копеечной снеди. С каждого прохожего на мосту в Галате бралась жалкая плата в пол-пиастра. В центре города появлялась пожарная команда бежавшая босиком, таща на плечах помпу, оглашая улицы дикими воплями: «Янгун вар!», что означало пожар. Огромного роста зуавы в фесках (африканское племя), плохо владея французским языком, спрашивали прохожих — «где мадемуазель»? Оккупационные власти, представители европейских держав и цивилизации не вмешивались в коренные порядки Турции, сами испытывая большие неудобства в примитивных домах, в большинстве без ванн и даже без сидений в уборных, пользовались комнатушкой с мраморным куском на полу, в котором было сделано круглое отверстие и куда не раз попадал монокль английского офицера. В такой развалившейся Империи (по слухам сам султан прятался на каких-то задворках) русские пришельцы, несмотря на свои специальности, высшее образование, не могли ни к чему применить себя. Многие военные с заслуженными отличиями стали направляться в Галлиполи, где восстанавливались русские полки, казачество. Но число безработных в Константинополе росло, становилось очевидным и все больше трагическим. На улицах офицеры часто продавали букетики цветов, папиросы или просили милостыню...

Более счастливые получали места в ресторанах, кабачках. Русским дамам и барышням было легче найти работу в ресторанах, кофейнях, прислуживая той-же разношерстной толпе, мужчинам в фесках. Некоторые уходили в дома этих местных «вельмож», где были другие женщины, жены, рабыни, в зависимости от положения и средств хозяев.

А жизнь «Русского Маяка» разгоралась. Иногда в нем наступало веселье, появлялись гости, те русские, которые уже имели на стороне работу. Кое-кто с удовольствием делился своими впечатлениями и переживаниями. Расска-

зывали забавные случаи о себе и других, вызывая смех, смех сквозь слезы...

Одна небольшая группа русских военных покупала на базаре Стамбула дешевые вещицы: кольца, брошки, а в центре города продавали их прохожим, выдавая за свои «фамильные драгоценности вывезенные из России». На них набрасывались с жадностью. Однако эти «проделки» раскрылись и русские офицеры чудом избежали наказания. Прапорщик Николай Рыбников насмешил всех своей историей:

Он выиграл в карты у местного врача-турка довольно большую сумму денег, которой у доктора не оказалось. Взамен выигрыша, Рыбников попросил у доктора об одолжении: если он будет лечить турчанку, взять его с собой, как ассистента. Он мечтал увидеть голую турчаночку. Доктор согласился и вскоре устроил прапорщика в семью мусульманина присматривать за их семнадцатилетней дочерью, выздоравливающей после воспаления легких. Рыбников был на «седьмом небе». Турчаночка была красавица. Но случилось непредвиденное, — она безумно влюбилась в него и он бежал, сломя голову, из гостеприимного дома мусульманина.

— А хотите я расскажу, как мы съели мертвеца? — предложил гость, поручик архитектор. Он начал свой рассказ:

— Это случилось в начале нашего пребывания в Константинополе. Я и мои два друга, также архитекторы, сняли комнатушку в доме армянина. Жили мы впроголодь, в надежде на службу мы работали днями и ночами над проектами, чертежами. Вдруг узнаем, что наш сосед по комнате, грек, умер. Дали знать хозяину, он помчался за полицией. А пока что, кто-то бросил в наше окно камень. Это оказался брат умершего; он стал умолять нас спустить к нему труп (за ними обоими давно гонялась полиция). Мы не вдавались в подробности, ненавидели хозяина, грозящего выселить нас за неплатеж и пошли навстречу грекам. Завернули тело покойника в простыню и на веревке спустили его куда-то в темноту.

— Появившаяся полиция спросила: — Где труп? — Мы его съели. — А кости? — Тоже съели. Мы умираем с голоду...

— Возможно, что именно этот случай помог нам вскоре получить работу в одной крупной компании.

Слушая все эти истории, смеясь со всеми, Катя однако не подозревала, что она сама находится накануне одного забавного происшествия. Через «Маяк», она получила предложение давать уроки французского языка внучке турецкого генерала, Асман-Паши. За последнее время Катя часто задумывалась: «Где бы ей найти платную работу?» Приходила на ум та же страшная мысль об «уличных кофейнях». Ей объяснили, что на уроки она будет ездить ежедневно в автомобиле паши. Мария Андреевна и тетя Анна пришли в ужас: «Катичка у турок? Гаремы!» А Ольга поздравила ее и сказала: — Вы попадете в дом турецкой аристократии. Они прекрасно живут.

— Меня интересуют только деньги, сколько они платят за уроки? — сдержанно ответила Катя.

— Это зависит от них. Вообще, отношение турок к русским не плохое. Они помнят наш прошлый блеск. Их монархия, увы, также переживает тяжелый кризис, — сказала Ольга. Она помолчала и добавила вдруг, — Боюсь только, что ваши поездки к туркам не понравятся вашему другу, американцу Томасу.

Катя от неожиданности вздрогнула, растерялась. Ей на днях сказали, что видели Ольгу и Томаса гуляющих вместе по набережной. «Что это, она смеется надо мной?» — вспыхнула в ней обидная мысль и она была рада «унестись к туркам»...

Старомодный, громоздкий и все еще роскошный автомобиль английской марки Роллс-Ройс отвозил Катю из темной, тюремнообразной улочки Сакис-Агач как бы в иной мир, отдаленный, солнечный район Мачка. Здесь красовались дома, дворцы знатных мусульман с их семьями и гаремами. Султанская Турция! Недоступная глазу обыкновенного обывателя, туриста, тем более русского беженца.

Катя верила в чудеса, всегда ждала их и в эти минуты, находясь совершенно одна, не считая шофера, в углублении бархатного сидения, среди золота, которого было много внутри автомобиля, как и дорогих турецких ковров, чувствовала себя прекрасно в совершенно чудесно подвернувшейся ей новой жизни Константинополя. Только одна мысль смущала ее «быть учительницей внучки турецкого генерала». Ведь она сама знала французский язык поверхностно. Но борьба за существование правдой иль неправдой не впервые захватывала ее, а

другая мысль, подсознательная и гордая, говорила, что что она все же внесет в «дом азиатов» свое европейское воспитание и благородное имя.

Относительно имени у нее, кстати, получился некоторый конфуз, стоющий ей не мало притворства. В это утро, собираясь ехать к туркам, она выбрала темный костюм, подходящий для учительницы. Нечаянно ее чемоданчик опрокинулся и все содержимое выпало. Находившаяся тут же Ольга стала помогать ей подбирать вещи. Вдруг она заметила: — Здесь ваши письма, Катя.

— Письма?

Ольга протянула ей пачку, перевязанную голубой ленточкой. Письма были адресованы куда-то в Ростов на Дону. Вместо полного имени стояло: «Княжне Кате».

Катя оторопела. Она не видела этих писем, посланных, конечно, не ей. Вспыхнув от смущения, она не могла сознаться, что письма, как и остальные вещи, чужие... Тут же она подумала, что никакая сила не заставит ее открыть хотя бы один конверт... она должна уничтожить эти письма! А пока... Дрожащими руками она вложила обратно пачку в чемодан и стала быстро одеваться. Ольга, как бы чем то пораженная, не отходила от нее и Катя, чувствуя на себе ее взгляд, произнесла тихо: — Я все это хочу забыть...

— Почему, Катя! — вырвалось у Ольги и она заговорила взволнованно: — Вы княжна, и не должны скрывать этого... особенно в эмиграции. Титул и деньги, это те две силы, которые еще могут спасти. Особенно титул. С этим считаются все, всегда и везде. Это понравится и туркам! О, как бы я хотела иметь титул!... — Она горячо схватила Катины руки, прошептав: — Мне то вы скажете, по секрету, ваше княжеское имя?

— Не могу Ольга. Я его не знаю...

Катя круто оторвалась от нее. В эту минуту ей дали знать, что за ней приехал автомобиль.

Вскоре Катя была вдали от «Маяка» и поднималась по широкой мраморной лестнице, ведущей в дом, похожий на дворец, со сводами разукрашенными мозаикой. За ней бесшумно следовал слуга, встретивший ее и по-восточному низко поклонившийся ей.

Бывают такие необъяснимые явления, как будто все это уже было виденное, пережитое где-то, когда-то...

В таком состоянии скорее интуитивных догадок Катя

замечала все: вот промелькнула тонкая женская фигура, обмотанная черной вуалью, ближе ко входу появился высокого роста красавец в пестром одеянии с чалмой. Жестом руки он пригласил ее в дом.

Подобно быстро развертывающейся кинематографической ленте произошло следующее: Катя стояла в роскошной, по-восточному убранной комнате перед госпожей дома «Ханым-Эфенди», важной старухой, слившейся своим шелковым платьем с цветным креслом. Она курила обыкновенную папиросу, вблизи нее на большом диване сидел смуглый молодой человек, выпускающий змейки дыма из длинной трубки стоящего около него курительного прибора «наргиле».

Под их долго-пристально устремленными на нее взглядами Кате становилось не по себе, но она старалась держаться с достоинством. Первую фразу на отличном французском языке ей задала Ханым-Эфенди: — Сколько вам лет, мадумуазель?

— Девятнадцать, мадам.

— Вы девственница? — последовал другой вопрос старухи.

Катя от неожиданности вопроса растерялась, не зная, что ответить; сделала лишь большие непонимающие глаза.

Госпожа и молодой человек переглянулись, чуть улыбнулись ее смущению.

— Вы — русская княжна, не так ли?

Этот вопрос ей задал уже молодой человек. Катя невольно вспомнила Ольгу, ее наставления и ответила быстрым утвердительным жестом головы. Но ее начала возмущать эта сцена, появилось чувство, как будто ее привели сюда насильно, а теперь осматривают, испытывают и решают — «годна ли она для гарема?»

Вдруг все изменилось: ее попросили сесть и выпить чашечку кофе. А в комнату вихрем вбежала молоденькая девушка лет шестнадцати, одетая нарядно по-турецки, в длинных широких шальварах с расшитым кафтанчиком, с какими-то блестками на сине-черной головке. Живая Шехерезада!

Она, видимо, ждала Катю и теперь впилась в нее взглядом. За ней вошла женщина в черном, похожая на ту, которая мелькнула на лестнице. Она что-то сказала девушке и та, очнувшись, подошла к старухе, поцеловала ей руку, потом с легкостью бабочки бросилась на шею

молодого человека, который хотел ее удержать за тоненькую талию, но турчаночка вырвалась от него и опять посмотрела на Катю. Ее горящие глазки, ротик были полны желания заговорить с ней, но женщина в черном, с почти закрытым лицом, устрашающей тенью укрыла ее. Катя увидела перед собой неприятно проницательные глаза этой турчанки. Они понятно дали ей знать, что нужно следовать за ней. Катя очутилась в другой комнате. Здесь было приветливо, светло. Запах кальяна сменился свежестью и ароматом воздуха, исходящим из открытого окна. Восточная мягкая мебель смешивалась с изящными европейскими вещами; стильные французские столики с амурами. На одном лежали книги, тетради, видимо приготовленные для урока. «Черная тень» и здесь мешала Кате познакомиться ближе со своей ученицей, которой имя было Халиде. Она с заметным нетерпением ждала, когда они останутся вдвоем, бросала на Катю быстрые, лукавые взгляды и Кате нетрудно было догадаться, под каким строгим надзором жила здесь эта прелестная турчаночка, но и какая это была своевольная натура!...

Скорее по наитию чувств они стали близкими друг другу. Когда, наконец, «черная тень» исчезла, Халидэ резким движением оттолкнула на столе учебники и негромко произнесла по-французски:

— Не думайте, мадемуазель, что я буду терять с вами время на скучные глаголы.

Перед Катей произошла трансформация. Юная Шехерезада совершенно изменилась, в ее глазах погасли веселые огоньки, они стали серьезными, умными. Она заговорила негромко:

— Когда мне сказали, что вы русская, я не могла дождаться встречи с вами.

Она начала рассказывать о себе и Катя, пораженная и с невольным восторгом, узнавала, что в своей нарядной клеточке Халидэ жила своими собственными мыслями и чувствами, зачитывалась книгами и журналами, осведомляющими ее о мировых событиях, о государственных переворотах.

— Я знаю все о вашей страшной революции, руководимой озверелыми людьми... Разве можно так беспощадно уничтожать такую великую нацию... И ведь это не принесет никому никакой пользы. Добро и разум должны брать верх, главные законы идут свыше, они от Бога... —

говорила она тихо и горячо, все больше поражая Катю. Не даром она почувствовала с первой же встречи эту животрепещущую душу, чем то схожую с ея собственной.

Катя начинала забываться, где она? Зачем?... Но и вся превращалась в слух. А турчаночка продолжала с тем же увлечением:

— Наша страна также накануне революционного переворота. Но это несет величайший национальный сдвиг, во главе которого стоит блестящий патриот, реформатор, Мустафа Кемаль Ататюрк! Он принесет важные обновления Турции, изменит весь мир нашей замкнутой жизни. Исчезнут уродливые красные фески, будут закрыты гаремы, с женщин снимут чарфаш. Они, наконец, покажут свои прекрасные лица! Будут одеваться свободно, по моде, как вы!

Халидэ с восторгом осмотрела Катин костюм, потом с презрением сбросила с себя кафтанчик и в этот момент выглядела как героиня, вырвавшаяся из стен своего дворца, готовая участвовать в обновлении своей родины, идти наперекор устаревшим закоренелым законам, следуя здравому смыслу нового века.

— Мы будем учиться в университетах, иметь профессии, как девушки культурных стран, наконец, мы будем свободно любить! — Эти последние слова она произнесла с особенным чувством, словно коснувшись самого запретного — любить...

— Что вы знаете о любви? — спросила, не выдержав, Катя.

Личико Халидэ похорошело от прилива красок и яркого блеска в глазах. Она воскликнула тихо: — Я знаю все... потому что я люблю Емина. Он египтянин, живет близко, его отец министр иностранных дел. Емин скоро уезжает учиться в Англию, а когда вернется, мы поженимся. Он знает, что я люблю книги, газеты, интересуюсь всем и он приносит мне тайком литературу, пряча ее в цветы или в конфетные коробки. Нам часто помогает наш добрый евнух Измаил. — Турчаночка просвещала Катю дальше:

— В гостиной вы видели мою бабушку Фатиму с ее младшим сыном, это мой отец. Он дипломат, часто уезжает в Европу и привозит мне чудесные подарки. Моя мать умерла давно, а дедушка Асман-Паша был при двор-

це Султана Абдул-Гамида. Ему девяносто лет и у него самый красивый гарем. Хотите, покажу?

Не дожидаясь ответа, она схватила Катину руку и потянула ее куда-то за собой. Они почти бежали по узким полутемным коридорам. Халидэ шептала: — Сейчас безопасно, скоро завтрак и Гульхам на кухне.

— Кто?

— Моя гувернантка, вы ее видели.

Халидэ остановилась у крошечного оконца, открыла его и подтолкнула Катю. Катя застыла перед чарующей картиной: совсем близко сверкал струйками фонтан, вокруг него женские фигуры, легко одетые или совершенно нагие, сидели, лежали, обливаясь водой. Катю вдруг охватил стыд, но и любопытство. Все же такого не увидишь в обыкновенной жизни! Услышали ли «одалиски» стук окна, увидели ли девушек, но они, как стая птиц, испуганно разлетелись во все стороны. Халидэ смеясь сказала:

— Это игра... они любят, когда на них смотрят. — Она добавила серьезно:

— Вот для этих турчаночек должна пройти вечность, пока они поймут слово «университет». — Халидэ уже обещала рассказать Кате какие-то тайны гарема.

Они едва успели вернуться в комнату, как туда внеслась «черная тень» Гульхан. Она принесла им завтрак и, уходя, бросила взгляд на столик, на котором ни одна книга не была раскрыта. За вкусной едой, сидя у открытого окна, Катя видела ту же красоту Константинополя: синеющий Босфор, озаренные лучами мягкого солнца дворцы, мечети. Халидэ, заметив ее задумчивый и восхищенный взгляд, спросила тихо: — Вам нравится у нас, мадемуазель?

— Нравится!?

За эти часы, находясь в необычайной, почти сказочной обстановке, в обществе прелестной турчаночки, Катя чувствовала себя обновленно-радостно. В ней воскресли воспоминания горений, фантастических ожиданий. Пришли на память те же «запретные книги» в конфетных коробках. Сколько нашлось бы ей рассказать тайн своего сердца... Но в каком-то замешательстве она сама заметила нетронутые учебники и произнесла: — Мне очень нравится здесь, Халидэ, но обещайте мне в наш следующий урок быть прилежной ученицей.

Увы, следующего урока не последовало. Катю усадили в тот же автомобиль, чтобы вернуть ее в город. За ней шмыгнула Гульхан, она вручила Кате конверт с запиской по-французски. Катя прочла ее по дороге: бабушка Ханым-Эфенди, обращаясь к ней как к «принцессе», благодарила за приезд и просила простить, но она отказывала ей от дальнейших услуг, как учительницы ее внучки. К записке была приложена бумажка в пять турецких лир.

Катя, еще находясь в чаду своих ярких переживаний, не могла понять внезапный и грубый отказ. Она прочла записку несколько раз, пока ее провал не стал ей вполне ясным. Ей вспомнились похожие случаи с ее бывшими учительницами в Петрограде, которые больше интересовались ее личностью, чем обычными занятиями и которых также бесцеремонно выставляли. Ей стало смешно, а вместе с тем ее глаза наполнились слезами. Пятилировая бумажка уже жгла ее руку и, как только она вышла из автомобиля, она вручила эти деньги шоферу в золоченной феске.

На этом закончился Катин «эпизод» с турками.

В «Маяке» она встретила непонятное оживление. Повсюду происходила уборка, мылись полы, в столовой тетя Анна возилась с посудой. Увидев Катю, она крикнула во весь голос:

— Наконец-то! Нам нужна твоя помощь! — Она ничего больше не сказала, а Катя, безучастная ко всему, в самом плохом расположении духа, поспешила в свой уголок в спальне. Меньше всего ей хотелось встречи с Ольгой, но та словно поджидала ее и сразу начала оживленным голосом:

— Вы все мне расскажите потом, Катя. А сейчас нам нужно работать. Вы слыхали новость?

— Я ничего не знаю и очень устала, — хотела было уклониться от разговора Катя, но Ольга налетела на нее, возбужденно сообщая:

— Сегодня в «Маяке» ждут американца, пожертвовавшего деньги на устройство первой русской гимназии в Константинополе. Вечером будет в его честь прием, концерт и ужин. Приедут другие американцы, между прочим моряки... — Она многозначительно посмотрела на Катю, добавляя: — Томас Даунтон.

Теперь уже Катин взгляд остановился на Ольге. Какой-то глубоко затаившийся в ней червячек ожил, больно

кольнул, но она произнесла спокойно: — Я не думаю, что разделяю это торжество с вами. Я не чувствую себя хорошо...

— Но, Катя?!

Подруги в упор смотрели друг на друга, испытывающе, чего-то не договаривая. Наконец Ольга заговорила первая с неожиданной добротой, очевидно понимая, что происходит в Катиной душе.

— Разрешите мне, Катя, быть с вами откровенной.

Катя ничего не ответила и та продолжала: — Я упомянула имя лейтенанта Томаса Даунтона, потому что знаю, как он стремиться сюда, чтобы увидеть вас. Если между ним и мною началась добрая дружба, то только потому, — Ольга улыбнулась, — что я знаю английский язык. Со мной наедине Томас свободно говорил, что он полюбил вас с первой встречи. Считает себя намного старше, но он надеется на ваше к нему расположение и хочет с моей помощью, в качестве переводчицы, просить вашей руки.

Она умолкла. В наступившей тишине раздались крики:

— Ольга! Катя! Где же вы?...

Через две недели в «Маяке» состоялась довольно пышная свадьба Томаса и Кати. Их венчал протестанский священник, приехал и православный батюшка из церкви св. Николая в Шишли, благословил Катю и американца Томаса. Присутствовали капитан Венедикт Викторович и графиня Елизавета Петровна, шаферами — Джо и Дик, а подружками Ольга и еще две русские барышни. Мария Андреевна и тетя Анна проплакали всю свадьбу от смешанных чувств радости и печали...

К вечеру, на небольшой красивой яхте «Twilight», принадлежащей атташе американского посольства, друга Томаса, мистера Франка Хейса, молодожены уехали в короткое свадебное путешествие по Босфору с выездом в Мраморное Море.

Томас хорошо знал окрестности Константинополя, его острова, многие из которых превратились в военные лагеря и беженские пристаница. Он сознательно огибал их, а для остановок и прогулок с Катей выбирал живописные места среди обрывов, развалившихся крепостей, мечетей с их вековой историей, таинственностью и романтикой. На борту яхты их всегда поджидали американец-рулевой и грек-повар. Катя обычно держалась за руку

мужа, как маленькая девочка. Чудесно исчезли ее заботы, весь ужас одиночества, в ней воскресла снова юность, шаловливость и как будто «быть маленькой» с Томасом стало ее новым отрадным чувством, особенно овладевшим ею с той минуты, когда Томас, по традиции своей страны, поднял ее и на руках внес на яхту. Все, казалось, радостно менялось в ее жизни от близости удивительного человека. Он называл ее ласкательными словами, ставшими ей дорогими и опять таки делавшие ее маленькой и счастливой: «My sweet baby, my beautiful doll»... [1])

Семь дней прошли как семь счастливых мгновений, а на следующей недели их ждала разлука. Катя была к этому подготовлена. На яхте она и Томас о многом поговорили самым оригинальным образом; у Томаса оказался большой талант к рисованию, особенно карикатурных изображений. В его рисунках можно было легко узнавать подлинных людей, обстановку в самом смешном виде. Он подписывал названия и сам громко смеялся. Катя легко ухватывала характер рисунка, Константинопольские виды, людей, учила английские слова и сама от души смеялась. К концу их путешествия Том долго и сосредоточенно что-то рисовал. А потом показал ей рисунок, — то были два парохода, расходящиеся в разные стороны. На носу одного она узнала себя в виде хорошенькой куколки машущей платочком, словно прощаясь с Томасом, а он находился на другом пароходе со столь знакомым ей названием — «Rainbow».

Себя он изобразил стариком с длинной бородой, стоявшего на коленях и протягивавшего к ней руки, роняя крупные слезы в Босфор... Катя не успела вполне учесть смысл этого рисунка, как у него был готов другой, те же пароходы, только теперь они сошлись вместе и под ними стояло одно слово — «Америка».

* * *

Не так давно верноподданные русские оставляли родину, верили в свое скорое возвращение домой. Кто-то даже сказал: «Наша жизнь в Турции будет незабываемым приключением»...

Но наступило время, когда в этих «приключениях» начала меркнуть всякая вера в просвет. Русские эмигран-

---

[1]) «Моя сладкая девочка, моя красавица куколка»...

ты стали чувствовать свою заброшенность на каком-то полудиком клочке мира и начали метаться в поисках выхода, стремились попасть в другие страны. К тому же в Турции назревали свои серьезные политические перемены и тревоги...

В Русском Посольстве царила паника, визы на выезд беженцам выдавались с большим трудом. Профессора, врачи, многие с известными именами, старались уехать во Францию. Недоучившиеся студенты мечтали о Пражском университете, артисты, по духу кочевники, готовы были перебраться в любую страну, лишь бы применить себя к театрам. А когда, наконец, «счастливцы» оставляли берега Стамбула, в них оживала боль верной разлуки с Черным Морем...

Катя оставляла Константинополь со своими на пассажирском итальянском пароходе «Lucia». Ее судьбой теперь распоряжался муж-американец, который, как часто ей казалось, владел «магическим жезлом». Он без малейшего труда устроил их поездку в Европу на шесть месяцев, пока он сам будет находиться в служебном дальнем плавании. Вначале Катя направлялась в Италию, а оттуда во Францию. Последний этап путешествия была Америка, город Нью-Йорк, родина Томаса. В каждой стране ее должен был встретить официальный представитель американского морского ведомства, под протекцией которого она оставалась все время.

Первую сумму денег в итальянских лирах Катя получила перед отъездом из Турции от мистера Франка Хейса, который же и вручил ей ее новый американский паспорт на имя мисис Томас Даунтон. Она довольно легко освоилась с этим своим новым именем и положением. Часто теперь радостно отзывалось в ее душе: «Миссис Томас Даунтон».

На итальянском пароходе она была окружена комфортом. Как все было не похоже на их прежние жалкие скитания!... Здесь под открытым небом или под навесами стояли шезлонги, в салоне играл оркестр, в столовых с изобилием еды благоухали свежие цветы, блестел хрусталь. Плавучий отель! Пароходная команда состояла из молодых итальянцев. Элегантные, услужливые, вечерами они превращались в темпераментных кавалеров. Танцевали с пассажирками, гуляли с ними по залитым лунным

светом палубам, укрывались парочками под темными сводами, их шопот заглушался рокотом волн. От всего этого Катя держалась в стороне. Итальянцы ей не понравились. Послужил этому один случай: она стояла в полутьме, любуясь морем, как вдруг около нее очутилась чья-то тень, потом и сама фигура в морской форме. Это невольно и радостно напомнило ей Томаса, будто она увидела его прекрасное лицо, но тут же наткнулась на какой-то глупо-игривый взгляд молодого лейтенанта. Он зашептал в ее сторону: Bellissima... bellissima...

Катя резко отшатнулась от него и поспешила в свою каюту. Она предпочитала одиночество, но в дальних путешествиях без знакомств не обойтись. И на этот раз у нее произошла интересная встреча. Это была барышня неопределенного возраста и не совсем обычной внешности, начиная с ее костюма мужеского покроя. Только вместо брюк ее тонкие бедра обтягивала юбка, в левом глазу она носила стеклышко (монокль), весь ее облик выделялся исключительным вкусом и изяществом. Катя с интересом разглядывала ее. Барышня произнесла на отличном французском языке:

— Это последняя модель — «Chanel», вы одобряете?

— Очень! — подхватила Катя.

Они разговорились. Незнакомка оказалась гречанкой, родом из Афин. Ее звали Элен Паппас. Она была журналисткой, во время войны являлась военным корреспондентом, писала в европейские газеты и объездила много стран. Теперь она отдыхала, путешествовала и писала собственную книгу — «Мифы земли». Узнав, что Катя русская, журналистка загорелась интересом, она не знала России. А Катю интересовали те страны, которые ей предстояло увидеть.

— Вы знаете Италию, Элен?

— О, сладкозвучная красавица! — восторженно произнесла гречанка и, вздохнув, добавила: — Увы, сейчас, после войны, страна переживает тяжелый экономический кризис. Беднеет.

— С такой роскошью? — невольно посмотрела по сторонам Катя.

— По этому судить нельзя, — с улыбкой заметила Элен. — Все это делается с коммерческой целью, на показ для привлечения богатых туристов.

— Включая и поведение команды! — усмехнулась Катя и тут же рассказала: — Я стояла одна. Моряк подошел ко мне и стал шептать: Bellissima... — Гречанка расхохоталась.

— Но он сказал совершенную правду! — Элен блеснула на Катю своим стеклышком в глазу и оживленно заговорила:

— В этом итальянец весь наружу! Поверьте мне. Зачастую у него нет никаких предвзятых оскорбительных мыслей. Он до примитивности искренен в своих чувствах к красоте. Итальянец может взглянуть на изображение Богородицы и воскликнуть в религиозном экстазе: — Bellissima... bellissima... Вот если что-либо подобное позволит себе француз, утонченный «Дон Жуан», это дело другое. Француз даром слов не теряет. Он и с копейкой осторожный, отчего их страна не богатеет, а витрин с красивейшими вещами сколько угодно!

Звонкий удар гонга прервал их беседу, было время обеда. В столовой они улыбались, переглядывались. Катя сидела за другим столом, между матерью и тетей, они рассказывали о своих приятных переживаниях, у тети Анны также завелся знакомый, старичек итальянец, научившийся играть с ней в «дурачка». А Мария Андреевна нашла в салоне пианино и собирала около себя слушателей. Как только Катя и Элен вышли на палубу, они взялись под руки, как давно знакомые и направились к корме. Здесь царило уединение и тишина. Катя спросила:

— Какая страна вам больше всего нравится, Элен?

— Нет такой страны, Катрин, — с улыбкой произнесла гречанка, — или как сказала одна знаменитая итальянская артистка:

— Я люблю «пересечение» от одной страны в другую... — Тут же она добавила серьезно: — У меня никогда не было своего дома. Я рано лишилась родных, погибших во время аварии в море и стала жить везде и нигде. Но каждая страна имеет свои прелести, часто очень похожие, так, находясь где-нибудь в Миланском парке, мне кажется, что это уголок Люксембургского Сада в Париже или Лондонский Сквер. Как я поняла, Катрин, ваш конечный путь лежит в Америку?

— Вы знаете Америку? — встрепенулась Катя.

— Знаю, вот эта страна не похожа ни на какую другую в мире! — Она продолжала горячо: — Да и срав-

нивать не нужно! Страна умеренных страстей и преуспевающая. Я жила там два года, училась в Колумбийском Университете, хотела получить докторскую степень. Но я была слишком молода и непоседа. К тому же я тогда была в плену европейских предубеждений по причине полного незнания этой замечательной демократической страны.

Элен сделала большую паузу, устремила свой взгляд куда-то вдаль горизонта и заговорила тихо: — Вначале был свет, шедший с Востока: культура Египта, Палестины, Финикии, потом Греция, Рим, религия Моисея, Христа, Магомета, расцвет цивилизации в Европе. Но свет этот с течением времени и изменений условий жизни исчерпался, а на его место беглецы из оскудевшей Европы зажгли за океаном новый светоч — Свободы и Демократии, ставший путеводной звездой всему миру...

Ее голос стал доноситься к Кате как бы издалека и как будто она уже где-то слышала эти слова о демократии, как спасении человечества. Приятное тепло коснулось ее души и ума. Разве она сама не ждала этого спасения от Америки? Постепенно Катины веки стали смыкаться. В удобном кресле она проспала два часа. Небо и море потускнели, взбудоражились волны, в воздухе посвежело. Элен около нее уже не было, но кто-то заботливо накрыл ее пледом. На следующее утро прибыли в Италию. Встреча с первым европейским городом — Генуей — особенно не заинтересовала Катю. Порт со множеством судов, под флагами различных стран, многолюдная, шумная набережная напоминала где-то уже виденное зрелище, от которого хотелось избавиться. Мать и тетя собирались остаться в Генуе несколько дней, а одна солидная signora с гордостью посоветовала Кате обязательно осмотреть их замечательное кладбище. А Катя думала, что чем скорее двигаться вперед, тем короче покажутся ей дни пребывания в Европе. Она высказала эту мысль при прощании с Элен, которая также не задерживалась, направляясь другим пароходом на какой-то остров в поисках новых материалов для своей книги. Сквозь стеклышко в глазу на Катю блеснул свет и ум этой интересной девушки. Они обе не сомневались, что свидятся вновь...

Еще не сойдя с парохода, Катя была встречена американцем, мистером Генри Вуд. Он с приятной улыбкой

представился ей и вручил телеграмму. Катя не поняла от кого и что в ней написано. Мистер Вуд, сообразив, что она едва владеет английским языком, перевел ей по-французски: «Со счастливым прибытием в Италию, моя любовь. Томас».

Катя вспыхнула от радости и смущения: посторонний человек был свидетелем дорогих ей строк от Томаса. Но ведь вид мистера Вуд был настолько холодно-официальным, что даже улыбка на его лице ничего не говорила, кроме вежливости или обязанности. Он сказал, что для них приготовлены комнаты в отличном отеле, где они могут отдохнуть, насладиться итальянской кухней, а позднее осмотреть город. Он же приедет к ним вечером, чтобы узнать дальнейшие планы миссис Даунтон. Катя поспешила высказать свое намерение:

— Мистер Вуд, мы хотели бы не останавливаясь продолжать наш путь по Италии. Мы ничуть не устали...

— В таком случае, миссис Даунтон... — И с той же улыбкой, американец посоветовал им воспользоваться для разнообразия Миланским экспрессом.

С этого дня начались Катины переезды из города в город большой солнечной страны. И если Элен Паппас говорила ей, что она часто путает одну страну с другой, Катя, после еще так недавно оставленных прокопченных азиатских улиц, наслаждалась чередующимися красотами природы и сокровищами искусств.

Разгар жаркого лета заставил Катю со своими перебраться в небольшой городок, когда-то знаменитый своей роскошной курортной жизнью, Казино. Теперь притихший, обедневший, он почти пустовал, Некоторые «Pallazzo» в загадочном молчании выглядели, как призраки былого величия и «splendore»...

Только храмы, вековые реликвии, являлись центром религиозных масс. Большинство молящихся были женщины, одетые в черное, с шальями укрывающими их грустные лица. Патетические фигуры, символизирующие послевоенное положение страны, ее скорби и нужды...

В единственной дорогой гостинице Катя держалась некоторого «инкогнито», но среди местных жителей разнесся слух, что она русская княжна. Едва она выходила на улицу, как тотчас же ее обступала итальянская детвора, протягивая ручонки, восклицала:

— A, la principessa russa! [1])

Тетя Анна раздавала мелочь. Она постоянно сопровождала Катю. Как, бывало, не доверяла татарам, так теперь она боялась итальянцев, их «жгучих» глаз, засматривающихся на ее племянницу. Сама Катя этого не замечала, но случайно услышанный ею комплимент — «Che bella!» [2]) — льстил ей. Она вспоминала слова Элен, — без смущения и скорее с кокетством взглядывала на незнакомцев, в большинстве видных и красивых, заметно рисующихся, особенно военных, да еще с перьями на шляпах! Итальянцы вряд ли были хорошими солдатами, и для них война еще не кончилась, где-то в Альпах продолжались стычки с австрийцами. Ходили тревожные слухи о закате короля Эммануила и восхождении нового народного идола, диктатора Муссолини.

«Неужели и на эти лучезарные небеса находят те же грозные тучи?» — думала Катя.

Она часто совершала небольшие прогулки в одиночестве, как-то избежав тетки. Попадала в живописные места, рыбачьи поселки. Однажды она набрела на удивительный уголок; здесь, между кипарисами, просвечивала яркая синева озера «Lago di Como». Сев на истоптанные плиты когда-то жилого места, Катя вдруг увидела молодого человека, похожего на рыбака, хотя в его руках была тетрадь для рисования. Она невольно обратила внимание на красоту этого итальянца с голубыми глазами и светлыми прядями волос. Он также заметил ее и что-то сказал по-итальянски.

— Вы художник? — вырвалось у нее.

Он ответил, подходя к ней ближе:

— Sono pescatore [3]), — и показывая на свою тетрадку, добавил: — Mi piache disegnare [4]), — вдруг спросил: — — Posso fare il suo ritratto ? [5]).

Не зная итальянского языка, Катя все же поняла и у нее явилось желание, чтобы этот красавец написал ее портрет. Она сделала кивок головой и расправила шелк

---

[1]) А, русская княжна!

[2]) Какая красавица!

[3]) Я рыбак.

[4]) Я люблю рисовать.

[5]) Могу я сделать ваш портрет?

своего платья. Для нее наступили минуты похожие на сон.

Он сказал негромко:

— Mio nome e Guido, e suo, signorina? [1]).

Катя не успела ответить; вспугнув тишину, показалась крупная женская фигура с растрепанной головой и большими блестящими глазами, которые впились в Катю. Итальянец довольно спокойно обернулся к ней, видимо желая объяснить, показал ей первые штрихи рисунка, но итальянка грубо вырвала тетрадь и, толкая его, повела вниз по дороге. Катя тут же заметила каким-то образом брошенную к ее ногам записку Гвидо со словами: «Voglio vederti domani». [2])

Опешив, Катя помчалась домой. Пожалуй, на всю свою жизнь запомнила разыгравшуюся перед ней за несколько минут итальянскую оперу: «Con arte, amore, gelosia e infedelta»...[3]),

❀ ❀ ❀

«Война до победного конца!»

Гремел славный лозунг русских воинов, тысячами «живот свой положивших» на полях сражений первой мировой войны.

Победный конец не пришел, разразилась гражданская война, принесшая бедствия и бесчисленные жертвы, рассеяв по миру миллионы бездомных сирот...

Европейские столицы открыли свои двери русским. Еще свежа была в памяти могущественная Империя, блестящие представители Императорского Дома, изысканные князья и красавицы женщины, украшавшие европейские салоны. Щедро рассыпалось царское золото.

Европа любила жизнерадостных русских людей, даже вражеские столкновения оставляли довольно большую долю уважения к ним. С крушением великой династии их жалели и помогали, чем могли. На первом месте оказалась Франция, приютившая у себя многотысячную волну эмигрантов по принципу своего гостеприимства и девиза:

---

[1]) Мое имя Гвидо, а ваше, барышня?

[2]) Хочу завтра тебя видеть.

[3]) «С искусством, любовью, ревностью и изменой»...

«Liberte, egalite, fraternite»[1]), вывешенного на многих общественных местах, включая и... тюрьму.

Франция давала полную «Carte blanche» для их существования, но особенными благодеяниями и жертвенностью не отличалась. Впрочем, французы никогда не были щедры, а к тому же в эти годы, после войны, они теряли свое золото.

Благотворительность шла исключительно от своих же соотечественников. Русским приходилось тяжело... Но Франция имела для них удивительную притягательную силу. Кипучая, темпераментная и нарядная парижская жизнь вдохновляла даже в эти тяжелые годы нужды. Мужчины не гнущались никакой работой, взялись за «рули» такси или пошли к станкам. Женщины, еще в России обожавшие все французское, туалеты, духи и Наполеона, стали первоклассными портнихами и модельщицами в лучших «maisons de couture».

Коренная француженка, по своему существу любящая роскошь, какой бы ценой она не доставалась, питала презрение к обедневшим русским аристократам. Не раз называла их «sals etrangers»[2]).

Неимущие эмигранты большей частью жили в дешевых кварталах, в мансардах. Среди таких были небезизвестные русские ученые, артисты, писатели, которых бодрил и насыщал парижский воздух с его величайшей культурой. Со временем такой писатель-эмигрант скажет свое слово всему миру об этих годах «croisade» русских изгнанников. А пока Париж становился центром русского зарубежья, он был ближе к России, объединяли своя Церковь, искусство, мир русских корифеев. Повсюду открывались русские предприятия, магазины, рестораны. Создавались военные организации, размножились политические центры. И, конечно, начала развертываться подпольная работа советских агентов.

Однажды появился бывший революционный министр Керенский в надежде собрать средства для своего «похода на большевиков». Уехал он ни с чем...

В сплоченности и единомыслии, царские офицеры часто заполняли залы своих собраний, клубов. А в ночной

---

[1]) «Свобода, равенство, братство».

[2]) «Грязные иностранцы».

парижской жизни, в ресторанах, за ужином, взрывался блеск речей с тостами, под рюмочку родной водки:

«Vive la France!»

«За Россию!»

«До победного конца!»

* * *

Катя оставила Италию с печалью, она успела ее полюбить. Простые итальянцы, примитивные и добрые люди с которыми сталкивала ее повседневная жизнь городка, прощались с ней, искренно сожалея, что она их покидает, «la bella principessa russa» [1]). Набожные старички, рыбаки, лавочники благословляли ее на дальнейший путь именем Святой заступницы, «Santa Caterina della Siena».

Во Францию Катя ехала не впервые, у нее остались воспоминания о Париже довоенного времени, в весеннюю пору, наполненного ароматом цветущих акаций, ландышей и запахами модных духов, которые вносила с собой каждый раз после прогулок ее мать.

Марии Андреевне приходилось тогда не легко с дочерью, слишком юной, чтобы оценить всю прелесть лучшего города в мире. Она часто оставляла Катю одну в гостинице, что как нельзя лучше подходило к Катиному настроению. Довольно рано развивавшаяся индивидуальность девочки жила только своими иллюзиями и мечтами. И как ее душа стремилась обратно домой, в Ялту!

Однако, последующие события 20-ых годов оторвали Катю надолго от родных берегов, сделали ее терпеливой скиталицей, глубоко затаившей в себе прекрасный образ прошлого...

Казалось, сильные волны и ветры Черного Моря уносили ее все дальше к другим берегам, к другим народам, вдохновляли новыми впечатлениями, выпавшими на ее долю, в исключительно счастливых условиях.

В 1923 году Катя прибыла в Париж как жена офицера американского флота, миссис Томас Даунтон.

На вокзале «Gare de Lyon», как и следовало ожидать, их встретил американец, мистер Чарлс Рид. Молодой человек был совершенно противоположным типу чопорного мистера Генри Вуд в Италии. Он легко бы мог сойти за

---

[1]) «Прекрасная русская княжна».

француза-парижанина: невысокого роста, с мягким овалом лица, оттененного темными волосами без седины, мистер Рид в совершенстве владел французским языком. Катя, однако, сразу уловила в нем черты свойственные американцу. Из под стекол очков на нее смотрели ясные добрые глаза, на губах была приветливая улыбка, обнажающая чудесные зубы. Он попросил называть его просто Чок, лично хорошо знал Томаса, служил с ним на том же коммерческом судне до своего назначения во Францию.

Чок слыхал о женитьбе друга в Константинополе. Все это всколыхнуло в Кате дорогие чувства, ей хотелось о многом поговорить с милым американцем. Но он торопился, уведомил, что для них приготовлены комнаты в одном из лучших и немного отдаленном от города отеле. Он передал Кате конверт, в нем было несколько тысяч франков. Катя сказала, что в Италии она получала небольшие весточки от Томаса и что в последний раз он писал о возможном сокращении своего «cruise» и о надежде скорейшего возвращения в Америку, что и побудило ее поспешить с отъездом из Италии.

— Знаете ли вы что нибудь об этом, мистер Чок?

— Вас ждет подробное письмо в отеле, миссис Даунтон, — ответил он и, с обворожительной улыбкой усаживая дам в такси, неожиданно спросил Катю:

— А как насчет утренней прогулки по окрестностям Парижа в моем автомобиле, миссис Даунтон?

Катя зарделась от удовольствия.

— Mais oui!

Италия — Франция!... Столь близкие соседки, как две родные красавицы-сестры из той же великолепной Западно-Европейской семьи с богатым наследием веков, но какой контраст чувствуется между ними. Сентябрьский день стоял прекрасный: нежное небо, ясный воздух, пропитанный душистыми запахами, кто знает, цветов или духов!... Повсюду царило оживление, сновали нарядные толпы, открытые кафе с веселой публикой, мимо которой мчалось такси.

— Какой-то праздник в Париже! — заметила Катя. Шофер обернулся к ней и сказал на отличном русском языке:

— Франция всегда ликует, мадемуазель, будь это

национальное торжество или казнь преступника на гильотине. А то просто «joie de vivre». [1])

Все опешили. Тетя Анна первая прервала молчание, стараясь придать своему голосу особенную вежливость:

— Как давно вы во Франции, молодой человек?

— С тех пор, как нас сюда пустили... — с заметной иронией ответил он.

Катя слегка вспыхнула, толкнула локтем тетю. Та, не совсем поняв свое «faux-pas» [2]), смутилась. А Мария Андреевна вся прилипла к окну, в ее глазах блестели слезы. Она несомненно вспоминала Париж, свою молодость...

Шофер делал попытки разглядеть пассажирок, видимо заинтригованный ими. На обычных русских беженок они не были похожи, уже судя по багажу (Катя приобрела в Италии новые дорогие саквояжи) и направлялись в один из самых дорогих отелей. Под конец он спросил:

— Простите, медам, откуда вы прибыли?

— Из Италии, — просто ответила Катя.

— А как давно из России?

— С последним S.O.S., — также с усмешкой ответила она.

Такси подкатило к большому красивому отелю, вокруг было много зелени, цветов. «Париж любит себя украшать», — невольно подумала Катя.

К ним быстро подошли два лакея в ливреях, похоже было, что они поджидали их прибытия. С предусмотрительностью и галантностью они высаживали дам из машины. Катя задержалась с расплатой такси, замешкалась с незнакомой ей валютой. Русский шофер пришел ей на помощь. Стал объяснять, как новоприбывшей, расценку французской валюты, и несомненно хотел посмотреть на нее ближе, Катя также с интересом взглянула на него. Молодой человек выглядел холеным, среднего роста, с тонким, немного изможденным лицом. С того момента, как он заговорил с ними по-русски, к Катиному сердцу прилила радость. За столь долгое время она наконец встретила своего русского. Заплатив за проезд полагающиеся восем франков, она хотела сказать ему несколько

---

[1]) «Жизнерадостность».

[2]) «Некорректность».

приятных слов, тем более, что у нее явилась мысль: «Не принял бы и он нас за каких-то заморских принцесс»...

— В Италии нам почти не удавалось встречать русских, — сказала она.

— Зато вы встретите их не мало здесь, мадемуазель, особенно наших военных, — ответил он.

— Вы из военных?

— Разрешите представиться, корнет Антонов.

С этими словами он весь как-то преобразился, стал выше ростом, стройнее.

Катя подала ему руку, произнесла кокетливо:

— Катя Серебрякова.

— Счастливо оставаться, мадемуазель Серебрякова, — отчеканил он, по-военному пристукнув каблуками. Пожал крепко ее руку и прыгнул обратно в машину.

Позади Кати кто-то произнес по-французски:

— «Pardon, mademoiselle », вы не дали шоферу на чай.

Катя смутилась и быстро протянула Антонову несколько франков. Он взял их, поблагодарил наклоном головы и быстро отъехал. Она также раздала чаевые лакеям.

Катя никогда не знала цены деньгам, они проскальзывали у нее межь пальцев с легкостью воды. На этот раз в конверте с обозначенной суммой, переданной ей мистером Рид, оказался недочет в 150 франков. Катя догадалась, что в суматохе дала крупные «чаевые», но не пожалела, особенно вспомнив корнета Антонова.

Письмо Томаса она поняла без затруднения. Он опять-таки прислал ей рисунок; это было веселое карикатурное изображение Парижа. В центре высилась «La Tour Eiffel», изображенная в виде бутылки шампанского, а во все стороны были начертаны точечки, создавая впечатление бешеного движения автомобилей, людей. Ближе были отчетливо нарисованы фигурки, в которых легко можно было опознать тоненькую Катю, за ней худощавую тетю Анну и в большой шляпе Марию Андреевну. Они несли чемоданы с названиями модных магазинов: «Chanel, Christian Dior, Schiaparelli», из них вываливались вещи, платья, обувь, перчатки. Последней фигуркой несся маленького роста элегантный франт с огромными очками. «Чок?»...

Большая стрелка указывала им путь на «Port Havre», стоявший пароход «Atlantic» отходивший в Америку 2-го

октября. В конце рисунка, опять таки черточками, наподобие больших волн, выделялся крупный силуэт моряка, стоящего на голове, «Томас?».

Катя смеялась до слез от рисунка и от счастья, охватившего ее, к ней точно приблизился сам Томас с веселостью и теплотой его души.

Она остро ощутила свою разлуку с ним, даже вину перед ним, ведь она редко о нем вспоминала. Будто однажды туманным утром он исчез из вида, оставив ее одну в тупике какого-то промелькнувшего и почти нереального счастья, а с другой стороны весь этот комфорт окружавший ее, она миссис Даунтон... И ее скорый отъезд в Америку волновал ее мысли и сердце. С каким удовольствием она бы дождалась своего парохода не выходя из этого отеля. Ей нравились ее комнаты, гостиная с тяжелыми драпри на окнах, за которыми было легко укрыться от шума города, от всей чужой ей жизни... А в спальне, на широкой постели, так хорошо было окунуться в нежные шелковые одеяла, как в волны, и предаться полному отдыху и забвению от всего пережитого...

Но в Париже Катя не могла скрыться, как улитка, как не могла и избегнуть идущих к ней навстречу новых испытаний.

Мистер Рид, или Чок, приезжал за ней почти каждый день и на своей роскошной открытой машине увозил Катю к загородным местам Парижа, окрашенным мягкими тонами начинающей золотиться осени.

Катя любовалась Фонтенебло, Рамбуйе, Версалем, где витал призрак прекрасной Марии Антуанетты. В каком-нибудь живописном уголке, на терассе кафе, с рюмочкой душистого Дюбонне, Катя слушала увлекательные истории окружающих мест, дворцов, парков. Чок видел письмо Томаса, которое Катя сразу не показала ему, думая, не обидился бы он на свое карикатурное изображение. Но американец сам искренне смеялся, вспомнив своего друга, как талантливого рисовальщика. Он говорил ей о других неизвестных Кате достоинствах мужа, как отличного корабельного инженера, изобретателя. Задерживая свой взгляд на Кате, он вдруг заметил:

— Вот только не могу себе представить, как Томас совместит свою жизнь с вами и морем... — Он добавил тише:

— Оставайтесь с нами в Париже, Катрин, вы увидите, какая прекрасная Франция. Сколько здесь красоты!

— А в Америке ее нет?

— Другая красота, материалистическая. А здесь духовная, романтическая, напоминает Россию... Ваши соотечественники совершенно ассимилировались здесь и вполне счастливы.

Катя посмотрела на него серьезно и произнесла задумчиво:

— Россию мне ничто не заменит. — Она тут же прервала себя со смехом:

— А вот вам я удивляюсь, Чок! Можно ли настолько переродиться во француза.

Она будто задела его за живое, он покраснел, смешался и проронил, опустив глаза:

— Это дело случая...

Продолжал негромко, не глядя на Катю:

— Во время войны я очутился на своем судне у берегов Франции. Я серьезно заболел и был снят с борта. Находился долго на выздоровлении вблизи Парижа, а потом женился на француженке из знатного рода, она не из богатых, все это в прошлом, но общество нас окружает высшее. Ближайшая подруга моей жены принадлежит к династии Бурбонов. Моя же служба и связь с Америкой не прекращается и я продолжаю интересоваться Соединенными Штатами. Не отрицаю, что великая Европа лишь покоится на лаврах своего прошлого, тогда как Америка молодая, предприимчивая страна, во всем преуспевает. Она страна будущего для всего мира и человечества.

О, как хорошо прозвучали у него эти слова! Он даже изменился в лице, зажегся, точно Катя непроизвольно коснулась того, что было глубоко скрыто в его душе от всех. Катя, просияв, подхватила:

— Вот это то, что тянет меня туда! Страна и люди совершенно другого склада, понятий. Своими благами она делится с неимущими, дает опору в жизни каждого, не взирая на происхождение, религию. Ведь это — братья во Христе!

Катя воодушевилась, под большой белой шляпой ее глаза блестели ярко. На нее заглядывались. Двое пожилых французов прошло мимо, один заметил:

— Как хороша эта девушка. С нее бы писать святую.

— По-моему грешницу, — отозвался другой.

Неизвестно, что в эти минуты думал о ней Чок, не сводя с Кати глаз. И вдруг наклонился низко и с чувством поцеловал ее руку.

Как-то Чок сказал ей, что он хочет познакомить ее со своей женой. Катя получит специальное приглашение в их дом. Она ничего не ответила, ее не привлекал этот визит, но не хотелось и обидеть друга Томаса, который исполнял поручения ее мужа. Хотя вряд ли по его указанию Чок совершал с ней далекие прогулки, приглашал в рестораны, а последнее время присылал цветы, конфеты. Все это скорее говорило о том, что «офранцузившийся американец» просто влюбился в нее, не даром восхваляя перед ней французскую романтику... А Катя сбила его с толку, разбудив в нем глубокие патриотические чувства к своей далекой родине. Не потому ли он поцеловал ее руку с таким благоговением?

Приглашения в дом Чока не последовало, прекратились и его приезды. У Кати, наконец, было много свободного времени для себя самой. Естественно и непроизвольно она была уже вся под очарованием роскошного города, его соблазнительных магазинов. Где, как не в Париже, она должна заняться своим гардеробом?

Мать и тетя не вмешивались в ее личную жизнь, они сами увлекались Парижем, его базарами и не пропускали больших церковных служб в прекрасном православном храме на rue de Daru.

К часу обеда за Table d'hote все сходились и делились своими впечатлениями проведенного дня. Катя, с трудом скрывая улыбку, замечала парижское влияние на своих. Обычно сухие волосы тети Анны, закрученные узелками на затылке, теперь чуть подкрашенные рыжеватым цветом, были взбиты на манер некоторых парижанок, из-за кокетства выглядевших чуть растрепанными. А у Марии Андреевны появлялись купленные на базарах шляпы, когда-то украшавшие головки куртизанок. Новые вещи их не соблазняли, моды возмущали. «Француженки выглядят как мальчишки, худые, плоскогрудые. Носят мужские штаны, шляпы-колпаки, курят»... Сказывалось послевоенное влияние, давшее огромный материал для воображения законодателей мод. «Война помогла в нашем деле», говорили они.

Катя не высказывала своего мнения относительно нарядов, но и она была ошеломлена. У нее всегда была страсть к красивым тканям, платьям. Теперь, когда не испытывая затруднения в деньгах, она могла позволить себе купить все, что ей нравилось, ее глаза разбегались. Она попадала в дебри «Paris fascinateur»[1]), в салоны знаменитых «Haute couture», она видела себя в огромных трюмо, всецело отдаваясь в распоряжение vendeurs et couturiers,[2]) слышала их комплименты: «Quelle figure, poitrine»...[3])

Делая большие покупки, Катя интриговала опытных продавцов, производя на них впечатление богатой иностранки. Но какой страны? По-французски она говорила не совсем свободно, с акцентом, для англичанки или немки была слишком расточительна, а внешностью легко могла бы сойти за испанку или итальянку. Наконец имя миссис Томас Даутон привело их к догадке: «Une riche americaine!»[4]).

Вскоре в одном из таких салонов произошел забавный инцидент: вошла «модель» в роскошном бальном туалете. Это была Ольга из Константинополя. «Неужели?»

Через минуту, другую, подруги по несчастью горячо обнимались. Катя даже прослезилась. Вот уж не ожидала!

Ольга, в платье спадающим с ее оголенных плеч нитями сверкающего lame, подчеркивающего классическую красоту ее фигуры, лица, выглядела словно сошедшей с Олимпа богиней, если бы она тут же не разразилась словами по-русски:

— Я уехала вскоре после вас. Дура я оставаться в грязной дыре! Мне помог французский лейтенант, через него я и устроилась на эту работу. Здесь есть и другие русские барышни, аристократки. Нас ценят за врожденные манеры, воспитание. Кстати, меня считают графиней. Я говорила вам, Катя, с титулами в эмиграции очень считаются и это выводит на дорогу. Наши салоны посещаются великокняжескими особами. Конечно теми, у которых еще остались деньги. Я нравлюсь одному князю, у него в Ницце еще есть дворец! — Ольга посмотрела на Катю, спросила вдруг:

---

[1]) «Увлекательного Парижа».
[2]) Продавцов и портных.
[3]) «Какая фигура, грудь»...
[4]) «Богатая американка!»

— Катя, хотите работать здесь? Вы подойдете.

Катя вспыхнула:

— Ольга, я замужем, вы забыли?

— За тем же американским матросом?

Катя вздрогнула.

Только-что желавшая пригласить Ольгу к себе в отель, она ужаснулась этой мысли. Сухо произнесла:

— Я уезжаю скоро в Америку, к нему.

Она едва коснулась губами Ольгиной щеки и поспешила к дверям, где гурьбой собрались француженки продавщицы, смотря на них.

— До свидания, принцесс! — донесся ей в догонку неестественно прозвучавший голос Ольги.

Вычурно-роскошный занавес парижской сцены постепенно раскрывал убожество кулис, где большинство русских заняли места статистов на всевозможных ролях. Действия шли полным ходом.

Катя, милостью судьбы избавленная от общей участи беженцев, стала невольно зрительницей «зарубежных пьес». Она с самого начала, сочувствуя многим русским эмигрантам, все чаще подмечала грубые прикрасы и фальш, бесспорно вызванные непривычным, порой унизительным ремеслом на чужбине.

Такое впечатление она вынесла после встречи с корнетом Антоновым в его форме шофера такси. Столкновение же с моделью Ольгой вызвало в ней сильное возмущение. «Чем она рисуется? Чем гордится?»...

Показывается в сильно декольтированном платье, выставленном на продажу княжеским особам, у которых еще остались дома в Ницце! У Кати вырвался смех, больше похожий на истерику, со слезами какой-то боли и обиды: «Русская графиня!»...

Уви, смех сквозь слезы, как нечто традиционное во всякой драме, возвращался к ней не раз.

В следующее воскресение Катя впервые пошла в русскую церковь. Мать и тетя остались в отеле, они хотели дать Кате возможность свободно помолиться.

Катя переоделась в одно из своих новых «cri de la mode». Она всегда была в приподнятом настроении, идя в церковь, а теперь знала, что в Париже много русских военных и это вносило невольное волнение в ее душу.

Церковь была переполнена, как бывало в России на больших праздничных Богослужениях. Публика выгляде-

ла нарядно, офицеры были в отличных мундирах. Один из них показался ей знакомым, он опирался на палку. Неужели Кирилл Ильяшенко? Офицер, будто почувствовав на себе ее взгляд, обернулся, это не был Кирилл. А Катю уже охватил мистический испуг, что может встретить здесь кого-нибудь из знакомых, близких к Киеву, Ялте... В ее голове пронеслось с беспощадной истиной: «Какой непоправимый поворот произошел в ее жизни, оторвав от всего того, что когда-то было ей дорого и свято».

В синеве кадильного дыма проплыли лица Алика, Владимира Николаевича, Саши...

«Кто я для них теперь?» врывалось с болью в ее душу. «Случившегося не изменить, а встретить теперь их на положении тех же эмигрантов, никогда!» Ей даже стало страшно узнать что-либо о судьбе тех, кто остался там, дома.

В эти минуты до нее донеслись слова священника; он говорил об ужасах, творящихся в России, о массовых расстрелах невинных людей, о пытках и казнях офицеров, кадетов, гимназистов...

— Преклоним наши головы перед страданиями мучеников за веру, Царя и отечество... — взывал голос с амвона. Грянул хор чудесных голосов:

— Спаси, Господи и помилуй во отечестве и в рассеянии сущих...

Катя, с трудом сдерживая слезы, протеснилась сквозь толпу и вышла из церкви.

Свежий воздух солнечного дня охватил ее, привел в чувство. Она увидела дворик также наполненный публикой, слышалась русская и французская речь, кто-то смеялся. Оживление церковного дворика покоробило Катю, показалось неуместным и даже кощунственным. Она хотела поскорее уйти. Неожиданно публика расступилась, из церкви вышел стройный мужчина в штатском. За ним следовали две красивые дамы и военный. Около Кати прокартавил по-французски женский голос:

— C'est le Grand Duc Dimitry. Il est tellement beau! [1])

Это говорила сильно накрашенная старуха в яркой цветочной шляпе. Она добавила по-русски:

— Он убил Распутина...

---

[1]) Это Великий Князь Димитрий. Он такой красивый!

Катя вздрогнула от неожиданности и тут же посмотрела вслед князю. Был ли это на самом деле он? В ее памяти мгновенно воскресла страшная ночь в Петербурге, когда красавец Великий Князь Димитрий явился защитником чести Царского Дома. Но не убийцей...

Она раздраженно отвернулась от раскрашенной старухи, типичной разносчицы сплетень и дрязг, поспешила к выходу. Здесь дети с русскими личиками, разодетые как куклы, шаловливо загородили ей дорогу. Одна девочка воскликнула:

— Vous etes tres belle, mademoiselle! [1])

Катя едва улыбнулась и с той же налегшей на ее сердце тяжестью направилась к шумным улицам, к своему отелю.

Тетя Анна и Мария Андреевна имели удивительное свойство повсюду заводить знакомства. Правда, в Париже обе пожилые дамы, прибывшие из революционной России, вызывали любопытство окружающей публики; в гостиных отеля, за «table d'hote», завязывались разговоры, поскольку теперь все русское было животрепещущей темой событий. Катя не интересовалась такими знакомствами, но ее радовал тот восторг, который появлялся на лицах ее матери и тети, находящихся в компании парижан. Мария Андреевна всегда держалась немного свысока, изредка роняя слова, а тетя Анна с трудом справлялась с французской речью, увлеченно делилась воспоминаниями о революционных днях и о своих встречах с министром Керенским.

В один из этих дней, после обеда, им представился изысканного вида старичок с орденом в петлице, назвал себя коротко «принц Луи». Он не был французом, но превосходно владел этим языком и находился во Франции также на положении «en exil».

Принц Луи обворожил всех своей личностью, был интересным собеседником и рассказчиком. Катя странно, инстинктивно потянулась к нему. Кого он напомнил ей? Среднего роста, седой, весь какой-то мягкий, серенький с поблекшим цветом когда-то красивых глаз. Сколько ему могло быть лет? Не мало, но как только он начинал говорить, он молодел, в глазах появлялся блеск, губы расплывались в теплую улыбку. Где он только не побывал на

---

[1]) Вы очень красивая, мадемуазель!

своем веку, включая Россию! В хорошие времена он был принят там при Дворе. Теперь в эмиграции принц встречался с некоторыми особами Императорской Семьи. Он писал свои мемуары, собираясь их издать в Париже.

Однажды принц Луи явился в отель с цветами для Марии Андреевны и тети Анны. В этот вечер он был их личным гостем, Катя с утра находилась в приподнятом счастливом настроении, разбуженная телеграммой от Томаса, со словами любви и ожидания... Ей также были присланы деньги с припиской от Чока. Он извинился, что из-за очень занятого времени не мог заехать к ним, но до отплытия «Атлантика» еще есть время и он навестит их.

Катя, как ни странно, вспоминала о нем. Чок все же был для нее единственной связью с мужем и развлекал ее, как собеседник. Но вот новая для нее встреча с исключительной личностью, принцем Луи. Чувствовалось, что и он нашел в них близких своей душе людей. Говорил, что русские всегда восхищали его.

Распивая с удовольствием русский чай, приготовленный тетей Анной, он много рассказывал о себе, словно перелистывал свои мемуары. Оказалось, что принц Луи был незаконным сыном короля одного небольшого государства. Своей матери он не знал и с малых лет находился в закрытых школах, чтобы не компрометировать королеву и законных сыновей короля: четырех снобов и дураков. В школе он считался примерным учеником, лучшим фехтовальщиком, во время войны был зачислен в королевскую армию. За ранение получил высший орден и пожизненную пенсию, — королевство шло к разорению и разрушению, пока не произошел государственный переворот. Из дворца первым бежал его отец король со своей возлюбленной, королева от потрясения умерла, сыновья разбежались кто куда.

Принц Луи, к счастью отстраненный от расслабленной дворцовой атмосферы, был лучше многих подготовлен к существованию обыкновенного эмигранта. Конечно, никакую государственную тайну, как «иглу в мешке», не утаить! О нем, как отпрыске королевского дома, знали и он не раз слышал обращенное к нему «Ваше Высочество».

Принц Луи рассказал в связи с этим о забавном случае в Париже. К нему в отель позвонила незнакомая осо-

ба, американка, некая мисс Бетси, она пригласила его на завтрак в один из лучших ресторанов.

Принц прекрасно владел английским языком, но не мог понять причины этого приглашения, а мисс Бетси стала говорить, что ее встреча с ним, Его Высочеством, ей крайне необходима и что на следующий день она возвращается в Америку. Отказать даме он не мог и ответил, что считает честью и удовольствием пригласить ее на завтрак. Сказал он это с испугом, так как находился в полном безденежье. К счастью американка ответила, что она ни в коем случае не принимает его приглашения, так как ее просьба официальная.

Зная, что от Америки можно ожидать всякие чудеса, включая неожиданное наследство от какого-нибудь затерявшегося дядюшки, он не заставил себя упрашивать и в условленный час поджидал у входа в ресторан таинственную незнакомку. Как узнал ее? Очень просто. Американка, это особенная порода женщин, современная амазонка, блондинка, длинноногая, без шляпы и всякой грации, с улыбкой во весь ряд превосходных зубов.

Через несколько минут они сидели за столиком, как давно знакомые. Мисс Бетси заказала обильный завтрак с вином. Принц почти не прикасался к еде, в ожидании разгадки столь таинственного приглашения, а она, восторгаясь каждым блюдом, ела без конца, пила и курила. С чашечкой кофе она предложила ему папиросу. Он не курил, но отказать даме не мог, взял папиросу из простой картонной пачки и закурил. Она спросила:

— Ваше Высочество, как вам нравится наша американская папироса?

Он, не переносящий даже запаха табака, ответил:

— Такая папироса может внести смысл жизни...

Американка просияла, восторженно воскликнула:

— Ваше Высочество, напишите точно эти ваши слова и подпишитесь вашим именем и титулом. — Она тут же протянула ему листок бумаги. Он исполнил ее просьбу. Подписал: «Его Высочество Принц Луи». В ее руке очутилась другая бумажка, это был чек на десять тысяч франков. Мисс Бетси объяснила:

— Ваше Высочество, американская фирма этих папирос благодарит вас за ваш отзыв, который будет впредь служить ей рекламой.

Он смутился, растерялся, но чек взял и не успел поблагодарить американку, она же, как волшебная фея, исчезла, оставив его в полном недоумении и отчаянии. «Куда она скрылась? Где ее искать?» Ведь он бы мог дать ей имена еще нескольких «высочеств», даже «величеств», находящихся в Париже без денег. Десять тысяч франков!

Все расхохотались, смеялся и сам принц Луи, но он сделался серьезным и продолжал:

— Вашим русским аристократам пришлось тяжело. Продавали все, что могли. Вывезенные под платьями картины, гобелены. Принцессы срезали свои волосы для «maisons de coifure». Конечно, ничего постыдного в этом нет, потерявший родину тот же нищий. Но вот, когда этим злоупотребляют...

Принц смолк, словно хотел что-то утаить, но Катя загорелась любопытством:

— Расскажите... расскажите... — взмолилась она.

Он улыбнулся ее юному энтузиазму, сделал большую паузу. Они пересели на диванчик. Тетя Анна давно давала Кате знаки глазами, чтобы та увела гостя от столика, нужного для ужина. К тому же быстрый французский язык принца ей не так было легко понять, да и Мария Андреевна начинала закрывать глаза. Одна лишь Катя вся превратилась в слух, забыв об окружающем, минутами не разбирая, какой язык она слышит и кто говорит с ней так увлекательно, в то же время мягким движением рук, головы и взглядами теплых, умных глаз, напоминая ей кого-то... «Дядю Ники? Писателя из Киева, Владимира Николаевича... Что общего, не то ли только, что все воспитанные и культурные люди обладают схожими манерами?»

Задумавшись, Катя вздрогнула, когда принц, наклонившись к ней, сказал:

— В нескольких словах я могу рассказать вам самую невероятную историю в эмиграции. Но боюсь, что вы можете принять меня за сплетника, тем более, что этот скандальный эпизод был притушен прессой.

— Ваше Высочество! — вырвалось у Кати, — от вас может исходить только правда!

Заметно тронутый, он поцеловал ее руку.

— Chere Catherine, — проговорил он, впервые назвав

ее по имени, чем внес новую непринужденность в их беседу. Он продолжал негромко:

— Когда в Париже стало все труднее добывать большие деньги, одна группа русских, во главе с Великим Князем Дома Романовых, решила продать эфиопскому Императору, Хайле Селасье, Гроб Господен в Иерусалиме. А Император Эфиопии вообще всегда считал, что ему, как потомку Соломона и царицы Саввской, должна принадлежать Святая Земля.

— Итак, Хайле Селасье была составлена телеграмма. Император был польщен. Вскоре, по высочайшему приглашению, компания в пять человек прибыла в столицу Эфиопии, Аддис-Абебу. Остановились в лучшем отеле. На следующий день их ждал царский прием во дворце. После роскошного обеда состоялось секретное совещание с Императором, результат которого остался тайной для всех. Стало только известно, что всю русскую компанию должны были арестовать. Но получив какие-то подарки, быть может деньги, они сумели разбежаться кто-куда... Князь поступил порядочнее всех, он умер от сердечного припадка на пароходе.

Принц Луи смолк, Катя смеялась. Как иначе она могла регировать на такой рассказ, все же коснувшийся ее кощунственно-грубым фактом. У нее невольно вырвался вопрос:

— Вы опишите этот эпизод в своих мемуарах?

— Несомненно... Для незаконнорожденных запретов нет...

Они оба безудержно рассмеялись.

Тетя Анна звала их уже к столу. В нарядной отельной комнате с цветочными вышивками на шелковой мебели запахло чесночной колбаской с малосольными огурцами, купленными тетей Анной в русской лавке. За ужином заговорили об Америке. Принцу было известно о скором отплытии за океан его русских друзей, а также о Катином браке с американцем. Он сказал, что они должны считать себя счастливцами, уносясь в иной континент.

— Европа уже не та, — добавил он грустно.

Перед уходом он предложил Кате на следующий день осмотреть достопримечательности Парижа. Те места, которые, как он понял, ей не удалось увидеть. Он имел в виду: Лувр, Нотр-Дам, гробницу Наполеона, Триум-

фальную Арку, все те исторические места, олицетворяющие в «международном муравейнике» единую, национальную и гордую Францию. Ее город-уникум, Париж!

Этот день стал для Кати незабвенным.

Она всегда любила музеи, храмы, хранилища вековых сокровищ, как будто имеющие что-то общее с затаенными сокровищами ее собственной скрытой души. Она это чувствовала, блуждая по молчаливым залам петроградского Эрмитажа, в Киеве, Милано... Но Лувр ослепил ее своей грандиозностью, и теперь она не была одна. Принц Луи не отходил от нее, объясняя многое и перед Катей словно оживали скульптурные изваяния, картины, становившиеся ей понятнее с волнующей реальностью.

— Жизнь не меняется, как не меняются природа, люди, их страсти, возвышенные и низменные, — говорил принц, замечая Катины восторженные взгляды на собранные здесь бессмертные шедевры. Перед одной картиной она застыла: на ней был изображен молодой воин в расшитом золотом красном мундире, со шпагой воткнутой в землю, на поле сражения.

— Молодой граф, испанец, бесстрашный бригадир, — заметил с улыбкой принц.

— Удивительно красивый и как живой... — прошептала она.

Отходя от портрета, Катя обернулась и вздрогнула: горящий взгляд испанца преследовал ее.

Не менее сильное впечатление произвел на нее собор Нотр-Дам. Он был знаком ей еще с тех пор, когда она приезжала с матерью в Париж из России. Однако, что тогда могла понять нервная, впечатлительная девочка, скорее напуганная окружающей таинственностью огромного храма, с затемненными нишами, сводами, выступающими статуями облаченными в священные и царственные одежды. Она еще по-детски прижималась к матери, шептала: «какой страшный»... Испугали ее и чудовища на крыше, «les gargouilles».

А сейчас ее добрый гид, как и в Лувре, рассказывал ей историю, овеянную мистическим средневековьем, величайшего в мире Храма Божьей Матери, «Золотого Сердца Парижа».

Последние минуты Катя простояла подле прекрасного изваяния «Sainte Vierge» нежной красоты. Она помо-

лилась Ей. О Чем? Сейчас ее мысли были легкими и радостными.

Принц Луи поджидал ее у входа.

Вскоре они прогуливались по набережной Сены, с ее живописными уголками, излюбленными молодежью. Катя вдыхала здесь аромат жизни Парижа. Вышина Эйфелевой Башни вскружила ей голову. Не даром говорят «сама башня качается». Там же в ресторане они вкусно позавтракали.

В приятном забытьи Катя спросила:

— Вы очень любите Францию, принц?

— Да, — задумчиво ответил он, — Франция обладает чудодейственным жизненным эликсиром. Сколько раз ее прекрасная головка падала под ножом гильотины и вновь возрождалась во всей своей красоте и мужестве... Со всех концов мира она притягивает к себе людей самых разных вкусов. Один известный итальянский поэт, будучи аморальным, не пропускающий ни одного вертепа, выразился о Париже, как о «развращающим и уничтожающим»... Тогда, как французская культура, ее литература и музыка, признаны всем миром.

— Музыка... — восторженно прошло по Катиным губам и она громко сказала:

— Странно, французская музыка мне совершенно незнакома.

Как последнее наслаждение этого дня, Катя слушала симфонический концерт французских композиторов. Блаженствуя в удобном кресле партера, закрыв глаза, она вся унеслась в красоту звуков. Перед ней яркой лентой проносились пережитые моменты, моменты только одного дня, давшие ей не только новые знания, но встрепенувшие ее душу восторгом жизни... Еще с высоты Эйфелевой Башни, любуясь Парижем, ей хотелось воскликнуть:

— Как все красиво вокруг!...

А в сутолоке улиц она была сама не своя среди окружающей ее нарядной публики. Она замечала на себе посторонние взгляды, радуясь, что и она одета не хуже других, и что ее волосы, чуть растрепавшиеся на Башне, делали ее похожей на игривых француженок. Она даже подсознательно стала подражать их походке, слегка покачивая бедрами, за что и поплатилась...

Принц Луи немного отстал, а ее вдруг взял под руку какой-то пожилой француз с бородкой. Он шепнул ей:

— Alors, ma petite, ou allons nous? [1])

Катя вздрогнула, но не растерялась, хладнокровно отстранив незнакомца и найдя глазами спешившего к ней принца, крикнула:

— Cher maitre, [2]) где же вы?

Бородач бросил на нее свирепый взгляд, грубо выругался и исчез в толпе.

Париж погружался в розоватые сумерки, Катя и принц Луи сидели под открытым небом за столиком уютного ресторана-кафе, «Les Deux Magots». В эти минуты, находясь в состоянии «repos d'esprit» [3]), принц смешил Катю забавными замечаниями по адресу веселых городских улиц. Пожалуй, хотел облегчить ее смущение после случившегося с ней инцидента... Но Катя уже сама смеялась над собой, вспоминая свое восклицание «cher maitre», как нельзя лучше подошедшее к моменту. Но разве ее возглас не прорвался символично к нему, к еще так мало знакомому ей человеку, «Принцу, Его Высочеству», для нее ставшему чудесным спутником, каждое слово которого являлось для нее драгоценным познанием.

В кафе, в шутливом разговоре, принявшем особенно оживленный, даже слегка интимный характер, принц Луи коснулся природы женщин, цитировал поговорки: «главная элегантность красавиц определяется обувью и ногтями на пальцах. Бриллиант необходим на дамской ручке, бриллиант возвышает ее престиж, является эмблемой независимости, богатства и любви!»

Катя невольно обратила внимание на свои руки с единственным скромным обручальным кольцом. Ее ногти были коротко подстрижены, на ногах красовались хорошенькие, немного потертые черные туфельки, купленные еще в Италии, впрочем, очень удобные для ходьбы. Но сейчас все это заставило ее смутиться и подумать, что она до странности задержавшееся на какой-то плоскости существо, девочка из Киева...

Не хотел ли принц деликатно обратить на это ее внимание? И она едва сдержалась, чтобы снова не воскликнуть

---

[1]) Ну что, маленькая, куда мы пойдем?

[2]) Дорогой учитель.

[3]) Душевного покоя.

нуть, на этот раз с благодарностью: «Cher maitre! Завтра же иду в магазин и куплю себе бриллиантовое кольцо, несколько пар самых модных туфель и сделаю себе маникюр!»

Принц Луи нарушил ее мысли:

— Chere Catherine, я забыл вам сказать, у меня есть на сегодня два билета на симфонический концерт, в «La Salle de l'Opera». В программе французские композиторы.

❋ ❋ ❋

Катя очнулась, «где она?»

Великолепный зал, перед ней огромный оркестр. Она сидела рядом с принцем Луи, который слушал музыку спокойно и серьезно. А она уже чувствовала, как красота звуков захватующе вторгалась в ее душу, захлебывала, подобно стихийным волнам.

— Звучит как море... — вырвалось у Кати взволнованно, — наше Черное Море... прекрасное и страшное... Слышите? Будто тонет кто-то, кричит: спасите! спасите!...

— Вы очень чутки к музыке, Catherine, эта вещь называется «La mer», — тихо произнес принц и раскрыл перед Катей программу. «Море» Дебюсси.

— Музыка всегда говорит мне многое, я должна была бы быть музыкантшей...

— Тогда вы, вероятно, никогда бы не испытали подобного наслаждения. Вот, после этого замечательного концерта, музыканты тотчас же поспешат в какое-нибудь ближайшее «бистро», за стаканчиком вина начнут критиковать композитора, дирижера, станут сплетничать. А большинство публики будет находиться в том же состоянии блаженного восторга, что и вы.

— Я счастлива, бесконечно счастлива, — прошептала Катя.

Концерт кончился, они вышли на улицу. Принц посмотрел Кате в глаза, как писатель, он мог бы сравнить их блеск с яркими звездами на небе этого вечера. На земле беспорядочной массой сверкали автомобильные звезды, обычная картина позднего разъезда Парижа, а для Кати она имела фантастический вид. Музыка еще звучала в ней, исполненный в конце программы вальс как-будто вскружил и ее голову... В эти минуты

она увидела роскошно одетых дам в манто, вуалях, похожих на сказочных принцесс, уносящихся во все стороны и, конечно, не по домам на сон грядущий!

Была лишь полночь и Кате самой захотелось понестись со всеми. Куда?

Принц Луи ответил за нее:

— Chere Catherine, я чувствую себя глубоко виноватам перед вашей мама и тетей, забрав вас на долгие часы. Я сам немного забылся, увлекся столь приятным для меня времяпревождением.

Он подозвал такси, назвав ее отель. У Кати вдруг чуть не сорвалось с губ: «Я не ребенок»... но она беспрекословно приняла его руку.

Блестящие электрические гирлянды сверкали впереди, освещали дома, подъезды ресторанов, театров, кабаре.

— Ночная жизнь Парижа началась, — заметила Катя.

— Всех сортов увеселений, — добавил принц.

— Для которых я еще не доросла, — с неожиданной иронией или упреком сказала она.

«К кому? За что?»... Она притаилась в темном углу такси, словно отстранилась и ушла в себя. Недавнее возбуждение покинуло ее.

Если жизнь взбудораживает чувства, дает радостные мгновения, то после обязательно приходит упадок, отрезвление, а то и просто боль...

Так и с Катей произошла странная перемена. После недолгого молчания она произнесла громко, словно вызывающе:

— Я знаю, что произвожу впечатление чуть ли не подростка. Это какой-то злой рок, оставаться девчонкой в двадцать лет. Не так ли?

Принц Луи, слегка озадаченный непонятной переменой в Кате, в то-же время не без интереса улавливал в ней новые откровенные нотки. Он заметил тепло:

— Вы сама юность. Catherine, вам позавидывала бы любая женщина в мире.

— Не думаю принц. Я во многом уступаю им... — Катя оборвала себя, но что-то рвалось теперь из ее души и ей хотелось говорить, а с кем, как не с «cher maitre».

— Я вас слушаю, — тут же предупредительно сказал он.

Такси плавно катило по просторным, более затемненным дорогам. Из окна тянуло душистым ароматом

зеленых парков, все располагало к беседе. Катя внезапно сказала:

— В моей жизни много трудностей.

Он почти перебил ее с улыбкой:

— В вашей жизни может быть только одна трудность, в любви...

Откуда-то блеснул свет. Катя инстинктивно отпрянула в свой угол, точно слова принца, огнестрельным осколком вещей правды, задели ее глубоко. В ее глазах блеснули слезы, в голове пронеслась мысль: «Как это он угадал мои чувства и тоску»...

И тут же искра тепла и доверия коснулась ее сердца, устраняя всякую преграду, замкнутость и стеснение, ее слова вырвались с искренностью и болью:

— Любовь... любовь... почему она всегда сопровождается трудностями, непониманием, тайнами, обидой и стыдом. Почему она становится обманчивой иллюзией, когда от нее ждешь правды, хочешь ее и почему-то бежишь прочь с раскаянием, а потом снова тянешься и ждешь... ведь без любви жить трудно, одиноко и скучно.

— Но у вас есть муж, вы скоро будете с ним, — слегка озадаченно произнес принц и встретил Катин неподвижный, ничего не выражающий взгляд.

Они подъехали к отелю.

Катя попращалась со своим «cher maître» уже сдержанно, поспешно, но она услышала его ответ на излияние своей горечи:

— Vivez, Catherine... [1])

В этот поздний час, в вестибюле с притушенными лампами, она сразу увидела взволнованные лица своих, неискоренимое беспокойство о своей Катичке!

Но вместо того, чтобы рассердиться, Катя крепко обняла мать и тетю, полушопотом сказала:

— Идите спать. Завтра я расскажу вам все. О, какой день я провела в Париже!

И не пользуясь лифтом, она легко и быстро побежала по лестнице в свои комнаты на третьем этаже.

❀ ❀ ❀

Комнаты ярко осветились, отельная горничная ждала распоряжений, но Катя поспешно отослала ее, — в

---

[1]) Живите, Катрин!

эти минуты ей хотелось остаться одной, со странно вдруг изменившимся в ней настроением. Мысли озарились и отогнали все тучки... Было ли это предчувствием чего-то непредвиденного и радостного?

Она сразу увидела на столе букет чайных роз, присланных Томасом. Катя с удивлением смотрела на цветы, на карточку от мужа с его именем. Но чему было удивляться? Цветы посылались отовсюду и во все концы мира, было бы желание и любовь. А могла ли она сомневаться в чувствах своего Томаса? Ее кольнула неожиданная мысль: «Я о нем мало думаю»...

Да, в недавних рассуждениях «о любви» в ее мыслях не было мужа. Не потому ли что он находился в каком-то отдалении, ни на кого не похожий «Superman», однажды поднявший ее на своих могучих руках над развалинами старого турецкого города, превратив ее жизнь в восточную сказку, увы, слишком кратковременную; в одно туманное утро исчезнул из ее глаз, подобно доброму волшебнику, оставив в ее душе лишь мираж какого-то нереального счастья.

Томас?!

Сейчас к ней вернулись с ясностью воспоминания о нем, она точно услышала его теплый голос: «My beautiful little doll»... [1]) Катя громко рассмеялась, подумав: «Неужели и теперь Томас будет называть меня так?»

Она невольно потянулась к зеркалу; давно не смотрела на себя с таким интересом и любопытством. Она изменилась, пожалуй, стала выше ростом и грациознее, чему несомненно помогло парижское платье. А в ее лице с легкой косметикой, которую она начала употреблять впервые, по совету мастериц «Salon de beaute», появилось что-то новое, незнакомое, делавшее ее чуть старше, но и интереснее, она ли это? И Катя не без удовольствия, почти любуясь собой, хотела сказать: «На маленькую куколку я уж никак не похожа».

Она тут же вспомнила о еще не распакованных картонках с новыми платьями, находящихся в спальне и сейчас, с загоревшимся желанием померять их, поспешила туда. С первого же дня прибытия в отель ее пленила эта комната, обставленная в стиле старинных француз-

---

[1]) «Моя прекрасная маленькая куколка!»...

ских будуаров. Не хватало только прелестной маркизы и ее любовника...

Катя рассмеялась, с удовольствием сняла с себя дневный костюм и в приятном возбуждении, будто услышав звуки концертного вальса, закружилась по комнате, как бывало с ней в заколдованной тишине Ялты, только теперь из полуоткрытого окна на нее повеяло пьянящим воздухом ночного Парижа.

Вдруг она вздрогнула, на подоконнике сидел человек. В испуге, инстинктивно, она набросила легкий халатик. Быстрая мысль мелькнула в ее мозгу. «Он ничего не может мне сделать плохого, здесь везде звонки»... И она, спокойно и строго взглянув на незнакомца, спросила по-французски:

— Что вам здесь нужно?

— Видеть тебя, — также по-французски ответил он.

— Как вы смеете! Вон отсюда, — вскрикнула Катя и рванулась к звонку. Он поспешно предупредил:

— Не поднимай тревоги, моя любовь. Я сейчас исчезну.

Это прозвучало так, как будто он сказал: «Я только привидение»...

Катина дрожащая рука лежала на звонке в лакейскую. Но она почему-то не двигалась, — если перед ней не был призрак, то это было сверхестественное явление: голова и лицо незнакомца были точными копиями с портрета испанского бригадира, виденного ею сегодня в Лувре, только грубая одежда делала его до смешного мешковатым.

— Кто вы такой? — более сдержанно спросила она.

— Рабочий в этом отеле, — с улыбкой ответил он и, опустив ноги на пол, продолжал оживленно:

— А по вечерам я наслаждаюсь жизнью, вином и женщинами. Сегодня я позволил себе роскошь приблизиться к тебе.

Он смотрел на Катю горящим взглядом, точь-в-точь, как красавец с портрета.

Но Катя уже была вне Луврского очарования, придя в себя и понимая грубую реальность ворвавшегося в ее спальню рабочего француза, она крикнула:

— Уходите немедленно!

— Но почему? Ты одна и одинока, — ответил он.

— Я не одна и не одинока! — возмутилась Катя. —

Я замужем, мой муж американец, я уезжаю к нему!

— Знаю, все знаю, — перебил он, — ты русская графиня, миллионерша. Что может быть лучше! Твои деньги и моя любовь. Представ себе, какое наслаждение ждет тебя в моих объятиях?

Он приблизился к ней и зашептал:

— Как ты красива... ты должна жить только для любви. Не будь глупой, твой муж никогда не даст тебе настоящей любви. Он американец, джазбанд! А твои кавалеры здесь старики...

— Tu est canaille [1]) — вскрикнула Катя вне себя и нажала звонок.

— Je reviendrais, [2]) мое имя Филипп, — донесся его голос и он исчез за окном.

Вошел лакей. Катя, сдерживая себя, объяснила случившееся. Лакей посмотрел за окно, пожал плечами и спокойно сказал:

— Здесь никого не могло быть, мадам, от земли высоко.

Он все же плотно закрыл окно, завесил его портьерой и с учтивым поклоном вышел.

На следующий день, после недолгого и тревожного сна, Катя вся находилась под впечатлением ночного визита. Однако своим она ничего не рассказала, да и не знала, что ей сказать? Ее мучили догадки. Человек ворвавшийся в ее комнату не был похож на вора или разбойника. Это был служащий отеля, рабочий с прекрасным лицом, странно знакомым, но в какой-то несуразной одежде. Так случается в галлюцинациях; он говорил, что знает ее, все знает о ней и что любит ее...

Подверженная мистике, Катя постепенно приходила к заключению, что под сильным впечатлением столь необыкновенного для нее дня и ночи, опьянённая окружающей красотой, музыкой, любовью Томаса, она просто впала в мимолетный сладостный сон. Никого в ее спальне не было!

Однако, движимая другим непонятным чувством, она то и дело подходила к окну, вспоминая слова лакея, что «окно находится слишком высоко от земли». Но Катя

---

[1]) Ты мерзавец.

[2]) Я вернусь.

заметила огромную акацию, ветки ее достигали окон. Что может быть проще пробраться по ним в ее окно? Такое предположение вызвало в ней снова волнение, желание немедленно переменить свои комнаты, кстати прежде всего она хотела узнать в отеле: «Есть ли у них служащий по имени Филипп?»

До вечера она однако решила ничего не предпринимать, устыдившись ли своего малодушия или захваченная непонятной жалостью к молодому человеку. «А если он был? Ведь его немедленно уволят со службы!» думала она.

Перед сном Катя опять-таки попросила горничную хорошенько посмотреть за окно, «не видит-ли она когонибудь?»

Живая девушка, как-то особенно кокетливо вздернув ножками, наполовину свесилась на подоконнике и, обернувшись к Кате, со вздохом произнесла:

— Malheuresement, Madame, personne... [1])

Катя невольно рассмеялась на эти слова француженки, но не оказались ли они символичны?

Кто-то постучался в дверь. Это была тетя Анна, рассерженная и опечаленная тем, что они не видели Кати весь день. Катя прикинулась не совсем здоровой, и на самом деле, выглядела необычно бледной, усталой, глаза лихорадочно блестели. Она дала слово тете немедленно лечь спать. Но ее меньше всего тянуло ко сну, взбудораженные чувства не покидали ее. Оставшись сама, она снова подошла к окну, осторожно открыла его и вздрогнула. На большой ветке, у самого ствола, укрывшись во тьме, пряталась мужская фигура. Это был он, тот же рабочий Филипп. Катя, вместо того, чтобы захлопнуть окно, скорее с холодным любопытством разглядывала его, снова пораженная его сходством с испанцем на картине. Одет он был теперь иначе, в обтягивающую грудь полосатую фуфайку и узкие штаны, стал похож на стройного юношу. Он не мог не видеть Кати, но не шевельнулся, притаился по-звериному, готовясь вот-вот наброситься на нее, но вдруг сделал прыжок в противоположную сторону и стал быстро спускаться вниз, к земле и унесся в темноту с быстротой и легкостью оленя.

---

[1]) К сожалению, мадам, никого нет...

Третья встреча Кати с Филиппом была роковой. Она ждала его, окно ее спальни не затворялось всю ночь. Свет был потушен, в разлитой тишине и тьме слышался шопот:

— Mon amour...[1])

— Je t'aime, Philipp...[2])

Непредвиденное и прекрасное свершилось, Катя влюбилась. Вспыхнувшее чувство заслонило в ней все, она не выходила из своих комнат, запиралась и на перепуганные вопросы матери и тети говорила:

— Я устала от переездов, не хочу оставлять Парижа.

— А Томас? А средства? — ужасались они.

Реальность уплывала от Кати. Она получила небольшое письмо от принца Луи, извещающее, что он был болен и потому не приезжал к ним. Но сейчас ему лучше и он навестит их в ближайшие дни.

В первую минуту, пожалуй забыв о принце, Катя была недовольна этим письмом. Но в то же время теплота прилила к ее сердцу, она вспоминала последнее прощание с ним, его слова, сейчас особенно ставшие ей понятными и радостными: «Vivez, Catherine!»

И ей хотелось закричать в восторге: «Я живу... живу... как никогда еще, «Cher maitre!»

Филипп появлялся у нее после полуночи.

Находясь в его объятиях, чувствуя его обнаженную грудь, нежность его лица и пышность волос, она была опять-таки вся во власти странной и чудесной иллюзии, что с ней молодой красавец-бригадир. В сладком забытьи она шептала: — Ты мой... мой и я не хочу, чтобы ты уходил от меня, не хочу, чтобы кто-либо другой смотрел на тебя. Мы будем жить вдали от всех, в собственном «chateau»...

А Филипп, простой пылкий юноша (ему было только девятнадцать лет), увлеченный страстью казалось бы недоступной русской красавицы, не вникал или просто не понимал Катиных восторженных излияний. Влюбленные теперь стали по ночам исчезать из отеля. Проводили счастливые часы на Монтпарнассе, Монмарте, в Латинском Квартале.

---

[1]) Моя любовь...

[2]) Я люблю тебя, Филипп...

Перед Катей снова взвился театральный занавес, показывая ей еще не виденную жизнь Парижа, в которой теперь она сама стала участницей любовной трагедии.

Женщины в любви часто поддаются вкусам своих «amants», так и Катя, по желанию Филиппа, стала носить короткие юбочки, делала прическу «frou-frou» и, находясь в уличной толпе, легко смешивалась с любыми француженками, гуляющими в обнимку со своими кавалерами, несдержанно смеющимися за столиками дешевых кафе и часто исчезающими в темноте кривых улочек, куда также завлекал Катю Филипп, знающий все таинственные уголки любви...

Они возвращались перед рассветом, усталые, счастливые и молчаливые. О чем было им говорить? Все между ними было понятно и ясно, они любили друг друга, не задумываясь ни о чем, хотя к Кате приходила тревожная мысль о необходимости объясниться со своими; она не представляла больше своей жизни вне Парижа, без Филиппа. Катя вспоминала принца Луи, уверенная, что он, как никто другой, понял бы ее и помог.

Однако, идиллия этой любви разрешилась самым прозаическим образом и не без курьеза.

Каждый раз Катя и Филипп с большой осторожностью пробирались к своему отелю. Окружающее тонуло во тьме, кроме главного подъезда, над которым мерцал электрический свет, не доходящий до двора и кухонных помещений, а потому этот путь являлся самым безопасным, чтобы попасть во внутрь дома. В эту злополучную ночь Катя и Филипп, как обычно, прижались с поцелуем друг к другу. Вдруг перед ними показалась неизвестная мужская фигура, конечно, смутившая их, но каков был их ужас, когда это оказалась переодетая тетя Анна. Она схватила Катю и со всего размаха ударила ее по лицу, крича по-русски:

— Дрянь! Дрянь!...

Катя увернулась от нее, но тут же с рыданием бросилась к тетке на шею с воплем:

— Я люблю его, люблю его, тетя!

С шумом открывались отельные окна, Филипп с ловкостью и быстротой оленя исчез во тьме.

Парижские дни помутились, шел непрерывный дождь, а когда Париж плачет, он плачет долго...

Катя превратилась в молчаливую мумию. Она мучительно страдала, ожидая Филиппа, но он не появлялся. Никакие слова, упреки и объяснения родных не имели на нее воздействия. Она люто возненавидела тетку за ее грубый поступок, заставивший Филиппа бежать. И в тоже время в ней вспыхивала обида и непонимание: Филипп? Как мог он так быстро скрыться, не проявив никакой попытки защитить их любовь, как несомненно поступил бы герой-испанец? Но красавец-бригадир давно перестал волновать ее воображение, она полюбила живого французского юношу, прекрасного, пылкого и намного благороднее, чем он хотел прикинуться.

Он никогда не говорил ей о деньгах и тратил на нее свой скромный заработок. У Кати было желание помочь ему.

Вдруг перед ней опустился занавес, как финал пьесы. Катя осталась одна у пустой и безмолвной сцены-жизни...

Глава XVI

Америка

«Радуйся кораблю хотящих спастися,
Радуйся пристанищу житейских плаваний,
Радуйся»...

Времена меняются. Второго октября 1923 года на гаврской пристани стоял американский пассажирский пароход «Atlantic», готовившийся к отплытию в Америку.

После длительной полосы дождливых дней в Париже в Ле Гавре сверкало солнце, ярко освещая шумный порт, публику, огромное судно и необъятную ширь океана.

Пассажиров было не много, заметно отсутствовали русские, за эти годы скитаний осевшие у «бедной, доброй тетушки-француженки». Рады-радехоньки были отдохнуть на ее старых тюфячках в цветочках и забыть беженские невзгоды, где уж там было мечтать об Америке, стране чудес!

Пассажиры первого класса, в большинстве американцы, быстро заполняли «dining salon», толпились у бара. Громко разносилась музыка джаз-оркестра.

Катя прибыла на пароход в сопровождении двух американцев, один из них ее старый знакомый Чарльз Рид, другой его сослуживец. Оба были в морских офицерских формах. Они любезно проводили Катю до ее каюты первого класса; получив ее приглашение, они вошли во внутрь. Мария Андреевна и тетя Анна прибыли на пароход значительно раньше, нагруженные большим количеством ручного багажа: каких-то цветных карто-

нок, мешочков, включая коробку из французской булочной. Их каюта была рядом с Катей. Радости этих женщин не было конца, Катя была с ними и она была совершенно здорова, как сказал врач-француз, которого они вызвали: у нее не было сил встать с постели и она без конца плакала. Выглядела она очень больной, доктор определил ее состояние словами: «Un derangement sentimental et de la tristesse» [1]), на что у нее было достаточно причин не только из-за разлуки с Филиппом, но также потому, что в парижском «Le Temps» появилось небольшое извещение о смерти пожилого эмигранта, жившего одиноко, инкогнито, в гостинице на Монтпарнассе под именем: «Prince Louis».

Встреча с Чоком опять-таки взволновала Катю, напомнила ей о Томасе, чувство к которому до странности притихло в ее душе. Но на борту, словно под живым дыханием самого океана, все ее существо радостно встрепенулось от сознания, что она едет к нему, к своему Томасу.

Ее каюту украшал букет цветов, Катя сразу подумала: «от Томаса», но мистер Рид сказал:

— Вас приветствует капитан «Атлантика», миссис Даунтон. — Катю немного озадачил столь официальный тон Чока, но не было ли это сделано с тактичным умыслом в присутствии постороннего человека? Да что, собственно, и было-то между ею и Чоком, кроме мимолетних прогулок по Парижу! И хотя в красивом лице американца она улавливала некоторое сходство с Томасом в цвете его глаз, улыбке, он все же оставался для нее чужим человеком, к тому же и не совсем приятным. На прощание она молча протянула ему руку, которую тот поцеловал с галантностью француза. Его компаньон, выходя из каюты, промолвил:

— She is very beautiful. [2])

Чок ничего не сказал, он хорошо знал красоту Кати, которая показалась ему еще прекрасней, но и загадочнее. Он никогда не понимал ее и сейчас с саркастической усмешкой подумал: «Да любит ли она Томаса?»

Офицеры сошли с парохода, дававшего уже прощальные гудки.

---

[1]) «Душевное расстройство и грусть».

[2]) Она очень красива.

Пленительная Франция оставалась позади, до странности не вызывая в Кате никаких сожалений, даже воспоминаний. Поднимаясь по трапу огромного судна, она точно рвалась поскорее оставить землю, чтобы найти забвение и отдых во всегда привлекающей ее обстановке пароходной жизни. Она не ошиблась, вначале ей хотелось уединиться, но вскоре поняла, что уединяться было не нужно. Казалось, что весь роскошный американский пароход был предназначен для усталых туристов после их европейских развлечений; обширные палубы пустовали, кроме немногих пассажиров спящих на шезлонгах. А внутри гостиных в креслах находились другие неподвижные фигуры, оживающие только к часу еды. По вечерам в большом зале, в освещении слегка колыхающихся люстр, танцевали, элегантные дамы и мужчины медленно двигались под ритм фокс-тротов. Звуки были приятные, красивые, как выглядели красивыми и танцующие пары.

Пятидневное безмятежное плавание дало Кате возможность присмотреться к американцам. Еще не зная английского языка, она скорее чутьем понимала этих мужчин, — внешне спокойных, уравновешенных, редко слышались их голоса; а американки производили впечатление неумолимого оживления. Как стая однородных птиц, они держались особняком, много курили и смеялись. Не даром один известный английский писатель охарактеризовал их: «Одно из самых замечательных свойств американок в том, что они не любят говорить ни о чем серьезном, а только об удовольствиях».

А Кате они нравились и она не без радости думала о том, что скоро ее жизнь сольется с ихней и она наверное также будет курить и танцевать их красивые танцы.

Такие мысли веселили ее.

Мать и тетя по своему наслаждались путешествием на роскошном американском пароходе, восторгались обилием еды, а также нигде не виденным комфортом в уборных с зеркальными стенами и туалетными лентами. Кстати тетя Анна увлеклась изучением английского, или, как она называла, американского языка. Внимательно прислушиваясь к разговорам, находила его очень трудным, а некоторые созвучия прямо-таки непостижимыми. Она попросила одну пожилую американку помочь ей с приставкой «the», та поняла, улыбнулась и несколько раз,

где-то из под зубов произнесла довольно заковыристую часть речи. Но тетя Анна, при всем своем старании, только до боли прикусила собственный язык.

Следующий курьезный случай произошел из-за встречи с русским пассажиром, который ехал со своей женой. Тетя Анна стала увлекательно рассказывать о пережитых ужасах в дни революции. Господин срезал ее, заметив, что его жена американка и не переносит этих воспоминаний русских. Они оба быстро удалились. Тетя Анна возмутилась:

— Как тебе это нравиться, Катя! — с обидой произнесла она. Катя, рассмеявшись, заметила:

— Получили по заслугам, тетя.

И к ней самой вдруг пришла подсознательная грустная мысль: «жители Америки, совершенно иной планеты счастливые люди, никогда не поймут их, русских»...

На дымчатом утреннем небе стали вырисовываться очертания громадного города Нью-Йорка, как мираж чего-то призрачного и ненастоящего. Но для тех, кто наслышался о чудесах Америки, оживал величайший город «Нового Света». В широко раскрытых глазах Кати застыл восторг, ведь она была одной из тех, кто давно лелеял в душе образ легендарной страны. Приближаясь к порту, она успела поменять темный дорожный костюм на белое платье с большой шляпой. Совершенно преобразившись, она теперь привлекала всеобщее внимание. Одна пожилая американка спросила ее на ломаном французском языке:

— Впервые ли вы приезжаете в Америку?

Катя утвердительно кивнула головой. Незнакомка продолжала:

— Вас, мадемуазель, здесь ждет успех. Америка любит молодость, красоту, к тому же вы русская принцесса.

Их удачно разъединили. Катя, сдерживая смех, подошла к перилам. «Атлантик» причалил к пристани, встречающую публику еще не пускали, но на пустынном молу показалась высокая фигура в морской форме. Не считаясь ни с какими преградами, навстречу пароходу несся Томас.

— Катья!

Они очутились в объятиях друг друга. Тут же появились взволнованные Мария Андреевна и тетя Анна. Гла-

за их были в слезах. Не молились ли они повседневно именно об этой минуте? Томаса и Катю окружили незнакомые лица; это были репортеры Нью-Йоркских газет, тот же час на них нацелились объективы фотоаппаратов. Какая-то юркая барышня, тоже из газетных репортеров, старалась приблизиться к Кате, но успела лишь спросить, когда состоится ее свадьба с лейтенантом? Томас ловко укрыл от всех Катю и объяснил ей:

— Это в порядке вещей, дорогая. Американская пресса любит всякие сенсации. Ты одна из них; завтра в газетах появится твой портрет и будут написаны разные небылицы: ты — красавица, знаменитая артистка из Милано, русская княжна, выходишь замуж за американского миллионера...

Эти слова неожиданно перевела Кате по-французски таже старая американка, которая видимо желала быть полезной русской девушке и словно боялась потерять ее из виду, хотела ближе познакомиться; протянула растерявшейся Кате карточку со своим именем «Comtesse Sophie», сказала, что у нее в Нью-Йорке свой магазин мод и она надеется, что Катя приедет к ней.

Мария Андреевна и тетя Анна едва поспевали за Томасом и Катей, убегающими с парохода.

* * *

Томас свалился с небес!

Такое представление, как ни странно, было у тех, кто ждал встречи с ним, кто любил его, но у кого с каждым днем он становился лишь кумиром грез. Беззаботная жизнь в Европе, пожалуй, могла так продолжаться и дольше без него. Не даром тетя Анна сказала сестре:

— Катичке выпало неземное счастье в браке с Томасом. Она с ним не живет, а он ее любит и не жалеет никаких денег для нее...

И вдруг Томас, мало изменившись с памятных дней в Турции, такой же рослый, красивый в своей парадной форме морского лейтенанта, теперь приветствовал их на своей родной земле.

Америка, по своей традиции оказывать помощь изгнанникам, взяла на себя и в этот раз заботу о русских. К тому же созданная эмигрантами, выросшая и разбогатевшая на них, она выработала великолепную школу вос-

питания для обездоленных переселенцев, давая им свободу труда и возможность возрождения.

По первому же впечатлению Катя, со своим пытливым умом, назвала Нью-Йорк «Город-городов». Все в нем было грандиозным, совершенно новым для глаз европейца, даже люди казались другими, деловитыми, серьезными и быстроногими, не шатающимися праздно. Кто-то говорил Кате:

— На улице американец никогда не оглянеться на женщину, как бы хороша она не была. Для этого у него нет времени и у него есть все под рукой, легко достижимое.

С заходом солнца город начинает быстро пустеть, люди укрываются в своих благоустроенных домах, живут особняком. Кате это нравилось.

Незадолго до ее приезда Томас снял для них большую квартиру в лучшем районе города, на тридцатом этаже «Penthouse», окруженную балконом, на котором был разбит чудесный сад, сливавшийся чуть ли не с облаками. Тете Анне сразу стало дурно от высоты, а Мария Андреевна вообще побоялась подойти близко к перилам. А Катя с легким испугом и восторгом прижималась к мужу, как бывало прежде на их Константинопольских прогулках, только теперь, вместо развалин турецкого города, она видела ровные роскошные улицы и дороги, по которым мчались автомобили. Томас затруднялся сказать Кате, что у них не может быть своего собственного автомобиля, она не умела править машиной и вряд ли сумеет в будущем. А он, несмотря на довольно долгий отпуск, должен будет вернуться на пароход. Впрочем, на время он приобрел небольшой двухместный автомобиль, который с быстротой и легкостью мог нести их куда-угодно под искусным управлением Томаса. Они совершали долгие, интересные прогулки.

Мария Андреевна с сестрой увлекались домашним хозяйством, они не мыслили о посторонней помощи. С базаров и магазинов собственноручно приносили пакеты, словно наслаждаясь их переполнением и тяжестью.

Вскоре они узнали о находившимся в Нью-Йорке православном храме Христа Спасителя, по праздникам добирались до него трамваем. После Служб оставались еще на несколько часов в церковном доме, знакомились с прихожанами и могли бы рассказать Кате много инте-

ресного о житье-бытье русских беженцев в Америке, но Катя сама как-то сразу дала им понять, что ее совершенно не интересуют русские здесь, она должна приспосабляться к американцам и их жизни...

Но если бы Катя заглянула в свою душу, с какой болью вырвалось бы оттуда: «Поймите меня, наконец, я могу быть в этой стране изолированной от всего прошлого. Я стремилась к этому не потому, что забыла что либо, я не могу забыть, каждое цветущее деревцо на моем балконе напоминает мне родные сады... Но я теперь не одна, со мной Томас, который хочет видеть меня счастливой и только с ним мне спокойно и радостно»...

Это была правда. С Томасом Катя снова переживала сказку жизни. Во время долгих прогулок они заезжали в уютные ресторанчики, там публика танцевала американские танцы, которые так нравились Кате, она начала ловко танцевать их, увлекая Томаса. Теперь они все чаще стали объясняться по-английски, что приносило им обоим радость.

Катя возвращалась домой приятно усталая, возбужденная, бросалась на большую двухспальную постель, нежилась в ней, чувствуя подле себя близость Томаса, который теперь называл ее: «My beautiful dolphin».[1])

Катю ждал сюрприз, у Томаса была родня в Нью-Йорке: сестра Франсис, старше его на пять лет, замужем за крупным промышленником и их две дочери. По своим каким-то неизвестным Кате причинам, Томас до сих пор не сообщал сестре о своей женитьбе. Когда он вернулся в Нью-Йорк, он был настолько занят приездом Кати, что у него не было времени навестить сестру, тем более, что она жила за городом. Только на днях он написал ей большое подробное письмо, не скрывая своего счастья. Ждал ответа и долго не получал его. Это начинало его тревожить и вызывать подозрение о возможном неудовольствии сестры его браком на русской. Чтобы не смущать Кати, он ничего ей не говорил, но вдруг, по получении письма от Франсис, Томас весь просиял. Сестра ждала его и Катю у себя дома. Катя обрадовалась, но тут же забеспокоилась, подумав: «Понравлюсь ли я им?» Ей даже хотелось как-то избежать этой встречи, но она не могла обидеть Томаса, это была его семья.

---

[1]) Мой прекрасный дельфин.

Через несколько дней они были гостями в доме Франсис, хозяйки роскошного особняка на Long Island.

Она встретила их на входной лестнице с двумя дочерьми. Франсис быстро подошла к брату, с улыбкой поцеловала его, потом посмотрела на Катю и слегка прикоснулась губами к ее щеке. Миловидные девочки-подростки как-то странно увильнули от Кати и повисли на шеи у Томаса. Как она узнала позднее, он был их любимым дядей-моряком, всегда балующим девочек подарками, извлекающим «с морского дна» духи, браслетики, шляпки.

За завтраком Катя внимательно присмотрелась ко всем. Франсис, высокая худощавая блондинка, была похожа на брата, только в ее лице не хватало чарующей доброты Томаса. Ее муж отсутствовал, девочки, Ширлей и Пат, не считаясь со строгостью матери, вели себя шаловливо. Их мишенью был, конечно, «дядя-моряк». Они не отставали от него, а на Катю бросали изредка зоркие взгляды.

Томас вносил оживление рассказами о своих морских путешествиях, делал смешные рисунки, вызывая общий смех. После дессерта Франсис сказала дочерям, чтобы они показали Кате их сад, размерами не уступающий парку.

Катя поняла ее желание остаться наедине с братом, что было вполне естественно. Она с улыбкой по-английски поблагодарила Франсис за завтрак, а выйдя из-за стола, силою своей интуиции почувствовала, будто услышала слова Франсис, обращенные к Томасу:

— Она очень хорошенькая, но не для тебя, не наша...

Девочки повели Катю не в сад, а куда-то вверх по лестнице, несомненно, чтобы показать ей свои комнаты, что напомнило Кате, как такие же две сестренки Тамара и Лариса, не питая к ней никаких чувств, заманивали ее зачем-то в свой мир.

Катя вошла, как и предполагала, в собственные апартаменты девочек на верхнем этаже дома. Окна глядели в сад, комнаты были убраны изящной мебелью, на стенах развешано много картин и фотографий, в углу блестел рояль. Все выглядело как подобает для юных существ, нехватало лишь некоторого беспорядка и того тепла, без которого не могло быть уюта.

Молодые хозяйки в нарядных платьях разглядывали Катю с холодным любопытством. Катя сказала, что кос-

тюм свой она купила в Париже и попала в точку: пятнадцатилетняя Ширлей и десятилетняя Пат, как две маленькие и уже немало избалованные женщины, пришли в восторг. Пат сообщила, что они также собираются ехать в Париж. А Ширлей добавила, что все богатые американки едут туда за красивыми вещами. Они показали Кате свою гардеробную, переполненную платьями, костюмами и другими вещами. Маленькая Пат делала гримасы, приговаривала: «Все это уже старое, не модное»...

А Ширлей неожиданно спросила:

— Вы привезли из России много бриллиантов?

Катя сразу даже не поняла, не смеется ли над ней девочка и тут же к ней пришла мысль: «Да откуда им знать, что постигло нас, русских? И будет ли вообще это интересно, понятно им, живущим в своем изолированном, сказочном и беззаботном мире? Не находятся ли их души и сердечка в неведении и покое... Неудивительно, что и их чудесный рояль, наглухо закрытый, безмолствовал»...

Вошла горничная с чашечками холодного молока и бисквитами. Катя почувствовала себя маленькой девочкой и с удовольствием выпила молоко. Она воодушевилась, ей захотелось побыть подольше с этими молоденькими американочками, ее радовало то, что она понимала их и сама находила нужные слова. Английский язык давался ей заметно легко. Катя попросила сестер показать ей их замечательный сад. Она первая подошла к окну и тут на столике увидела большую фотографию Томаса в его нарядной морской форме. Катя радостно схватила портрет, Пат, которая очутилась возле нее, както ревниво метнув глазенками на Катю, спросила:

— А дядя Томас делает вам дорогие подарки?

— Да, да... — ответила, не задумываясь, Катя и тут же ее кольнула мысль: «Они никогда не простят мне, ведь я забрала у них любимого дядю-моряка»...

Визит к Франсис остался далеко позади, не оставив у Кати и следа, она лишь вкусила еще одну частицу счастливой американской жизни, которая для Томаса была привычной средой. После визита к сестре он чувствовал себя радостно, хотя и отвык от многого домашнего, реального-земного... Море воспитало его иначе, породило в нем иллюзии. Ему трудно было понять чувства Франсис к Кате. Франсис была его детство, Катя запол-

няла его жизнь. Однажды в чужих водах он залюбовался блестящим игривым дельфином, покорившим его сердце моряка...

Еще с ранних сумерков на всю ночь Нью-Йорк загорается электричеством. Родина электрической лампочки! И никто ее здесь не жалеет, не экономит. Она царит повсюду, освещает улицы, витрины, небоскребы огромных индустриальных, промышленных зданий, многочисленных контор. А открытую дорогу со всех сторон окружает море огней, на встречу несутся автомобили с ярко заженными фонарями, ослепляют подобно бриллиантовому блеску. И Кате невольно вспоминались слова Ширлей о бриллиантах... Но какие драгоценные камни могут соперничать с этим нескончаемым блеском богатейшего ожерелья городских огней в руках искустных американцев, создающих не только житейский комфорт, но и увлекающих всех всевозможными идеями, предприятиями их города — Метрополиса.

Так складывалась и жизнь Кати.

После нескольких месяцев легко-крылого счастья, Томас и Катя пришли наконец к оседлому образу жизни. Томас стал серьезно работать над своим каким-то новым изобретением для корабля, задуманным еще во время войны и которое он собирался осуществить теперь, на вышке сказочного небоскреба. Вначале он не знал, как объяснить Кате всю важность этой работы, которая должна будет отнимать у него не мало времени, боялся огорчить ее. А ее личные планы, желания? Но случилось совершенно неожиданное удачное разрешение: в гостиной большой стол, на котором красовалась одна китайская ваза, все больше заполнялся бумагами, чертежами, рисунками, Катя же любила лежать на диване вблизи Томаса.

Она никогда не имела возможности сама чему-либо научиться, но всегда стремилась ко всяким знаниям, лишь чуткостью своей души дойдя и то довольно поверхностно, до понимания музыки. К работе мужа она относилась со священным чувством, он это понял и был счастлив. В эти дни Катя как-то украдкой взяла листок чистой бумаги и нарисовала платье. Не тетя ли Анна предсказала ей будущность законодательницы мод? И у Кати зародилась блестящая мысль, она стала все чаще рисовать модели самых различных фасонов, руководствуясь только своим вкусом и богатой фантазией. Томас иногда

взглядывал на ее рисунки, Катя смущалась, боялась его критики, ведь он был художником! Но он ничего не говорил, только дал Кате несколько более мягких карандашей и явно был доволен ее времяпрепровождением, — она не скучала.

Но никто из домашних не подозревал, насколько это увлечение станет серьезным в ее жизни.

В один из таких дней, под предлогом пойти в ближайший магазин, Катя направилась на такси в салон платьев «Comtesse Sophie ». В роскошном магазине на «Madison Avenue», в окружении дорогих вещей, туалетов, памятная ей еще с парохода старушка с хорошо подкрашенными рыжими волосами, выглядела представительно. Она тотчас же узнала Катю и радостно приветствовала ее на своме плохом французском языке.

— Как чудно, что вы вспомнили меня, милочка, могу я вам показать мои последние модели?

Но Катя собиралась заговорить с ней о созданных ею самой моделях, с ней была большая пачка рисунков. Она произнесла с каким-то новым вдохновением по-английски:

— Графиня, я приехала к вам, чтобы узнать ваше мнение о моих работах, вот они.

Катя раскрыла свою тетрадь. Хозяйка слегка опешила, ее губы изменили приветливое выражение, она холодно взглянула на Катины рисунки, однако к некоторым стала прищуриваться, а на один тонкий женский силуэт с оригинально задрапированным куском блестящего черного бархата (эффект карандашей Томаса), она засмотрелась и сказала:

— Не плохо... совсем не плохо... Где вы учились, дорогая? — и она добавила:

— К сожалению я не покупаю таких рисунков, вам нужно обратиться в агентство.

— Я не рисую для продажи, — ответила Катя, — если у меня есть способности, я быть может начну писать картины.

Лицо хозяйки снова изменилось. Она посмотрела на Катю с широкой улыбкой, воскликнув по-английски:

— Сразу видно, что вы русская и очень талантливая девочка. Но продолжайте рисовать модели, у вас есть к этому чисто французское чутье. Это может пойти, а мечтать о художестве — потерянное время. Если вам удастся

удовлетворить вкусы американцев, попасть в модные журналы, это будет большим достижением и принесет хорошие деньги. Кто отказывается от них в Америке?

Она обняла Катю и уже по-свойски рассказала о себе: сама по происхождению русская, ребенком приехала в Америку с родителями, у которых вначале было свое швейное дело в Бруклине. Они долго бедствовали, а она никогда не теряла надежд в этой замечательной стране и добилась успеха. С ее делом считаются и в Европе. На прощание она поцеловала Катю, сказав уже на ломанном русском языке:

— Вы чудная девушка, я обожай все русское, музыку, песни «Очки чернии»...

Катя, сдерживая смех, вышла из магазина и вернулась домой довольная своим визитом, узнав кое-что полезное от деловитой хозяйки магазина.

С быстротой менялся облик ее роскошной квартиры. Если Томас занимал большой стал в гостиной, то Кате понадобилась вся спальня. Здесь повсюду были разбросаны листки бумаг, эскизы, а она сама, неряшливо одетая, непричесанная (словно рисуясь этим), подолгу лежала на ковре, окруженная красками, журналами мод. Тете и матери было запрещено наводить порядок. Только Томас вдруг заходил в спальню, устало бросался на ковер, на те же рисунки и с веселым смехом обнимал свою растрепанную Дельфину.

В эти дни к Кате стали часто приходить письма, приглашения на какие-то выставки, «Fashionshow» устраиваемые в первоклассных отелях, с танцами, ужинами. На одно из них, подписанное «Comtesse Sophie», она поехала с Томасом. Выставка состоялась в «Plaza Hotel». В нарядном помещении было многолюдно и оживленно, входный билет стоил двадцать пять долларов. Катя узнала, что все устроивалось с благотворительной целью для русских. Она вдруг сказала мужу:

— Я не хочу оставаться здесь.

— Почему? — поразился он.

Он, конечно, знал о Катиной отчужденности от всего русского, старался ее понять и никогда не затрагивал этого вопроса. Но сейчас, в атмосфере веселья и участия американцев в помощи беженцам, была какая-то неувязка, тем более, что в Нью-Йорке, как никогда еще, был

большой наплыв нуждающихся русских. А Катя, создавшая свою жизнь на тридцатом этаже, ближе к звездам, решила, что она может избежать всех и всего на земле...

Томас взял ее под руку и тихо сказал:

— Нужно примириться со многим, Катя...

— Не могу и не хочу, — с внезапной крутостью ответила она. Мимо их прошли нарядные барышни в русских сарафанах с кокошниками: это были американки из высшего общества, их имена красовались в программе. Одна из них с корзиночкой цветов подошла к Томасу, он выбрал гардению и приколол ее к Катиному платью, а барышне тут же выписал чек на 250 долларов.

Внезапно кто-то обнял Катю, это была «Comtesse». Разодетая старушка в радостном возбуждении, путая языки, начав с английского и закончив русским, произнесла:

— Душечка, я так рада, я знала, что вы приедете на наш русский праздник. Я хочу познакомить вас с нашими барышнями-модельщицами. — Не успела она отвернуться в сторону, как Катя, воспользовавшись этим, быстро смешалась с публикой. Она видела русские лица, слышала русскую речь и до нее донеслись звуки старого русского вальса. Где она слышала его в последний раз, в Киеве?

Увидев Томаса, она поспешила к нему, с глазами полными слез произнесла:

— Я хочу уехать...

Томас повиновался, он никогда не видел в Катином лице столько печали и боли.

В этот вечер, дома, до позднего часа впервые между Томасом и Катей происходил серьезный разговор. Он прямо спросил:

— Какая причина заставляет тебя сторониться твоих же русских?

— Жалость... безумная жалость... — с глубоким вздохом сказала она. Томас зажал ее руки в своих, серьезно заговорил:

— Революции всегда происходили в мире. Разбойническая рука сильнее... Рушались государства, но нации выживали, особенно такая мощная, как русская. И ты должна знать, что в Америке положение эмигранта не унижает достоинства человека, если у него есть врож-

денная дисциплина, он довольно легко воспринимает здешние законы, конституцию, становится равноправным гражданином свободной страны, участвует в выборе президента. В лучшие времена Америка, прославленная своими высокими идеями, человечностью, влекла миллионы людей. Не даром на статуе «Liberty», красующейся у входа в Атлантический Океан начерчен сонет американской поэтессы Эммы Лазарис: «Дайте мне ваши усталые, бедные, униженные массы, которые жаждут вздохнуть свободно»...

Томас замолк, долгим взглядом своих чудесных глаз посмотрел на Катю. Она беззвучно плакала, а он добавил:

— Только если у тебя, Катья, остались сентиментальные чувства к прошлому, к дорогим тебе воспоминаниям, то это лишь говорит о том, что душой ты все еще там и твое сердце не достаточно полюбило меня.

Катя вздрогнула, как-будто пойманная в чем-то глубоко скрытым, и тут же, почувствовав боль раскаяния, вскрикнула:

— Нет, нет, Томас дорогой, я люблю только тебя. У меня ничего не осталось от прошлого... Я твоя жена и я хочу стать достойной тебя американкой!

Успокоившись и повеселев, она обещала ему серьезнее взяться за изучение английского языка.

Она вскоре с прежним увлечением потянулась к рисованию, уже не скрывая от домашних ездила в магазин «графини», привозила той новые рисунки-модели. Под конец ее упорство и несомненный талант тронули старую лавочницу, та взялась помочь Кате, в результате чего одна известная портниха заинтересовалась ею, Катины скетчи попали в руки профессионалов. Катин успех пришел с появлением в Нью-Йоркском «Ladies Journal» ее оригинального рисунка, «танцующее платье», с подписью м-ль Дельфин. Никто из Нью-Йоркских законодателей мод не имел представления о самой художнице, несомненно французского происхождения с ярко выраженным вкусом парижанки, представительницей которой теперь была «Comtesse Sophie».

Катя меньше всего была подготовленная к какой-либо карьере, к признанию, несмотря на частые предсказания, что «быть ей артисткой!» Она со спокойствием отнеслась к своей удаче, как к чему-то само собой разумеющемуся.

Неужели все то прекрасное, которое она выносила в своей душе на протяжении многих и тяжелых лет, не должно было проявиться в форме того же искусства? Не даром ей казалось, что ее успешный рисунок «танцующее платье» был навеян звуками глубоко запомнившегося ей чудесного французского вальса... И как часто, рисуя, она слышала музыку!

Удивительные перемены в Катиной жизни, да и в ней самой значительно отозвались на всех ее окружающих. Мать и тетя с большой щедростью помогали русской школе при церкви, на что Катя давала свои собственные, заработанные ею деньги. Да и Томасу это принесло облегчение: он собирался вернуться в свое плавание. Его отсутствие могло продолжаться несколько месяцев, но его уже не тревожила мысль оставлять Катю во все еще чуждом ей окружении. После успеха ее работ он знал, что Катя не очутиться в растерянном одиночестве. Он не ошибался и их разлуки и встречи каждый раз были радостными и нежными. Катя иногда, смеясь, вспоминала слова сказанные ей в Париже Чоком: «Не могу себе представить, как Томас совместит свою жизнь с вами и морем»... Но не он ли также подумал о ней: «Да любит ли она Томаса?»...

Катя об этом не задумывалась, она была счастлива, ее жизнь обогащалась новыми переживаниями. В отсутствии мужа ее рисунки все чаще появлялись в журналах мод, кроме того, она начала посещать специальную школу рисования для коммерческих целей.

Приближалась весна 1936 года, Томас находился в дальном плавании; откуда только Катя не получала его весточек: Англия, Ирландия, Швеция, Голландия и вот наконец снова Атлантический Океан, берега Канады, Соединенные Штаты! Он должен был скоро вернуться домой. И вдруг Катя получила известие о гибели Томаса от взрыва в машинном отделении его судна «Rainbow». находящегося всего только в ста милях от Нью-Йорка.

Катя стойко приняла эту страшную весть, будто обладала тем героическим мужеством жен моряков, которые отправляют на рыбный промысел в свирепую морскую пучину своих мужей и часто напрасно ждут их возвращения...

Но Катя не поехала на пароход, где с большими поче-

стями был похоронен ее муж, старший лейтенант, инженер-изобретатель Томас Даунтон, погибший на служебном посту. Ему причислялись крупные награды, деньги, включая несколько десятков тысяч от страховой компании, все это было передано его молодой вдове.

Через месяц в Катиной рисовальной школе происходила весенняя выставка моделей в присутствии известных законодателей мод, артистов, звезд экрана, фоторепортеров, журналистов. Катю ждал сюрприз. На нее во все глаза смотрела барышня с подстриженной головкой, похожая на мальчика, в костюме мужского покроя. Блеснувший в глазу монокль сразу выдал ее: это была та самая гречаночка, Элен Паппас! Эта встреча для Кати была не только неожиданной, почти что невероятной, но она оказалась и роковой.

В своей несомненной радости подруги поспешили скрыться от посторонних глаз, нашли уединение в ближайшем ресторанчике почти пустом. Долго и молча они разглядывали друг друга, ведь прошло двенадцать лет со времени их знакомства на итальянском пароходе, после чего каждая унеслась навстречу своей судьбе. На Элен эти годы внешне почти не отразились. Она попрежнему выглядела молодо и изящно со своим курьезным моноклем и все еще находилась в мистических поисках «мифов земли», пожалуй притянувших ее теперь в Америку. Она также еще собиралась вернуться в Колумбийский Университет.

А Катрин? От внимательных глаз журналистки не могла скрыться ни одна скорбная морщинка, появившаяся на прекрасном лице Кати, свидетельствующая о чем-то глубоко нарушенном в прежней спокойной и пожалуй счастливой душе. Элен никогда не забывала удивительно содержательной русской красавицы, почему-то казавшейся ей отмеченной каким-то роком... Как часто она надеялась на встречу с ней!

Теперь Элен была потрясена горем Катрин, тем состоянием, в котором находилось все существо ее русского друга.

— Для меня больше жизни нет... — говорила Катя, закуривая папиросу, она теперь курила.

— А твой талант? Работа?... Я была поражена, когда узнала, что м-ль Дельфин, это ты.

Катины опечаленные глаза смотрели на умное, доброе лицо подруги, она продолжала с дрожью в голосе:

— Все это было хорошо, когда со мной был он, мой ангел Томас. С ним я знала радость и покой. Может быть это была ненастоящая жизнь, но я всегда хотела такую, я всегда бежала от действительности, а теперь я чувствую свое страшное пробуждение...

— Катрин, ты должна, не раздумывая, предпринять далекое путешествие. Поверь моему опыту, ничто так не излечивает душу, как очутиться в совершенно новом окружении никогда еще не виденных тобой стран, людей. Ты невольно увлечешься, они захватят тебя новизной, колоритом, наберешься новых идей и вновь вдохновленная вернешься в Америку, которую, я чувствую, ты полюбила, м-ль Дельфин!

Веселые нотки прорвались в голосе Элен, а на Катиных губах словно застыли слова: «это немыслимо»... И тут же необъяснимая сила заставила ее слушать восторженную подругу, которая уже рассказывала Кате о своем недавнем пребывании в Африке, в джунглях:

— Там конечно все еще царство голых дикарей и особенных идей не наберешься, а вот в Египте с его пирамидами, сфинксами, фараонами, живет тот же дух модницы Клеопатры. Высшее общество одевается умопомрачительно!

Элен сделала паузу, серьезно добавила:

— Ведь это в принципе самой природы, что страны не меняются, несмотря ни на какие потрясения, многое остается таким же.

— О, если бы это так, — прошептала Катя.

— Ты подумала о своей России... — тихо заметила Элен и сразу оживленно добавила:

— А ты бы поехала туда?... Как я слышала, теперь это стало возможным. Люди едут в Советскую Россию, особенно американцы.

Катя смолчала, низко опустив голову над чашкой кофе, а Элен, как бы спохватившись, произнесла:

— Прости, Катрин, я забылась...

Но в Кате произошла перемена и, поборов в себе какие-то чувства, она сказала с улыбкой:

— Меня больше влечет Египет. Ты наверное была там.

— Нет, честно признаться, не хватило средств.
— А теперь поедешь со мной, как мой гость.
— Конечно! — обрадовалась Элен.
— А как же твой университет?
— Подождет...

Их дальнейший разговор был уже похож на таинственный заговор. Они шептались, уславливались о встрече в городе на следующий же день. Элен должна была запастись расписанием ближайших пассажирских пароходов и она взялась за выполнение всех формальностей, а Катя брала на себя все расходы.

Через две недели, в начале июня, Катя и Элен отправились по освещенному Гудзону на небольшом итальянском пароходе «Данте», совершающему очередное дальнее плавание. И что было особенно примечательным, маршруты «Данте» были рассчитаны для экскурсантов и молодежи.

Каких только забав не было для них! Басейн, кино, музыка, танцы. Катя начинала чувствовать себя виноватой, предпринимая столь занимательную поездку.

— Это она... она всему виновата! — шутя говорила Катя матери и тете, пригласив в эти дни подругу к себе домой, где все оставалось в нетронутом виде, как и при жизни Томаса. Каждая вещь, напоминавшая о нем, хранилась здесь свято, как хранилось и уныние...

Мария Андреевна и тетя Анна были благодарны этой немного странной девушке-гречанке, сумевшей отвлечь Катю от одиночества и тоски.

* * *

Катя долго видела мать и тетю в Нью-Йоркском порту, чувствовала их слезы, улыбки и думы: «Катичка поступила благоразумно»...

На пароходе, после обеда, палуба первого класса заполнялась нарядной публикой, большинство было американцев, элегантно выглядели американки в модных спортивных костюмах, змейками вился нескончаемый папиросный дым этих современных амазонок. Катя ничуть не отличалась от них, у нее были также коротко подстриженные волосы, она носила большие дымчатые очки и много курила. Английский язык больше не затруднял ее,

но она мало с кем говорила, больше придерживаясь общества Элен. Сама того не зная, Катя была на особом счету, капитан парохода «Данте» знал, что на его судне находится молодая вдова недавно погибшего на служебном посту лейтенанта Томаса Даунтона. Вся команда знала о ней, в ее каюту часто приносили цветы, пароходный повар Луиджи присылал чудесные торты.

Днем Элен пропадала со своим фотоаппаратом, со всех сторон верхних и нижних палуб делала снимки. У Гибральтарского Пролива чуть не угодила за борт, стараясь запечатлеть на снимке какой-то понравившийся ей сюжет. Захлебываясь от удовольствия, она восклицала:

— Ты увидишь, Катрин, какой это получится эффект!

Лунные вечера приносили другие переживания, они были восхитительны. Подруги, уединившись на палубе от остальных пассажиров, до позднего часа наслаждались созерцанием небесных светил. Для Элен это были спутники почти всей ее кочующей жизни, но и Катя находилась в волшебной обстановке, памятной по прошлым плаваниям, а теперь приносящей ей утешение. Со спокойной радостью к ней приходили воспоминания о таких-же звездных небесах над Черным Морем. И к ней вдруг пришла мысль: «Зачем мне чужой мир?... Я не хотела этой поездки»... Не явилось ли это вдруг в ее душе мистическим предчувствием того, что должно было под конец завершить самым неожиданным и страшным событием рок ее жизни...

После недельного плавания пароход «Данте», плавно пересекая Средиземное Море и направляя свой путь к востоку, внезапно изменил свой курс, решив нанести недолгий визит русским берегам.

Это помощник капитана, как бы приятным сюрпризом, приподнес туристам во время обеда. Он тут же внес предложение всем, кто одобрял этот маршрут, высадиться на следующее утро в приморском городе Крыма, Ялте, на несколько часов. За это удовольствие коммунисты взимают по пятнадцати долларов с каждого.

Экскурсанты встретили это сообщение бурными аплодисментами.

Элен, которая вместе с Катей была здесь в обеденном зале, взглянула на нее испуганно и пораженно.

Катя будто ослышалась или в смятении не поняла, что произошло, а Элен, уже не сдерживая слез, говорила:

— Это судьба, Катрин... Твоя Ялта, только на несколько часов. Ты понимаешь, несколько мгновений ты проведешь на родине... О, Катрин...

— Я не сойду с парохода... — прийдя в себя, прошептала Катя, порывисто встала из-за стола и поторопилась в каюту. Там она бросилась на койку, как бы сраженная беспощадным ударом.

Элен появлялась в каюте и снова исчезала. Она была уже в курсе всего происходящего и даже сумела добиться свидания с капитаном. Тот был не только удивлен, но и смущен, узнав, что вдова лейтенанта Даунтона по происхождению русская и уроженка Ялты. Он немедленно вызвал к себе своего помощника и Элен сочла нужным предупредить их, что миссис Даунтон, по своим политическим убеждениям, не желает сойти на берег, чем еще больше смутила моряков. Капитан спросил:

— Кто еще на пароходе кроме вас, мадемуазель, знает, что миссис Даунтон русская?

— Никто, — ответила Элен.

Она вышла от капитана глубоко взволнованная. Сама совершенно непричастная к Советской России, подданная Греции, она однако поняла какую-то нависшую опасность над Катей, как бывшей русской, покинувшей Россию во время революции. Она вернулась в каюту с тяжелым сердцем и там увидела того же помощника капитана. Катя, сильно побледневшая, сидела напротив него и нервно курила. Он говорил по-французски, как бы извиняясь:

— Мы совершенно независимы и нейтральны, миссис Даунтон. Во время пути мы получили приглашение от большевиков. Это их жест внимания к зарубежным экскурсантам, которым они желают продемонстрировать свой советский рай. — Моряк коротко улыбнулся и продолжал:

— Мы согласились на самом деле показать нашим туристам прелестнейший городок на крымском побережье. Но нам известны неуравновешенные порядки и законы, царящие в Советской России. Тот факт, что на нашем судне числятся и русские пассажиры, может повлечь всякие неблагоприятные последствия. Русских могут

задержать, не считаясь с их иностранными подданствами.

— Но я... — дрогнул Катин голос, — я не оставлю парохода за все время его пребывания на крымском побережье.

— Коммунисты делают обыски, они никому и ничему не доверяют, включая самих себя... — сказал офицер, снова улыбнулся и тут же серьезно добавил:

— Наша обязанность, конечно, охранять безопасность своих пассажиров и мы должны предпринять самые крайние предосторожности, теперь уже по отношению вас, миссис Даунтон. Останетесь ли вы на борту, или, что было бы лучше, примкнете к группе американских туристов и сойдете с ними на берег, помните самое важное, не произносите ни одного слова по-русски. — Он встал, посмотрел на Катю и неожиданно сказал:

— Мы находимся уже в водах Черного Моря...

Катя заметно вздрогнула. Офицер надел свою морскую фуражку и, поклонившись ей, быстро вышел.

Глава XVII

Багряный закат

К двум часам ночи пароход «Данте» был погружен в глубокий сон. Давно потухли яркие звезды, исчезла луна, в пространстве тьмы мерещились странные пугающие очертания берегов, к которым тянулись глаза только одной путешественницы, для которой вся эта ночь превратилась в бессонную пытку. Катя! Не сняв своего дорожного костюма, она лежала на своей пароходной постели, ее усталая от дум и волнений голова жаждала отдыха хотя бы на час, но утомленные глаза все тянулись к иллюминатору, трепетно ожидая, когда наконец на рассветающем горизонте покажутся берега Крыма. Сердце ее, как раскрывшаяся рана от разбуженных в нем чувств, не могло уже остановить самого глубокого признания: с тех пор, как она оторвалась от своего родного берега она не знала настоящего счастья, не знала жизни и любви. Все достигнутое ею после, на чужбине, было лишь обманчивой иллюзией ее опустошенного существа.

В пространстве тьмы, лишь с доносившимся плеском волн, к ней выплывали, словно из неведомого мрака прошлого, забытые ею дорогие близкие... их лица. Особенно глаза одного нежно смотрели на нее с печалью вопроса: «Неужели ты забыла, Катя?»

Под утро, в дурмане, с именем «Саша» на губах, Катя забылась, так и не увидев долгожданного рассвета в розовом тумане потянувшихся горбов ялтинских гор.

Она пришла в себя от резкого возгласа.

Перед ней стояла Элен.

— Катрин! Тебя не добудиться! Мы в Ялте, стоим в двух милях от пристани. — Невероятный шум доносился отовсюду. Суета, быстрый топот ног, крики, а из оконца, со снопом света и тепла, врывался резкий визг чаек. Элен выглядела оживленной, даже веселой, она кричала изо всех сил:

— Скорей идем на палубу! Что там только твориться! Да, какая у меня новость для тебя, здесь оказался еще один русский пассажир. — Катя широко раскрытыми глазами смотрела на нее. Недолгий сон укрепил ее, она выглядела спокойной.

— Ты говоришь правду? — встрепенулась она.

— Совершеннейшую. Ты, быть может, заметила его, он высокого роста, с мохнатой головой, похожий на породистую собаку. Я говорила ему о тебе.

— Элен, ты неосторожна! — вскрикнула Катя.

Но та живо продолжала:

— Не беспокойся, я все проверила. Он одет по европейски, как француз, известный на западе писатель, но чистокровный русский, оставивший Россию как и ты, еще в двадцатых годах. Он знает об опасности говорить здесь по-русски и не собирается сходить с парохода, боится, что сразу начнет ругать «товарищей» на народном наречии.

Элен расхохоталась, Катя тоже не удержалась от улыбки.

Через несколько минут они обе оставили каюту. На палубах царила толчея. Публика первого класса и остальные пассажиры объединились одним общим интересом увидеть для многих таинственную «красную Россию». Наставлялись бинокли, фотоаппараты, подзорные трубы. Элен, со своей живостью и наблюдательностью журналистки, то и дело обращала Катино внимание на что-нибудь забавное, указывала со смехом на группу светских барышень из Нью-Йорка в сопровождении «chaperon» со шляпой в перьях, похожую на курицу, следящую за своими цыплятками, за всеми, как одна, белобрысыми американочками.

— А вот посмотри, Катрин, на этих двух старушек, наставляющих свои бинокли на берег, они надеются увидеть коммунистов, кто-то сказал им, что идейные русские купаются без костюмов, а чтобы сойти на берег и проверить, так жалеют пятнадцати долларов...

Увы, эти шутки не доходили к Кате, все тревожнее и пугливее становились мысли о предостережении «не произнести ни слова по-русски», на родном языке, который вдруг, как страшный запрет, возвращался к ней. Но никакая уже угроза не смущала ее, она решила сойти с парохода, коснуться родной земли, увидеть и ощутить все своим сердцем.

— Где этот русский писатель? — спросила она Элен.

— Я сама его ищу, Катрин. Подозреваю, что он уже сознательно исчез.

И не удивительно!

С берега, рассеивая туман, выступали катеры с людьми. С палуб взрывами голосов послышалось:

— А, товарич!

Представители власти прибыли. Несколько человек быстро поднялось по трапу, их встретил капитан и остальная команда итальянцев. Катя вдруг окаменевшая, смотрела на лица новых хозяев ее родины, чей страшный облик она годы носила в себе. И тут светлая надежда вспыхнула в ее мозгу: увидеть, узнать среди них одного... Но ей сразу же бросился в глаза совершенно чуждый склад этих русских, низкорослых, коренастых, лишенных всякой памятной стройности. Самый первый, видимо главный из них, был в белом костюме и картузе, похожий на революционного вождя Сталина, пожалуй и хотел быть похожим на него, с такими же густыми усами, хмурил брови. Остальные были моложе, с бритыми головами, одеты в косоворотки с вышивками крестиком, напоминали прежних фабричных парней. Их загорелые скуластые лица были скорее жесткие, но оживленные улыбками.

Между официальными лицами завязался приветливый разговор через переводчика, которым оказался один из молодых большевиков грузинского типа. Он, видимо, владел несколькими языками, как-то быстро охватывал все и всех своими блестящими черными глазами и оголенными ушами.

Туристы бесцеремонно толпились вокруг русских. «Товарищи» их очень интересовали и, пожалуй, нравились.

Элен засмеялась и шепнула Кате:

— Я почему-то представляла себе русских с золоти-

стыми кудрями. Но, вероятно, по ново-санитарной системе, они вместо мытья волос сбривают их наголо.

Голос переводчика прорезал воздух: он обращался по-английски к туристам. От имени местного исполкома и жителей Ялты благодарил за визит, приглашая всех провести день в городе, обещая показать все местные достопримечательности приморской красавицы: роскошные пляжи, сады, дворцы, музеи.

В гостинице «Ленинград» будет сервирован парадный обед с концертной программой.

Он разрешал брать с собой фотоаппараты, но тут же предупреждал, что снимать можно все, кроме указанных в инструкции объектов.

Элен снова шепнула Кате со смехом:

— Ничего нельзя снимать, судя по их инструкции. Надеюсь, ты мне будешь позировать, должна же я хоть что-нибудь привезти в Нью-Йорк.

Голос переводчика стал громче, он представил публике стоявшего около него до сих пор молчавшего большевика в белом, а-ля Сталин, товарища Быкова, который сразу попросил всех пожаловать в зал для проверки документов.

Долгая процедура утомила непривыкших к этому американцев, они отходили от стола с вытянувшимися лицами, как бы после допроса перед трибуналом.

Тяжелые чувства пережила Катя, стоя у стола со своим паспортом вдовы-американки, миссис Катрин Даунтон. Ей все казалось, что большевики смотрят на нее с недоверием, испытывающе, вторгаясь во все ее нутро, угадывая ее волнение и тайну. И она в эти минуты на самом деле чувствовала себя только русской, просто Екатериной Серебряковой. Однако это невольно радостное ощущение, в судорожном страхе запрета, билось и замирало в ее душе перед трудно теперь понимаемой жестокой действительностью.

Желающих провести день в гостях у русских набралось до 300 человек, их всех без комфорта разместили в моторных лодках. Катя и Элен были теперь со всеми.

Ярко засветило солнце в небе, открывая взору наконец картину берега с вершинами сине-бархатных гор. Все приметнее становилась пышная зелень, сквозь которую виднелись вышки ялтинских дач, белых вилл и дворцов.

Катю охватило волнующее чувство от почти нереального воскресения в ее сердце родных цветущих садов, точно давно увядших и похороненных. Но хрупкая ее мысль неслась вперед: «Вот-вот она войдет в свой, когда-то любимый мир, унесется в его волшебное окружение». Странно, как все остальное стало для нее вдруг невидимым, неощутимым, даже Элен была забыта.

Ослепительной белизной встречал ее памятный мол. Попрежнему набегала на него волна, рассыпалась звонким смехом брызг, перелетали и спускались на камни розовато-крылые чайки. Все это виденное, дорогое, свеже пробудило Катины воспоминания, возвращая ее к полной действительности. Но для нее был совершенно чужд и непонятен вид повсюду развешанных на веревочках флажков, будто приглашавших новоприбывших в балаган или ярмарочное гуляние. Американцы, к которым вернулось их благодушное настроение, от всего теперь были в восторге, шутя и весело подчиняясь советским гидам. На молу их встретила новая группа русских в белых парусиновых костюмах, это были служащие «Интуриста», девушки просто одетые с коротко остриженными волосами — комсомолки.

Они повели иностранцев попарно к недалеко стоящим автобусам, выглядевшим в сиянии прозрачного воздуха жалко обшарпанными, поблекшего зеленого цвета, каждый на двадцать пассажиров. Одна из девушек, говорящая бойко по-английски, приглашала публику занять места.

У Кати была попытка сразу же уйти одной с мола, но перед ней появился один из русских в белом и любезно попросил ее держаться общей группы.

С невольным страхом перед этими людьми, с внезапной обессиливающей скованностью, Катя начинала понимать, что так будет и дальше...

Ей не удастся уйти, укрыться от сопровождающих глаз большевиков, их чрезмерной любезности.

«Как арестованная», с ужасом подумала она, садясь в автобус, за ней спешила Элен.

— Катрин, можешь себе представить, — говорила она оживленно, — я добилась специального разрешения от комиссара делать снимки с кипарисов! — Она несдержанно расхохоталась, толчек старого автобуса сразу поса-

дил ее на место. Но веселость подруги была сейчас кстати, Катя улыбнулась, скрывая набегающие на глаза слезы невыносимой внутренней горечи и обиды. Их везли в город с небрежной быстротой, она только мельком ухватывала знакомые дороги, часть набережной, замечая во всем перемену. Где прежняя веселая Ялта? Где ее жители, нарядность?

Несмотря на разгар лета, многие дома стояли в тиши, некоторые украшенные плакатами, вывесками. На дорогах мало людей, словно похожих друг на друга уже подмеченной ею специфической особенностью одежд и лиц, скорее тусклых, сосредоточенных. Со странным безразличием они смотрели на автобусы с туристами. Только детвора оживляла картину, вносила тепло жизни, босоногая, с полотенцами, она неслась купаться.

На набережной автобусы должны были, ковыляя, с трудом объезжать какие-то глубокие рытвины. «Как зияющие раны»... мысленно ужаснулась Катя.

Сопровождающая комсомолка вдруг заметила, как-бы отвечая Кате, даже посмотрев в ее сторону:

— После недавнего землетрясения в Ялте дороги еще не починены.

Катя даже содрогнулась. Но вот крик радости готов был сорваться с ее губ. «Остановитесь! Дайте взглянуть!»

Она увидела свою гористую улицу, там недалеко находился их дом. Но беспощадно старый автобус, будто на зло, вырывал виденный ею клочек столь дорогих мест, уносил дальше.

Сквозь зелень выступал купол церкви, потускневший и заржавевший, а когда-то солнце ударяло в него золотом.

— Это русская церковь, Элен, — тихо по-английски вырвалось у Кати.

— Воображаю, какая пышная публика перебывала здесь, одни князья, — с улыбкой заметила журналистка, заглядывая в окно.

— Да, Ялта была курортом высшей русской знати, — сказала Катя.

— А теперь это место для всех, — снова врезался голос комсомолки, — для народа!

Ее глаза пытливо остановились на Кате, она добавила:

— Вы, как видно, хорошо осведомлены об этих местах. Вы бывали здесь раньше?

Что-то заслоняющее рассудок метнулось из нутра Кати, захотелось ответить резко с открывшейся и воспламенившейся ненавистью ко всем этим людям, державшимся властителями этой земли, распоряжавшими волей и чувствами рожденных здесь детей...

Вот оно, всегда непримиримое к ним чувство.

Чудо удержало Катю от слов, напомнив только о их бесполезности и опасности.

— У нас в Америке обо всем пишут, — ответила Катя сдержанно.

От неприятного момента выручила внезапная остановка автобуса, всеобщий взрыв веселых голосов. Публику привезли в белый дворец Эмира Бухарского, всегда овеянный сказкой востока, теперь принявший холодный облик музея на показ иностранцам.

Со стесненной грудью Катя последовала за толпой, она должна была слиться с их общими интересами и восхищениями, но на нее стали находить минуты отчужденности от всех и от всего, вызывая в сердце мучительное уныние.

Последовали одна за другой остановки. Прибыли в царский Ливадийский Дворец, превращенный в «Дом Отдыха». На Катю повеяло тем же холодом и пустотой от расчищенных дорожек бывшего чудесного сада, от царских комнат без мебели кроме скамей, на которых сидели мужчины и женщины в белых халатах, не то больные, не то заслужившие отдых советские работники, с тускло улыбающимися лицами. Похоже было, что им запрещался всякий контакт с туристами.

А глаза Кати невольно заглядывали в лица каждого русского и во все глубже омраченном состояние ее души, в сознании убегающих часов, ее сердце вздрагивало от неугасающей надежды узнать одного... Но чем сильнее захватывала ее эта надежда, тем более невозможной она ей казалась: но почему же? Он должен быть здесь, ведь это его мир, его дом. Он остался ему верен и прошло всего шестнадцать лет...

Тут же с толчком испуга у нее возникал вопрос: «А что если она встретит его, узнает, разве вольны они будут хотя бы взглянуть друг другу в глаза, сказать слово?»...

День разгорался, пешеходы густо заполняли набережную, опять бежала на пляж босоногая детвора.

Автобусы уже везли гостей в Массандру, к знаменитым винным погребам. Для американцев наступили лучшие минуты дня: русские угощали их щедро душистой влагой старого опорто, малаги, мускателей и бутербродами с черной икрой.

Кате удалось выйти на воздух, постоять одной у входа, свежесть массандровского парка словно чистым поцелуем касалась пьяных уст погреба. Вдруг Катю охватило такой живительной и сладкой волной воспоминаний, что она судорожно закурила папиросу.

Мимо нее прошли два молодых парня. Один, подтолкнув товарища, сказал:

— Вань, видел, американка — то прет в рот папиросу без мундштука, почище нашего матроса. Вот стервь!

Другой хихикнул и они пошли дальше.

Их замечание не задело Кати, разве оно было обращено к ней? Кате Серебряковой, всем своим существом унесшейся в даль прошлого... Но какое-то чувство, внезапное и безотчетное, заставило ее выбросить папиросу.

Казалось, с полным размахом своего гостеприимства большевики устроили для иностранцев обед. Сад гостиницы «Ленинград» утопал в зелени, здесь была роскошь; на длинных расставленных столах, убеленных скатертями, стояли вазы с фруктами, один вид которых увлажнял накаленный летний жар Ялты.

С небольшой эстрады оркестр приветствовал гостей звуками марша. Музыка! Каким оживлением она обдает человека, всю его душу, с которой у нее неразрывная связь. Как часто она скрашивает жизнь.

Коснулась она и Катиной души, теплее для нее стали эти часы, живее она присоединилась к остальным. Странно, она нигде не видела Элен, но не хотела ли ее чуткая, умная подруга, быть может находясь близко, не мешать Катиным личным переживаниям и чувствам?

Грандиозный обед начался; каждое блюдо выглядело цветником: рыба, куры, жаркое разукрашенное в зелени. На эстраде исполнялись концертные номера, выступали певцы, зазвучала широкая русская песня, отчеканивались народные частушки под аккомпанемент гармошки, запестрели костюмы деревенских парней и девчат.

Невольно с радостным сердцем, Катя ощутила близость своих русских людей, их песни, хотя до нее доносились новые и чуждые слова:

«Жить зажиточно в колхозе,
Это дело наших рук,
Так сказал товарищ Сталин,
Наш любимый вождь и друг».

Завертелось все в русском переплясе, до слез трогая Катю. Весело, задорно доносился опять голос парня-певца:

«Мы с зазнобушкой сидели,
Обнимались горячо,
Она мне сломала руку,
Я ей вывихнул плечо».

Взвизгивает голос девушки, трясутся молодые загорелые плечи:

«Мы с миленьким на мосту
Вместе штаны мыли,
Он меня поцеловал,
А штаны уплыли»...

Раздается громкий смех большевиков, как-то забытых Катей. Их присутствие вызывает в ней уже иные чувства, будто не сторожами они сидят. Смягчается первое впечатление, их улыбки кажутся более открытыми, непринужденными. В этом красочном, всеуносящем хмелю родного веселья сошла с них пугающая жестокость людей, быть может зачерствелых мыслью, но не душой...

Катя видит на их лицах скорее утомление от внутренней работы, тайной, тревожной и недоступной никому. Эти люди кажутся ей какого-то совсем нового склада, крепко сплоченными между собой и носящими страшное имя «красных».

На дессерт гостям начали подавать высокие башни пломбира.

— «Плембир, плем-бир», — произносит соседка Кати, пожилая американка и добавляет с нелепым изумлением:

— Да неужели это пиво из слив?

Кто-то более догадливый закричал через весь стол:

— Это «баба о ром».

— Айс-крим! — донесся веселый голос американца, вкусившего мороженого.

После гостиницы «Ленинград» приятно усталую и отяжелевшую публику товарищи провели пешком по набережной к городскому саду. Там публике объявили, что им дается один час для любого свободного времяпревождения.

Белые фигуры советских гидов удалились.

Вот и долгожданный момент свободы!

Но Катя отнеслась уже к нему со странным спокойствием. После пережитого душевного подъема и волнения, унесших ее в забытье, она пришла в себя, вернулась сознанием к действительности, как после ослепления. У нее не было желания уединиться, отрезвляла мысль: куда она может пойти на такой ограниченный срок времени? Да и выпустят ли дальше этой ограды большевики, ставшие вновь чуждыми и устрашающими? Не верилось, что они совсем ушли и не следят за каждым кустом...

Но Катю потянуло хотя бы одним взглядом коснуться дорогого сада, все показалось ей неизменившимся, лишь осеянным печалью чего-то навсегда ушедшего.

Она увидела памятное любимое ею дерево магнолии, цветы только начинали расцветать, скоро будут похожи на больших белых птиц, спящих в изумруде проскальзывающих сквозь листву солнечных лучей. Здесь у этого дерева она встречалась с Сашей, их слова заглушались рокотом моря, звуками музыки, они забывались опьяненные сладким дурманом магнолии. Катю сейчас безудержно потянуло коснуться губами цветка, в прощальном поцелуе для Саши, если он жив и в Ялте. Она подошла к дереву и тут у нее явилось желание взять с собой горсточку земли.

Оставаясь одна, она быстро нагнулась и, захватив руками землю, сжала ее и вздрогнула. Перед ней мелькнула белая одежда, кто-то прошел мимо. Катя с испугом высыпала землю, но ее вдруг обуяла злоба, хотелось крикнуть: «Да, беру с собой землю свою! Не запретите!»

Резко обернувшись, она увидела стоящую фигуру, судя по одежде, одного из работников «Интуриста». Она не видела его раньше: сутулый, с небольшой бородкой. Он спокойно смотрел на нее, а Катя вся дрожала от мыс-

ли, что он угадал ее порыв, теперь она будет у них под подозрением. Могла ли она подумать, поверить, что это был ее Саша? Человек, ставший похожим на тот же устрашающий призрак законной власти большевиков. Но что заставило его застыть на месте? Пройдя так близко мимо нее, он не мог, конечно, не заметить ее вкрадчивого движения? Не коснулась ли его догадка, что это могла сделать только русская, из бывших, пожелавшая взять горсть русской земли на память?

И Саша не узнал ее, Катю, столь изменившуюся перевоплощением иного мира, иных людей, любимую девушку, которая все эти годы жила в его сердце.

Катя стояла, как прикованная, не спуская глаз с большевика, вздрогнула, когда тот стал подходить ближе, остановился у дерева, не глядя на нее, поднял брошенный ею комочек земли и протянул ей. Их глаза встретились. Катя вскрикнула, она узнала его, а Саша, чуть пошатнувшись, отступил назад и едва произнес:

— Катя...

Можно ли было это назвать радостной встречей? Но на какое-то мгновение, поглащая все, в их глазах отразилось счастье.

— Откуда, как? — растерянно произнес он.

— Из Америки, Саша. Я была замужем за американцем, овдовела и вот, видишь, предприняла эту поездку с иностранными туристами, не думая попасть в Россию, это совершенно случайно. Но я рада вас видеть. Меня предупредили, чтобы не говорить по-русски. Через час мы отплываем обратно в Америку.

Все это Катя сказала сбивчиво, торопливо, вся потрясенная смотря на Сашу сильно осунувшегося, с проседью в теперь уже редких волосах и отрастившего себе небольшую бородку, в которой виднелся зияющий пробел от бывшего шрама на губе. Именно на этом рубце застыл ее взгляд, напомнив что-то и охватив радостным сознанием, что это действительно он, ее Саша. Все вокруг уже казалось ей отдаленным, ненужным и чудесно притихшим для этой долгожданной встречи. Она произнесла в забытьи по-русски и громко:

— А ваша жизнь, Саша?

Он промолчал, стоя неподвижно, казалось, не в состоянии поверить, что это она, его Катя, что наконец осу-

ществилась его мечта еще раз увидеть ее здесь, на родной земле. И, поддавшись этому чудесному чувству, он протянул к ней руки, заговорил в мучительном откровении:

— У меня нет жизни, Катя. Я здесь пленник советской тирании. Власть большевиков превратилась во власть сатаны. Здесь у нас отнято все, воля, личность, разум...

— Как, почему? Я ничего не понимаю, Саша, вы были так преданы революции. И я ничего не забыла! — чуть вскрикнула она, с трудом сдерживая слезы. Он прервал ее:

— Если ты помнишь! Да, ты должна помнить, каким я был вольным и бесстрашным, но произошло что-то чудовищное, мы были обмануты диким произволом Сталина, превратившего революцию в тоталитарный режим. Ах, где тебе это понять, Катя родная... — почти простонал он и тут же добавил через силу:

— Я был под арестом, меня собирались расстрелять... Но как видишь, я еще жив и даже дослужился до гида.

Он как-то горестно, тяжело рассмеялся. Катя слушала ошеломленная.

Та жизнь, которую она старалась забыть и к которой неопреодолимая сила влекла ее, сила сильнее всякого сознания, теперь открылась перед ней во всей своей чудовищной правде.

— Почему же ты не бежал отсюда, Саша?

— Куда, как? — прошептал он. — Да здесь за каждым шагом неустанная слежка, а там и расстрел...

— Беги со мной, на нашем пароходе, я помогу...

Катя словно потеряла голову.

Издалека послышались голоса, похоже было, что ее искали. Она узнала голос Элен:

— Катрин, где ты?...

Вдали замелькали белые одежды, послышались гудки автобусов, час окончился.

Саша приблизился к Кате вплотную, зашептал в исступлении:

— Ты можешь помочь мне. Катя родная, помнишь, я писал дневник-книгу, то были первые лучезарные откровения молодого горевшего революционера, вдохновленного воззваниями Маркса, Ленина. Тогда мои листки были полны радужных надежд и ожиданий, а теперь они

просочились кровью моей души, измученной страданиями наших русских людей, тех же тружеников, рабочих, крестьян, наших родных кримских татар, да и твоих друзей юности. Знаешь ли ты, что эти воины офицеры, после обещанной амнистии, без суда были сброшены вот с этих скал в море...

Он остановился, сильно волнуясь и оглядываясь по сторонам продолжал:

— Мои рукописи закопаны здесь в саду. Спаси их, Катя, отвези с собой, они должны быть опубликованы, но мое имя, помни, должно оставаться в тайне. Можно дать любое, не в этом суть, лишь бы книга дошла до свободного мира, где люди еще не потеряли совести, ума и Бога. Да, в Америку, ведь сказал там их великий Линкольн: «У нас не должно быть злобы к кому-нибудь, но милосердие ко всем»... И ведь меньше всего доступно понять здоровому американскому мозгу звериную психологию большевиков. По представлению этих людей, здесь происходят великие сдвиги освобождения русского народа от рабства. А потому молчать нельзя! Кровожадный зверь не спит и хищно надвигается на все человечество...

— Саша... я все сделаю... все... — зашептала Катя.

Он мгновенно исчез и скоро вернулся, нельзя было терять ни минуты. Катя должна была спешить к остальным. Пакет, который Саша принес, она судорожно спрятала за жакет.

— Теперь иди прямо, не оборачивайся, — услышала она Сашин голос; чувствуя, что он следовал за ней, сама от волнения с трудом передвигала ноги.

Впереди она увидела группу других гидов и оживленную гурьбу туристов, стремившихся к автобусам. Катя сама, торопясь, села в один из них, точно прячась. Пакет давил ее, она прижимала к нему дрожащие руки и молилась. К счастью здесь оказалась Элен, которая набросилась на Катю:

— Катрин, как тебе не стыдно! Я Бог знает, что предполагала.

Она протеснилась и села рядом с Катей, та обняла ее, спрятав на груди подруги свое лицо и неслышно разрыдалась.

На молу они поспешили к моторным лодкам. Элен не выпускала Катиной руки, чувствуя ее непонятное сос-

тояние, смотрела на нее с тревогой и с одной мыслью: «Скорей бы... скорей»...

Она помогла Кате занять место уже в переполненной лодке, и только они были готовы отчалить от пристани, как какой-то большевик в форме Интуриста быстро приблизился к ним. Он кого-то искал, Катю? И когда увидел ее, все его лицо перекосилось мукой отчаяния. На бледных дрожащих губах застыли слова, раной открывшегося раскаяния, сожаления к ней, Кате, лишенной своей земли, дома, любви...

У него вырвался крик:

— Прости! — заглушенный шумом мотора.

Лодка быстро понеслась от берега. Удалялся мол, причудливые фонарики, копья кипарисов, горы, все заволакивалось нежной тканью сиреневых сумерек.

А на пароходе «Данте», готовившемуся к отплытию, царила непонятная суета, паника. Катю, спешившую скрыться в своей каюте, неожиданно оттеснили находящиеся на палубе советские охранники. Пронесся слух, что ловят советского матроса-беглеца.

Катю охватил мистический ужас.

Она сама не знала, как очутилась на носу парохода; здесь было пусто, а позади шум усилился, беглеца искали в трюме. Послышались крики, выстрелы.

Катя вздрогнула, перед ней на воде показалась темная полоса.

— Кровь! Это кровь! Его убили... — выкрикнула она, невольно вспомнив Сашины слова о смертельной опасности убегающих.

— Это начало заката, Катрин, успокойся, — послышался около нее голос Элен.

Катя пришла в себя, но как-бы находясь еще в каком-то трансе, произнесла тихо:

— Элен, узнай, все ли благополучно на пароходе и постарайся найти этого русского писателя.

— Я его уже видела, — растерянно проговорила гречанка, сама в волнении от сжигающего ее любопытства и отбежала от Кати.

«Данте» выходил в открытое море.

Катя застыла у борта. Мысль о писателе просияла в ней и внесла внезапное облегчение. «Да, это тот человек,

которому она может доверить Сашины рукописи. Он сам, ищущий правды, схватится за них и возвестит весь мир»...

Катя возвращалась к жизни, казалось с мучительной радостью оставившей ее с комочком родной земли у родного дерева, с Сашей, ставшим для нее ближе, чем когда-нибудь...

Почему она не осталась с ним? Почему не закричала на весь сад по-русски: «Я остаюсь здесь навсегда с ним!»

И почему все русские не разделили судьбу своих обреченных близких на родине, а понесли раздробленные души по чужим морям, берегам, чтобы разбрестись во все стороны...

Когда и где русский изгнанник нашел свое настоящее счастье на чужбине?

Солнце медленно уходило за горизонт, бросая на воду последние прощальные лучи: розовые, оранжевые, бронзовые и красные, как кровь.

Черное Море залил багряный закат...

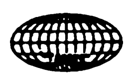
А над Ялтой темнело небо, там, где притаилось таинственное «Ласточкино Гнездо» и незримо журчал водопад «Учан-су», его две тоненькие струйки, как слезы долгие и нескончаемые...

КОНЕЦ

Содержание:

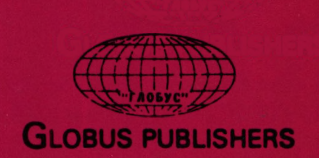
Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар.

Технический редактор — А. В. Гибанов.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»

GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

GLOBUS PUBLISHERS